

▪ Лоуренс Бергрин ▪

МАРКО ПОЛО

От Венеции до Ксанаду

*«Он так и не излечился
от одержимости Азией».*

Лоуренс
Бергрин

☞ Лоуренс Бергрин ☞

МАРКО ПОЛО

От Венеции до Ксанаду

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 910
ББК 26.8г
Б48

Laurence Bergreen
MARCO POLO: FROM VENICE TO XANADU

Перевод с английского Г. Соловьевой

Компьютерный дизайн А. Барковской

Печатается с разрешения издательства
Alfred A. Knopf, a division of Random House, Inc.

Подписано в печать 26.01.11. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 3000 экз. Заказ № 532

*Книга подготовлена издательством «Мидгард»
(Санкт-Петербург)*

Бергрин, Л.

Б48 Марко Поло. От Венеции до Ксанаду / Лоуренс Бергрин; пер.
с англ. Г. Соловьевой. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 476, [4] с.

ISBN 978-5-17-072204-4 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-34457-2 (ООО «Изд-во Астрель»)

Современным путешественникам и не снились опасности и чудеса, с которыми сталкивались купцы XIII века на Великом Шелковом пути. Марко Поло исполнилось семнадцать лет, когда он покинул свой дом в Венеции и с отцом и дядей отправился в невообразимо сложный путь ко двору Хубилай-хана в Монголию. Они вернулись через двадцать четыре года, когда уже никто не верил, что они еще живы. Позже странствия Марко Поло были описаны в «Книге о разнообразии мира».

УДК 910
ББК 26.8г

© Laurence Bergreen, 2008

© Перевод. Г. Соловьева, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Моей матери
Адель Гэйбл Бергрин

Хубилай спрашивает Марко: «Когда вернешься на Запад, повторишь ли ты своим то же, что рассказывал мне?»

«Я говорю и говорю, — отвечает Марко, — но слушатель слышит лишь то, чего ожидает. Описание мира, к которому ты благосклонно преклонил слух, — одно; описание, что услышат собравшиеся у моего дома в день моего возвращения портовые грузчики и гондольеры, — другое; иное же, быть может, продиктую я, если на склоне лет меня захватят генуэзские пираты и бросят в одну камеру с писателем удивительных историй. Не голос владеет рассказом, но ухо».

«...и я слышу в твоём голосе невидимую причину жизни городов, через которую они пройдут, и, погибнув, оживут вновь».

Итало Кальвино. Невидимые города

Персонажи

Запад

Марко Поло, венецианский купец

Никколо Поло, отец Марко

Маттео Поло, дядя Марко

Тьебальдо Пьяченца, папский легат, впоследствии папа Григорий X

Рустичелло из Пизы, товарищ по заключению Марко в Генуе и его соавтор

Восток

Чингисхан, основатель монгольской империи

Угэдэй-хан, сын и наследник Чингисхана

Хубилай-хан, один из внуков Чингисхана

Соркактани-бэги, мать Мункэ, Хулагу и Хубилая

Чаби, главная жена Хубилая, буддистка

Ахмад, мусульманин, министр финансов Хубилая

Ариг-буга, младший брат Хубилай-хана

Кайду, один из двоюродных братьев Хубилая

Пагс-па, буддийский монах из Тибета, создатель монгольской письменности

Баян Стоглазый, доверенный военачальник Хубилай-хана

Пролог

КАПИТАН

Летом 1298 года генуэзский флот, один из мощнейших в Европе, собирал силы для атаки на флот Светлейшей Республики Венеции. Несмотря на формальное перемирие, противники десятилетиями сталкивались в сражениях, соперничая за выгодные торговые пути на Восток. Искусные и отважные генуэзцы, как правило, одерживали верх в этих кровопролитных стычках. В 1294 году генуэзцы выиграли морское сражение, составив свои суда в огромный квадрат. При атаке венецианцев плавучая крепость отразила нападающих и обратила их в бегство. В следующем году генуэзцы снова доказали свое превосходство на море, потопив главный торговый флот Венеции. Поразив всех противников на воде, они продолжили преследование на суше. В 1296 году генуэзцы перерезали соперников в Константинополе, подтвердив тем свою репутацию жестоких и беспощадных врагов.

Венеция медленно набирала силу. Под руководством смелых капитанов узкие венецианские галеры отгоняли генуэзцев по всему Средиземному морю до самой Сицилии, подготавливая декорации для битвы при Курзоле, получившей название по островку у скалистого побережья Далмации, на который предъявляли права оба надменных города-государства.

Громадный генуэзский флот, в общей сложности восемьдесят восемь кораблей, вышел в море под уверенным командованием недавно назначенного адмирала Ламбы Дориа. Тот применил выжидательную стратегию, скрываясь за островами, затем вышел в теплые воды у тунисского побережья в надежде заманить нетерпеливых венецианцев в ловушку. Венецианцы не попались на приманку, и генуэзскому флоту пришлось удовлетвориться мелкими стычками. Наконец терпение Дориа истощилось, и он двинул флот на север, к Венецианскому заливу. Корабли, проплывавшие мимо городов и замков, находившихся под номинальной властью Венеции, не встретили значительного сопротивления. За отсутствием врага они бросили якорь у берега Курзолы в четырехстах милях юго-восточнее Венеции. В этот момент свирепый шторм потопил шесть из восьмидесяти восьми кораблей, когда же он стих, уцелевшие занялись разграблением острова, рассчитывая, что этого затаившиеся венецианцы уже не смогут стерпеть.

Утром 6 сентября 1298 года в наплывающем влажном зное из тумана внезапно возник венецианский флот: девяносто шесть галер под командованием Андреа Дандоло, отпрыска знатного рода. Венецианские галеры, прославленные своей быстроходностью, представляли собой стройные изящные суда, похожие на гондолы. Их приводили в движение попарно расположенные гребцы. Галеры могли разрезать надвигающуюся волну или с той же уверенностью вонзить выдающийся на носу шип тарана в корабль противника. Выполнив этот маневр, венецианцы немедленно бросались на штурм вражеского судна.

Весла действуют наиболее эффективно, когда входят в воду под небольшим углом, поэтому эти суда выдавались над водой менее чем на три фута. (Галеры могли ходить и под парусом, но для парусного хода они были плохо снаряжены.) Люди на борту венецианских галер влачили жалкое существование. Сто человек команды теснились в узкой щели, запас воды и провианта был очень мал. На борту

умещался всего недельный запас провизии: голод для измученных гребцов был скорее нормой, чем исключением. Кроме того, ночью венецианские галеры становились на якорь. Они выходили в плавание не более чем на четыре-пять дней и держались у берега — эти смертоносные, но на редкость легкоуязвимые суда предпочитали подстергать врага в засаде.

Одним из этих кораблей командовал Марко Поло, купец, три года назад вернувшийся из Китая. В свои сорок четыре года он превосходил других участников сражения по возрасту и опыту, приобретенному в длительных путешествиях. Он участвовал в битве как венецианский аристократ, снарядивший корабль на собственные деньги и доверивший управление судном опытному лоцману. Этот человек, с семнадцати лет странствовавший по дальним краям, чувствовал себя на борту как дома. Осада была его стихией, он неизменно оставался собранным и уверенным в себе. Сражение при Курзоле давало ему шанс прославиться в глазах сограждан, скептически принимавших его рассказы о Китае.

Андреа Дандоло вывел Марко и остальных венецианцев к дальнему берегу Курзолы, где они высадились — и немедленно попрятались в укрытиях. Тем временем Ламба Дориа разведал положение вражеского флота и пришел к ошибочному выводу, что противник оттягивает сражение из страха. Однако на следующее утро — в воскресенье 8 сентября — венецианцы пересекли остров и напали на генуэзский лагерь. Дориа, которому не терпелось наконец встретиться с венецианцами, повел своих людей в бой, разгоревшийся на море и на суше. Над землей небо потемнело от стрел, на море галеры таранили и поджигали друг друга. Дориа озирает сражение с мостика. Рядом стоял его сын Оттавио. Венецианская стрела пронзила грудь юноши. Дориа отказался принять сочувствие бывших вместе с ним на корабле людей. «Бросьте моего сына за борт, — приказал он. — Где найдет он лучший покой?»

Ветер был попутным для венецианцев. Под предводительством Дандоло они перехватили инициативу и захватили десять генуэзских галер, но удача вскружила им головы, и они посадили корабли на мель. После девятичасовой битвы измученные венецианцы стали сдавать. Генуэзцы захватили восемьдесят четыре венецианские галеры, часть потопили, другие сожгли. Скрыться удалось лишь считанным судам некогда гордого флота. Людские потери оказались еще большими. Всего венецианцы пленили 8000 человек — ошеломляющее число для того времени, когда общее население Венеции насчитывало 100 000. Это поражение оказалось самым тяжелым для Венеции за десятилетия ее войны с Генуей.

Опозоренный Андреа Дандоло привязал себя к мачте флагманского судна и бился о нее головой, пока не разбил себе череп и не умер, лишив, таким образом, генуэзцев удовольствия казнить его.

Масштаб победы поразил и генуэзцев, уводивших пленные венецианские галеры в Геную. Среди тысяч несчастных пленников был Марко Поло, благородный венецианец.

Еще четыре недели генуэзский флот с пленными судами держал курс на юг, затем повернул к западу, пройдя под «каблуком» Италии, и наконец на север, к Генуе, куда суда прибыли 6 октября 1298 года. Галеру Марко Поло втянули в гавань кормой вперед. Паруса хлопали на ветру, флаги были приспущены, а команда закована в кандалы. Еще большее бесчестье ожидало Марко Поло на суше, где его, согласно некоторым сообщениям, немедленно заключили в Палаццо ди Сан-Джорджо. Несмотря на благородное имя, это сооружение имело дурную славу у венецианцев, поскольку выстроено было из камня, бесстыдно похищенного из венецианского посольства в Константинополе. Таким образом был создан памятник генуэзскому военному превосходству. Строение украшали взятые из того же источника каменные львы — символ власти Венеции, — прирученные теперь ее главным соперником. Если верить

оскорбленным венецианцам, пленники умирали там от голода, однако генуэзцы утверждали, что их хорошо кормили и хорошо содержали. Истина, вероятно, лежит где-то посередине. Пленники свободно передвигались в пределах палатки и даже посылали на родину за предметами роскоши. Видные персоны, в том числе Марко Поло, занимали апартаменты с постелями под балдахинами из дорогих тканей. Возможно, им разрешали посылать слуг с поручениями. Жизнь в плену была не столь мучительна, сколь скучна, но скука продолжалась годами. Даже в столь прискорбных обстоятельствах Марко Поло не потерял деловой хватки. С ним как с капитаном венецианского судна обходились достаточно почтительно. Он прославился по всей тюрьме, а затем и по всей Генуе как рассказчик поразительных историй о путешествии в Азию — те же истории он рассказывал прежде в Венеции. Он сумел привлечь внимание и воспользоваться обстоятельствами. Со временем он стал живой достопримечательностью. Незаурядность, которая помогла ему выжить в монгольской империи и в Индии, очаровывала и притягивала людей, ранее с ним не знакомых. В конце концов заклятые враги, генуэзцы, прониклись величайшим почтением к этому удивительному и занимательному венецианцу. «Целый город приходил повидать и послушать его, и обходились с ним не как с пленником, а как с любимым другом и с самым уважаемым господином, выказывая ему такие почести и любовь, что едва ли был час, когда его не посещали бы самые знатные горожане, доставлявшие ему все необходимое для жизни», — писал Джамбаттиста Рамузио, ученый Возрождения, составивший одно из первых жизнеописаний Марко Поло.

Избавившись от будничных торговых забот, Марко в тюрьме не просто выживал, но процветал, преобразившись в пожилую Шехерезаду мужского пола, зарабатывая на жизнь повестью о своих приключениях и в особенности — о монгольском правителе Хубилай-хане. Венецианец мог похвастать, что видел его своими глазами. «Мессер

Марко, — пишет Рамузио, — видя, что каждый желает услышать о стране Катай и о великом хане, и утомившись ежедневным пересказом историй, решил изложить их на письме».

Скучая в Палаццо ди Сан-Джорджо, Марко познакомился с фаворитом короля Англии Эдуарда I и автором нескольких рыцарских романов Рустичелло Пизанским. Генуэзцы захватили его в плен 6 августа 1284 года, в битве при Мелории, в которой нанесли решающий удар соперничавшей с ними Пизе. Как и другие заключенные, Рустичелло искал средства скоротать вынужденное безделье, и Марко обеспечил ему желанное развлечение. Красноречиво и пылко повествуя о своих приключениях, венецианец подробно описывал свое пребывание при дворе самого могущественного в мире владыки — Хубилай-хана.

Хубилай-хан в то время был полулегендарной фигурой для большинства европейцев, почитавших монгольскую империю самым диким и опасным царством на земле. И вот перед Рустичелло оказался человек, не только видевший Хубилай-хана, но, по всей видимости, хорошо его знавший, по его приказу пересекший Азию из конца в конец и даже побывавший за ее пределами.

Рустичелло пишет: «Марко провел при Хубилай-хане полных семнадцать лет и все это время путешествовал по его поручениям, доставляя ему известия из разных стран и так успешно выполняя все, что ему было поручено, что его посылали по самым сложным делам в самые отдаленные земли». Рустичелло с уважением добавляет: «Великий хан был столь доволен его успехами, что держал его в большом почете, выказывал к нему благосклонность и так приблизил к себе, что вызвал зависть в придворных. Марко объехал неведомые земли, узнал их, как никто другой, и многое запечатлел в своей памяти».

Другие товарищи по заключению развлекались, сочиняя стихи или длинные рыцарские романы. Временами тюрьма напоминала литературную колонию строгого ре-

жима, населенную аристократами-писателями и будущими знаменитостями. Среди них был и Рустичелло, одаренный бойким пером и талантом к лести, постоянно ищущий сюжетов — о приключениях, любви и битвах, — которые увлекли бы вельможную аудиторию.

Услышав удивительное повествование Марко Поло о путешествии на Восток, Рустичелло осознал, что попал на главный сюжет своей жизни, на самую удивительную из историй. Как и следовало ожидать, романист предложил путешественнику сотрудничество для создания популярного отчета о путешествии Марко. Освещая беззаботностью мрачные обстоятельства, вызвавшие к жизни этот шедевр, Рустичелло пишет: «Пребывая вследствие войны в генуэзской тюрьме и не желая жить в праздности, он решил составить эту книгу на радость читателям».

Марко знал толк в рекламе и не пренебрегал ей на всем протяжении своей необычайной жизни. Чтобы освежить воспоминания, он послал за дневником своих странствий, и соавторы принялись за работу, составляя «Описание мира», каким его видел Марко Поло. Теперь оно известно под названием «Путешествия».

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕВРОПА

Глава 1

ВЕНЕЦИАНСКИЕ КУПЦЫ

Разбиты чары, и мир грез прекрасный
кругами разбежался по воде...*

Она скрывается от врагов среди живописной россыпи островов общим счетом 118. Сырая, темная, тесная и многолюдная, она стоит на скалах и речных намывах. Крепости и живописные дворцы опираются на фундамент из сосновых свай и коринфского камня. В Венеции времен Марко Поло лишь немногие здания — за исключением огромной византийской базилики и других больших церквей — стояли ровно; остальные были как будто подмыты водой.

Марко Поло вырослел в городе ночи, стремящейся к свету: туманном, потайном, полном суеверий и конфликтов. Даже старожилам Венеции случалось заплутать в тупиках и переулках, очутившись внезапно в каком-нибудь зловещем закоулке среди знакомых мест. Заговорщицкий шепот и смешки влюбленных невесть откуда разносились по гулким улочкам. За тусклыми стеклами скромно перемигивались огоньки свечей и факелов. Вечерами над каналами поднимались паутинные пряди тумана, приглушая

---

* Цитаты из стихотворения С. Т. Кольриджа «Кубла-хан» здесь и далее приводятся в переводе К. Бальмонта.

звуки, затемняя свет фонарей над дверями и в окнах над тихо вздыхающими каналами. Крысы были повсюду: выскакивали из каналов, шмыгали по причалам и по улицам, подгрызали хрупкое основание города, разносили чуму.

Узкие улицы и переулки, где человек плечами задевал стены, за многочисленными извивами и поворотами вдруг распахивались на широкую, залитую солнцем гладь Большого канала, делившего город пополам и впадавшего в лагуну, а за ней — в просторы Адриатического моря.

Зимой в городе шумел карнавал (буквально: «прощание с мясом» перед Великим постом). Карнавал давал повод для оргий, разворачивавшихся прямо за стенами высоких дворцов и задрапированных полупрозрачными занавесями. Слухи о нечестивых делах пробивались сквозь веселье и чувственные радости Республики. Склонные к злу венецианцы предпочитали убивать без шума, ядом или удушением, и обычно убийство сходило им с рук.

В ненадежном мире XIII столетия венецианец мог быть уверен в нескольких вещах. За два века до Коперника и за триста лет до Галилея никто не сомневался, что Солнце вращается вокруг Земли, что небесные сферы идеально гладки и что сотворение мира имело место ровно за 4484 года до основания Рима. Иерусалим считался «пупом мира». Где-то можно было отыскать вход на небеса и в ад. День для большинства был разделен часами молитв: полунощница, хвалитны три часа спустя, прима на рассвете, терца, делившая утро пополам, секст в полдень, обедня в середине дня, вечерня на закате и, перед отходом ко сну, повечерие. В эпоху веры наука в основном, если не полностью, сводилась к таким лжеучениям, как алхимия, стремившаяся превратить обычные, неблагородные металлы в золото, и астрология, существовавшая рука об руку с астрономией.

Силу человеку давали вода, ветер и животные. Каменный уголь в Западной Европе еще не использовали как источник энергии, до бумажных денег и печатного прессы оставалось двести лет. Самой передовой технологией было кораблестроение — корабли считались чудесным, хотя и

весьма опасным транспортным средством, — и создание машин, позволявших распиливать дерево, выжимать оливковое масло и дубить кожи.

Путешествия в Европе были чрезвычайно долгими и опасными предприятиями. Пересечь Ла-Манш считалось невероятно рискованным делом, и многие, решившиеся на него, жаловались, что плавание подорвало их здоровье. По суше люди передвигались со скоростью лошади: в среднем дневной переход составлял десять миль в день, и лишь при чрезвычайных обстоятельствах, на коротких отрезках пути — от пятнадцати до двадцати миль. Суеверия заставляли путников искать убежища на ночь в примитивных гостиницах, кишевших паразитами, где двое-трое постояльцев укладывались в одну постель. На то, чтобы добраться от Венеции до Парижа, уходило пять мучительных недель.

Однако в Венеции дела обстояли совсем иначе. Крошечная, но охватывающая взором целый мир Венеция вступала в позднее Средневековье, в период экономического роста, культурных достижений и расширяющейся коммерции. Путешествия были не исключением — нормой. Складывается впечатление, что каждый венецианец был путешественником и купцом или хотя бы стремился им стать. По всей Европе политические силы, прежде рассеянные среди хаотичных, непрочных империй, бравших начало во времена Рима, складывались в вооруженные и организованные города-государства подобные Венеции. Увеличение коммерческих связей между городами-государствами вызвало прорыв в искусстве, технологиях, исследованиях и в финансовой сфере. Появились компас и часы, ветряные и водяные мельницы — жизненно важные для европейской экономики. Основывались университеты, дожившие до наших дней. В результате Венеция — да и вся Европа, как мы знаем — пошла в рост.

Венеция — чарующая, византийская, стоящая на воде — относилась к важнейшим центрам коммерции и культуры Европы XIII века. Процветающий город-государство

жил ремеслами и торговлей. Торговля преуспевала благодаря агрессивному флоту, доблестно защищавшему город от постоянных нападений соперников-генуэзцев и арабских пиратов. В отличие от других средневековых городов Венеция не имела ни стен, ни ворот. В них не было нужды. Лагуна и болота защищали Венецию с воды и с суши. Будучи воротами к богатствам Востока, Венеция породила искушенную торговую аристократию, к которой относилось и семейство Поло, известное частыми путешествиями на Восток, особенно в Константинополь, за драгоценными камнями, шелками и пряностями. Венецианское общество было чрезвычайно расслоенным, отчаянно независимым и коммерческим. Оно держалось на уникальной комбинации феодального долга, капитализма и широты взглядов.

Благодаря компактности Венеции, зажатой между лагуной и врагами, ее население остро ощущало свое единство. «Обосновавшись в столь ограниченном пространстве, венецианцы, — пишет историк Джон Юлиус Норвич, — создали уникальную атмосферу единства и кооперации. Этот дух проявлял себя не только в моменты национального кризиса, но, что еще более важно, в каждодневной работе. Венецианские аристократы, сделавшие состояние на торговле, хорошо знали друг друга. Близкое знакомство приводило к обоюдному доверию, такому, какое в других городах не простирается дальше семейного круга»*.

В результате венецианцы приобрели репутацию эффективных и скрупулезных дельцов — самых передовых в Европе. «Торговая компания, — говорит Норвич, — даже та, которой требовался значительный начальный капитал и несколько лет для развития, связанного со значительным риском, на Риальто создавалась за несколько часов. Договор мог быть заключен в форме простого партнерства между двумя купцами или с большой корпорацией, которая могла бы профинансировать большую флотилию или ка-

---

* Дж. Норвич. История Венеции. Гл. 9. Примирение. Стр. 209.

раван. Договор мог действовать оговоренный период времени, но чаще это бывали сделки, которые автоматически прекращались, когда какое-то предприятие бывало окончено. Но все было основано на доверии, и обещания не нарушалось»*.

Участие в предприятиях, подобных путешествию семьи Поло в Китай, закреплялось контрактами, несколько более формальными, чем простое рукопожатие или клятва. Марко Поло рос в городе, изобиловавшем купцами. Венецианские купцы разработали разнообразные стратегии для преодоления трудностей в оживленной, широко разветвленной торговле. За отсутствием стандартной разменной валюты многообразие монет было кошмаром менял. У Византийской империи были безанты, в арабских странах — драхмы, во Флоренции — флорины. Венеция стремилась принимать все, основываясь на пропорции золота и серебра в каждой монете для определения ее ценности. Купцы, подобные Поло, пытались обойти эту нестройную монетную систему, неизбежно приводившую к недоразумениям и обесценивавшую монеты, используя вместо валюты драгоценности, такие как сапфиры, рубины и жемчуг, пользовавшиеся повсеместным спросом.

Для разрешения этих сложных и экзотических финансовых проблем Венеция разработала самую передовую в Западной Европе банковскую систему. От нее берут начало депозитные банки на всем континенте. В 1156 году Венецианская республика, первой со времен античности, ввела государственный заем. Она же создала первые в Европе законы, регулирующие нарождавшуюся банковскую систему. В результате этих нововведений Венеция могла похвастать самой передовой коммерческой практикой.

Для нужд торговли с Востоком Венеция приняла римскую систему контрактов. Сложные контракты морского

---

* Дж. Норвич. История Венеции. Гл. 11. Латинская империя. Стр. 210.

займа и морского обмена закрепляли взаимные обязательства судовладельцев и купцов и даже обеспечивали страховые выплаты, практиковавшиеся в Венеции начиная с 1253 года. Наиболее распространенным видом соглашений между купцами была «commenda», или, на венецианском диалекте, «collegantia» — контракт, основанный на античных образцах. В вольном переводе это означало «деловое предприятие». Документ отражал скорее практиковавшиеся в торговле обычаи, нежели набор постоянных принципов. Хотя эти контракты XII и XIII веков выглядят устаревшими, они вполне современны в том, что требуют строгой отчетности. Подобные контракты отражали сущность и поддерживали зачатки капитализма задолго до введения в обиход этого понятия.

Еще одна поразительно современная черта в мировоззрении венецианцев: мир для них был «плоским» в том смысле, что все в нем было взаимосвязано вопреки природным и государственным границам. Мир представлялся им сетью постоянно меняющихся торговых путей по морю и по суше. В поисках ценных пряностей, драгоценных камней и тканей венецианцы по морю и по суше добивались во все четыре конца света. Благодаря их предприимчивости минералы, соль, воск, наркотики, камфара, гуммиарабик, мирра, сандаловое дерево, корица, мускатный орех, виноград, фиги, гранаты, ткани (особенно шелка), меха, оружие, слоновая кость, страусовые перья и перья попугаев, жемчуг, железо, медь, золотой песок, золотые слитки, серебряные слитки и рабы из Азии следовали по переплетению торговых путей в Венецию из Африки, Средней Азии и Западной Европы.

И еще более экзотические товары попадали в город на борту чужеземных судов. Огромные мраморные колонны, пьедесталы, панели и плиты, привезенные из руин храмов или дворцов Константинополя, греческих и египетских городов, складывали на пристани. Памятники античности, надгробия погибших или умирающих цивили-

заций, запутанными путями попадали в темный уголок площади Святого Марка или на фасад пышного палаццо герцога, а то и богатого венецианского купца. Многообразие товаров было столь велико, что об этом заявляет даже шекспировский герой, Антонио из «Венецианского купца»: «Наши торговля и доходы / в руках всех наций». Венецианская торговля была синонимом глобализации — еще одна новорожденная идея той эпохи. Для увеличения размаха предприятий венецианцы вступали в партнерство с правительствами отдаленных стран и с их купцами, презируя расовые и религиозные границы. Арабы, евреи, турки, греки, а потом и монголы становились торговыми партнерами Венеции, даже если в политике оставались ее врагами. Поло были не первыми из купцов, добравшимися из Европы в Азию, хотя благодаря усилиям Марко Поло они стали самыми знаменитыми.

Куда бы ни попадали венецианцы, их узнавали по отчетливому акценту и диалекту — «венето». Этот язык, подобно другим языкам латинской группы, основывался на латыни, но усвоил словарь, синтаксис и произношение других языков — в том числе немецкого, испанского и хорватского. К ним примешивалась и малость французского. В венето было много звуков З и КС, но почти не было Л. Лорд Байрон, хваставший, что наслаждался двумястами венецианками за двести вечеров подряд, назвал венето «внебрачным ребенком латыни». Дополнительно осложняло дело существование множества вариантов венето. Венецианцам Поло, вероятно, нелегко было понимать диалекты соседних областей: Падуи, Тревизо и Вероны.

Отдельные слова из мира Марко Поло перешли из венето в английский. Венецианцы тех времен приветствовали друг друга «чао», точнее «s ciavo» или «s ciao vostro», что буквально означает «я ваш раб». (В Венецию это выражение пришло из Хорватии.) «Гондола» — тоже венецианское слово, хотя неизвестно, существовала ли тогда эта длинная,

изящная черная лодка. Вероятнее, что во времена Марко Поло в извилистых городских каналах теснились разнообразные маленькие суда, гребные, парусные и галеры.

И «арсенал» как место, где производят и хранят оружие, пришло в венецианский язык от арабского «дар аль синаа», что означало «мастерская». Европейцы эпохи Марко Поло, используя это слово, подразумевали Арсенал в Венеции, прославленный центр судостроения. Корабельщики здесь работали на своеобразном конвейере, позволявшем с невероятной скоростью снаряжать галеры стандартными, подготовленными заранее частями, такими как кили и мачты. Испанец Перо Тафур, посетивший Венецию, описывает отточенные, как балетные па, действия рабочих: «От одного шлюза начинается длинная улица, заполненная морем, и на нее с обеих сторон открываются окна зданий Арсенала. Лодка буксирует по ней галеру, а из окон на нее ставят: из одного — снасти, из другого — хлеб, из следующего — оружие, затем баллисту и мортиры, и так со всех сторон подают все необходимое. Когда же галера достигает конца улицы, на нее всходит команда с веслами, и она уже снаряжена целиком и полностью».

Тафур описывает выпуск десяти «полностью снаряженных» галер за шесть часов: по одному военному кораблю каждые тридцать шесть минут. При такой скорости не удивительно, как быстро венецианский Арсенал мог превратить голый киль в полностью снаряженное судно, которым восхищалась вся Европа. Капитаны имели право окрасить свои галеры в любой цвет — лишь бы он небыл черным.

Соответственно и манеры венецианцев, как и в наше время, были деловитыми и хваткими. Чтобы вести караваны или экспедиции на Восток, договариваться с мусульманами и православными христианами, заключать выгодные сделки, венецианцам требовались практическое знание, опыт и уверенность в себе. Венецианские законы поддерживали гладкое течение деловой жизни. Закон требовал, чтобы вернувшийся в Венецию купец в течение месяца представил партнерам отчет и справедливо разделил

прибыль. Налоги тоже поощряли торговлю: они были самыми низкими в Европе, так что почти вся прибыль оставалась купцу.

Едва ли не каждый житель Венеции занимался коммерцией. Вдовы и сироты вкладывали средства в торговые предприятия, а молодой человек без всяких средств мог называть себя «купцом», едва вступив в дело. Риск был велик, но неисчислимы богатства приманивали авантюристов, смелых и безрассудных. В одночасье приобретались и терялись целые состояния, и порой богатства целого венецианского рода основывались на одной-единственной торговой экспедиции в Константинополь.

Успехи венецианцев проистекали отчасти из единодушного ощущения гражданского и духовного предназначения. Мифология Венеции была мощной и красноречивой. Тезка Марко, святой Марк, был главным покровителем города. Связь была в лучшем случае призрачной, но во многом определяла коммерческий, предприимчивый дух города. В 828 году группа венецианских купцов затеяла похищение мощей святого Марка из захоронения в Александрии и с триумфом доставила их венецианскому дожу.

В оправдание своего поступка купцы говорили, что стремились лишь спасти мощи от осквернения мусульманами, и сочинили соблазнительный, хотя и малодостоверный рассказ о том, как во время перехода корабля с телом Марка по Адриатическому морю поднялась буря, которая загнала корабль в лагуну, над которой позже встала Венеция. Судно якобы простояло ночь на том самом месте, где позднее возвели дворец дожа. Венцом истории было явление Марку ангела, который сказал ему утешительные слова: «Покойся здесь». Со временем в этих словах стали видеть двойной смысл: что в лагуне Марку не грозят бури и что он принадлежит — кому же, как не Венеции? Перенос мощей святого Марка в Венецию остался, пожалуй, самым выдающимся похищением реликвий за всю историю христианства.

Тело Марка оставалось в Венеции и во времена Марко Поло, и после того. Оно покоилось в личной часовне дожа. Резиденция дожа была единственным строением в городе, которое носило имя дворца: все прочие здания, какими бы они ни были богатыми и пышными, даже те, что выходили на Большой канал, назывались «каса» — то есть дом, и это слово обычно сокращали до «ка». Так, дом семьи Поло назывался и называется по сей день Ка Поло.

В Венеции правила олигархия: правительство составляли 150 родов торговой аристократии. Менее одного процента населения определяли судьбу остальных 99 процентов. Порой тому или иному семейству удавалось пробить установившиеся границы и выбиться в ряды аристократии, однако с 1297 года эта практика была прекращена. Для поощрения коммерции Совет Венеции позволил среднему классу образовывать гильдии. Эти ассоциации и школы квалифицированных рабочих и ремесленников помогали бедным и даже содержали больницы. Возможно, Поло принадлежали к одной или нескольким гильдиям, что способствовало их коммерческим успехам. Их признавали богатыми купцами, но в правительство города они не входили. Вероятно, их имена не дошли бы до потомства, если бы не фантастические подвиги Марко Поло и его упорное самовосхваление.

«Дож» — венецианское слово и венецианское понятие. Слово происходит от латинского «дукс», то есть вождь. Первые дожи были военачальниками, назначавшимися византийским императором. Когда город стал приобретать самостоятельное значение, ему понадобился собственный лидер, и звание дождей вошло в ряд постоянных местных реалий. Светский владыка, дож сохранял тесную связь со святым покровителем, и в его обязанности входила защита доверенной ему реликвии. Считалось, что святой Марк благословляет и защищает Венецию. Это соглашение обеспечивало верность Венеции западному христианскому миру, поскольку святые восточных сект, входившие в пан-

теон города, подчинялись святому Марку. И так, дож и святой Марк распоряжались судьбой города, словно один был председателем совета директоров, а второй — исполнительным директором.

Сочетание светской власти дожа и духовного влияния Марка создавало в Республике чувство политического предназначения — в конечном счете светского.

Дождь был таинственной личностью и редко являлся перед народом. Он воплощал вечную, мистическую связь Венеции с морем, схожую с узами брака. Венецианцы воспринимали это настолько буквально, что каждую весну дож во время торжественной церемонии бросал в Адриатику золотое кольцо, закрепляя венчание с морем, примерно так же, как поддерживал взаимовыгодный оборонительный договор с Марком.

Култ дожа подтверждался ежегодно в праздник Вознесения — главный праздник венецианского календаря. Этот день отмечал захват венецианцами Далмации в 1000 году н. э. под предводительством дожа Пьетро Орсеоло Второго. С тех пор все венецианцы — дож, горожане и духовенство — отмечали это событие, освящая Адриатическое море. Венецианцы питали страсть к красочным и зрелищным церемониям, но ни одна не могла сравниться с празднованием дня Вознесения.

Церемония начиналась с шествия городских властей, несущих воду, соль и оливковые ветви, освященные к празднику. Шествие входило на флотилию галер, называвшуюся «*mude*». К флотилии присоединялся дож на богато украшенной барже. Двигаясь к Лидо, духовенство пело псалмы, а епископ молил Бога «даровать нам это море». Разворачиваясь в символическое венчание дожа с Адриатикой, «*Sposalizio del Mare*», церемония становилась еще пышнее и много говорила о психологии венецианцев. В 1177 году папа Александр III даже подарил дожу золотое кольцо, объявив при этом: «Прими его как залог власти твоей и твоих преемников над морем». Торжественно подняв-

шись с трона, дож бросал в воду освященное кольцо, провозглашая: «Мы венчаемся с тобой, о Море, в знак истиной и вечной власти Светлейшей Венецианской Республики».

После мессы дож устраивал пиршество для духовенства и видных горожан. На площади Святого Марка восемь дней подряд длился праздник, кульминацией которого становилась торговая ярмарка, знаменитая по всей Европе, поскольку товары для нее стекались в Венецию со всех краев земли. Даже церковь участвовала в празднестве, раздавая индульгенции всем участникам.

В 1268 году, когда Марко исполнилось четырнадцать, празднество по случаю избрания нового дожа, Лоренцо Тьеполо, превзошло даже ежегодное Венчание с морем.

Церемония началась в духе милосердия: дож официально встретился со всеми политическими и личными врагами, устанавливая новый дух доброй воли и доверия.

По окончании церемонии командующий флотом Республики провел корабли мимо дворца дожа, читая при этом молитву за дожа и за Венецию и окончив ее словами: «Да поможет вам святой Марк!» Галеры рассыпались по городским каналам, а за ними следовали все суда с окрестных островов.

Затем празднество переместилось на сушу, где члены гильдий по двое маршировали по узким улочкам Венеции в костюмах, представляющих род занятий каждой. Все они прошествовали перед дожем и его женой-догарессой. Там были моряки в белых одеждах с красными звездами, меховщики в шапках с горностаевой оторочкой, ткачи в оливковых венках и с оливковыми ветками в руках, мастера-ремесленники в золотых и пурпурных одеяниях и даже стегальщики в плащах, украшенных лилиями, с гирляндами из бус на головах, а также сапожники, цирюльники, стеклодувы в алых плащах, отороченных мехом, — все богатство и слава Венеции.

По словам очевидца Мартино да Канале, оставившего описание празднества, торжества в честь нового дожа дли-

лись целую неделю. Такими празднествами венецианцы демонстрировали свою убежденность, что фортуна им покровительствует.

Вне праздников жизнь в Венеции бывала жестока. Женщины считались людьми второго сорта и рассматривались как движимое имущество. Рабовладение было обычным явлением, особенно владение (и злоупотребление) рабынями, чьи хозяева, даже состоявшие в браке, использовали их для сексуальных услуг. Укоренившиеся обычаи закрепляли униженное положение женщин. Будущему мужу венецианцы давали такой совет: «Мужу не следует руководствоваться советом жены, не способной к здравому суждению, поскольку конституция ее не здрава и сильна, но слаба и ущербна».

Однако это мрачное общество было родиной Поло, здесь был его дом, полный незаконных детей и рабов, но надежный и безопасный, и в городе скандалов его репутация оставалась сравнительно безупречной.

За неполных двести лет с тех пор, как мощи святого Марка освятили Венецию, Республика немало продвинулась к овладению Адриатикой и приморскими областями. Венецианский флот научился встречать боем грабителей, таких как норманны под предводительством Робера Жискара, чья армада грозила преградить Венеции пути через Средиземное море. В яростной схватке с судами Жискара, случившейся в Адриатике у западного албанского города Дураццо, венецианские корабли, не сумев пробиться в гавань, сцепившись, образовали плавучий остров, заградив проход. При подходе вражеских судов венецианцы на лодках, спущенных с «плавучего острова», пускали примитивные торпеды из бревен навстречу подступающим кораблям, топя их или нанося тяжелые повреждения. Тем не менее Дураццо остался за норманнами, в то время как венецианские купеческие и боевые суда рыскали по Средиземноморью в поисках добычи. Пожалуй, ни в одном городе-государстве коммерция так не сближалась с военным

искусством, как в Венеции, где война и торговля стали почти синонимами. Республика практически непрерывно находилась в состоянии войны: то в форме партизанских действий, то в холодной войне, споря за территории и влияние, то в жестоких сражениях с решительным врагом. Не всякий раз победа оставалась за Венецией, но ее солдаты и моряки всегда готовы были с боем отстаивать коммерческие интересы.

Ни один из городов-государств не мог сравниться с Венецией в мореходном искусстве. Если купцы Республики пользовались почетом, то ее беспощадные моряки-воины внушали страх. Марко Поло в то или иное время выпало побывать в обеих ролях: торговца в мирное время и капитана в битве.

В 1204 году Венеция праздновала большую победу: захват Константинополя объединенными силами европейских государств, главное событие Четвертого крестового похода.

Триумф христианства во времена Марко Поло не казался predetermined. Римская церковь вела войну за место под солнцем с множеством врагов: с исламом, с монголами, с греческой православной церковью и даже с внутренними врагами. Век веры был в то же время веком смятения, опасностей и войн.

Первоначальная цель крестовых походов была проста: позволить христианским паломникам по-прежнему посещать Гроб Господень — могилу в Иерусалиме, где, по преданию, упокоилось тело распятого Христа. Пилигримы стекались к этой святейшей из христианских святынь по меньшей мере с конца VIII века. Со временем право на Иерусалим стали оспаривать друг у друга христиане и мусульмане; и ближние, и дальние государи боролись за господство над городом. Коренной перелом произошел в 1009 году, когда фатимидский халиф Хахим — мусульманский правитель в Каире — призвал к уничтожению Гроба Господня. С тех пор христианам и иудеям, которым, на свое

несчастье, довелось оказаться в Иерусалиме, грозила казнь, а христианский квартал в городе был обнесен неприступной стеной, допуск за которую был ограничен. За пять последующих лет были сожжены или разграблены тысячи церквей.

Запрет лишь подогрел желание христиан совершать паломничества в Иерусалим, церковь же организовала ряд крестовых походов — общим счетом восемь — с благородной целью вызволить христианские святыни из рук жестоких мусульман. Собранные на войну за веру с неожиданно возвысившимся исламом крестоносные воинства быстро распались в распрях за политические выгоды и добычу. Ко времени короткого Четвертого похода (1202–1204) папство утратило власть над предприятием, главенство над которым оспаривали различные светские властители Европы. Дошло до того, что монархи порознь начинали собственные крестовые походы.

Первоначальный план Четвертого крестового похода был достаточно прост: папа Иннокентий III и проповедник Фольке из Нельи-сюр-Марн призвали одолеть мусульманское воинство. Крестоносцы собирались взять Иерусалим по пути в Египет, и им нужна была поддержка Венеции.

Венецианцы, верные своим коммерческим принципам, держались в стороне от крестовых походов. Но в данном случае их лидеры почуяли, что религиозные войны могут оказаться выгодным вложением капитала. С их точки зрения поход был попросту военной кампанией, нацеленной на достижение политических и финансовых выгод, и как таковой был понятен и близок венецианцам. После долгой торговли, затянувшейся на восемь дней, Республика согласилась перевезти 35 000 рыцарей с оруженосцами и пехотинцев, 4500 лошадей, предоставить корабли, построенные специально для этого случая, и припасы — все по вздутым до небес ценам. Французские лидеры похода страстно стремились поставить морскую силу Венеции на службу своему делу, но платить они не торопились, и в результате

тысячи крестоносцев собирались в окрестностях Венеции, на Лидо, ожидая приказов и развлекаясь тем временем азартными играми и развратом.

Осознав, что Франция не в состоянии расплатиться по своим обязательствам, представители Венеции предложили новую сделку: они простят долг, если безработные крестоносцы помогут им достигнуть несколько иной цели — подчинить Зару (Задар), мятежный город по ту сторону Адриатического моря. Французы согласились. Зара пала, и участники поровну разделили добычу. Эта сделка довершила превращение крестового похода из войны за веру в коммерческое предприятие.

Затем воодушевленные крестоносцы отплыли к Константинополю, столице Византийской империи, унаследовавшей восточные области Римской империи. Константинополь, названный именем римского императора Константина Великого, правившего в IV веке, был городом множества религий, однако преобладало в нем православное христианство. Крестоносцы считали православную религию почти столь же богохульной, как ислам, и потому заслуживавшей их мести. Впрочем, подошло бы любое оправдание, каким бы натянутым оно ни было, потому что Константинополь был сказочно богатым и легкодоступным трофеем.

Константинополь гордился не военной мощью, но библиотеками, произведениями искусства и архитектурой, превосходившей все известное в Западной Европе. Архитектурный стиль был перенят у римлян: римские арки, колонны и орнаменты — в сочетании с заимствованными с Востока элементами — стали основой византийской архитектуры. Население — более миллиона человек — десятикратно превосходило население Венеции. Но оказать сопротивление город не смог.

Разграбление Константинополя в 1204 году продлилось три дня — дни смерти и разрушений. Миряне и священники, женщины и дети — мечи крестоносцев не щадили никого. Когда насилие пошло на убыль, толпа ринулась в церк-

ви, ломая алтари и вынося священные сосуды. Пьяные солдаты вместо попон покрывали спины своих лошадей облачениями священников. Пьяная проститутка плясала на патриаршем престоле, распевая непристойные куплеты. Разбивали — или уносили — надгробия и статуи античных времен. Тогда же многие из шедевров, манускриптов и религиозных принадлежностей были укрыты в относительно безопасных селениях и монастырях вне городской черты. Даже после ухода крестоносцев грабежи продолжались еще несколько лет.

Венецианцам достались самые лучшие трофеи: они умели оценить церковную утварь, распознать самые дорогие камни, самые лучшие статуи. Зримым символом завоевания стала четверка бронзовых коней из Константинополя, украсившая базилику Святого Марка. Эти кони воплощали отборную добычу, похищенную венецианцами и осевшую в городе. Лучшие константинопольские ремесленники тоже попали в Венецию. Легионы стеклодувов, серебряных и золотых дел мастеров, иконописцев, художников и скульпторов доставили в Венецию, где их искусство со временем стало служить принявшему их городу.

Известие о разграблении Константинополя и о зверствах, совершенных во имя христианства, ужаснуло папу Иннокентия III. Он успел отлучить от церкви множество крестоносцев, прежде чем осознал, что авансом отпустил им грехи и что его позиция может ослабить папство перед лицом непримиримых противников. После этого он умолк и, не вмешиваясь, наблюдал, как богатства Константинополя перетекают в римские соборы и церкви.

Православная церковь так и не простила Венеции ее роли в разграблении, а Константинополь так и не вернулся к прежней славе. Завоевание нарушило баланс сил, и большая часть империи подпала под контроль Венеции. Константинополь со временем вернул себе роль важного коммерческого центра, ворот на Восток для Марко Поло и других купцов, но утратил цельность и блеск. С тех пор

этот город, населенный греками, венецианцами, египтянами и турками, славился не столько роскошью, сколько раздорами.

Венеция же представляла перед миром единым фронтом. Город управлялся горсткой знатных семей. Предки Марко Поло, хотя род его был довольно видным, никак не принадлежали к самым богатым или облеченным властью семействам. Эта честь оставалась за родами Дзено, Кверини и Дандоло, из которых выходили дожи, правившие городом-государством, и защищавшие его адмиралы. В том расслоенном обществе Поло находились на несколько ступеней ниже. Уважаемое и состоятельное семейство все же зависело от правителей города.

По поводу происхождения этой семьи согласие так и не достигнуто, но одна из версий предполагает, что Поло переехали в Венецию из далматского городка Себенико в 1033 году. Себенико владели попеременно венгры и хорваты, позднее он вошел в состав Венецианской империи. По другой версии, Марко Поло родился на Курзоле — острове, который позднее был захвачен генуэзцами. Есть и иное мнение, что Поло укоренились в Венецианской лагуне еще ранее. Каково бы ни было его происхождение, Марко был связан и с угасающей античной традицией, и с нарождающимся в Европе Ренессансом. Имя Поло — римское Паулюс в венецианском произношении — часто появляется в гражданских записях начиная с 971 года, когда венецианец по имени Доменико Поло подписал петицию, запрещающую торговлю с арабами. Позднейшие записи показывают, что различные представители семьи Поло владели землей и соляными копами и служили судьями по всей территории. Эта их деятельность предполагает, что предки Марко Поло и в Венеции не теряли связи с ее взятой с бою провинцией — Далмацией.

Одна из нитей коммерческих интересов семьи Поло протягивалась в Константинополь. Записи 1168 года, ког-

да Византийская империя была еще в силе, показывают, что брат деда Марко Поло, носивший то же имя, занял денег и отправил в Константинополь корабль — как позже младший Марко отправил корабль в битву у Курзолы.

Другие члены семейства оставались искать богатства и чести в Венеции. Дед Марко, Андреа Поло из прихода Сан-Феличе, гордился тремя сыновьями: Маттео, еще одним Марко и Никколо, отцом путешественника. Они, вероятно, принадлежали к венецианской знати, хотя и не были в первом эшелоне. Записи в венецианском архиве именуют Марко «*nobilis vir*», то есть благородный муж. Этот титул много значил для Марко Поло, который относил себя к аристократии, считая, что его ранг должен почитаться повсюду. Он всегда и везде действовал в уверенности, что благородное происхождение защитит его от нападений разбойников и злодеев, обирающих простых смертных. Как бы далеко от дома ни забросила его судьба, он не сомневался, что хозяин, каким бы чуждым и властным он ни был, видит в нем венецианского аристократа и должен обходиться с ним соответственно.

Отец Марко Поло, Никколо, и его дядя Маттео вели прибыльный семейный торговый бизнес. В 1253 году братья покинули Венецию, отправившись в дальнейшее путешествие по торговым делам. Уезжая на Восток, Никколо мог не знать, что оставляет жену беременной. В следующем, 1254 году, родился Марко Поло.

К тому времени отец и дядя младенца находились в Константинополе. Славные времена расцвета для города миновали, однако он все еще находился под владычеством Венеции, установленном после разграбления в 1204 году. Их как будто рутинные разъезды из города в город по меркам того времени были весьма рискованными. Корабли поставляла и распоряжалась ими Венецианская Республика. Пассажиры брали с собой на борт сундуки, постели, воду и галеты. И должны были в случае необходимости

принимать участие в бою. Корабли снаряжались для противостояния любому противнику, и от пассажиров ожидалось участие в обороне.

Даже мирное плавание на восток было чрезвычайно неприятно, неуютно и опасно. На сыром, переполненном людьми корабле стояло зловоние: пахла гнилая пища и человеческие экскременты. Паразитов было без числа, и пассажирам, подобным Поло, приходилось сосуществовать с тараканами, вшами и крысами. После месяца подобных мучений, довершавшихся бессонницей и морской болезнью, братья Поло благополучно прибыли в Константинополь. Они не спешили снова пуститься в многотрудное плавание и провели там шесть лет, устроив форпост своей маленькой торговой империи, к которому стекались купцы со всего света, и особенно с Востока.

За время, что они провели в Константинополе, город еще глубже погряз в долгах. Балдуин II, последний в ряду латинских императоров, вынужден был продавать Венеции свои драгоценности, чтобы расплатиться и удержать зыбкую власть. Дошло до того, что он заложил реликвию, считавшуюся терновым венцом Христа, венецианским банкам, охотно принявшим ее в залог. Даже сына он заложил венецианцам. В конце концов на помощь Балдуину пришел король Франции Людовик IX, между тем как его соперник Михаил Палеолог, происходивший из прежней династии греческих императоров, вступил в союз с Генуей с целью вырвать Константинополь из жадных лап Венеции. Непокойная политическая обстановка вызывала уличные волнения и столкновения между венецианцами, генуэзцами, греками и другими группами населения, недружно сосуществовавшими в городе.

Никколо и Маттео Поло решились бежать из беспокойного города в Солдайю (известную ныне как Судак), где семья Поло также держала торговый форпост. Из этой скальной крепости на Крымском полуострове открывается широкий вид на Черное море. (Кстати, название «Черное» было

новшеством во времена Поло. До тех пор этот огромный внутренний водоем был известен всем, бороздившим его воды, просто как «Море».) То немногое, что известно о пребывании братьев Поло в Солдае, предполагает, что они там не преуспели.

Ранние сообщения показывают, что братья только и мечтали вернуться домой в Венецию, но дорога была слишком ненадежна. Сухопутные пути сторожили разбойники, на воде пираты грабили всякий попавшийся им на глаза корабль. При таких обстоятельствах братья не могли надеяться на скорое возвращение в Венецию.

Путешествия и торговые сношения с Востоком были тогда безопаснее по довольно невероятной причине: благодаря монголам, покорившим большую часть Азии и немалую часть Европы до восточного побережья Дуная. (Монголов иногда называют «татарами», однако в действительности татары были лишь одним из племен Монгольской империи. Первыми монголов и другие племена, совершавшие набеги с востока, называли этим именем русские, европейцы же последовали их примеру.)

Как бы их ни называли, монголов считали исчадьями сатаны, самым беззаконным, жестоким и грешным народом на лике земли. В 1260 году папа Александр IV издал папскую буллу «*Clamat in auribus*» (латинское название дается по первым словам), предупреждая христиан о монгольской угрозе. «В ушах у каждого кольца, и да внемлют все, кто не впал в душевную глухоту, ужасный трубный глас темной угрозы, каковой, согласно с ходом событий, предвещает с несомненностью звуки войны и всеобщей гибели от небесного гнева, орудием которого стали бесчеловечные татары, поднявшиеся словно из тайных пределов ада, чтобы подавлять и сокрушать землю». Далее папа говорит о Монгольской империи как о «неуклонной опасности, близящейся на глазах».

Пока папа проклинал монгольскую угрозу, объект его ненависти преобразился. Стремление Чингисхана к беско-

нечному расширению империи сменилось относительно устойчивым режимом под властью его просвещенного и своеобычного внука, Хубилай-хана.

«Хубилай не был варваром», — замечает венецианский историк Альвизе Дзорци. Скорее, он был «монархом, стремящимся к высоким стандартам правления, преданным учености и для этих целей применяющим самые эффективные средства», что означает, что он «постоянно искал лучших путей в управлении государством и полагался на духовный авторитет, служивший ему лучше, чем насилие».

Самым сильным оружием Хубилая стали не меч и не копье, не огонь или яд, но торговля с миром за пределами империи. В самом деле, монголам, чтобы выжить при новом, установленном ими порядке, необходимы были европейские, персидские и арабские товары. Для получения их они вновь открыли ряд торговых путей, которые позднее — в XIX веке — назовут «Шелковым путем». Шелковый путь, или древняя сеть торговых маршрутов, получивших это причудливое имя, поставлял не только шелк. По нему шли самые разнообразные товары: драгоценные камни, ткани, пряности, драгоценные металлы, оружие — а также идеи и религии. Им пользовались буддийские монахи и христианские миссионеры, венецианские, генуэзские и арабские купцы. Чтобы обеспечить такой обмен идеями и товарами, Чингисхан водворил в своем непокорном царстве «*Rex Mongolica*», достигнутый ценой жесточайших репрессий. Для Дзорци «монгольский мир» был «миром дымящихся руин». Однако прямым следствием монгольской тирании стала безопасность Шелкового пути для торговцев. По словам одного из путешественников, «молодая женщина могла пройти по нему, неся на голове золотой поднос и ничего не опасаясь». Для купцов, подобных Поло, было вполне безопасно углубиться по этому пути в сердце Азии и Монгольской империи.

Монголы и венецианцы «обживали» мир: венецианцы — пересекая моря на своих судах, монголы на суше — создав Шелковый путь.

В этом мире удивительным образом перемешивались идеи и товары, а империи процветали.

Никколо и Маттео Поло двигались на восток по северному ответвлению Шелкового пути, углубляясь все дальше в Монгольскую империю. В своей книге Марко мало упоминает подробности путешествия, предпринятого его отцом и дядей, однако вероятно, что они путешествовали верхом и на повозках.

Пересекая область, ставшую ныне Ираком, передает Марко, его отец и дядя вступили во владения Барка-хана — еще одного из многочисленных внуков Чингисхана, — «имевшего репутацию одного из самых либеральных и цивилизованных государей Монгольской империи». Барка, иногда называемый Западным Ханом, принял их с «великим почетом», каковой был вознагражден. «Двое братьев подарили ему, видя, что они ему по нраву, все драгоценные камни, привезенные ими из Константинополя», — говорит Марко. Не желая уступить гостям в щедрости, Барка «повелел выплатить им вдвое больше того, что стоили камни». Венецианские купцы обрели в Монгольской империи безопасную пристань.

Во владениях Барка братья, вероятно, не забывали о своей выгоде: пополняли запасы камней, монет и тканей, чтобы выгодно торговать с другими купцами. Их можно уподобить разъездной лавке, готовой на любую сделку, лишь бы она была прибыльной. Марко часто упоминает различные виды тканей: муслин, дамаст и, конечно, шелк, потому допустимо предположение, что его отец и дядя вели оживленную торговлю с другими торговцами — мусульманами, евреями и европейцами, особенно с генуэзцами, которых в Азии было больше, чем венецианцев. Возможно, они немного занимались и работоторговлей, и вернулись домой со слугой-арабом.

Спустя год братья были сыты монгольским гостеприимством и захотели вернуться домой, но Барка к тому времени был занят гражданской войной с еще одним внуком

Чингисхана — Хулагу, правившим восточными землями. «В свирепой и кровопролитной битве, — говорит Марко, — Хулагу одержал победу, вследствие чего дороги почитались небезопасными и братья не могли вернуться прежним путем». Им сказали, что самый безопасный путь до Константинополя в военное время — по границе земель Барка-хана, и, избрав этот путь, они встретились со значительными трудностями. Они вышли в пустыню, «протянувшуюся на семнадцать дней пути, где они не находили ни селения, ни замка, ни прочного жилья, а только монголов с их стадами, живущих в шатрах на равнине».

Здесь они познакомились с круглыми «юртами» — войлочными палатками, в которых жили монголы, — и с «кумысом», перебродившим кобыльим молоком. Кумыс имеет резкий кислый вкус, и поначалу он внушал братьям отвращение. (Когда они соглашались его попробовать, монголы, угощавшие их, дергали их за уши, чтобы убедиться, что напиток проглочен.) Привыкая к новым обычаям, братья переняли и отвращение монголов к мытью. Правда, и венецианцы в те времена редко мылись, но запах монголов, у которых был недостаток воды, к тому же живших рядом со скотом, внушал обычному европейцу, оказавшемуся в их среде, глубокое отвращение. Со временем Поло преодолели свое отвращение и освоились с грубыми привычками хозяев. Более того, они научились говорить с монголами, и знание языка еще более, чем питье кумыса, связало купцов с местными жителями.

Братья Поло добрались до Бухары (ныне территория Узбекистана). Бухара от IX до XIII века была столицей нескольких империй. Бухара и ее разноязыкое население гостеприимно встретили Поло: город издавна был перекрестком дорог с востока и запада, в нем велась торговля шелками, фарфором, пряностями, слоновой костью и коврами. Однако за стенами Бухары царил хаос. Война между разными племенами преградила этот участок Шелкового пути, и Поло с отчаянием поняли, что их не ждет скорое

возвращение домой. Марко скупно отмечает: «Не имея возможности двинуться дальше, они провели там три года». Эта задержка переменяла их судьбу.

Во время затянувшегося пребывания в Бухаре Никколо и Маттео познакомились с «видным и весьма одаренным лицом». Как выяснилось, то был посол Хулагу, направлявшийся на восток, к Хубилай-хану, «верховному вождю всех монголов, жившему на дальнем краю материка». Если братья Поло окажутся искусны в переговорах, посол мог открыть им путь ко всей Монгольской империи.

Глава 2

ЗОЛОТОЙ ПРОПУСК

...И вновь собрался на дрожащей глади,
И пруд опять зеркально отразил
красу садов и башен...

Никколо и Маттео Поло проводили дни в беседах с монгольским послом, заслужив его доверие и уважение. Марко отмечает: «Не имея прежде случая встречаться с уроженцами Италии, он высоко оценил знакомство и беседу с братьями, овладевшими уже монгольским языком». Те трудные дни на Шелковом пути, когда они не жалели усилий, овладевая монгольскими наречиями, окупились сполна. Посол — ни разу не названный по имени — вызвался представить их великому хану, на что они и надеялись. Посол, искушая их, обещал, «что они будут приняты с почетом и получат множество даров».

Никколо и Маттео полагали, что у них нет выбора, поскольку возвращение в Венецию «подвергло бы их великому риску». А потому они согласились забраться еще дальше на восток, чтобы повстречаться с вождем, которого ненавидела и боялась вся Европа и особенно папа. Впрочем, Венеция часто не ладила с Римом, отчасти потому, что венецианские купцы в поисках выгоды охотно заключали сделки с мусульманами, монголами и тому подобными. Придя, таким образом, к согласию, братья «отправились в

путь в свите посла, в сопровождении нескольких слуг-христиан, привезенных ими из Венеции».

Путь ко двору Хубилай-хана занял целый год. Место их встречи не определено, но вероятно, то была монгольская столица Камбулак, к которой стекались путешественники из дальних стран. Монголы, стремившиеся торговать с иноземцами и учиться у них, отвели часть столицы под жилища иностранных посланников и частных купцов, решившихся углубиться в сердце Монгольской империи ради торговли, обмена идеями или установления дипломатических отношений. Монголы, составлявшие меньшинство среди своих подданных, сильно зависели от иностранцев в сложных вопросах управления империей и особенно в сборе налогов. Иноземцы являлись к ним из Европы и Азии, среди них было много генуэзцев и венецианцев, иудеев и мусульман, уйгуров, русских и персов. Для сокращения коррупции и сохранения национальной идентичности среди подавляющего множества китайцев монголы ввели сегрегацию. Китайцам, которыми они правили, не дозволялось учиться монгольскому языку, а также носить оружие и жениться на монголках.

Естественные препятствия часто превращали путешествие по Шелковому пути в настоящее испытание. Марко упоминает снега, разливы рек и бурные потоки, затруднявшие продвижение посольства. Но встретившись с монгольским вождем, братья Поло вновь обрели уверенность в себе и целеустремленность.

Все в Хубилай-хане оказалось для них неожиданно: его изысканная учтивость, так непохожая на укоренившееся представление о диких монголах, его ненасытное любопытство относительно Италии и христианских стран, его готовность к переговорам. Хубилай-хан, в свою очередь, был доволен, что эти представители чуждой культуры могут вести разговор на его языке.

Марко настаивает, что его отец и дядя были «первыми латинянами, — то есть христианами, — посетившими страну», но это утверждение остается сомнительным. Не-

сколько европейских путешественников, в том числе миссионеров и рыцарей, опередили их, и некоторые оставили подобные отчеты о своих путешествиях. Братья Поло, на несколько лет оторванные от коммерческих связей, могли не знать о своих предшественниках и считать себя первыми европейцами, живьем увидевшими великого хана.

На пирах Хубилай-хан выпытывал у своих экзотических гостей сведения о «западных частях мира, об императоре римлян и других королях и князьях». В особенности монгольский вождь желал знать об этих правителях, «кто из них важнее, каковы их владения, как осуществляется у них правосудие и как они соревнуются в военном искусстве». Более всего он расспрашивал о папе, о делах церкви, о религиозных обрядах и доктринах христианства. Братья-купцы вряд ли были экспертами в столь сложных вопросах, однако, если верить Марко, они давали «подобающие ответы на все эти темы на монгольском языке, которым овладели в совершенстве». Хубилай-хан был так доволен, что не раз призывал их на совещания относительно положения дел в христианском мире.

Опросив Никколо и Маттео и сведя с ними близкое знакомство, Хубилай-хан решил использовать их как двойных агентов; им предстояло стать его посредниками в отношениях с Западом и в особенности с папой. Искусный в дипломатии великий хан завуалировал свои замыслы лестью, или, по выражению Марко, «многokrатно уговаривал их сопровождать одного из его баронов — как называл хан своих верных вассалов — по имени Когатал с посольством к папе».

Братья не сразу решились принять столь ошеломляющее назначение. «Мы давно уже покинули те земли, — напомнили они хану, — и не знаем, что там случилось или делается, поскольку состояние тех стран изменилось, и мы опасаемся, что не сумеем исполнить твоего поручения». Все же они согласились — или принуждены были согласиться.

В своем официальном послании к папе Хубилай-хан просил прислать «не менее ста людей, умудренных в христианской вере и доктрине, которые бы знали также семь искусств и могли бы учить монголов и умели вести споры». Они также должны быть готовы проповедовать среди монголов, то есть «ясно показать ему, и идолопоклонникам, и другим его подданным, что их вера ошибочна, и все идолы, которых они держат в своих домах, — от дьявола». Папские посланцы «должны уметь доказывать, что христианская вера и религия лучше, чем все другие религии, и что в ней истина». Папу, убежденного, что хан — исчадие ада, такая просьба должна была поразить до глубины души, однако она соответствовала любознательной натуре Хубилай-хана. Если папа и папские посланцы докажут свою правоту, «он и его подданные станут людьми церкви». Что не означало, что они откажутся от приверженности другим религиям.

У Хубилай-хана была и еще одна трудноисполнимая просьба: прислать «масла из лампы, горящей над гробом Иисуса Христа, Господа нашего, в Иерусалиме, к которому он питает глубочайшее почтение, полагая, что Христос — среди блаженных Богов». Хубилай-хан не предлагал сменить своих богов на Иисуса, как мог бы ожидать папа, имея дело с обычными неверными, а скорее готов был включить его в монгольский пантеон. Рим, разумеется, не принял бы такого условия, но братья Поло были слишком озабочены собственной судьбой, чтобы вступать в богословские споры с монгольским вождем. Они поклялись со временем вернуться к Хубилай-хану с сотней мудрецов и с маслом от Гроба Господня. Они согласились бы на все, лишь бы благополучно добраться до Венеции. Вряд ли Никколо и Маттео собирались буквально исполнить все пожелания: вторичное путешествие с сотней мудрецов было чистой фантастикой. Другое дело — елей от Гроба Господня, который, по поверью, обладал великой целебной силой для души и тела. В то время армянское духовенство охотно им

торговало. Братья Поло вполне могли получить это масло, хоть и по высокой цене.

Залогом безопасного возвращения была полученная от Хубилай-хана чудесная «золотая табличка с гравировкой государственной печати и надписью по обычаю его владений». То была знаменитая пайцза, монгольский пропуск, гарантировавшая безопасность ее владельцу и почитавшаяся так широко, как если бы обладала магической защитной силой. (Название в действительности пришло из китайского; монголы называли ее «гереча».) Драгоценная табличка удостоверяла, что Никколо, Маттео и монгольский барон Когатал — посланцы самого Хубилай-хана и что правители областей Монгольской империи обязаны снабжать их ночлегом, лошадьми и охраной, как самого императора, «под страхом бесчестья», если бы они отказались исполнить свой долг. Пайцза позволила семье Поло впервые, но далеко не в последний раз, испытать широту и величие Монгольской империи под владычеством Хубилай-хана.

Всего через двадцать дней после отправления посольства их спутник Когатал серьезно заболел и вынужден был остаться. Но и в его отсутствие пайцза повсеместно обеспечивала братьям безопасность, удобства и уважение. Они покинули Венецию купцами, перипетии политики низвели их едва ли не до статуса беженцев. Теперь, в Монгольской империи, они возвысились до ранга королевских послов. Но даже при всех этих преимуществах обратная дорога далась им тяжелее, чем путь до Камбулака. Марко сообщает, что они страдали «от жестокого холода, снега, льда и разливов рек».

Через три года братья добрались до маленького портового города Лаяс в стране, которая называлась Малой, или Меньшей Арменией — на территории западнее Евфрата. Здесь они сели на корабль, начав самую рискованную стадию путешествия. На суше им приходилось опасаться

только врагов, но путь по воде внушал ужас: только самые бесстрашные, отчаянные или безумные из путешественников решались доверить свои жизни прихоти ветра и волн.

На сей раз фортуна благоволила к братьям Поло. В 1269 году они благополучно достигли цели, Акры (или Акко) — древнего порта на северном побережье нынешнего Израиля, чуть южнее Ливана. Поло прибыли в Акру.

Одно из древнейших в мире поселений, Акра много раз за свою историю переходила из рук в руки. В 1191 году король Франции Филипп II и король английский Ричард Львиное Сердце отбили ее у мусульманского султана Саладина, она стала столицей царства Иерусалимского и, ненадолго, твердыней крестоносцев.

В 1350 году немецкий клирик Лудольф фон Сухем описывал «этот славный город Акра». Он был выстроен из «ровно обтесанных камней, — замечает он, — с высокими и чрезвычайно мощными башнями». Городские улицы «очень ровны, стены всех домов одной высоты, все возведены из тесаного камня, чудно украшены цветным стеклом и росписью... улицы города затенены шелковыми или иными навесами от лучей солнца».

Акра служила естественной отправной точкой для путешественников на Восток, подобных Поло, смешивавшихся с ее пятидесятитысячным населением, которое составляли христиане-крестоносцы, мусульманские воины и еврейские купцы. Лудольф к своему изумлению нашел, что знать, посещая город, «рассказывает по улицам с царственным достоинством, каждый словно король среди своих рыцарей, свиты и наемной охраны, и его одежда и боевой конь чудным образом покрыты серебром и золотом, и они соперничают друг с другом в красоте и новизне наряда, и каждый украшает себя с величайшим тщанием». Братья Поло обнаружили, что они теряются среди других купцов Акры — «богатейших под небом», если верить Лудольфу.

Эти купцы съезжались из Пизы, Генуи и, конечно, из Венеции. «Все, что есть в мире удивительного и странного, доставляется сюда для знати и князей, живущих здесь».

Планы братьев вновь рухнули, когда они, с опозданием на несколько месяцев, узнали, что папа Климент IV умер 23 ноября 1268 года в Витербо. Казалось, нет числа препятствиям на их пути. «В отчаянии, — отмечает Марко, — они обратились к ученому клирику, легату, то есть официальному посланнику папы от римской церкви в Египте. «Тот был наделен большой властью. Звали его Теобальдо из Пьяченцы». Преклонив колени, братья Поло изложили легату всю фантастическую историю с миссией доброй воли, которую направил к папе великий хан.

Легат выразил «великое изумление». К его чести, он счел, что из этого предложения можно извлечь «великое благо и великую честь» для всего христианского мира. Он посоветовал озабоченным венецианцам выждать время. «Когда у нас снова будет папа, вы сможете исполнить свою миссию». Ожидание избрания затягивалось, и конца ему было не видно. В нетерпении Никколо и Маттео решили отплыть в Венецию, а затем снова вернуться в Акру, чтобы завершить свое посольство к преемнику Климента IV, кто бы им ни стал. Проявив на сей раз расторопность, они перебрались от Акры на остров Негрепонт (ныне Эвбея), взошли на корабль и наконец достигли Венеции.

Более шестнадцати лет Никколо и Маттео не видели дома; за шестнадцать лет они пересекли континент из конца в конец — не единожды, но дважды; шестнадцать лет они жили своим умом и сумели добиться покровительства самого грозного и могущественного из земных владык. Приключений, пережитых ими, хватило бы на целую жизнь, но при всей дерзновенности и удачливости их путешествие лишь заложило почву для прославленной экспедиции, которую им предстояло совершить вместе с молодым Марко. Их ожидали ошеломительные новости.

Никколо узнал, что жена его умерла. Вероятно, еще больше изумился он, узнав, что она оставила «маленького сына пятнадцати лет по имени Марко». Это и был Марко Поло: мальчик, за всю жизнь не покидавший Венеции, ни разу не видевший отца и, до возвращения Никколо, имевший все основания считать себя сиротой.

Следующие два года Никколо и Маттео провели в Венеции, ожидая известий об избрании папы. Хотелось бы думать, что овдовевший Никколо провел это время, знакомясь со своим «маленьким сыном», о существовании которого прежде не подозревал, но записи говорят о другом. Очень скоро Никколо вторично женился, и его жена забеременела.

Хотя Марко совсем не знал отца и дядю, их приключения глубоко запечатлелись в его душе и предопределили будущее. Он слушал их рассказы о Шелковом пути и о монголах, о юртах и кумысе. Более всего он услышал об их знакомстве с поразительной личностью, Хубилай-ханом, рядом с которым тускнел даже облик дожа. Марко, как и его старшим родственникам, предстояло стать путешественником, отправиться на Восток.

Поразмыслив, Никколо и Маттео решили, что пришла пора им вернуться в Акру и там ожидать избрания нового папы. На этот раз они взяли с собой семнадцатилетнего Марко. Когда папа будет избран, они должны будут доставить его ответ Хубилай-хану. Ни о елее от Святого Гроба, ни о сотне мудрецов не было и речи. Все, что они могли предложить хану, был юный Марко.

Если первое путешествие в Монгольскую империю определялось цепью случайностей, и случай нес Никколо и Маттео от одного торгового города к другому, то второе, предпринятое во исполнение клятвы, обещало быть более целенаправленным. Они отправлялись не как эмиссары Венецианской Республики или папы, но как послы Монгольской империи, и чувствовали куда больше уве-

ренности в себе. Пайцза гарантировала им безопасность на просторах Азии, и в их пользу было знание монгольского языка.

Марко выехал из Венеции весной 1271 года. Вместе с Никколо и Маттео он пустился в долгое и опасное странствие к далекой столице, чтобы встретиться с наделенным невообразимой властью ханом. С отцом и дядей он познакомился всего за год до того. Ему предстояло достичь совершеннолетия в их компании, где-то на Шелковом пути.

Поло отправились с флотилией венецианских кораблей — «*muda*», — направлявшейся к восточным берегам Адриатического моря. Суда жались к берегу и останавливались в знакомых портах, чтобы возобновить припасы. Не слишком уклоняясь от общего курса, флотилия разделилась на несколько конвоев, устремившихся к разным целям. Поло были в конвое, направлявшемся к Акре. Большую часть пассажиров составляли паломники в Святую Землю, и с ними были Поло — двое испытанных путешественников, исполнявших данную клятву, и впечатлительный парнишка, которому предстояло стать взрослым вдали от дома.

Крепость, известная как Акра, являлась зримым напоминанием о прежнем Иерусалимском царстве. В XIII веке она оказалась в руках мусульман. Сама Акра была разделена на кварталы, где стояли дома представителей соперничающих государств, таких как Венеция и Генуя. В крошечном порту не хватало места для кораблей, и многие принуждены были бросать якорь на рейде. Через город тек поток христиан-пилигримов, направлявшихся в Иерусалим. Акра, хоть и была невелика, гордилась двумя видными персонами того времени. Здесь можно было встретить в окружении английских рыцарей принца Эдуарда, который в союзе с монголами вел собственный крестовый поход против мусульман. Второй важной персоной был пап-

ский легат Теобальдо из Пьяченцы. Акра была так мала, что Эдуард был знаком с Теобальдо, а возможно, даже с купцами Поло.

Возвратившись в Акру, Поло отправились прямо к старому другу, чтобы возобновить знакомство двухлетней давности. При встрече старшие Поло выразили желание получить масло от Гроба Господня для выполнения данного Хубилай-хану обещания. Теобальдо позволил им отправиться в Иерусалим для закупки этого драгоценного елеса.

Тогда, как и теперь, Иерусалим был как бы турнирной площадкой: город будоражили и возмущали соперничавшие религии. Здесь по приказу царя Соломона был воздвигнут Храм, здесь был распят Иисус. И отсюда же вознесся на небеса пророк Мухаммед. Мусульмане называли Иерусалим на свой лад: Аль-кад — «Святой». Ко времени прибытия Поло город уже две тысячи лет провел в осаде. Одна армия завоевателей сменяла другую, от римлян до мусульман. Каждая вера — и каждая армия — притязала на владение городом. В Иерусалиме не прекращались стычки и молитвы, а неуверенность в будущем была образом жизни.

Пока мусульмане и христиане спорили за владения и доступ к святым местам и реликвиям, колонны пилигримов в сопровождении проводников переходили от святыни к святыне. Поло — трое незаметных пилигримов в толпе — прибыли, может быть, с самой необычной миссией. Чтобы раздобыть обещанное Хубилай-хану священное масло, они отправились к Гробу Господню у подножия Масличной горы. Еще один германский клирик, Бурхард Сионский, побывал там вскоре после Поло, в 1282 году, и описал мрачную обстановку: «Пещера, в который находится Гроб Господень, имеет восемь футов в длину и также восемь в ширину. Снаружи она целиком выложена мрамором, но внутри голая скала, как было во время Его погребения. Вход в пещеру с востока, очень низкий и маленький. Справа от входа, у северной стены гробница. Она из серого мрамора,

возвышается на три ладони и имеет восемь футов в длину, как и сам склеп или пещера, и укрыта со всех сторон».

Несмотря на сомнения знатоков Библии, говоривших, что Святой Гроб не мог быть истинным местом погребения Иисуса, его продолжали почитать, и Поло, покупая масло, не имели оснований сомневаться в его подлинности.

То же место (теперь это Старый Иерусалим) описал Лудольф фон Сухем. «Здесь, при церкви Святого Гроба, живут дряхлые грузины, у которых ключи от часовни Гроба Господня, и пища, пожертвования, свечи и масло для лампад, горящих в склепе. Все это подают пилигримам через маленькое окошко в южных дверях церкви».

Вместе с другими паломниками к святейшей из святынь Поло получили масло, за которое, вероятно, расплатились щедрым пожертвованием. Затем они поспешили вернуться в Акру.

За время их отсутствия мало что изменилось. Теобальдо сообщил им, что кардиналы так и не сумели выбрать нового папу, хотя прошло уже два года. Нетерпеливые, воодушевленные удачной покупкой святого масла путешественники решили немедленно отправиться ко двору Хубилай-хана, не ожидая затянувшегося избрания. Они обратились к Теобальдо, каковой как-никак был папским легатом, с просьбой снабдить их официальным документом, который удовлетворил бы монгольского вождя и объяснил ему, что они не сумели исполнить порученного по причине смерти папы Климента и отсутствия преемника. «Синьор, — сказали они ему, по воспоминаниям Марко, — мы видим, что апостола нет, и хотим отправиться к великому владыке (так почтительные венецианцы именовали монгольского вождя), потому что против воли уже замешкались надолго и ждали достаточно. Итак, с вашего благословения мы хотели бы вернуться. Но об одном просим вас: дайте нам привилегии и письма, удостоверяющие, что мы явились с посольством к папе и не застали его в живых, и ждали, пока появится новый, когда же его

так долго не могли избрать, вы, как легат, удостоверили все, что вы видели».

Судя по этой речи, Поло умели вести переговоры с представителями власти, и они получили желаемый ответ: «Я доволен вашим желанием вернуться к великому владыке». Правда, вряд ли Теобальдо титуловал Хубилай-хана «великим владыкой», но легат охотно использовал Поло для установления дипломатических отношений с монгольским вождем. Более того, Теобальдо обещал уведомить хана, когда будет избран новый папа.

Поло полагали, что теперь у них имеется все необходимое и можно спокойно возвращаться к монгольскому вождю. Они перебрались в отправной пункт, армянский порт Лаяс, через который проходили три года назад на пути к дому. Лаяс, хотя и крошечный, по сообщению Марко, кишел «купцами из Венеции, Пизы, Генуи и из глубин материка, явившимися туда, чтобы продавать и покупать товары и держать в этом городе склады».

И вот, когда обстоятельства казались почти идеальными, разразился мятеж. Марко рассказывает: «Внук великого хана... взялся уничтожить все дороги через пустыню, прорывая огромные рвы и ямы, и все это делалось для того, чтобы войска не могли его преследовать». Восстание задержало Поло в Лаясе. И вновь они как будто в заточении и не могут ни вернуться в Венецию, ни двинуться к Камбулаку. Пока они бессильно ожидали подавления восстания, к ним добрался курьер с поразительным известием: 1 сентября 1271 года, после тридцати четырех месяцев промедления (самый долгий срок за всю историю папства) кардиналы наконец избрали нового папу, причем не кого иного, как их верного друга и покровителя Теобальдо из Пьяченцы, или Теобальдо Висконти. «Чему братья весьма обрадовались», — отмечает Марко.

Однако избрание папы вызвало новую задержку, потому что курьер доставил им вызов от вновь избранного папы. И братья Поло опять вернулись в Акру, на сей раз под

охраной вооруженного эскорта. Они трудились не даром. Теобальдо, ставший самой важной персоной христианского мира, торжественно приветствовал их, почтил своим благословением и дал в их честь пир. В то же время вновь избранный понтифик обдумал миссию к Хубилай-хану и пришел к выводу, что она предоставляет идеальную возможность распространения христианства в Монгольской империи и особенно в Китае. Для этой цели он предложил услуги двух монахов, «действительно самых ученых и достойных во всей провинции», по словам Марко. «Одного звали брат Николай из Виченцы, другого — брат Гильом из Триполи». Они были наделены чрезвычайными полномочиями как церковными, так и мирскими: «привилегии, хартии и письма, уполномочивающие их на все, что было во власти самого папы, так что они могли рукополагать епископов и священников, вязать и разрешать, подобно ему самому, к тому же он вручил им много драгоценных камней и других даров для передачи великому хану и его послам». В целом возведение их друга и защитника на папский престол оказалось удивительно удачным случаем для Поло, теперь направлявшихся на Восток с блистательными перспективами.

Благоприятные обстоятельства вскоре рассеялись. На пути через Армению Поло вызвали гнев местного властителя, султана Бибара, который угрожал им по меньшей мере заключением в тюрьму. В страхе за свою жизнь оба ученых монаха отказались продолжать путь. Однако Поло не для того зашли так далеко и ждали так долго, чтобы отступить перед первым препятствием. В уверенности, что сумеют договориться с местными племенами, вероятнее всего подкупая их драгоценностями, Никколо, Маттео и Марко упрямо продолжали путь, уже без папского эскорта.

27 марта 1272 года Теобальдо из Пьяченцы вступил на папский престол под именем Григория X. Однако к тому времени его протеже из Венеции далеко ушли по пути приключений, великих трудностей и значительных послед-

ствий для церкви, Монгольской империи и хрупких, неустойчивых связей между Востоком и Западом. Их решение продолжать путь вопреки всему означало в глазах большинства европейцев, что они идут на верную гибель. Здравому уму представлялось невероятным, чтобы они добились успеха, с трудом верилось даже в то, что они выйдут из этого испытания живыми.

Однако Поло смотрели на дело иначе. Они верили в безграничные возможности торговли с Востоком, лишь бы купцу хватило умения пожинать громадную прибыль. Они считали себя защитниками христианской веры и дипломатами, но в первую очередь они были купцами. В их глазах коммерческие выгоды преобладали над любыми культурными барьерами. Теперь им оставалось испытать свою правоту. Если они ошибаются, о них, возможно, уже никто никогда не услышит.

Глава 3

УЧЕНИК

И древний лес, роскошен и печален,
Блещет там воздушностью прогалин.

Обратного пути не было. Покончив с досадной задержкой в Венеции, Акре и Иерусалиме, Поло достигли Армении, откуда для Марко начинался путь в сердце Монгольской империи. Вопреки ожиданиям, дорога без пышного папского эскорта давалась легче: они меньше привлекали внимание и избавлены были от сложных формальностей.

Скоро их начали мучить сомнения. На этой, первой стадии путешествия оказалось, что Никколо и Маттео, опытные торговцы и дипломаты, не столь искусны в выборе маршрута. Путаница лежащих перед ними дорог и путей приводила их в смущение. Даже в век веры для успеха экспедиции требовалась подготовка и знания, дополняемые удачей, выразившейся в счастливых совпадениях по времени. В первые месяцы отряду Поло всего этого не хватало.

Они собирались обогнуть Армению с юга на верблюдах или волах или, если придется, пешком по сотням миль опасных горных троп и добраться до стратегически расположенного портового города Ормуз на Персидском заливе. Там им предстояло договориться о переправе на судне через пролив. Марко не упоминает, что они заранее выбра-

ли порт назначения: возможно, они отложили решение до Ормуза, полагаясь на обстоятельства. Купцы, выходявшие в Индийский океан, предпочитали крупные портовые города на западном побережье Индии. Оттуда Поло могли бы сушей добраться до монгольской столицы.

Их подвела неопределенность планов. Поло скоро убедились, что Армения принадлежит к самым беспокойным землям на их пути. О, если бы все оставалось так, как при Александре Великом! — грустно восклицает Марко в короткой ссылке на этого молодого и великого полководца, чья тень легла на многие земли. В 330 году до нашей эры Армения стала базой Александра, и, как полагал Марко, повсюду правили его бесчисленные потомки. Александр, кажется, принадлежал к немногим героям античности, известным Марко — в основном потому, что он фигурировал во множестве романов — недостоверных, но занимательных повествований о героических деяниях завоевателя. Подобные рассказы были распространены в Европе, да и у монголов бытовали легенды об Александре. За армиями Александра по Армении прокатились волны мусульман, византийцев, турок, мамелюков и, наконец, европейских крестоносцев. Все они, не жалея крови, стремились завладеть Арменией. Ко времени, когда в Армению попали Поло, она «подчинялась великому хану» — то есть Хубилайхану, — но ненадежно. «Хотя населяют ее христиане, — пишет Марко, — они не держатся истинной веры, как римляне... (иными словами, они были еретиками), и это происходит от недостатка учителей, потому что прежде они были добрыми христианами». «В этой стране великих радостей» они были привержены забавам. В давнем прошлом Армения славилась доблестными воинами и культурой, «однако ныне они погрязли в праздности и низости, и ни в чем не хороши, разве что в обжорстве», — по крайней мере такими их увидел трусоватый неженка из Венеции. Возможно, для него это было к лучшему, поскольку их беззащитный отряд благополучно миновал Армению.

Недоверчивость молодого Марко к армянам перешла в отвращение, когда они вступили в «провинцию туркменов» — ныне Турцию. Прежде всего, говорит он, ее жители «поклоняются Мухаммеду и держатся его веры», что для него было нестерпимо. Более того, «их законы жестоки, они живут во всем подобно зверям, невежественны и говорят на варварском языке». Иными словами, население этой области отличалось от народов, с которыми он сталкивался прежде, и потому было для него непонятно, и он отнесся к жителям с обычным для европейца пренебрежением. Он достаточно справился с отвращением, чтобы отметить их кочевой образ жизни: «Иногда они остаются в горах, а иногда на равнинах, в зависимости от того, где могут найти хорошие пастбища для своих стад, потому что они не пахут землю, а живут одним скотоводством. И эти туркмены почти всегда живут в полях вместе со своим скотом, и носят одежду из шкур, и дома у них из войлока или из шкур».

Зато их ковры привлекли взгляд купца, уже наученный различать хорошую работу.

«Лучшие в мире ковры, — отмечает он, словно готовя рекламное объявление, — из багряного шелка и других цветов, с золотом, очень красивые и яркие, отменного качества». Столь высокая оценка подразумевает, что он с энтузиазмом скупал их и что «красивые и яркие» цвета помогли Поло извлечь выгоду из этих сделок. В торговле Поло были столь же удачливы, сколь в путешествиях.

Привыкая к жизни путешественника, Марко с трудом переносил смешение культурных традиций и вер — не говоря уже о языках, пище и одежде. «Этим монголам безразлично, какого бога почитают в их землях, — объясняет он, — Если только все верны хану и послушны, и платят назначенную дань, и блюдут правосудие, они могут поступать со своей душой как им угодно». Живущие под властью монголов свободны были оставаться «иудеями, язычниками или сарацинами — то есть мусульманами — или христианами».

Такая свобода вероисповедания поражала молодого Марко, и он никак не мог понять отношения монголов к христианству. «Они признают... Христа Господом, но говорят, что он гордый Господь, потому что не желает быть среди других богов, а хочет быть Богом над всем миром. И в иных местах у них делают Христа из золота и серебра и прячут его в сундуке, и говорят, что он великий Бог, властвующий над христианами».

Марко пришлось привыкать: на Шелковом пути не было места консерватизму и узости взглядов.

В Турции Марко собирал рассказы о Ноевом ковчеге, якобы причалившем к горе Арарат, высочайшей вершине тех мест. Знакомясь с множеством окружавших его религий, он жадно искал подтверждения описанных в Библии событий, касающихся «мирового судна». В Книге Бытия говорится, что на семнадцатый день седьмого месяца ковчег причалил к горе Арарат.

Марко, в духе своей простодушной веры, искал доказательств и приходил в недоумение. «Она так широка и длинна, что ее нельзя обойти за два дня, — пишет он о горе, — вершина всегда покрыта обильными снегами, потому что снег там вовсе не тает». Кругом царит покой, и «ковчег виден издали, ибо гора, на которой он лежит, очень высока и почти весь год покрыта снегом, и в одном месте... издали виднеется что-то большое и черное, но вблизи ничего не видно». Вероятно, его обманул пласт застывшей лавы, видный издали, то открывавшийся, то скрывавшийся под снегом, который он принял за ковчег.

Изложив историю о последнем причале ковчеге, Марко теряет к ней интерес. Он признает, что на горе Арарат нет ковчеге, по крайней мере он не смог его увидеть воочию — но как чудесно, если бы он был.

Марко возвратился к реальности, добравшись до большого торгового города Мосул на реке Тигр. Здесь он впервые познакомился с империей пустыни, с ее шумными ба-

зарами и изобилием товаров. Мосул до монгольского завоевания в 1182 году оставался исключительно под мусульманским правлением, но ко времени прибытия Поло он был открыт разным религиям, включая христианство. Здесь можно было видеть могилу ветхозаветного пророка Ионы, однако Марко о ней не знал. Начинаящего купца скорее занимал муслин — прочная, плотная небеленая ткань, издавна производившаяся в городе.

В Мосуле Марко познакомился с последователями Нестора, в V веке бывшего патриархом Константинополя. Нестор отстаивал идею двойственной природы Христа, человеческой и божественной, непрочно объединенной в сущность, которую Нестор называл «синафея», или «конъюнкция». С точки зрения Эдуарда Гиббона, жившего в XVIII веке, Нестор «тонко отделял человечность своего господина Христа от божественности Господа Иисуса». Но для последователя римского христианства времен Марко эта идея граничила с ересью, хотя вопрос был более сложен, чем в прямолинейном изложении Гиббона. Согласно несторианскому учению, Марию можно было почитать лишь как мать человека Иисуса, но не как мать Божью. Рим, напротив, настаивал, что Христос является одним лицом с двойственной природой, образующей «гипостатичное», или нераздельное единство. Интеллектуалы обоих течений могли обсуждать эти различия до бесконечности, и вполне возможно, что спор возник не столько от действительных расхождений, сколько от разного понимания греческих философских терминов. Тем не менее раскол между несторианами и римской церковью сохранялся.

Несториане установили свое патриаршество в Багдаде, а их влияние ощущалось по всей Сирии, Малой Азии, Ираку, Персии и даже в Китае. В 735 году они обратились к императору династии Тан за разрешением построить церковь в имперской столице Чанг-ан (ныне Ксиан). Разрешение было дано, и они превратили город в центр несторианской церкви, где учили своих приверженцев Ветхому и Новому Заветам и зачастую обращали в свою веру

китайцев, и не только их. Несмотря на попытки подавить их учение, они преуспевали до конца династии Тан, после чего рассеялись.

Пока несториане пытались отыскать надежную гавань в Азии, Западная Европа в недоумении смотрела на этих «восточных христиан», как их иногда называли. Марко часто упоминает о встречах с несторианами, но находит их загадочными и «несовершенными» — то есть еретиками.

Багдад, где во времена Марко Поло еще восседал патриарх несториан, лежит в 220 милях к юго-востоку от Мосула. Марко уверенно описывает Багдад, но маловероятно, что он действительно побывал там. Чтобы скрыть это упущение, он прибегает к байкам, начиная с длинной сказочной истории о тридцать седьмом багдадском халифе — мусульманском правителе — и смиренном христианине-сапожнике, завершая ее фантастическим тайным обращением халифа в христианство. Похоже, к этому замысловатому и несколько слащавому рассказу приложил руку Рустичелло.

В том же духе Марко со вкусом повествует о гибели халифата от рук монголов. В данном случае его отчет основан на известных ему реальных событиях. Он относит рассказ к 1255 году — в действительности это был 1258, — когда Хулагу, один из внуков Чингиза, поклялся покорить древний халифат и присоединить его к быстро расширявшейся монгольской империи. Со времени своего расцвета при Гаруне-аль-Рашиде, правившем более четырех столетий назад, Багдад терял свой блеск, но все еще представлял серьезный вызов для потенциальных захватчиков. В преддверии осады посланцы халифа явились к Хулагу и предостерегли: «Если халиф погибнет, вся вселенная впадет в хаос, солнце скроет свой лик, не будет больше дождей и все растения зачахнут».

Не уstraшенный, а скорее раззадоренный этим вызовом, Хулагу решил «взять город не силой, а хитростью. Имея более ста тысяч всадников и без счета пехотинцев, он

решил показать халифу и жителям города, что их совсем мало». Хулагу подступил к городским воротам с горсткой воинов, и халиф, видя, как их мало, не принял их в расчет. Между тем Хулагу изобразил бегство и заманил халифа за лес, где скрывались в засаде его войска. Здесь он окружил преследователей и разбил их. Так халиф был взят вместе с городом. Монгольские воины при штурме убили восемь тысяч жителей, пощадив только христиан, по заступничеству жены Хулагу, разделявшей их веру.

Марко описывает ужасный конец халифа: Хулагу заточил главу мусульман в башню с сокровищами и оставил умирать от голода.

Монголам, несмотря на их жестокость, претила мысль о пролитии крови. Они изобрели «бескровные» казни: например, набивали рот жертвы камнями или фекалиями. Халифу выпала более достойная, но и более жестокая смерть. 10 февраля 1258 года его закатали в ковер и на смерть растоптали лошадьми. Говорили, что были казнены и все его родственники, кроме дочери, которая стала рабыней в гареме Хулагу.

После монгольского завоевания население Багдада составляло одну десятую от прежней численности. Тем не менее столица провинции сохранила за собой репутацию центра коммерции и учености, обеспеченную медресе, библиотеками, гигантским крепостным рвом и, по слухам, 27 тысячами общественных бань. Легенды о прежней славе Багдада и о дворе Гаруна-аль-Рашида оставались достаточно яркими, чтобы произвести впечатление на Марко Поло.

В своем повествовании Марко резко переходит от Багдада к Тебризу, построенному якобы одной из жен Гаруна. Его великолепный дворец — место действия цикла сказок, известных как «Тысяча и одна ночь». В данном случае венецианец действительно посетил процветающий коммерческий центр и от души восхитился им. «Самый роскошный город провинции», — говорит он, словно составляя пу-

теводитель. Тебриз, с его «рынком с товарами из Индии и Багдада, из Мосула и Ормуза и из многих других мест», действительно стоит посетить, советует он, хотя бы для того, чтобы увидеть «полные отличных плодов чудесные сады», окружавшие город.

Восхищаясь коммерческой жизнью Тебриза, Марко выражает недовольство его населением, «смешанным» и «мало на что пригодным». Здесь состязались друг с другом разные народы: «армяне и несториане, яковиты, грузины и персы», и процветающая область была ареной жестокой религиозной борьбы. «Сарацины в этих местах злы и склонны к предательству», — сообщает Марко. Он отходит от обыкновения пренебрежительно относить мусульман к идолопоклонникам и излагает свое понимание их законов: «Для них вовсе не грех причинить любой вред или присвоить имущество того, кто не придерживается их закона. А если они принимают смерть или рану от рук христиан, их считают мучениками». Он уверен, что «потому они и обращают татар и многие другие нации, что им позволено много грешить». Марко с облегчением узнает, что в Тебризе имеется монастырь нищенствующего ордена монахов. По их одежаниям он догадался, что они кармелиты, и отметил, сколько времени они проводят «за тканьем шерстяных поясов», чтобы возлагать их на алтарь во время мессы и раздавать «своим друзьям и знатным особам», в уверенности, что эти пояса избавляют от боли. Марко сообщает об этих чудесах как о самой обыкновенной вещи.

Венецианцы здесь были редки, но генуэзцы давно освоились в Тебризе и были здесь хорошо известны. Для них, ведущих торговлю по всей Азии, Тебриз служил рынком жемчуга, возможно самым крупным, если учесть, как много жемчуга давал Персидский залив. Поло узнали, что переговоры о покупке жемчуга в Тебризе считаются серьезным делом и подчиняются строгим правилам. Покупатель и продавец присаживались лицом к лицу, скрыв руки под тканью. Они торговались о цене, не произнося ни слова вслух, чтобы условия сделки не были подслушаны други-

ми, но пожимая друг другу пальцы и запястья, описывая такими знаками и качество товара, и предложенную и принятую цену. Благодаря такой необычной форме переговоров посторонние не могли проведать об условиях сделки, и цены на жемчуг оставались гибкими.

Из Тебриза Марко попал в персидский город Саву, а затем в Керман, прославленный персидскими коврами. Здесь Марко несколько смягчился к мусульманам, наслаждаясь климатом и завистливо любуясь бирюзой, добывавшейся в окрестных горах. Он выразил восхищение искусством местных ремесленников в изготовлении «снаряжения конного воина, уздечек, седел, шпор, мечей, луков, колчанов и всяческого оружия». Его взгляд привлекали и искусные вышивки, и соколиная охота.

В сверкающих над головой небесах Марко впервые увидел аристократическую забаву, которая стала его страстью в путешествии через Азию. Это был один из немногих обычаев, общих для Востока и Запада, и для Марко, как и для других аристократов, в нем было воплощение силы и изящества. «В горах вскармливают лучших соколов в мире, самых быстрых в полете, — сообщает он. — У них рыжая грудь и подхвостье. И поверьте, что летают они невообразимо быстро, и ни одна птица не может обогнать их в полете». Так молодой Марко созерцал небесный свод, где пернатый хищник стремительно настигал свою жертву.

В своем обзоре Персии Марко не тратит времени на объяснения, когда и каким образом попал в описанные им места, однако порой он прослеживает первые путешествия с точностью, порожденной опытом. Его отъезд из персидского царства Керман, где он несколько задержался, передает ощущение бесконечных просторов, разворачивающихся перед ним. «Покинув Керман, путник семь дней едет по плоскогорью, где в достатке городов, селений и домов. Ехать этой землей приятно и легко, — отмечает он, — по-

скольку в ней изобилует дичь и на каждом шагу попадаются куропатки». Далее он описывает приближение к огромному скальному хребту, «откуда дорога два дня идет все вниз, через земли, изобильные множеством разнообразных плодов. И здесь прежде были жилища, но теперь их нет, однако здесь живут кочевники и пасут скот. Между городом Керман и этим хребтом зимний холод так силен, что от него не спасает никакая одежда и меха».

В Персии он столкнулся с проявлениями сильной геологической активности. Здесь активные разломы коры и вулканы многократно вызывали самые катастрофические последствия. Отряд Поло искал укрытия в городке Рудбар, стоявшем высоко в горах Эльбурса на северо-западе Персии. Рудбар служил сборным пунктом купцов и располагал пышными пастбищами для скота. Картины пасущихся стад вдохновили Марко на живописное описание из тех, которые со временем составили его славу. «Позвольте мне прежде рассказать вам о быках, — пишет он. — Они огромной величины и чисто белые, как снег. Шерсть у них из-за здешнего зноя короткая и гладкая. Рога толстые и тупые, не заостренные. Между плечами у них округлый горб в две ладони вышиной. Они самые красивые на свете. Когда хочешь навьючить их, они ложатся наземь, как верблюды, навьюченные же, встают и очень хорошо несут груз, потому что они чрезвычайно сильны. Есть здесь также овцы, большие, как ослы, с хвостами столь толстыми и жирными, что иной весит добрых тридцать фунтов. Это отличные жирные животные, и мясо их вкусное».

Едва Марко освоился в горах Персии, его напугали слухи о караунах — «бандах разбойников, державших в страхе страну». Карауны любили поживиться от тучных пасущихся стад. Еще более пугала приписываемая им способность дьявольским колдовством превращать день в ночь на расстоянии семи дней пути всадника. «Они отлично изучили эти земли, — говорит Марко. — Наведя тьму, они едут бок о бок, собравшись иногда числом до десяти тысяч... оцепляя всю область, которую намерены ограбить».

Ничто, найденное ими без защиты, ни человек, ни скот, ни добро, не избежит пленения».

Отряд Поло бежал в морской порт Ормуз, но прежде им пришлось свести близкое знакомство с этими хищниками. «Уверяю вас, — подчеркивает Марко в своем повествовании, — что господа Поло сами едва избежали пленения этими разбойниками в наведенной ими тьме. Он — то есть Марко — скрылся в городе Камасал, но до того многие из его спутников были захвачены в плен и проданы как рабы, а иные преданы смерти».

Больше Марко ничего не рассказывает об этом опасном эпизоде. Все затмили события на следующей стадии путешествия.

Ормуз заслужил репутацию богатого порта в Персидском заливе. Отсюда Поло рассчитывали продолжить путешествие на одном из многочисленных парусных судов, направлявшихся в Индию, а оттуда добраться до Китая. Марко отмечает «великолепную гавань» и уверенно сообщает, что «купцы прибывают сюда морем из Индии, привозя всевозможные пряности, драгоценные камни, и жемчуг, и шелковую одежду, и золото, и слоновые бивни, и много других товаров. В этом городе они продают их другим купцам, доставляющим все это клиентам по всему миру. Это огромный центр коммерции, и ему подчиняются многие большие и малые города».

Зрелище огромного водного пространства после долгого пути по пустыням пробудило в членах отряда Поло мысли о Венеции и Адриатике, но при ближайшем рассмотрении Ормуз оказался не столь прекрасной жемчужиной, какой виделся издали. Прежде всего, «если купец умирает здесь, царь конфискует все его имущество». Да и климат был опасен для неосторожного путника. Ветер из близлежащих пустынь бывал «так невыносимо горяч, что не спастись бы от жары, если бы люди, предвидя ее приближение, не погружались по горло в воду, так спасаясь от зноя».

В Ормузе Марко с ужасом услышал рассказ о том, как смертоносный ветер захватил врасплох в пустыне не менее шести тысяч солдат (пять тысяч пеших и тысячу конных) и задушил всех, так что ни один не выжил, чтобы доставить известие своему повелителю. «Люди Ормуза» узнали о массовой гибели и решили похоронить трупы, чтобы предотвратить заражение, но, «когда они хватали их за руки и тащили к могиле, они (тела) были так опалены неслыханным жаром, что руки отрывались от туловища, так что людям пришлось вырыть могилу рядом с трупами и столкнуть их туда».

Разочаровал их и осмотр парусных судов. «Суда очень плохи, многие протекают и тонут, потому что скреплены не железным гвоздями, а сшиты кокосовым волокном», — удрученно сообщает Марко. Да и остальное не внушало большого доверия. «Корабли имеют одну мачту, один парус, один руль и не имеют палубы; нагрузив судно, груз покрывают шкурами и на них заводят лошадей, которых везут в Индию на продажу». Такое устройство внушало тревогу: Марко предпочел бы для надежности два руля, две мачты и солидную палубу. Эти же хлипкие суденышки словно напрашивались на беду при первой непогоде. Хуже того: «У них нет железа для гвоздей, поэтому они используют деревянные колышки, конопатя пазы волокнами. Поэтому плавание на таких кораблях очень опасно. И даю вам слово, — говорит Марко, — что многие из них тонут, потому что Индийский океан очень бурный». Эти протекающие кораблики даже не смолили по-настоящему, а «пропитывали рыбьим жиром».

В конце концов Поло решили не плыть в Индию морем. Зарабатывая себе на жизнь расчетами, привыкнув жить своим умом, они пришли к выводу, что этот путь слишком опасен. Они покинули Ормуз столь же быстро, как прибыли, и вернулись в Керман, где заново обдумали способ добраться до Китая и до двора Хубилай-хана. Чем доверять свою жизнь ненадежным судам, они предпочли передвигаться в ритме неспешной поступи верблюдов — по древ-

ним торговым дорогам, получившим название Великий Шелковый путь.

Когда их верблюды и ослы углубились в дикую местность, оробевший Марко заметил, что «иногда на шестьдесят миль пустыни нигде не найдешь воды». Поло беспокоились не только за себя, но и за своих вьючных животных, от которых зависела их жизнь и состояние. «Где и есть вода, — сообщает Марко, — она солоноватая и зеленая, как луговая трава, и такая горькая, что никто не может пить ее». Вода была не просто неприятна на вкус, но и опасна. «Выпив одну каплю ее, опорожняешь чрево десять раз подряд. То же и с солью, которую из нее добывают. Одна крупинка ее вызывает жестокий понос». Обезумевшие от жажды животные, пившие эту воду, страдали не меньше.

Все же караван продвигался вперед. Поло доверили свое добро — да и свои жизни — бактрианам (*Camelus bactrianus*), служившим путешественникам по Шелковому пути с библейских времен. В отличие от одногорбых дромадеров, обычных в Северной Африке, у бактрианов два скособоченных горба с запасом жира, почти нет ушей, зато крепкие зубы, часть которых заострена. Расцветка этих животных разнообразна, как цвета самой пустыни: от грязно-белого до густого песочно-бурого.

Верблюды приспособлены к переходам через пустыню. Широкие раздвоенные копыта не проваливаются в рыхлый песок, а большие ноздри обрастают шерстью и способны закрываться, подобно клапанам, предотвращая попадание в них летящего песка. Бактрианы чрезвычайно выносливы, привыкли спать на жесткой земле, их тела защищает густая толстая шерсть. Они могут обходиться без воды несколько дней, а если есть корм — еще дольше. Давно было отмечено, что эти верблюды словно наделены шестым чувством, позволяющим им находить дорогу в пустыне. В III веке до нашей эры китайский автор Сюэ Пу заметил: «Верблюд — не обычное домашнее животное; на его спине есть седло из собственной его кожи: он быстро одолевает зыбучие пески; он проявляет свои достоинства

в опасных местах; он тайным чутьем отыскивает источники; воистину, непостижимо это его умение!»

Марко, его отец и дядя остро ощущали соседство со своими вьючными животными; присущий им резкий запах бил в ноздри хозяевам. Верхом на верблюдах нечего было рассчитывать на ровную поступь. Зато крепкие бактрианы могли нести на себе более шестисот фунтов и при благоприятных условиях покрывать тридцать миль в день. Ни одно животное не могло сравниться с ними в пустыне.

Через несколько дней нелегкого пути на спинах верблюдах изможденные и измученные жаждой путники достигли первого оазиса.

Эта спасительная пристань носила имя Сапурган — «город прекрасный, и великий, и плодородный, и изобилующий всем нужным для жизни». В нем были купы деревьев, возможно тополей, с листьями, казавшимися живыми и яркими в воздухе пустыни, и знаменитые местные дыни, такие спелые и сладкие, что казались «лучшими в мире». Ими питались круглый год. Марко описывает технику их консервации: «Когда они высохнут, их нарезают полосками, как нити или кожаные ремешки, и тогда они становятся сладкими, как мед».

Еще в персидских горах Марко подпал под очарование другого города, Тонокаина. Мужая, он начал обращать внимание на женщин и решался описывать их с живым одобрением и бесцеремонностью, плохо сочетавшимися с благочестивыми отчетами о чудесах, вставленными в его рассказ Рустичелло. Женщины Тонокаина привлекли его взгляд и мимолетно пленили сердце. Он назвал их «прекраснейшими в мире». Женщины эти были мусульманками и не так давно заслужили бы от него лишь презрение как идолопоклонницы, теперь же он только о них и думал. Даже принимая в расчет его склонность к преувеличениям, столь откровенное признание наводит на мысль, что испытанное в пути повлияло на взгляды Марко на мир.

Близ Тонокаина Марко обратил внимание на святилище «Сухого Дерева». Хотя он не потрудился объяснить, в чем было значение этого дерева, многие из его слушателей знали, что Сухое Дерево фигурирует в христианских легендах и в романах об Александре, как древнее или бессмертное явление, обладающее магической силой. Поклонение Сухому Дереву, редкому явлению в этой засушливой гористой местности, возможно, восходит к первобытному культу деревьев или природы. Приведенное Марко подробное описание предполагает, что он видел его собственными глазами. «Оно очень большое и толстое, листья его зеленые на одной стороне и белые на другой, и оно дает плоды, подобные плодам каштана, но внутри они пусты. Для еды они не годятся. Из его древесины делают бальзам. Древесина плотная и очень твердая». Впрочем, эти сведения он мог получить и из вторых рук.

Марко углубляется в описание птиц, животных и охоты, а его отряд тем временем вступает на территорию ассасинов, беспощадных убийц, угрожавших могущественным военачальникам и государям. В Западной Европе о них узнали после покушения вооруженного кинжалом ассасина на принца Эдуарда (вскоре ставшего королем Эдуардом Первым), случившегося в Иерусалиме за год до отправления отряда Поло. Эдуард излечился от многочисленных колотых ран и поспешил вернуться в Англию, однако подобные инциденты окружали легендами тайное братство террористов, умевших нанести удар в самый неожиданный момент. Марко и его соавтор сознавали, что повторение историй об ассасинах лишний раз ужаснет читателей, и выжали из зловещей таинственности этой секты все возможное.

Опираясь на рассказы отца и дяди, Марко объясняет, что пресловутые убийцы — последователи овечьего легендами, однако вполне реального человека, известного как Старец, который отдавал свои приказания из крепости под названием Аламут — Орлиное гнездо. Слово «ассасины», —

говорит Марко, — возникло из арабского выражения, означающего «поедающий гашиш» — этим ритуалом они вдохновлялись на свои «подвиги». Он повествует, как Старец одурманивал своих последователей и делал их покорными своей воле. «Когда Старец желал убить начальника идущего против него войска или своего врага, он приказывал поместить нескольких юношей в рай — четыре, десять или двадцать. У него был опиум... который он давал им три вечера подряд... и они спали три дня и три ночи. Затем он велел перенести их в сад и разбудить». В этот миг их взглядам представлялись соблазнительные чудеса: «пение и музыка, и ласки, и любые забавы, каких те могли пожелать, им подавали пищу и самые тонкие вина, опьяняя их множеством удовольствий, и видя ручейки, текущие молоком и вином», они верили, что «воистину в раю». Описывая эту картину, Марко, возможно, преувеличивал роль, которую играл гашиш в секте ассасинов. Применение этого наркотика в тех местах было широко распространено, и не только среди ассасинов, однако его действие могло скорее ослабить, чем воодушевить прибегающих к нему.

Фанатичные ассасины несли смерть в окрестные земли. Марко сообщает: «Многие цари и властители платили Старцу дань и заискивали перед ним из страха, что он может принести им смерть. Так случилось потому, что в то время народы не были связаны союзом, но разобщены различием интересов и целей». Так обстояли дела до 1256 года, когда один из братьев Хубилай-хана, Хулагу, уничтожил бандитов из Орлиного Гнезда. Марко описывает трехлетнюю осаду, при которой ассасины погибли от голода. И с уверенностью сообщает: «В настоящий момент нет никакого Старца, и никого нет на горе, и ассасины, сотворившие столько зла, теперь в прошлом». Он был не совсем прав, поскольку последние ассасины скрывались в горах и во времена Марко, и хотя они уже не могли представлять серьезной угрозы, прежняя репутация еще сохранялась за ними.

Своим искусным описанием Марко увековечил образ ассасина в сознании европейца, однако он сам признает,

что его рассказ основан на свидетельствах из вторых рук, а не на личном опыте. На самом деле секта, основанная Хассаном ибн аль-Саббахом, представляла собой более сложное явление. Ее фанатичные члены стали известны как низари (по имени их халифа Низара ибн аль-Саббаха) или исмаилиты. Они заняли горную крепость Аламут, находившуюся к югу от Каспийского моря. По мере роста секты ее форпосты продвигались в Персию и Сирию, а члены секты были жестко разделены на классы: мученики и ассасины принадлежали к высшей категории. Молодой венецианец не знал, что такой же ужас и ненависть исмаилиты внушали и мусульманам, которые считали их опасными еретиками.

На душе у Марко было по-прежнему беспокойно, хотя караван постепенно спускался от грозного замка «через прекрасные долины и по красивым склонам» на зеленую равнину, «где много сочной травы и хороших пастбищ для скота, и довольно плодов и прочего, чтобы насытиться вволю».

Далее отряд Поло с опаской двинулся на восток через земли современного Афганистана, оси Средней Азии. Семьсот лет спустя легендарная английская путешественница Нэнси Хатч-Дюпри опишет путь к Балху: «Здесь узловатые ветви, почерневшие от влаги, образуют абстрактный узор на блистающих зимних снегах. Резкость картины смягчается, когда весна расстилает покров нежной зелени; цветут тюльпаны, и дети мастерят для прохожих изящные легкие трости. Позже расцветают вишни, абрикосы, груши и миндаль, красующиеся на фоне сияющего синего неба или тяжелых черных дождевых облаков. Летом долина пышна и полна жизни, пока холодные осенние ночи не наполняют ее всеми оттенками желтого, золотого и красного, а затем снова приходит зима». Таков был сказочный пейзаж, встретивший путешественников. Шесть дней они ехали этими идилическими долинами, среди которых

стояли мирные селения и маленькие мусульманские городки. Отсюда начиналась дорога в Китай.

Место их следующего привала, Балх, был самым знаменитым и беспокойным из крупных городов Афганистана. Это, говорит Марко, «город благородный и великий... самый большой и красивый в этих местах». Вернее, таким он был прежде.

Ко времени, когда караван Поло добрался до Балха, горе и ужас истории просочились из земли и пропитали камни: здесь произошло столкновение культур, и призраки истории населяли теперь Балх, чьи руины хранили образ былого величия. В древние времена своего расцвета Балх (или Бактрия, как его тогда называли) был родиной пророка Заратустры (или Зороастра), рожденного, как считалось, в 628 году до нашей эры и принесшего в Персию новую веру. Зороастризм включал поклонение огню, веру в оккультные силы, многобожие и, в позднейшей форме, вечный огонь, горевший в Храме Огня. Мистическое учение Заратустры получило широкое распространение. По преданию, пророк был убит кочевниками в возрасте семидесяти семи лет, когда молился перед алтарем огня в Балхе. Много позже нашествие арабов принесло сюда ислам и сделало Балх «матерью городов». Таким он и оставался до нашествия монголов, которые, по словам Марко, «разграбили и разгромили его». Марко имел в виду события 1220 года, когда Чингисхан прогнал через Балх сто тысяч коней, сравнивая его с землей.

Его методы были исключительно жестоки. Персидский историк XIII века Ала-ад-Дин Ата-Малик Джувайни писал, что Чингисхан приказал «выгнать жителей Балха, больших и малых, мужчин и женщин, на равнину, чтобы по обыкновению разделить их на сотни и тысячи, после чего предать мечу». Вернувшись в Балх, он приказал, чтобы «спрятавшиеся по углам и щелям... были убиты. И где стояла стена, монголы разрушали ее... стирая все следы цивилизации в тех землях».

Монголы считали, что подобная жестокость неизбежна при строительстве империи. Для их жертв «монгольская агрессия» была бесконечной цепью злодеяний. «Плодородные земли превращались в пустыню, — продолжает Джувайни, — и с тех пор эта местность пришла в запустение, большая часть населения погибла, их кожа и кости стали прахом, от прежнего могущества не осталось и следа». Опустошенная крепость в мусульманском городе Бамьян получила название Шарр-и-Голгола — «Город Шума». Ее же называли Безмолвным Городом, или Городом Воплей, или даже Проклятым Городом в память об устроенной там монголами бойне, не пощадившей ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни даже животных. Балх, оставаясь воротами на Шелковом пути, ведущем к богатствам Китая, так и не оправился от удара.

В Балхе Марко ощутил бесконечное страдание, причиняемое войной. Он учился сочувствию, он будто слышал вопли жертв, когда пришельцы-монголы уничтожали процветавший некогда город, он с ужасом и отвращением видел цивилизацию, повергнутую в прах жестокими захватчиками. Он предпочитал вспоминать свои мальчишеские мечты о предыдущем завоевателе этих мест, Александре Македонском, и дивиться, что он идет по стопам армии Александра. Говорили, и Марко этому верил, что голубоглазые обитатели тех мест — потомки солдат Александра (хотя его воины не обязательно были голубоглазыми) и что местные породы овец и лошадей ведут род от скота, пригнанного армией. Конь Александра, Буцефал, считался предком тех коней, которые и теперь бродили по холмам.

Марко вдохновлялся героическим примером Александра: если молодой полководец сумел пройти этот путь, сможет и он. Конечно, Поло были купцами и торговцами, а не завоевателями, но на пути к великой прибыли им приходилось одолевать те же препятствия. Двигаясь в кильватерной струе великих войн, Поло могли считать себя коммерческой армией, ищущей великих природных богатств.

Глава 4

ОПИУМ

Садами и ручьями он украшен.
В нем фимиам цветы струят
сквозь сон...

Искомые богатства Поло нашли в Тайкане (ныне афганская провинция Таликан), где обрели драгоценный товар — соль. Точнее, горы соли, «лучшей в мире», и такой твердой, что для ее добычи требовалось немало труда. Соль была своеобразной валютой (с римскими солдатами расплачивались солью), соль была средством консервации, соль была двигателем античной и средневековой экономики. Местный рынок привлек Поло еще и тем, что изобиловал зерном, миндалем и фисташками, собранными на плодородных полях и в рощах той местности. Поло приготовились заняться торговлей.

Проблему представляли люди, с которыми сталкивались Поло. Марко их не выносил: «воры, разбойники, мародеры и предатели», люди, чьи преступления приправлялись выпивкой. Он пишет: «они много времени проводят в тавернах», напиваясь кислым вином. Тем не менее он очарован их изобретательностью и охотничьим искусством, позволяющим справиться даже с ужасными дикобразами. «Когда охотник хочет изловить их, он натравливает злобных больших собак, дикобраз сжимается в комок и весь со-

трясается от ярости, бежит и бросает иглы, которые непрочны закреплены у него на спине... в собак и людей, раня их, часто в нескольких местах. Затем охотник подходит и берет их».

Вскоре Марко, отец и дядя снова двинулись в путь.

Никто из Поло, да и вообще никто в то время не заявлял, что следует по Шелковому пути: такого пути не существовало. Торговцы драгоценными камнями, пряностями, шелком и другими тканями передвигались по запутанной, но очень древней дорожной сети, через горные перевалы. На этих тропах, охвативших Среднюю Азию и Китай, порой можно было встретить монаха или миссионера. Шелковый путь как единое целое был обозначен этим именем лишь в 1877 году, когда немецкий географ барон Фердинанд фон Рихтофен ввел зрелищный, но искусственный образ «Seidenstrasse». Хотя название это намекает на романтику, роскошь и чувственность, идущим по этому пути в поисках наживы, завоеваний или спасения приходилось сталкиваться с жестокими трудностями и опасностями.

Путь начинался с многочисленных дорог через Среднюю Азию — где именно, определить невозможно — и тянулся к восточному побережью Китая. Ответвления уходили на юг, вглубь Индии. Поло вступили на него в самой западной области, где производили шелк и товары из шелка. Как все купцы, они двигались в составе большого каравана (на персидском слово «караван» означает компанию) и вскоре поняли, что их путь определяется сетью караван-сараяв. Караван-сарай представлял собой сочетание конюшни и гостиницы, обслуживавшей проезжих купцов. Они часто размещались у реки, в оазисе или у селения с мечетью и походили на неприступную скалу: сплошная стена поднималась на высоту нескольких этажей, только внизу имелись отверстия для воздуха, да под крышей — маленькие окна. Путешественники попадали внутрь через тяжелые ворота, пропускавшие их вместе с верблюдами и прочим тягловым скотом, который на ночь привязывали железными цепями. Внутри они находили мощный пли-

тами двор и десятки усталых верблюдов и ослов вокруг центрального колодца, а дальше — склады для товаров и стойла для скота. На краю прямоугольного двора горел кухонный очаг, от острого запаха пищи текли слюнки. Служитель, стоявший у входа, распределял воду и еду и поддерживал порядок. В маленькие голые комнаты над стойлами попадали по лестнице. Животные же оставались на цепях в «сараях», то есть в стойлах.

В Афганистане караван-сарай назывались «робаты» — от древнего термина, означавшего веревку для привязи коня. Поло находили робаты на всем пути через Афганистан: они были расположены часто, на расстоянии менее двадцати миль друг от друга (примерно на расстоянии дневного перехода). Расстояние в этих местах измерялось в «фарсах» — пять фарсахов составляли дневной переход. В караванах обычно бывали не только верблюды, но и ослы. Погонщик верблюдов назывался «сарехан». Он ехал на переднем верблюде. Твердого на ногу ослика часто пускали впереди верблюда, привязывая его узду к ослиному хвосту. Таким простым, но практичным методом путешественники преодолевали тысячемильные просторы Азии.

Марко не был первооткрывателем пути, которому предстояло назваться «Шелковым». Ему предшествовали похождения монгольских, турецких, арабских купцов и монахи. Не был он и первым представителем Запада, описавшим свои приключения в Азии. Почти за сто лет до него наваррский раввин Вениамин из Туделы дал очень похожее описание. Вениамин, подобно Марко, совершил это путешествие в качестве купца. Таким образом он сталкивался с местными чиновниками, колоритными характерами и с другими купцами. Куда бы он ни попадал, в Барселону или в Константинополь, в Багдад или еще дальше на восток, он прежде всего приводил описание местной торговли.

В Багдаде Вениамин получил возможность собрать сведения относительно иудеев, живших в Персии и в странах Востока. Позже он включил эти сведения в «Книгу Стран-

ствий», касавшуюся 1160–1173 годов. Собирая надежную информацию об иудеях в Палестине, Фивах, Антиохии, Тире, Ливане и Парнасе, он делал заметки о еврейских купцах, красильщиках, судовладельцах, крестьянах и ремесленниках. Он обсуждал малоизвестные иудейские секты и описал появление в Персии иудейского самозванного мессии и мистика Давида Алроя, немало на шумевшего незадолго до путешествия Вениамина. Он привел названия 248 еврейских общин, найденных им по всей диаспоре.

Любознательность побудила его заинтересоваться сектой ассасинов — тех самых, которыми позднее пугали Марко Поло. «Они исполняют любой его приказ ценой жизни и смерти», — писал Вениамин об их предводителе, предвосхищая сообщение венецианца. Вениамин не продвинулся глубоко в Азию. Побывав в Багдаде, он благополучно вернулся в родную Испанию через Сицилию. Тем не менее он повидал немалую часть мира. Однако Вениамин из Туделы, писавший на иврите, остался неизвестным европейцам, за исключением горстки евреев. Его труд был опубликован только в 1543 году, а переведен на другие языки только в XVII веке.

В Европе еще верили мифу о пресвитере Иоанне — христианском властителе, правившем, по преданию, богатой империей, расположенной в Африке или в Азии — где именно, никто не знал, но теорий хватало с избытком. Церковь жаждала установить с ним связь, чтобы общими силами разбить неверных, окруживших огромный залив между Востоком и Западом. Пресвитер Иоанн был иллюзией, но эта иллюзия была достаточно сильна, чтобы вдохновлять христианских миссионеров на путешествия на Восток. Начиная с 1235 года ряд папских булл дал таким миссионерам полномочия, превосходящие права европейских епископов. Они могли по своему усмотрению изгонять ересь, обращать неверных, примирять схизматиков — иными словами, делать все, чтобы установить знакомое, общепринятое христианство среди тех, кто мало

знал о Риме или принадлежал к древним сектам, уже много веков шедшим своим путем.

Первым известным нам миссионером, отправившимся в Китай по пути, которым позже прошли Поло, был Джованни Плано дель Карпини, францисканец из Кельна. Францисканцы, подобно буддийским монахам, сочетали строгий обет бедности с мощными евангелическими тенденциями и, подобно буддистам, были вполне подготовлены к суровым испытаниям на Шелковом пути. В 1245 году, получив грамоты от папы Иннокентия Четвертого, Карпини и еще один монах, известный как Бенедикт Польский, проделав труднейший путь, вышли к западной границе монгольской империи на берегах Днепра. Затем, перебравшись к другой части границы в низовьях Волги, они покорно подчинились, или принуждены были пройти монгольский ритуал очищения, состоявший в прохождении между пылающими кострами.

Дожидаюсь, пока папские грамоты переведут с латыни на русский, арабский и монгольский, они едва не умерли с голоду, пробавляясь просяной кашницей на талой воде. Судя по тому, как с ними обращались, несчастные миссионеры, вероятно, не подозревали, что монголы питают почтение к святым людям любого вероисповедания. После подтверждения их личностей и полномочий миссионерам разрешили продолжить путь на восток.

Впереди лежали три тысячи миль по степям и засушливым пустыням Монголии. Путешественники покрыли это расстояние за пятнадцать месяцев и достигли монгольской столицы Каракорум, когда новый хан, Гуюк, готовился принять ханский титул.

Гуюк радушно принял посланцев Запада, выслушал их призывы к христианской вере и ответил, что повинуется, только если папа и все светские владыки Европы явятся в Каракорум, чтобы присягнуть ему на верность. Или, как выразился новый хан: «Вы сами должны прийти во главе всех ваших государей и доказать нам свою верность и покорность. Если же вы отвергнете волю Бога ислушаетесь

нас, мы будем видеть в вас своих врагов. Все, кто признает и почитает Сына Божьего... будут стерты с лица земли». Разочаровывающий итог труднейшего путешествия.

В ноябре 1246 года монахи, пройдя сотни миль сквозь жестокие бураны, принесли это известие папе Иннокентию IV. Хотя миссия провалилась, это было великое путешествие. Считается, что Карпини первым после 900 года пробился восточнее Багдада и благополучно вернулся из недоступных пустынь Азии.

Карпини не удалось обратить монголов в христианство, но его путешествие не пропало даром. Он дал западному миру первое вразумительное описание монгольских обычаев, написав труд, названный «*Historia Mongalorum*» (История монголов), или «*Liber Tartarorum*» (Книга о татарах). Не равняясь по драматичности с повествованием Марко, его отчет отличается простотой и ясностью. Первые восемь глав описывают земли, климат, обычаи, религию, характеры, историю, политику и военную тактику монголов; девятая глава посвящена другим регионам, которые проходил Карпини. Отчет помог западным читателям понять монголов и увидеть в них людей. Он описывает монголов как замечательный и даровитый народ.

Карпини живо воспроизводит странный, но благородный облик народа, которому суждено было править Азией, а возможно, и Европой.

«Наружностью татары отличаются от всех прочих людей, у них шире расставлены глаза и шире скулы. Кроме того, щеки у них значительно выдаются над челюстями. Носы у них маленькие и плоские, глаза малы, а веки поднимаются к бровям. Большей частью, хотя с немногими исключениями, они тонки в поясе; почти все среднего роста. Едва ли у кого-нибудь из них растет борода, хотя у иных есть немного волос на верхней губе и на подбородке, и волосы эти они не подстригают».

Он также отметил самую характерную черту монгольской прически: тонзуру. «На верху головы они имеют тон-

зуру, как клирики, и, как правило, выбривают голову от уха до уха на ширину трех пальцев, и эта выбритая часть соединяется с тонзурой. Волосы надо лбом они также выбривают на два пальца, но волосы между выбритыми частями и тонзурой отращивают до бровей и, подрезая больше в середине лба, отпускают волосы так... длинно, как у женщин, и заплетают их в две косы, которые перевязывают за ушами». Он подробно описывает одежду монголов: «Замужние женщины носят очень широкую тунику, распахивающуюся до земли спереди. На голове у них круглый убор из коры или веток... а на верху его тонкая трость из золота, серебра или из дерева, или даже из перьев, и она вшита в шапку, которая спадает до плеч. Шапка, так же как убор, крыта клееным холстом, бархатом или парчой, и без этого головного убора они никогда не показываются перед мужчинами, и по нему их отличают от других женщин».

Несмотря на то что некоторые монголы берут до пятнадцати или даже до ста жен, Карпини с похвалой отзывается о целомудрии женщин и о честности всех монголов. Менее уверенно, но с равным интересом он обсуждает их неистовый шаманизм. У них, кажется, нет понятия о проклятии и вечном аде, однако, к его облегчению, они верят в жизнь после смерти, хотя она и сильно напоминает их земное существование — есть, пить кумыс и пасти стада.

Он предостерегает путешественника по Шелковому пути: «Погода там поразительно непостоянная, и даже в середине лета, когда в других местах стоит жара, бывают жестокие грозы с молниями, которые губят многих людей, и в то же время сильные снегопады». Кроме того, «бывают пронзительно холодные ветры, такие сильные, что временами всадник с трудом может ехать против ветра». Такие устрашающие перспективы предстояли Марко на пути к Хубилай-хану.

Сведения, собранные Карпини, циркулировали по Европе в форме рукописей и вошли в средневековую энцик-

лопедию «Speculum historiale» (Историческое зеркало) Винсента из Бове.

По организации, темам и широте обзора Карпини предвосхищает «Путешествие» Марко Поло. Хотя до отъезда в Китай тот не видел отчета Карпини, но, по всем признакам, ознакомился с ним, прежде чем написать свой собственный, гораздо более детально разработанный труд, и в значительной степени использовал его. Марко, как и Карпини, разбил свой отчет на разделы, касающиеся разных сторон жизни монголов, и, подобно Карпини, стремился придать человечность облику благородных дикарей. Марко наделен гораздо более ярким и впечатлительным темпераментом, нежели преданный чувству долга и привыкший подавлять страсти францисканец. Он не просто изображает монголов людьми, он их превозносит. Он не просто описывает жизнь монголов, он ею живет. Карпини пытался обратить монголов в христианство и ничего не добился. Марко, напротив, отождествляет себя с монголами. Если для Карпини монголы несомненно «иные», Марко воображает, что мыслит, как они, действует, как они, и временами сам чувствует себя монголом.

Вдохновленные примером Карпини, и другие путешественники вступили на Шелковый путь и возвратились, чтобы описать чудесные и устрашающие виды, встреченные на нем. Миссионер-францисканец Гийом де Рубрук пустился в путь с собратом-францисканцем Бартоломео из Кремоны. С ним был купленный в Константинополе раб, переводчик и несколько воловьих упряжек, чтобы пересечь пустыни Монголии. Его прилежный отчет о пережитых приключениях открывал странные чудеса, ожидающие путешественника на востоке. «Когда я очутился среди варваров, — писал Гийом, — мнилось мне, будто мы шагнули в иной мир». Он и его товарищи выучились терпеть постоянный голод и одиночество пустынных пространств Шелкового пути, но тяжелее пришлось им, как он отмечал, «когда добрались до населенных мест. Не нахожу

слов, чтобы описать наше жалкое положение в их селениях». Нищета монголов внушала отвращение даже монаху, привычному к умерщвлению плоти. Гийом счел, что монголы более думают о выпивке и пирах, нежели о сокрушении христианства. Они оказались — и это стало откровением для европейцев, предрасположенных видеть в них варваров, — очень похожими на людей.

Гийом, явно предвосхищая меткие наблюдения Марко, описывает женскую косметику. «Казалось, будто ей отрезали нос, такой он был тупой, — пишет он о жене вождя. — Она вымазала эту часть лица какой-то черной мазью, как и брови, так что нам представлялась чрезвычайно ужасной». Он без стеснения описывает семейные обычаи монголов. Мужчины берут «жен кто сколько может» и еще держат рабынь-наложниц. Когда женщина достигает возраста замужества, жених берет ее силой, часто с помощью отца невесты.

Подобные описания завораживали тех немногочисленных ученых, лиц благородного или духовного звания, которые способны были их прочесть. Гийом в своем описании романтизирует монголов. Они берегут свое, терпимы к чужим, уважают иные верования — чем отличаются от более «цивилизованных» европейцев — и живут в духовной гармонии с природой, с землей и сменой времен года. Монголы оказались более сложным явлением, чем даже в описании Карпини.

В поисках христианского хана, о котором ходило столько слухов, Гийом де Рубрук вынес ужасающие лишения на Шелковом пути. Как прежде Карпини, ему пришлось довольствоваться холодной кашницей, иногда приправленной мороженым сырым мясом. Наконец Гийом добрался до Каракорума и описал его в чрезвычайно реалистичной манере. Это, по его словам, маленькое селение, еще меньше, чем Сен-Дени под Парижем. Каракорум не выглядит оплотом власти монголов, а скорее выказывает отсутствие единства. «В нем два квартала. В одном, сара-

цинском (мусульманском), есть рынки, и сюда собирается великое множество татар, стремящихся ко двору, — отмечает он. — Другой квартал катайцев (китайцев), которые все ремесленники... Здесь имеются двенадцать храмов с идолами разных народов, две мечети... и одна христианская церковь на самом краю города». Каракорум был еще и важной дипломатической столицей, принимавшей не только послов папы, но и посольства императоров, султанов и королей Азии и Восточной Европы, которых всегда встречали весьма холодно. Несмотря на созданную монголами атмосферу религиозного разнообразия и терпимости, Гийом де Рубрук окрестил всего шестерых. Кажется, в дальнем и многотрудном пути он растерял религиозное рвение, сталкиваясь с реальностью, плохо согласовавшейся с его теологическими представлениями. Он описывает человека «с крестом, нарисованным чернилами на ладони», которого он принял за христианина. «потому что на заданные мной вопросы он отвечал, как христианин». Однако религиозные символы, носимые тем человеком и другими, подобными ему, показались брату Гийому не вполне ортодоксальными. Он пришел к выводу, что это христиане, оставшиеся без должного наставления относительно обрядности.

Обходя Каракорум, Гийом де Рубрук наткнулся на «храм идола», чьи служители, как он заметил, «радушно приглашали и любовно занимали всех посланцев, каждого соответственно его способностям и положению». Он побывал в буддийском монастыре, священная аура которого искушала его близостью к реалиям христианства. «Их храмы обращены на восток и на запад, а на северной стороне имеется камера, подобная ризнице. Иногда, если храм квадратный, ризница и хоры размещены в центре. Внутри этой камеры они помещают сундук, длинный и широкий, как стол, а за ним, лицом к югу, стоит их главный идол. Тот, которого я видел в Каракоруме, величиной с образ св. Христофора... Они ставят других идолов вокруг главного, и все они по-

крыты тонкой позолотой, а на сундуке, подобном столу, ставят свечи и приношения... У них, как и у нас, есть большие колокола. И потому, как мне кажется, христиане Востока — несториане — не используют больших колоколов».

Буддийские жрецы обольщали брата Гийома, как позже — Марко Поло.

«У всех их жрецов головы и бороды выбриты, и они носят оранжевые одеяния и, будучи обриту, ведут чистую жизнь, собираясь по сто или двести в одном монастыре. В те дни, когда они входят в храмы, они ставят внутри две длинные скамьи. На них садятся лицами к поющим в хоре. В руках у них некие книги, каковые они иногда кладут на скамью, и головы их обнажены, пока они остаются в храме, — замечает он. — Они тихо читают про себя, почти неслышно. Оказавшись среди них во время их богослужения и видя, что все они сидят как немые, я пытался добиться от них ответов, но не сумел никакими средствами».

Рукописные манускрипты буддистов оказались более красноречивы. «Образ их письма походит на татарский. Они начинают писать наверху листа, ведя строку сверху вниз, и так же они читают, и умножают строки слева направо. Они используют определенные письмены и знаки в магических обрядах, и храмы их полны коротких свитков, развешанных по стенам».

Гийом был настолько наблюдателен, что различил и другие типы письменности. «Катайцы пишут кистями, какими пользуются художники, и в одном знаке сочетают несколько букв, образуя слово. Люди Тибета пишут, как мы, слева направо, и буквы их схожи с нашими. Народ тангутов пишет справа налево, как арабы, и множит строки снизу вверх».

За десятилетия до появления в тех местах Марко Поло Гийом описал деньги, отпечатанные «на бумаге из хлопка, длиной и шириной в ладонь» — обменную валюту, настолько далеко опередившую все существовавшие на Западе, что она ставила европейцев в тупик. Не многие понимали, что будущее за ней.

Гийом вовлек буддийских монахов в теологический диспут, однако обманулся в своих ожиданиях. Когда он спросил, в какого бога они веруют, те, к разочарованию францисканца, ответили: «Мы верим, что существует лишь один Бог». Он ждал другого ответа. Среди нехристиан он готовился обнаружить идолопоклонство и прочие языческие практики.

Он поставил вопрос иначе: «Верите ли вы, что Он — дух некой телесной субстанции?»

«Мы верим, что Он — дух», — был ответ.

Убежденный, что они скрывают истину, Гийом пожелал узнать, почему, веруя, что Бог есть дух, они изображают его во множестве образов. И добавил: «Если вы также не верите, что Он подобен сотворенному человеку, почему вы изображаете Его в образе человека, а не любого другого создания?»

Монахи отвечали, что Гийом заблуждается: образы, о которых он говорит, изображают не Бога. Это были приношения богатых умерших, чьи родственники принесли в дар храму их изображения. «В память об умерших мы почитаем их».

— Несомненно, это превратный обычай, — презрительно сказал Гийом. — Вы делаете это только из дружбы и лести к людям.

— Нет, только в их память.

Далее монахи сами пошли в атаку.

— Где Бог? — спросили они у Гийома.

Тот ответил вопросом на вопрос:

— Где ваша душа?

Хозяева ответили, что душа помещается в их телах.

Гийом перешел на проповедь:

— Разве она не помещена во всех частях вашего тела, управляя и направляя его и все же оставаясь невидимой? Так же и Бог повсюду и правит всем, и все же он невидим, будучи самой мудростью и постижением.

Едва Гийом подобрался к сути, как переводчик «утомился», и диспут прервался в самом разгаре.

Духовной оттепелью в жестокой каракорумской зиме стало для Гийома объяснение с правителем области, Мункэ-ханом, внуком Чингисхана. Тот объяснил монаху, что как Бог дал человеку пять пальцев на каждой руке, так же Верховное Существо дало различным народам разные веры. Это проявление религиозной терпимости, глубоко укоренившееся в сознании монголов, бросало вызов всем убеждениям Гийома как миссионера христианства, однако он не мог отрицать достоинств изложенной ханом точки зрения и следующего из нее вывода, что единство веры превосходит все различия в ее проявлениях. Под конец этой увлекательной беседы с Гийомом Мункэ выразил осторожное приглашение к установлению дипломатических отношений или хотя бы диалога с христианским Западом. «Если ты повинешься нам, пришли гонцов, чтобы мы знали, желаете вы мира или войны».

Гийом де Рубрук гонцов не прислал, однако его миссия, продолжавшаяся с 1253 до 1255 год, достигла частичного успеха. Отныне монгольские правители заинтересовались Западом, если не его религией, то хотя бы перспективами торговли.

Мункэ-хан умер в 1259 году. Его преемник Хубилай был избран «великим ханом» годом позже. Когда до папского двора дошли необоснованные слухи, что Хубилай обдумывает обращение в христианскую веру, миссионерская активность разгорелась с новой силой. Папа Николай III в 1278 году отправил миссионеров-францисканцев для наблюдения за ходом обращения, однако тем не удалось добраться до цели.

Между тем Хубилай-хан предпочитал, по обыкновению монголов, одновременно практиковать различные религии. Он поддерживал сердечные отношения с представителями всех вероисповеданий, даже если они жестоко противоречили друг другу. Такой образ действий оказался отличной политикой, потому что все веры стремились угождать Хубилай-хану, и никто не осмеливался объявить себя

его врагом — поскольку религиозные лидеры стремились сохранить духовную власть.

С каждым путешествием, с каждым новым отчетом мир для европейцев расширялся, представлялся все более хаотичным и все менее управляемым. Путешественники твердили об огромных расстояниях, о неизбежных трудностях пути, о непримиримых противоречиях между различными странами, культурами, языками, обычаями и религиями. Отчеты столь различных посланцев, как Вениамин из Туделы, Джованни Плано дель Карпини и Гийом де Рубрук, единодушно описывали мир за пределами Европы сложным, мятущимся и угрожающим, и при всем при том — податливым. Оценить величие свершений Марко Поло можно, в частности, сравнивая его повествование с рассказами предшественников. При всей увлекательности первые сообщения были одномерными и буквальными. Марко, в свой черед, вольно смешивал факты и фантазии, личный опыт и легенды, подпирая все это прямолинейными оценками виденных людей и мест и приукрашивая собственным бахвальством. Марко никогда не удовлетворялся чистыми фактами, сколь бы увлекательными они ни были, и воображение неизменно уносило его за пределы истории.

Вступив в Афганистан, Марко, по-видимому, несколько отвлекся от истинной цели своего путешествия и просто наслаждался жизнью. Наконец он достиг отдаленной провинции Бадахшан на северо-востоке. В этой области, принадлежавшей некогда древнему царству Бактрия, его впечатления резко поменяли знак. Здесь начинались настоящие торговые пути на Восток.

Афганистан времен Марко Поло простирался на север до Туркестана, на северо-восток до Китая, оккупированного монголами, на юг до полуострова Индостан и на запад до Персии. Афганистан, перекресток культур, языков и религий, превратился в центр торговли и перевозок. Его засушливые плоскогорья, плодородные долины и снежные пики прочертила сеть пеших и конных следов, караванных путей, удобных для купцов, подобных Поло.

Это древнее переплетение троп привлекало внимание пришельцев, из века в век превращавших Афганистан в огромное поле боя между разными культурами. Александр Македонский, вторгшийся с севера и продвигавшийся к легендарной Бактрии (Балх во времена Поло), основал здесь не одну, но несколько Александрий. Бактрийцы оказали сопротивление армиям Александра, однако в 328 году до нашей эры все же сдались. Бактрия усвоила культуру и язык Греции и вновь расцвела как полунезависимый город-государство. Далее она попала в руки Селевкидов, эфталитов и, наконец, турок, правивших здесь с VI века до вторжения армий Чингисхана. Ни одна армия не нанесла экономической и политической системе Афганистана такого ущерба, как монголы. Их было великое множество: шестидесяти- или семидесятитысячное конное войско монголов появлялось внезапно и быстро овладевало регионом. Конные воины пускали до шести стрел в минуту, обратившись вперед или назад, на всем скаку. Их стрелы затмевали небо, они выслеживали врага в любых укрытиях. (Во время одной из кампаний Чингисхан сам въехал верхом в мечеть и перебил всех, искавших в ней спасения. После этого сундуки, предназначенные для хранения Коранов, были использованы под зерно для лошадей.) Войско монголов уничтожило бесценную систему орошения и превратило плодородные поля в засушливые пустыни, которые Поло, как и другим путешественникам, нелегко было преодолеть. «Одним ударом был опустошен плодородный мир, — писал персидский историк XIII века Джувайни, — и с тех пор местность эта пришла в запустение, большая часть населения погибла, их кожа и кости стали прахом, от прежнего могущества не осталось и следа».

Описание путешествия молодого Марко по Шелковому пути показывает, как беззащитна была их маленькая семья. Письма, обеспечивавшие Поло покровительство папы, были бесполезны против разбойников и религиозных фанатиков. Если Марко и его спутники имели при себе оружие или какие-либо средства обороны, помимо хитроумия

и искусства, Марко о них не упоминает. Не говорит он и ни о каких особых мерах защиты против голода, заразных болезней и стихий. Засуха, песчаная буря, истощающая болезнь, шайка разбойников, ревнивые соперники, хищные животные, возбужденные запахом каравана, запутанные тропы, ядовитые источники, смертельные укусы змей, насекомых или скорпионов, паразиты, поселившиеся в пище или в подошвах ног, внезапный буран или удар молнии — любая из этих многочисленных опасностей могла покончить с экспедицией. Никакая спасательная партия не пришла бы им на помощь, и немногие в Венеции оплакивали бы их кончину.

Несмотря на множество опасностей, отряд Поло имел некоторые преимущества. Прежде всего двое старших Поло уже проходили этой дорогой. Далее, трое венецианцев редко оставались одни. На всем Шелковом пути они сталкивались с другими купцами или со святыми людьми: от несториан до буддистов. По Шелковому пути на самом деле перемещались не только торговцы шелком. И к услугам Поло была развитая система торговли и гостиниц, где — за плату — удовлетворяли все нужды путешественников, пока те не пускались в путь в предрассветной прохладе и тьме, углубляясь в бескрайние пустыни. До монгольского вторжения на плодородных полях собирали урожай; теперь же лишь редкие пучки травы оживляли унылое однообразие земли.

Марко и его спутники три дня ехали на верблюдах по пустыне, где «ни жилья, ни пищи, ни питья, помимо воды — для проезжего, но для лошадей достаточно травы». Наконец они, с великим облегчением, достигли Бадахшана, «большой провинции, — пишет Марко, — населенной мусульманами, обширного царства, в длину протянувшегося не менее чем на двенадцать дневных переходов». Цари Бадахшана, по словам Марко, были прямыми потомками Александра Великого «и его жены, дочери великого Дария, владыки великого царства Персидского». Бадахшан, встретивший Марко Поло, был, как и сегодняшний Бадахшан,

цветущим оазисом среди пустыни. После проведенных на пыльной извилистой дороге недель он обещал измученным путникам покой и отдых. Как немедленно отметил Марко, город был обязан своим богатством и славой не столько преданиям об Александре, сколько рубинам. «Рубины, — объяснял он, — добывают в скалах высоких гор, сталкиваясь с великими трудностями, потому что для их поиска с изрядными тратами и трудами выкапывают в горах большие пещеры и уходят далеко под землю, как в тех краях, где роют золото и серебро». Царь, если верить Марко, сам искал драгоценные камни, оставляя себе самые дорогие и казня всякого, кто осмелился бы добывать их без дозволения. «Царь, — говорит Марко, — делает это к своей чести, дабы balasci (рубины) оставались дороги и в цене, как теперь, потому что, если бы он позволил другим добывать их и разносить по свету, мир наполнился бы ими, и они были бы менее дороги и ценились бы ниже, так что царь мало получал бы прибыли или совсем не получал». Тот же принцип применялся к сапфирам, добывавшимся в этих горах, а также к «ультрамариновой лазури» (ляпислазури), серебру, меди, золоту и свинцу. Хотя Марко об этом не говорит, вероятно, его отец и дядя торговали камнями у представителей царя, выменивая рубины и сапфиры на золото или другие драгоценные камни, привезенные с собой и зашитые в складках плащей, которые не снимали ни днем ни ночью. Верблюдам, чтобы выжить, нужна трава и вода. Купцам, подобным Поло, для благополучия необходимы драгоценности.

Юношеское воображение Марко поразили местные выносливые кони, которые скакали по камням без подков. «Они ходят по горам и по плохим дорогам и не повреждают себе ног, и люди скачут на них галопом по горным склонам, где не могли бы скакать никакие другие животные». Марко с удовольствием пересказывает предание, что давным-давно все лошади в этой местности рождались с рогом, с меткой на лбу, как у Буцефала — коня Александра Великого, потому что кобылы понесли от того самого коня. Но потом вся эта порода погибла. «Эта порода была только во власти

дяди царя, и когда тот отказался давать их царю, тот предал его смерти, а его жена, несмотря на смерть мужа, уничтожила означенную породу, и так она пропала». Здесь Марко видел кречетов и соколов, и под ногами были колосившиеся поля, а над всем этим вставали крутые скалистые горы, укрывавшие селения, похожие на крепости.

В этих живописных местах с молодым Марко случилось нечто странное, о чем он обронил лишь легкий намек. «Оставаясь здесь, он год был болен, — говорит он о себе, — и, получив совет подняться в горы (от кого, он не говорит), вновь выздоровел». Эти несколько слов намекают на нелегкое испытание.

Маловероятно, чтобы он, как часто предполагали, заразился малярией, поскольку на этих высотах нет комаров, которые разносят инфекцию. Он мог страдать от симптомов сифилиса или от серьезных психологических проблем. Но вероятнее, что он заболел туберкулезом. Это заболевание широко распространилось в Европе в годы его детства. Если он тогда заразился туберкулезом, болезнь могла дремать и активироваться в пути под влиянием стресса. Тогда у него появились бы лихорадка и кашель, от которых применялось лечение опиумом или производными опиума, и даже поправившись, он мог сохранить пристрастие к этим средствам.

Во времена Марко Бадахшан был ведущим производителем опиумного мака (*Papaver somniferum*) в Афганистане, а Афганистан был и остается его ведущим производителем в мире. Яркие поля, мимо которых они проезжали, приносили огромный урожай мака, но Поло не видел зла в этих цветах. Их яркие венчики, покачивающиеся под ветерком, выглядели в глазах юноши вполне безобидными, как и многочисленные способы их применения. Крошечные семена мака использовались в кулинарии, придавая аромат сладостям. Однако Марко Поло пристрастился к опиуму.

Используя его как лекарство, начал он с поедания мака, а потом, возможно, перешел к курению его или, точнее, его

высушенного на солнце млечного сока. (Инъекций в то время не существовало.) Одним из объяснений столь длительной задержки в Бадахшане мог быть курс лечения, во время которого он пристрастился к опиуму и вынужден был пройти детоксикацию — длительный и мучительный процесс очищения организма. Симптомы отвыкания включали тошноту, потливость, судороги, рвоту, понос, депрессию, потерю аппетита, тревожность и резкие перемены настроения. Он мог стать нервным, капризным, чувствительным к свету и гораздо более внушаемым. Там, где его отец и дядя видели дорогу, мост или бурю, Марко мог увидеть действие могучих безличных космических сил, влекущих его к неясной будущности.

К счастью, горы Афганистана благотворно повлияли на его здоровье. «В горах воздух так чист и целителен, что, если в городах или в домах, построенных на равнине, человек заболит лихорадкой... он тотчас же поднимается в горы и, оставаясь там два или три дня, изгоняет болезнь», — дивится Марко.

Эти наблюдения подкрепляются вескими научными обоснованиями. Известно, что высокогорье и свежий воздух — эффективное лечение туберкулеза. Горный воздух с низким содержанием кислорода сдерживает рост микобактерий, в том числе и тех, что вызывают туберкулез. А яркий солнечный свет высокогорья повышает содержание в организме витамина D, который, в свою очередь, уничтожает патогенные бактерии. Одним словом, горы Афганистана оказались для Марко спасением от туберкулеза (если он страдал именно этой болезнью), даже если они заманили молодого человека в сети наркомании.

Что бы ни случилось с Марко в Бадахшане, он покинул его уже более испытанным путешественником, готовым бороться с трудностями и опасностями жизни на Шелковом пути.

Глава 5

ПЛОСКОГОРЬЯ

Но между кедров, полных тишиной,
Расщелина по склону ниспадала...
Пленительное место...

Бадахшан задержал Поло на целый год. Настал 1273-й, и они уже два года были в пути, а путешествие их только начиналось.

После выздоровления Марко они двинулись дальше по Шелковому пути, ведущему по высокогорным плато. Их окружали горные бараны — *Ovis ammon*. «Они ходят иногда стадами по четыреста, пятьсот, шестьсот, — говорит он, — и многих из них убивают, но они не переводятся». Эти кроткие животные позже стали известны как «бараны Марко Поло», и местные охотники — умелые, хотя и несколько безрассудные — высоко ценили их. «Они хорошие лучники, — пишет Марко об охотниках, — и большая часть их одета в звериные шкуры по причине большой нехватки других тканей, потому что шерстяную одежду там либо невозможно достать, либо она очень дорога». Поэтому только «знатные дамы и знать в тех местах носят одежду из ткани».

Одежда женщин привлекла внимание Марко, хотя и не была в его вкусе, и он приводит описание, основанное на тщательной личной инспекции. «Они носят одежду вроде штанов до щиколоток, подобно мужчинам, о которых я вам

расскажу, и ткнут их из хлопка или из очень тонкого шелка с запахом мускуса. И они набивают в свои штаны много ткани. Иные дамы набивают едва не по сотне элей (эль равен трем футам девяти дюймам) очень тонкой материи из льняной кудели или хлопка, оборачивая тело как пеленами... и переплетая их».

Возможно, тучные овцы тех гор вдохновили местных женщин преувеличивать свои формы. «Они делают это, чтобы показать, будто у них большие бедра, и стать красивее, потому что в этих местах мужчины восхищаются толстыми женщинами, и та, у которой больше толщины ниже пояса, кажется им красивее» и «больше славится среди женщин». Оправляясь от болезни, Марк всего лишь второй раз с начала своего повествования выказывает интерес к эротике. Он все еще очень скромнен в сравнении с тем, к чему придет в скором времени.

От экзотических прелестниц Марко обращает взгляд к ожидающим на пути препятствиям. Им предстоял двенадцатидневный путь к верховью реки, мимо деревень, населенных мусульманами, христианами несторианского толка и буддистами, добравшимися в эти места по Шелковому пути. Горные ручьи, которых здесь было в изобилии, облегчали путь. Через некоторое время Поло со своими верблюдами и ослами добрались до меньшей провинции, которую Марко называет Вахан (Вокан), «подчиненную власти правителя Бадахшана». После короткого привала караван вновь двинулся круто вверх, «почти все время через горы, поднимаясь так высоко, что вершины этих гор высочайшие или одни из высочайших в мире». В данном случае Марко не преувеличивает. Его караван восходил к перевалу Терак на Памире: к традиционной разделительной черте между Востоком и Западом, и направлялся к самым отдаленным и глухим западным границам Китая.

На тюркском языке «Памир» означает высокогорное холмистое пастбище. Памирские плоскогорья проходимы только в сухое прохладное лето, когда перед путником рас-

стилаются необъятные цветущие луга, не похожие ни на что, известное в Западной Европе. Деревья там редки, как и реки, но талые воды ледников дают влагу. Солнечный свет резок и кажется серым, просачиваясь сквозь разреженную атмосферу. Дыхание здесь трудно дается путнику. Этот регион недаром был назван «Крышей мира». Он расположен на четырнадцать тысяч футов над уровнем моря и окружен высочайшими на земле вершинами, среди которых гора Эверест. В этой разреженной горной атмосфере чрезвычайно трудно сварить пищу или даже просто вскипятить воду. Марко не мог вычислить высоту Памира, но обратил внимание, что «здесь нет летающих птиц, потому что на этой высоте, в жестоком холоде, им нечего есть».

От целеустремленного маленького отряда Поло путь через Памир требовал выдержки и терпения — они шли через места, куда и птицы не залетали. Не они первые испытывали силы в борьбе с древними горными дорогами. Кочевники веками бродили по этим суровым местам, и дед Хубилай-хана, Чингисхан, однажды провел здесь свои смертоносные армии. Путешествие по Памиру привело Поло к одним из самых необычных геологических образований нашей планеты. Памир образует четырехугольник со сторонами около 150 миль, ограниченный снежными вершинами. Высочайшие горные хребты мира расходятся от Памира: Гиндукуш на северо-запад, система Тянь-Шань (небесные горы) на северо-восток, Каракорумский и Пималайский хребты — на юго-восток. Формирование региона началось около сорока миллионов лет назад, когда индийский субконтинент столкнулся с Евразией — заметное событие в движении тектонических плит, образующих земную кору, или литосферу. В случае с Памиром деформация, вызванная гигантским столкновением, распространилась во внутренние области Евразии, вытолкнув Тибет и создав разлом у монгольской границы. (Столкновение и деформация продолжают по сей день.) Для геолога Памир представляет редкую форму горизонтального текто-

нического движения, при котором сталкивающиеся плиты не только опускаются или поднимаются, но и сдвигаются в стороны. В этом случае горизонтальное движение, возможно, вызвано остыванием и сжатием плит, продолжающимся миллионы лет.

Здесь, на крыше мира, Поло нашли плато, поразительное Шангри-ла, созданное геологическими силами. Восхищенное описание Марко остается точным и по сей день. «Поднявшись так высоко, находишь большую равнину между горами, с тучными пастбищами и озером, из которого вытекает красивая река, широкая и полноводная». И еще более замечательно: «Здесь, наверху, самые лучшие пастбища в мире; тощий конь или бык или любое отощавшее животное, пасущееся здесь, становится очень жирным за десять дней». Он описывает множество «диких овец», примечательных огромными рогами, «иногда в шесть ладоней длиной», из которых пастухи делают чаши и другие сосуды, а также изгороди, чтобы отгонять зверей. Однако природа здесь не столь мирная, как может показаться в тонкой прозрачной атмосфере Памира. Ночью со склонов спускаются волки, «съедают и убивают множество овец».

Двенадцать дней путешественники ехали через этот дикий рай, не находя «ни жилища, ни гостиницы, но вся дорога пустынна, и не найти никакой пищи, так что путники должны везти с собой пищу, которая им необходима». Они страдали от усиливавшегося холода и разреженного воздуха. Костры, задыхаясь без кислорода, горели тускло и низко, и им с трудом удавалось приготовить еду. На краю плоскогорья они вышли на дорогу, тянущуюся еще сорок дней пути по горным склонам и долинам. Путь отмечали пирамиды из костей животных, сложенные проходившими здесь прежде. «За все сорок дней пути не было ни жилья, ни гостиницы, ни даже пищи, и путникам приходилось нести с собой все, что им было нужно». Не было караван-сараев, предлагавших приют, не было и попутчиков.

Внушительное и в целом точное описание дороги через Памир дало Западу первое представление об этом отдален-

ном регионе, связующем Восток и Запад. Хотя на Памире сходились несколько ответвлений Шелкового пути, для европейцев этот регион оставался *terra incognita*.

Знакомство с обитателями здешних мест, примитивный образ жизни горцев привели его в трепет.

«Они идолопоклонники, еще более непостижимые, чем мусульмане, — пишет он, — очень дикие и живут одной охотой». Как бы в подтверждение их дикости на них были одни только звериные шкуры: «Весьма жестокие и злые люди». Несмотря на холод и высоту, отряд Поло ускорил ход и проходил мимо без происшествий.

Трудности перехода через Памир закончились, когда караван достиг цветущего оазиса с городом Хотан, важного перевалочного пункта на Шелковом пути, стоявшего на краю пустыни Такла-Макан в западной части Китая. Этот район был чрезвычайно труднопроходимым. Название Такла-Макан означает «Пустыня Смерти», или «место, откуда нет возврата». Перепад температур в течение дня там составляет до 68 градусов по Фаренгейту. Достигнув этих мест, изнуренные и измученные жаждой Поло могли считать, что находятся посреди неведомых земель, и в некотором смысле так оно и было; Хотан удален от океанов, как ни одно другое место в мире. Номинально подчинявшийся Хубилай-хану, Хотан был важным центром буддизма, и осязаемое там присутствие буддизма впервые представило взгляду Марко духовную систему и философию, которые сперва отталкивали его, затем заинтересовали и наконец заслужили его восхищение. Местное население вело род от персов или индусов, пришедших с запада, и китайцев — с востока. Они заселили плодородную полосу земли вдоль реки, текущей на север с гор Куньлунь. Китай завоевал Хотан в 73 году н. э. Вскоре китайцев сменила Кушанская империя, а позже — тибетские войска. Под влиянием Тибета с востока по Шелковому пути сюда проник буддизм. Здесь он расцвел, и храмы, населенные десятью тысячами

буддийских монахов, просуществовали до 1000 года, когда ислам сверг буддистов с древнего престола. Тем не менее влияние буддизма и теперь сказывалось в Хотане, где повсюду можно было видеть изображения Будды (идолов, как называл их Марко) и далекие монастыри на окрестных склонах гор.

Если Марко преодолел свое отвращение к «идолопоклонству» и потрудился ознакомиться с взглядами буддистов, он должен был узнать, что по учению Будды жизнь представляется страданием, вызванным привязанностью личности к самой себе и к другим людям и предметам, по природе непостоянным, и возникающими в результате желаний, удовлетворить которые невозможно. Он должен был услышать слова Будды о том, что все наделенные чувствами существа, включая животных и насекомых, пойманы в круг страданий, или сансары, и результат их действий, карма, только создает новые привязанности и новые страдания. Он услышал бы, что круг этот продолжается и после смерти, поскольку буддисты верили в возрождение жизни. Он с облегчением узнал бы, что есть выход из этого круга страданий, возможность достигнуть просветления, известного как нирвана. Если он заглядывал в горные монастыри, он видел в них мужчин и женщин, отказавшихся от привязанностей и ставших монахами и монахинями, день и ночь медитировавших и изучавших буддийское учение. Для путешественника, подобного Марко, это должно было выглядеть не таким уж странным, и он вполне мог увидеть в буддизме нечто близкое самому себе: подобно буддистам, он отказался от дома, удобств и имущества. Подобно им, он любил жизнь, полную опасностей и тревог, одиночества, мучительного зноя и холода, жажды и лишений. Его жизнь была так же пуста, как торговые дороги, которыми он проходил, его радости были мимолетны, будущее туманно, цель далека и, по видимости, недостижима.

После лишений, испытанных при переходе через «Крышу мира», Марко смог лучше оценить роскошь, которую

предлагал путникам Хотан. Жители его, говорит он, «благородны» в сравнении со странными существами, которых он встречал в горах, и сам город «благороден», как и его окрестности. «Земли плодородны и изобилуют всем нужным для жизни человека, — говорит он, — здесь достаточно хлопка, льна, конопли, масла, пшеницы, ячменя и вина и прочего, что производится и в нашей земле». Впрочем, далее он свысока замечает, что жители «не воины, они слабы и весьма трусливы». Надо понимать, что среди них он чувствовал себя в относительной безопасности. Дорога успеха закалит его.

Пополнив в Хотане запас провизии, Марко и его спутники постарались наверстать время, потерянное в Бадахшане, и немедля двинулись дальше, к легендарному двору Хубилай-хана.

Перед ними в пути на восток простиралось более четырех тысяч миль травянистых равнин, прерывавшихся кое-где горными хребтами. Эти земли известны под русским названием «степь» и делятся на две части. Западная степь лежала от Дуная до Алтайских гор в Сибири. Ее часто описывают как бескрайнее море травы, по ней привольно текут реки и ручьи. Открытые пространства западной степи позволяли караванам и всадникам свободно передвигаться по дорогам, прочертившим ее вдоль и поперек.

Восточная степь Монголии была суше и суровее. Здесь куда меньше было хороших пастбищ, а вольно текущие реки сменялись редкими оазисами. Чтобы преодолеть суровость восточной степи, нужна была выдержка и равнодушие к стихиям.

Через пять дней после отправления из Хотана Поло вступили в провинцию Пеин, населенную мусульманами и питаемую рекой, «бегущей через нее, где находят драгоценные камни, называемые яшмой и халцедоном». Все это было очень интересно, однако любвеобильные женщины Пеина произвели на молодого путешественника куда более

сильное впечатление. «Когда женщина имеет мужа и случается, что он покидает ее ради путешествия, и приходится ему отлучиться из дома на двадцать или тридцать дней, женщина, остающаяся дома, едва ее муж уедет, берет другого мужа до его возвращения». А мужчины в пути берут других жен. Рано или поздно Марко должен был поддаться искушению.

Здесьнее население вело преимущественно кочевой образ жизни. В Чиарчиане монголы грабили земли со времен Чингисхана. «Когда наступает лето, войско татар, с миром или войной, проходит через земли Чиарчиана, и если они идут с войной, то забирают все их добро, а если с миром, то убивают и едят скот». Те, кто числили себя врагами монголов, привыкли при набегах уходить с женами, детьми, скотом и имуществом через пески пустыни на два или три дня пути «в другие места, где, как им известно, есть пастбища и хорошая вода». Здесь они могли выждать, пока пройдет войско. Беглецов защищали сами стихии. «Никто не может узнать, куда они ушли, потому что ветер с юго-запада, преобладающий в этих местах, сразу заносит следы песком». Монгольское войско, никого не застав, «не знает, где они, и не видит, куда они ушли... После ухода врагов они возвращаются на прежнее место». Описание Марко выдает некоторое сочувствие к сорванным с места поселянам, но в то же время такой способ спасения представляется ему жалким и трусливым. Впрочем, он пока не сталкивался лицом к лицу с монголами и мог лишь догадываться о том, какой ужас внушают эти беспощадные враги.

Пять дней отряд Поло пробивался через пустыню, останавливаясь в оазисах, пока не достиг Лопы — это название означало границу неведомого. Огромное, сухое, покрытое коркой соли ложе озера широко раскинулось на северо-западной окраине Китая. Эта пустыня почиталась особенно опасной, так как заманивала и сбивала с пути самых осторожных путников.

«Лоп — большой город на краю бесплодных земель, откуда берет начало пустыня, именуемая пустыней Лоп», — сообщает Марко, отмечая, что власть Хубилай-хана распространяется и на эти земли. «Все, что нужно путнику для преодоления пустыни, имеется наготове в этом городе, — предупреждает он, — и скажу вам, что тот, кто хочет пересечь великую пустыню, должен отдохнуть здесь не менее недели, чтобы восстановить силы и дать отдых вьючным животным. Затем они должны запастись пищей на месяц для себя и животных, ибо такой срок нужен для перехода через пустыню».

Воображение отказывалось охватить величину пустыни, однако Марко пытался передать своей европейской аудитории, привычной к густозаселенным ландшафтам, впечатление от ее безжизненности, сообщая, что потребуется целый месяц почти безостановочной езды, чтобы пересечь ее даже в самой узкой части. Пройти же ее в длину просто невыносимо. «Вдоль нее нельзя пройти по причине великой длины, потому что невозможно нести с собой столько пищи... Месяц идут по песчаной равнине без пищи и жилья. Только голые горы и песчаные долины, и ничего съедобного там не найти». Правда, попадалась хорошая вода, «но воды не хватает для отряда, ее достаточно для пятидесяти или ста человек, но не для их вьючных животных». Пятьдесят человек для него достаточно большое число, которое может организовать караван — пятьдесят заложников зноя, песчаных бурь и ненадежных водных источников. «Идешь день и ночь, ничего не находя, пока не найдешь воду, чтобы напиться в пути. Более того, в трех местах из четырех находишь горькую, соленую, негодную воду». Ни животных, пишет он, ни птиц, «потому что здесь они не найдут себе пропитания».

Устрашающее описание пустыни Лоп, приведенное Марко, вполне точно. Эта пустыня, расположенная на высоте около трех тысяч футов, представляет собой почти ровную местность. Под ногами грязно-желтые или желтовато-серые пески, простирающиеся до самого горизонта.

Временами бури так сильны, что начисто сдувают песок с открытых мест, а поднятые мощным воздушным потоком массы песка ударяют в скалы и постепенно выбивают расщелины глубиной до двадцати футов, наметая монотонные ряды барханов, гипнотизирующие путешественника. Дикая жизнь здесь практически отсутствует. Марко не указывает, в какое время года они пересекали пустыню, но если их караван углубился в пустыню весной, в ней, по словам другого путешественника, могло быть «столько пыли, что вся она занавешена безжизненной пеленой». В этом лунном ландшафте температура в течение суток резко меняется. Марко терпел жару до ста градусов по Фаренгейту днем и температуру ниже нуля ночью.

Среди безжизненной пустыни Лоп Марко нашел удивительную красоту и ощутил близость сверхъестественного. Подобно святым древних времен, он ушел в пустыню, и ему являлись видения, особенно ночью, когда чувства обострены, а страхи множатся. «Тут обитает множество духов, которые наводят на проезжих дивные иллюзии им на гибель, — говорит он. — Когда караван пересекает пустыню... часто случается, что люди слышат в воздухе зловредных духов, говорящих так, что те принимают их за голоса спутников, потому что духи зовут их по именам, и много раз бывало, что они следуют за этими голосами и сбиваются с верного пути, и никто о них больше не слышит, и они не знают, как возвратиться, и, оставшись без воды и пищи, многие из них теряются и гибнут». Бесплотные голоса, умеющие подражать людям, несколько неверных шагов, особенно ночью, и все пропало... В пустыне путешественников подстерегали неведомые опасности.

Опасаясь, что его примут за сказочника, Марко подчеркивает правдивость своего описания. «Опять скажу вам, что не только ночью они являются, но часто и днем люди слышат голоса духов, и часто кажется, что слышишь игру множества инструментов, особенно барабанов, и лязг оружия». В других случаях поющие пески звучат, как «говор людей в другой стороне». Сбитые с толку путники гонятся

за иллюзией, надеясь догнать «проходящую кавалькаду», но при свете дня обнаруживают, что безнадежно заблудились, обманутые духами, «и многие, не знавшие об этих духах, встречали жестокий конец».

Путешественники, отважившиеся преодолеть этот отрезок Шелкового пути, изобретали способы борьбы с опасными иллюзиями. «Те, кто хочет пройти этот путь и пересечь пустыню, должны остерегаться и ни за что не отбиваться от спутников, и идти с великой осторожностью. Они должны подвесить бубенцы на шеи коней и вьючных животных, чтобы постоянно слышать их, чтобы не уснуть и не заблудиться». Даже при дневном свете требовалась осторожность. «Иногда днем духи являются в виде каравана, показывающегося отставшему, который отклоняется с пути, они же оставляют его скитаться одного в пустыне и гибнуть». А в других случаях духи «собираются в образе войска и несутся к людям, и те, приняв их за разбойников, бегут и, сбившись с дороги, не могут найти путь, потому что пустыня простирается очень широко, и их ждет жестокая гибель от голода».

Чтобы убедить читателей, что он описывает факты, а не легенды, Марко повторяет: «Удивительно слышать их, и трудно поверить, что творят эти духи, но в самом деле все так, как сказано, и даже много удивительней».

Хотя описаниям Марко трудно поверить и представляется, что эти видения вызваны избытком солнца и недостатком воды, однако он правдиво описывает часто наблюдавшееся явление «поющих песков», вызванное воздействием ветра на барханы. Производимый ими гул сравнивали то со звоном таинственной арфы, то с жужжанием или пением, и явление это встречается в Монголии, в Китае, где его называют «гудящими песками», и даже в Бразилии. В XIII веке китайский ученый Ма Данлинь говорил об этой коварной местности: «Во все стороны не видно ничего, кроме неба и песков, без малейшего следа дороги, и вежами для путешественника служат лишь кости людей и животных да верблюжий помет. Вдруг слышатся звуки, иногда пение, иногда

стенания, и часто случается, что путник, отклонившись в сторону, чтобы увидеть, откуда эти звуки, сбивается с пути и теряется навсегда, потому что это голоса духов и чудовищ — в точности как описывал Марко Поло. В XIX веке Чарльз Дарвин упоминает тот же феномен в дневнике плавания на «Бигле». В окрестностях Рио-де-Жанейро находится холм, известный как «Эль Брамадор» — «Ревун», или «Мычащий холм». Насколько можно судить, пишет Дарвин, «холм покрыт песком, и шум производится, только когда люди поднимаются на него, приводя песок в движение».

И по сию пору пески пересыпаются на ветру, завораживая путников своим пением.

На северной окраине Центрального Китая караван Поло вышел из пустыни Лоп в отдаленную провинцию Тангут, известную как Западное царство. Сто лет назад этот регион провозгласил независимость от Китая, а теперь хранил верность далекому Хубилай-хану. Марко даже здесь нашел следы несторианского христианства, но преобладал буддизм, официальная религия тангутов. Эта местность, как отмечает Марко, отличается истовой религиозностью и полна «множества аббатств и монастырей».

Впервые Марко уделяет более чем беглое внимание буддийским «идолам» и, несмотря на упрямое старание пренебречь ими, остается под стойким впечатлением. Некоторые изображения достигали «десяти сажений». Они изготавливались из дерева, глины, камня или бронзы и, что особенно поражало, были «покрыты золотом и весьма хорошо изваяны». Он даже находит несколько добрых слов для «идолопоклонников» — то есть буддистов, — которые «живут более достойно, чем другие, потому что воздерживаются от чувственности и иных непристойностей». И все же, отмечает он, «если женщина приглашает их, они могут возлечь с ней без греха, но если они первыми приглашают женщину, то почитают это за грех. Но скажу вам, что если они находят человека, который возлеч с женщиной неестественным образом, то предадут его смерти».

Чем более Марко вдумывается в почитание «идола», тем больше находит аналогий с христианством. «Они устраивают празднества в честь своих идолов в разное время, как мы в честь своих святых, и у них есть нечто вроде календаря, где установлены дни праздников их идолов».

Углубляясь в систему взглядов буддистов, он пытается объяснить лунный календарь: «У них имеется лунный календарь, как у нас — месячный, и по нему они отсчитывают времена года. Есть у них дни поста, в которые идолопоклонники ни за что на свете не убьют животное или летучую птицу, не прольют кровь пять дней подряд, или четыре, или по меньшей мере три, и не станут есть мяса, убитого в эти пять дней, и они соблюдают их, как мы, христиане, соблюдаем пятницу и субботу и другие посты».

Позже он обнаружил еще больше сходства между буддийскими и христианскими ритуалами. «Все идолы имеют посвященные им соответствующие дни, в каковые дни устраивают торжества, поклонения и великие празднества во имя их каждый год, как и у наших святых есть особые дни». Святое и низменное как будто смешиваются и становятся равнозначными. Все это озадачивает и сбивает с толку молодого венецианца.

Описания больших монастырей, представленные Марко, были встречены европейцами с недоверием. Некоторые заведения насчитывали две тысячи монахов, «которые служат идолам по своим обычаям, которые одеваются более благопристойно, чем все прочие». Монахи «выбривают макушку головы и бреют бороды, — отмечает он, — вопреки обычаю мирян. Они устраивают празднества для своих идолов с пением и огнями, каких нигде больше не видано».

За монастырскими стенами царила анархия. «Мирянин может брать до тридцати жен, — говорит Марко. — Он почитает первую жену главной и лучшей. Если он видит, что одна из его жен состарилась и не хороша, и не приятна ему, он может выгнать ее, если хочет, и взять другую, какую пожелает. Они берут в жены кузин, также дозволяется брать

жен своего отца, кроме своей матери, а также жен братьев и других родственников». Обдумывая этот обычай с точки зрения морали, он с отвращением заключает: «Они живут, как животные, не зная закона».

Контрастом сексуальной свободе и анархии была жизнь — «очень трудная и грубая», которую вели «сенсиньы». Марко называет их «людьми великой воздержанности согласно их обычаю». Они стремились избегать чувственных удовольствий в любой форме. Даже пища, которую они ели, была самой грубой. «Ничего, кроме крупчатки и отрубей, то есть шелухи, которая остается от пшеничного зерна», — как выяснил Поло. «Они готовят ее, как мы готовим пойло для свиней: берут эту крупчатку, то есть отруби, кладут в горячую воду, чтобы размягчить, оставляют на некоторое время, пока все зерна не отделятся от шелухи, а потом едят такую размоченную, лишенную всякого вкуса». Но это не все самоограничения относительно пищи. «Они постятся много раз в году — невеликая потеря, учитывая, как ограничена их диета, — и не едят ничего, кроме отрубей, и пьют воду, и много времени проводят в молитве, так что жизнь их безмерно трудна». Семейная жизнь не освещала их бесцветное существование, полное самоотречения и духовного жара, потому что монахи «ни за что на свете не берут жен». Даже их одеяния, черные или синие, «сделанные из самой простой и грубой материи», словно предназначены были причинять неудобство. Как и следовало ожидать, спали они только на «очень жестких и дешевых циновках».

«Жизнь их трудна, как никакая другая», — скорее с ужасом, чем с восхищением замечает Марко.

Описав эти образцы крайнего самоотречения, Марко переходит к самому отвратительному, с его точки зрения, ритуалу — сожжению умерших. Этот обычай, недоступный пониманию европейца, странным образом очеловечивал его приверженцев в глазах Марко: он выяснил, что они ревностно верят в существование души и жизнь после

смерти. Совершив этот скачок отождествления, он вник в их духовную жизнь, насколько это было для него возможно. Он отмечает абсолютную зависимость оплакивающих покойного от расчетов астрологов и некромантов, которые определяют время кремации и похорон в соответствии со временем рождения. «Некромант или астролог прибегает к своему дьявольскому искусству и говорит родственникам, что предсказано и под каким созвездием, под какой планетой и знаком тот был рожден, и день и час, когда должно сжечь тело». Эта процедура могла отложить похороны на недели и даже на месяцы, и семье усопшего приходилось держать тело в доме, «ожидая, пока планеты будут благоприятны им, а не противны, потому что они никогда не произведут сожжения, пока прорицатель не скажет, что настало благоприятное время».

Подчиняясь требованиям астрологов — или планет, — члены семьи сооружали раскрашенный гроб из толстых досок, «хорошо подогнанных», помещали в него тело и запечатывали гроб смолой и известью, покрывали шелком и окуривали камфарой и другими благовониями, чтобы «тело не смердело».

Каждый день семья выставляла угощение из «хлеба, вина и мяса, как если бы умерший был жив». Не было средства избавить дом от этого требовательного гостя, пока не позволят планеты; всякому, кто пренебрегал предсказаниями астрологов, «приходилось очень плохо».

Любовная забота родственников продолжалась и после того, как тело выносили из дома. «Родственники умершего строят маленький дом из тростника или прутьев, с крыльцом, устеленным богатейшими тканями из шелка или золота, соответственно своим возможностям, посреди дороги. И когда мертвого проносят мимо столь украшенного дома, они останавливаются, и домочадцы помещают тело у подножия павильона, и кладут в достатке вина и мяса на землю перед мертвым, думая тем подкрепить и вернуть силы духу умершего, поскольку он должен присутствовать при сожжении тела».

Еще один обычай, долженствовавший обеспечить умершему положение в загробном мире, поразил воображение Марко. «К месту сожжения, — говорит он, — родственники несут цветные изображения мужчин и женщин, вырезанные из бумаги, — еще одно технологическое новшество, — сделанной из коры деревьев, и на них надписаны имена родственников, так что сжигают как бы и их тела — и лошадей, и овец, и верблюдов, и другой скот, и бумагу в виде денег величиной с безант» — византийскую монету. «Все это они бросают в огонь и сжигают вместе с телом, и говорят, что в ином мире у мертвого будет столько рабов и служанок, лошадей и монет, столько скота и овец, сколько бумажных изображений сожжено из любви к нему и положено перед телом, и он будет жить в богатстве и почете».

На этом месте повествование Поло неуловимо, но существенно меняет тон, как если бы Марко выхватил перо из рук Рустичелло и принялся описывать приключения своими словами, не полагаясь на переписчика. До сих пор рассказчик держался в рамках жанра путевых рассказов. С этого момента даже рука Рустичелло не сдерживала Марко, ощущавшего великий смысл и глубину своей истории, и не мешала ему создавать нечто эпическое, многостороннее, полное оттенков, сравнимое с «Историей» Геродота: обзор исчезнувших культур и павших империй. Постепенно в «Путешествии» открываются все более широкие перспективы, словно навеянные распростершимися перед ним бескрайними просторами и их невиданными обитателями.

Чем дальше оставался Марко среди народа Тангута, тем более отбрасывал свою застенчивость и настороженность, тем свободнее говорил об их жизни, отражая в этом рассказе и пробуждение собственной сексуальности. По ходу повествования вырисовывается новый Марко Поло, не столь благочестивый и самодовольный, более открытый знаниям и, следовательно, приятию незнакомого, но обольстительного мира, окружавшего его.

Женщины Камула (ныне называемого Хами), прилегавшего к провинции Тангут, наконец расшевелили Марко. Вообще люди этих мест представлялись ему подобными милым детям, щедро делившимся едой и питьем с «путниками, проходящими той дорогой». Мужчины, «весьма приверженные веселью», проводили дни, играя на музыкальных инструментах и распевая, а также за чтением и письмом и в «великих телесных радостях», особенно с путешественниками, подобными Поло. Но именно женщины совершенно пленили Марко.

«У этого народа есть такой обычай, — доверительно сообщает он. — Если незнакомец останавливается в доме на ночлег, хозяин радуется и принимает его с восторгом и, стремясь доставить ему всевозможные удовольствия, наставляет своих дочерей, сестер и других родственниц угождать все желания чужеземца, доходя до того, что на несколько дней покидает дом, в то время как чужеземец остается в доме с его женой, и они предаются великим радостям. И так все мужчины в этом городе и провинции носят рога от своих жен, но ничуть того не стыдятся. А женщины их красивы, жизнерадостны и услужливы». Можно не сомневаться, что они готовы были услужить и молодому Поло, едва достигшему мужской зрелости.

Однако, признает он, можно сказать, что такая распущенность бесчестит мужчин и женщин Камула, «но именно потому, что таков обычай всей провинции и он весьма угоден их идолам, они оказывают столь добрый прием чужестранцу, нуждающемуся в отдыхе». Еще более примечательно, что семейные узы остаются в целости. «Все женщины весьма хороши, и веселы, и шаловливы, и весьма послушны желаниям мужей, и довольны таким обычаем».

Хотя это описание кажется скорее фантастичным, нежели правдоподобным, скорее иронической параболой, чем точным отчетом, Марко подразумевает вполне установившийся обычай тех мест, являющийся исключением из «деревенской эндогамии», при которой жители одной деревни вступают в браки между собой, чтобы сохранить

наделы и чистоту крови. Эндогамия несет в себе опасность инцестов и врожденных аномалий. Экзогамия, или браки между разными кланами, освежает генетический фонд. Если пришельцы оказывались кочевниками, как предполагает Марко, пополнение генофонда происходило без нарушения установленного порядка. Одиноким путникам вроде него оставляли свое семя и уходили дальше.

Впрочем, сюда доносились отзвуки событий из мира, далекого от затерянных поселений, которые встречались на пути Марко. Кровожадные монголы, темные слухи о которых доходили до Марко, дотягивались и до этих горных областей. Марко передает рассказы об отношении прежнего властителя этих мест, Мункэ-хана, к обычаю экзогамии, которая в этой части света проявлялась в том, что хозяева приглашали чужеземцев на ложе своих жен.

Как напоминает читателям Марко, Мункэ-хан, внук Чингисхана, пришел к власти в 1250 году, за двадцать с небольшим лет до того, как Поло вступили во владения монголов. За время своего короткого царствования Мункэ попытался создать надежную почтовую службу, необходимую для управления столь обширной империей. Он сократил военные кампании, некогда опустошавшие тысячемильные пространства степи и горных областей. И он с уважением относился к местным обычаям. В развивающемся монгольском социуме женщины обладали большей независимостью, чем в западном и исламском мире. Они служили в войске, оставаясь в укрытии во время сражения, но вступая в него при необходимости. Под властью Мункэ каждый мог выбирать религию по своему усмотрению, при нем процветали все разновидности буддизма, ислама и христианства.

Однако терпимость хана не распространялась на женщин Камула. Похотливое поведение женщин вызвало у него не скептическую усмешку, как у Марко, а оскорбило его нравственное чувство. Едва узнав о существовании такого обычая, Мункэ запретил его «под страхом сурового

наказания». Путешественникам, подобным Поло, предписывалось останавливаться в «общих гостиницах», а не в частных домах, чтобы не позволить им «позорить» женщин.

Мункэ настаивал на своем три года, несмотря на постоянное сопротивление жителей Камула. Оно еще усилилось, когда их подкосили неурожай и болезни, — люди посчитали это знамением, требующим от них возвращения к прежнему варианту эндогамии для восстановления здоровья и благосостояния. «Они послали своих гонцов, — сообщает Марко, — которые принесли Мункэ богатые дары и молили не причинять им зла, которое ведет к великим опасностям и потерям».

Мункэ «радостно» принял посланцев Камула, внимательно выслушал их мольбы и даже выказал сочувствие к их бедам. Затем хан сказал: «Что до меня, я исполнил свой долг, но если вы так желаете себе стыда и презрения, получите его. Ступайте и живите по своему обычаю, раздавайте своих жен, как милостыню, прохожим». После этого, по словам Марко, «он отозвал свой приказ».

Посланцы вернулись в Камул «к великой радости всего народа, и с того времени по сию пору они всегда держались и держатся того обычая».

Марко не жалеет усилий, описывая Мункэ-хана как мудрого и великодушного правителя, однако в исторических хрониках этот хан выступает как вспыльчивый и грубый солдафон.

В одном случае Мункэ решил наказать семьдесят военачальников, которых подозревал в заговоре против него. Их казнили традиционным для монголов способом: набив им рты камнями. В 1252 году он вершил суд над другой группой непокорных. Особенно прогневила его одна правительница, Огул Гаймиш, отказавшаяся присягнуть ему на верность. Он приказал зашить ей руки и ноги в кожаный мешок. Затем велел раздеть ее донага для перекрестного допроса, несмотря на ее возмущение. По ее словам, ни один мужчина, кроме царя, не видел ее в таком состоянии.

Хан объявил Огул Гаймиш и ее мать виновными в попытке убить его посредством колдовства. Едва закончив суд, он приказал закатать обеих женщин в ковер и утопить их. Кроме того, он приказал предать смерти двух главных советников Огул Гаймиш.

Его царствование продлилось лишь несколько лет: в 1259 году он умер при попытке завоевать китайскую провинцию Сычуань. Ему наследовал его брат Хубилай, о котором так много был наслышан Марко. Окажется ли Хубилай таким же тираном, как его сводный брат? Ответ на этот вопрос Марко предстояло узнать, добравшись до монгольского двора.

Шестнадцатидневный переход от Камула через «малую пустыню» познакомил Поло с таким чудом природы, как асбест, который, подобно многим другим чудесам Китая, был почти неизвестен на Западе. Ныне известно, что пыль из асбестовых волокон вызывает серьезные респираторные заболевания, вплоть до рака, но во времена Марко ткани из асбеста ценились на вес золота и почитались достойными стать погребальными саванами восточных царей. Согласно поверьям своей эпохи, Марко называл это вещество «саламандр», по названию маленького, похожего на ящерицу животного, считавшегося неуязвимым для огня. Марко мгновенно оценил возможности военного применения огнеупорного материала.

«В этих горах находят хорошие жилы, из которых изготавливают саламандр, который не сгорает, будучи брошен в огонь», — сообщает он. Саламандра, объясняет он, не зверь и не змея, и «неправда, что эти ткани делают из шерсти животного, живущего в огне, как рассказывают в нашей стране».

Марко пытается развеять стойкое европейское поверье о фантастическом происхождении тканей из саламандра, рассказывая, что познакомился с турецким купцом Гульфикаром, «сколько я могу судить, очень знающим и достойным доверия», который три года наблюдал за производ-

ством саламандра, или асбеста, добываемого в этих горах для самого хана. Демонстрируя, как далек асбест от шерсти сказочного существа, Марко приводит подробное описание его производства. «Когда кто-то открывает в горах одну из этих жил, — пишет он, — их свивают и делают нить, как шерстяную пряжу. А для того жилу высушивают на солнце и, когда высохнет, толкут в большой медной ступе», заливают водой, и «только волокна, подобные шерсти, о которых я говорил, остаются на поверхности, а налипшая земля, которая не нужна, опускается вниз». Из полученных волокон, похожих на шерсть, ткали материи и полотенца. «Когда полотенца эти сняты с ткацкого стана, скажу вам, они вовсе не белые, а коричневые. Когда же хотят сделать их белыми, то кладут в огонь и оставляют на час, и полотенце становится белым как снег».

Ожидая встретить недоверие, он настаивает: «Я видел собственными глазами, как его кладут в огонь и вынимают очень белым». Живущие в огне ящерицы здесь ни при чем, и расхожие истории о них не более чем «ложь и сказки». Этим заявлением Марко доказывает, что с такой же готовностью разрушает старые мифы, как порождает новые.

В Канпичионе, городе на Шелковом пути, Поло вновь остановились на отдых. Обычно многословный Марко отпускает по этому поводу лишь одно загадочное замечание: «Мастер Никколо, и мастер Маттео, и мастер Марко на год задержались в этом городе по делам, о которых упоминать не стоит».

К тому времени, когда они снова оседлали своих верблюдов и ослов, был уже 1274 год по христианскому календарю. Марко исполнилось двадцать. Поло уже три года двигались по Шелковому пути, а до цели, двора Хубилай-хана, оставалось еще две тысячи миль.

Глава 6

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ МОНГОЛОВ

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Хубилай-хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских...

С каждой милей, пройденной по Шелковому пути, Марко Поло все более проникался сознанием величия монгольской империи и понимал, почему имя ее основателя, Чингисхана, проклинают в Европе. Однако он считает нужным так описать этого беспощадного воина: «Чингисхан был человек очень прямодушный: красноречивый, великой доблести, великой мудрости и великих достоинств». Продолжая в том же духе опровержения устоявшихся мнений, Марко настаивает: «Скажу вам, что когда этот человек был избран на царство, он правил столь справедливо и умеренно, что был любим всеми и почитался не как владыка, а почти как Бог, так что его добрая слава разнеслась по многим землям, и все татары, рассеянные по чужим странам, охотно почитали его и повиновались его власти».

Марко собственными глазами видел бедствия, принесенные войском Чингисхана в Бадахшан и другие земли — города в развалинах, сожженные до основания дома, сорванных с мест и ставших изгнанниками жителей, оставивших алчным монголам свои богатства и обжитые земли.

Однако, проведя три года на Шелковом пути, Марко не мог не выразить заслуженного восхищения основателем монгольской династии. В глазах молодого венецианца в свершениях с ним мог сравниться лишь Александр Великий.

Темучин (настоящее имя Чингисхана) родился около 1162 года в одном из монгольских правящих кланов и рос среди враждующих племен. Соперники захватили в плен его отца, и девятилетний Темучин стал сиротой. Взрослея, он знакомился с монгольской военной тактикой — налетами на становища и похищениями лошадей. Он научился добиваться покровительства и вербовать союзников, известных как «нукеры», помогавших ему в борьбе за власть. Стать нукером было серьезным решением, ибо это означало отречение от своего племени и родичей в пользу избранного вождя. В культуре, где предательство было нормой, нукеры Темучина верно служили ему.

К 1206 году успехи Темучина в вербовке союзников и в межплеменных войнах привели к избранию его верховным правителем монголов и принятию им имени Чингисхан. Говорили, что «Чингиз» происходит от тюркского слова «тенгиз», означающего «океан» и подразумевающего ту же широту и глубину. «Хан» значит «император». Ближайший современник, персидский историк Вассаф аль-Хазрат, чье имя означает «придворный панегирист», восторженно описывал чествование Чингиза великим ханом: «Рубиногубые кравчие разливали вино в золотые кубки, и восхитительные девицы с блестящими браслетами стояли, как статуи, у трона Хана в тугих и блестящих одеждах. Рабы с ланитами, подобными тюльпанам, преклоняли колени перед троном, прислуживая знатным, по обряду целовавшим руку. Затем последовала неделя пиров и безмерных наслаждений». А потом настало время отрезвления от затянувшейся оргии.

Чингиз вырос на суровых просторах травянистой степи, среди высоких гор, ледяных озер и засушливых земель, вплотную примыкавших к пустыне Гоби. Его окружали

стада овец, верблюдов, коз и лошадей. Дважды в год кочевые монголы собирали пожитки и снимались с места, двигаясь днем на повозках, ночуя в переносных палатках, следуя за своими стадами в поисках пастбищ и совершенствуясь в охотничьем искусстве.

Повзрослевший Чингиз черпал силу в убеждении, что монгольский бог неба, Менке Тенгри, вручил ему сверхчеловеческую миссию объединения рассеянных монгольских племен и завоевания других народов. Завоевывая, монголы перенимали обычаи покоренных, пока не стало трудно различить, кто кого завоевал. Монголы — яростные воины и искусные наездники, обладавшие блестящими способностями к адаптации, были тем не менее немногочисленны. Численность покоренного населения превосходила их в десять, двадцать и тридцать раз. Непомерно разросшаяся империя монголов не могла продержаться долго, но за время своего краткого господства они успели далеко распространить свою культуру и верования.

Чингиз сделал тенгризм — поклонение Небу — государственной религией монгольской империи и назначил себя ее главным представителем. В глазах монголов Небо господствовало над всем. Оно было больше гор, больше рек, больше самой степи. Оно было жизнью, духом и источником всеобщей силы. Тенгризм был прежде всего объединяющей силой, вдохновлявшей монголов на завоевания всего, лежащего под небом, то есть всего мира. Выполняя эту миссию, монголы стали одними из первых проводников глобализации, стремившимися связать все края света. Они были завоевателями и грабителями, но в первую очередь — объединителями.

Воспламененный острым ощущением своего предназначения, вдохновленный своим талантом стратега, Чингиз повел монголов к давнему предмету устремлений, на завоевание Китая, самого большого и мощного соседа на юге и востоке. В ненасытном стремлении присоединять к империи все новые земли он покориł потенциальных соперников — а таких было много — среди монголов и заклю-

чил союзы с отдаленными военачальниками. Затем он воспользовался внутренним политическим положением Китая, натравливая одну клику на другую, сочетая войну с дипломатией. Казавшиеся неуязвимыми китайцы быстро поддались перед военным искусством Чингисхана. Он овладел искусством осады, научился брать города любыми средствами, какими бы жестокими они ни были. Его войска сжигали или морили голодом жителей. Они применяли гигантские пращи и катапульты, такие как баллисты и требушеты, способные метать камни, горящую нефть и даже зараженные трупы через стены уstraшенного города, на головы горожан, запертых в собственных укреплениях. «Иногда они даже брали жир убитых ими людей и, расплавив его, метали в дома. — писал Карпини, — и когда огонь охватывал этот жир, его ничем нельзя было погасить», разве что залить вином, на что у жертв редко хватало присутствия духа. «Если он упадет на тело, — рассматривает Карпини еще более ужасающую возможность, — его можно стереть только руками». Марко Поло об этом не пишет.

Плохо подготовленный к сопротивлению Китай подчинился объединяющему влиянию монголов и попытался обернуть неизбежное в свою пользу. Персидский историк Вассаф словами, которые одобрил бы Чингиз, говорит: «Когда слухи о справедливости его правления достигли горизонта, счастливые народы Китая и за его пределами, до побережья Египта и далеко в западные земли, сочли за честь покориться его справедливой власти». В этой оценке сквозит горькая ирония.

Чингисхан применял силу осмотрительно и с уважением отнесся к обычаям и вере китайцев. Там, где его встречали относительно мирно, он приказывал своим военачальникам провозглашать религиозную свободу и запрещал поголовную резню. Монголы восприняли от завоеванного народа не меньше черт, чем передали ему. Они усвоили кулинарную практику китайцев, манеру одеваться, юридические процедуры и религиозные обряды.

В 1227 году, успев увидеть, что его мечта об объединении Китая под властью монголов сбывается, Чингисхан умер в возрасте шестидесяти пяти лет, оставив сыну Угэдэю громадную империю, а также свод знаний и премудростей, уникальный в мировой литературе.

Через год после смерти Чингисхана группа монгольских писцов завершила «Тайную историю монголов», великолепную компиляцию монгольской истории, ритуалов, фольклора и обычаев, написанную на смеси монгольского и уйгурского языков (уйгуры — тюркская народность, распространенная в Средней Азии). От 1228 до 1240 года в этот труд несколько раз вносились серьезные изменения, давшие в результате окончательную версию. Оригинал ее утерян; основой последующих версий стал сокращенный китайский перевод.

Почему «тайная»? В ней содержались рассказы о Чингисхане, которые монголы предпочитали не делать общим достоянием, а также рекомендации по управлению, которые следовало выполнять властям предрежущим. Монголы желали охранить ее от посторонних, но сами были знакомы с ее законами и основными идеями и называли ее просто «История».

Написанное стихами и прозой эпическое произведение берет начало в шаманистском мировоззрении, объединяющем небо и землю, людей и животных. Рассказ начинается так: «Чингис (более точная версия имени монгольского вождя, предположительно означает «сильный») Каган был рожден с предназначением от высшего Неба. Он происходит от Бортэ-чино, чье имя означает «серовато-белая волчица», и Хоай-марала, который пересек озеро и поселился у истока реки Онон». Далее повесть описывает первобытный образ жизни монголов за двадцать два поколения до Чингиза. Об одном из его доблестных предтеч рассказывается: «Он увидел, как молодая самка кречета поймала и съела черную куропатку» — зрелище из тех, которые позднее наблюдал Марко Поло. «Взяв волосы из хвоста своего белого крепкохвостого выносливого коня, он

сделал силок, поймал кречета и воспитал его. Когда ему нечего было есть, он ложился в засаду и поджидал диких зверей, загнанных волками к подножию скалы, убивал их стрелами и съедал. Вместе с кречетом он подбирал и съедал то, что оставляли волки. Так он целый год питал и себя, и своего кречета».

Временами «Тайная история» напоминает саги американского Запада: истории об угоне коней, хитроумных сделках и внезапных проявлениях коварства и героизма на фоне дикого ландшафта. Но каждый случай или тема, от описания коня до соколиной охоты, задевали струны в душах монголов, и «Тайная история» сохраняла образ жизни, воплощенный и кодифицированный воином Чингисханом.

Как явствует из этой истории, жизнь монголов составляли бесконечные конфликты: сначала между близкими родичами, далее между племенами — пока Чингисхан не покорил всех соперников и не объединил царство. «Тайная история» повествует о жестоком и символическом столкновении между Темучином, как звали молодого Чингиза, и его сводным братом из-за мелкой рыбешки. Их «благородная мать» приказала: «Прекратите. Почему вы, старший и меньшей брат, поступаете так друг с другом?... Почему не трудитесь вместе? Не должны вы так поступать».

Темучин и Казар, его брат и союзник, пожаловались: «Только вчера мы застрелили жаворонка стрелой с наколочником из рога, а они отобрали его у нас. И теперь сделали так же. Как можем мы жить вместе?» С этими словами мальчики убежали из юрты, вскочили на коней и отправились мстить вора, пуская стрелы в донимавших их братьев. Но по возвращении их ожидало нечто более страшное: разгневанная мать. «Вы губители!» — вскричала она, сравнивая их с дикими зверями:

Как казар (дикий) пес загрызает свое потомство,
Как пантера, нападающая со скалы,
Как лев, не умеющий сдержать злобы...

Как ястреб, падающий на собственную тень...
Как самец верблюда, кусающий ноги своего детеныша...
Так вы погубили!
Кроме собственной тени, у вас нет друзей.
Кроме своих хвостов, нет у вас жира.

Последняя строка подразумевает овец с жирными хвостами-курдюками, которые их кормили, и, в более широком смысле, их родичей. Благодаря строгой дисциплине, установленной грозной матерью, Темучин усвоил урок сотрудничества и вырос в Чингисхана, положившего конец распрям и водворившего повсюду строго охраняемый мир и стабильность.

Монголы верили, что Чингиз пришел к ним с неба и после смерти вернулся домой на небеса. Но земная его династия продолжалась и после него. Его внук Хубилай родился в сравнительной безвестности, что отчасти охранило его от беды. Выдвинулся он не потому, что был избранным преемником Чингисхана, а потому, что был достаточно хитер и одарен, чтобы интригами пробраться на вершину монгольской иерархии. Из соперников самую серьезную для него угрозу представлял молодой хан Кайду. Хотя эти двое были двоюродными братьями, Кайду «никогда не был в мире с великим ханом», говорит Марко, и его слова можно считать недооценкой. Причина была достаточно проста: «Кайду всегда требовал от великого хана доли в их завоеваниях». Хубилай отвечал, что согласится, если Кайду пообещает «являться к его двору и в его совет каждый раз, когда он за ним пошлет». Кайду отказался, «опасаясь, что он (Хубилай) прикажет его убить».

Кризис наступил в 1266 году, когда Кайду напал на двух вассалов Хубилая, Кибая и Кабана, обратившихся в христианство. Произошло огромное сражение с участием 200 000 всадников, и Кайду остался победителем. «С тех пор его надменность и гордыня возросла», — говорит Марко.

Несколькими годами позже Кайду бросил прямой вызов Хубилаю. Он привел к монгольской столице Каракорум десять тысяч всадников. Битва разворачивалась по монгольскому обычаю. «Когда две стороны в поле построились и изготовились, они ждали только, пока услышат барабанный бой с каждой стороны». Когда забили барабаны, «они запели и заиграли на своих двухструнных инструментах очень сладко, они пели и играли и представляли величественное зрелище, ожидая битвы».

Противники осыпали друг друга градом стрел, а сблизившись, колотили друг друга палицами. Марко слышал рассказы свидетелей, что «это была самая жестокая и кровавая битва, какая случалась между татарами... Поднялся такой шум, гром мечей и палиц, что за ним не слышно было господнего грома». Битва унесла множество жизней: «Многие мужчины пали там, и многие женщины овдовели, и дети остались сиротами, и другие женщины с тех пор остались в трауре и слезах — матери и возлюбленные мужчин, погибших там».

При первых лучах солнца усталый Кайду осматривал кровавое поле битвы. Лазутчики принесли ему тревожные известия: Хубилай-хан уже выставил свежее войско, «чтобы захватить и осадить их». Кайду собрал измученные остатки своего войска. «Они сели на коней и отправились обратно в свои земли», — сообщает Марко. Хубилай-хан, узнав об отступлении, «дал им уйти спокойно». Отступление армии Кайду остановилось только в Средней Азии.

Впоследствии Хубилай-хан бушевал и утверждал, что предал бы мятежника Кайду «злой смерти» — завернув в ковер и бросив под копыта лошадей — не будь тот кровным родичем.

В интерпретации Марко монгольское завоевание предстает не беспощадным избиением тысяч людей, а сказочной историей о том, как власть монголов свободно распространялась по великой степи. «Когда Чингисхан увидел, что у него такое множество доблестных воинов, он, будучи

велик душой, пожелал выйти из этих пустынь и диких мест и вооружил свой народ луками и пиками и другим оружием... Я скажу вам, что так велика была слава о его справедливости и доброте, что, куда бы он ни шел, каждый приходил к нему с покорностью и был счастлив заслужить его благосклонность, так что в очень малое время они завоевали восемь провинций».

По словам Марко, завоевания Чингисхана были чудесами мирного подчинения. «Когда он получал и брал провинции, города и деревни силой, то никого не позволял убивать и грабить после победы и оставлял там справедливых наместников, которые ничем не вредили жителям и не брали ничего из их имущества». Более того, Марко заявляет, будто «те, кого он завоевал, видя, что он спасает и охраняет их, что им от него нет вреда, и, видя доброе правление и милость сего владыки, с радостью шли за ним и оставались верны ему». В такой подчищенной версии событий их союз вдохновил Чингиза на новые свершения. «Когда же Чингисхан собрал столь великое множество людей и увидел, что они слепо повинуются ему, он назначил себе великую цель и сказал им, что желает завоевать великую часть мира. И татары ответили, что им это по нраву и они последуют за ним с радостью, куда бы он ни повел».

Описанному Марко восхождению Чингисхана к вершинам славы недостает неприятных подробностей об убийственной жажде власти, свойственной этому вождю. Марко предпочитает вместо этого ввести в повествование фантастическую картину сражения монгольского воина с христианским владыкой Востока пресвитером Иоанном. Однако великий соперник Чингиза, пресвитер Иоанн, не существовал в действительности, вопреки убежденности европейцев, что он обитает в Азии или, может быть, в Африке, повелевая чудесным и богатым христианским царством. Устойчивый миф о пресвитере Иоанне берет начало в живом воображении монахов, сочинившим якобы написанное им письмо к христианским властителям Запада.

Многое в его содержании радовало сердца европейцев, живущих в страхе перед монголами. В числе прочего там содержалась клятва «пленить самого Чингиза и предать его смерти».

Сам Марко хранит молчание относительно существования пресвитера Иоанна. Он не претендует, подобно многим другим, на личное знакомство с христианским владыкой. Но пробел в знаниях не мешает ему повествовать о мифическом сражении между силами Востока и Запада — под предводительством Чингиза и пресвитера Иоанна. В этом сражении пресвитер Иоанн гибнет — и у Марко такой исход вызывает скорее удовлетворение, чем печаль, — еще одно доказательство, что венецианец стал отождествлять себя с монголами. Кем был Марко в действительности: ревностным христианином, исполняющим задание папы, презиравшим всех нехристиан как идолопоклонников, если не хуже? Или восторженным почитателем монголов? Он был тем и другим одновременно. В глазах Марко христианство воплощало установившийся порядок вещей, обеспечивающий безопасность, но в то же время ограничивающий свободу. Монголы, напротив, символизировали отвагу, магию и величие. Молодого путешественника очаровал их образ жизни и верования.

Переходя к описанию внука Чингиза, Хубилай-хана, Марко впадает в восторженный тон и внезапно забегают далеко вперед. По его оценке, Хубилай не больше не меньше как величайший властитель в истории. «Все императоры мира, все короли как христианские, так и сарацинские, собранные вместе, не имели бы такой власти и не могли бы совершить так много, как этот Хубилай-хан, владыка над всеми татарами мира». По правде сказать, Марко следует средневековой традиции панегирика, или официального восхваления. Преувеличения в них были обычны и даже необходимы. Однако он умел быть и едким, когда хотел этого, даже рассуждая о возвышенных и могущественных персонах, тем более находясь в относительной безопасности геноуэзской тюрьмы. Если отставить в сторону ритори-

ку, становится ясно, что перспектива встречи с этим великим героем наполняла его волнением и ощущением великой цели. Все, что осталось за спиной каравана Поло на Западе, мельчало в сравнении с величием и колоритностью Хубилай-хана и его кочевых подданных, вопреки всякой вероятности завоевавших Китай.

«Раз уж мы начали говорить с вами о татарах, — говорит Марко, горя энтузиазмом, — я расскажу вам многое о них». Он начинает описание — вполне точное — основ их кочевого существования, образа жизни, сходного с жизнью североамериканских индейцев, имевших с ними общих предков. «Татары обычно пасут большие стада коров, кобылиц и овец и потому не остаются на одном месте, но спускаются зимой на равнины и в жаркие места, где хватает травы и есть хорошие пастбища для их скота; а летом они переходят жить в прохладные места в горах и долинах, где находят воду, и дерево, и хорошие пастбища, также и потому, что в прохладных местах нет ни мух, ни мошки, ни тому подобных созданий, донимающих людей и их животных».

Марко переносит европейского читателя в юрту, передвижное жилище монголов. «Они имеют маленькие дома, как палатки на деревянных жердях, и покрывают их войлоком. Они круглые, и перевозят их на четырехколесных повозках. Деревянные жерди связаны так искусно и в таком порядке, что они могут складывать их в пук или расставлять, поднимать, опускать и носить с собой куда им вздумается. И всякий раз, когда они раскидывают и устанавливают свой дом, дверь открывается на полдень».

Эти постройки образовывали, в сущности, переносные деревни, и Марко дивится монгольской жизни на колесах: «Кроме того, у них есть очень красивые повозки всего с двумя колесами, покрытые черным войлоком, добротным и так хорошо изготовленным, что даже когда весь день идет дождь, он не проникает внутрь. Их влекут лошади или быки, а иногда хорошие верблюды. В этих повозках они возят жен и детей и все пожитки и пищу, какая им нужна.

Таким образом они добираются, куда хотят добраться, и так перевозят все, что им надобно».

Привыкнув к жизни в юрте, Марко обращает внимание и на необычное устройство домашнего хозяйства. «Женщины покупают и продают и делают все работы, потребные их господам, и семье, и им самим, — одобрительно отмечает он. — Они не в тягость для своих мужей, а причина тому — что они многое добывают собственным трудом». Чем больше он наблюдал монгольских женщин за работой, тем более восхищался их прилежанием и вкладом в жизнь семьи. По его словам, они «искусно правят семьей и с большим тщанием готовят пищу и исполняют прочие обязанности по дому с великим прилежанием, так что мужья оставляют заботы о доме женам и ничем не занимаются, кроме как охотой и подвигами в сражениях и соколиной охотой, как приличествует благородным господам». Марко инстинктивно увлекся монгольской охотой, предоставлявшей и пищу, и развлечение в бескрайней степи. «У них лучшие в мире соколы», — еще одна пощечина европейцам, у которых соколиная охота была привилегией аристократии, а соколы были предметом гордости тех, кто мог позволить себе их содержание, — «а также собаки». Перечисляя продукты питания, Марко как будто задается целью внушить зависть европейским читателям, часто существовавшим на грани голода. «Они питаются мясом, молоком и дичью и, кроме того, едят мелких животных вроде кроликов, называемых «фараоновы крысы» (в действительности это была разновидность грызунов, родственная луговым собачкам). «Они едят даже конину, и собак, и кобыл, и быков, и верблюдов, если только те жирны, и с удовольствием пьют верблюжье и кобылье молоко».

Кумыс, кисломолочный слабоалкогольный напиток, изготовлявшийся из кобыльего молока, был основным продуктом в рационе монгольских воинов. Питье кумыса было самой характерной чертой монгольской жизни.

Кумыс имеет древнее происхождение. Геродот в V веке до нашей эры писал, что он был известен скифам, кочевым

предтечам монголов, и что название, возможно, получил от другого древнего азиатского племени, куманов. Жизнедеятельность двух видов организмов, дрожжей и грибков, превращает углеводы кобыльего молока в молочную кислоту и алкоголь.

Марко научился наслаждаться этим напитком или по крайней мере терпеть его. В одном месте он утверждает, что кумыс, изготовленный неким монгольским семейством, имеет вкус вина. У него не было другого выхода, как привыкнуть к этому вкусу. Монголы практически только его и пили. Даже зимой, когда молока мало, они разводили кислые сливки горячей водой, взбивали смесь и напились ею.

Жизнь монголов, при всей ее суровости, в конце концов заслужила сдержанное восхищение Марко. В отличие от похотливых женщин Камула монгольские жены хранили верность мужьям. «Ни за что на свете они не коснутся чужой жены, — провозглашает Марко, — потому что считают это низким и дурным делом». Он превозносит гармонию в семьях монголов: «Верность мужей женам удивительна, и поистине благородна добродетель этих женщин, которые, если их десять или двадцать, хранят мир и нерушимое единство». Вместо сплетен и свар женщины занимаются «покупками и продажей... жизнью дома и заботой о семье и о детях» — что заслужило одобрительную (а для уха европейца оскорбительную) оценку молодого Марко. «По моему рассуждению, эти женщины более всех других в мире заслуживают восхваления за свою весьма великую добродетель».

Разумеется, в этом замечательном семейном согласии имелись сложные подводные течения, поначалу не замеченные Марко. Со временем он уяснил, что женщины определенно заслуживали «похвалы за добродетель и чистоту, потому что мужчинам позволено брать столько жен, сколько им хочется, к великому смятению христианских женщин (я подразумеваю, в этих, наших землях). Потому

что когда у одного мужчины всего одна жена, требуется исключительная верность и чистота, а (иначе) нарушается столь великая святыня, как брак. Я со стыдом вижу неверность христианских женщин и зову счастливым тех, у кого при ста женах на одного мужа (хранят) добродетель к своей похвале и на великое посрамление прочих женщин».

Произведя это исследование, он предлагает подробную формулу семейного счастья монголов. «Каждый (мужчина) может брать жен, сколько он хочет, до ста, если он способен содержать их, и мужчины дают приданое женам и матерям жен, чтобы получить их, а женщина не приносит мужу никакого приданого. Но знайте также, что они всегда почитают первую жену самой истинной и лучшей перед другими, как и детей, рожденных ею. И у них больше сыновей, чем у всех прочих народов мира, потому что у них много жен, и дивно, сколько детей у каждого мужчины». Полигамия простиралась и на родственников. Как объясняет Марко, «они берут в жены кузин и, больше того, если отцу умирает, старший сын берет в жены жену своего отца, если она ему не мать, и всех женщин, оставшихся после отца, кроме своих сестер и матери. Он также берет жену родного брата, если тот умирает. И когда они берут жену, они дают большой свадебный пир с великим собранием народа».

Брачные и семейные обычаи монголов оставили после себя долгий след. Персидский историк XIII века Джувайни отмечает: «Из рода и потомства Чингисхана ныне живут в богатстве и власти более 20 000. Более этого не скажу... дабы читающий эту историю не обвинил автора в преувеличении и гиперболе и не спросил, как из чресл одного мужчины в такой короткий срок произошло столь многочисленное потомство».

Согласно современным генетическим исследованиям, Джувайни не преувеличивал. Каждый двенадцатый житель Азии — то есть каждый двухсотый в мире — несет кластер Y-хромосом, берущих начало в Монголии времен Чингисхана. Генетики предполагают, что воины Чингисхана распространили эту хромосому, насилуя и уводя женщин

по всей Азии, замещая ДНК мужчин, убитых ими, зачатыми ими детьми. Некоторые ученые предполагают, что эта Y-хромосома, сохранившаяся по сей день, исходит от самого Чингисхана. Когда ДНК спермы соединяется с ДНК яйцеклетки, Y-хромосома почти не меняет строения при обмене с парной X-хромосомой и остается практически свободной от мутаций. Группа ученых из Оксфорда оценила генетические маркеры мужчин Азии; 8 процентов обследованных оказались практически идентичны, что означает, что их носители состоят в близком родстве, хотя разделены расстояниями в тысячи миль. Генетики пришли к выводу, что эти 8 процентов — прямые потомки Чингисхана. После публикации этих результатов пресса, вслед за Джувайни, стала называть Чингиза самым великим — точнее, самым плодовитым — любовником в истории, а одна компания начала рекламировать набор для хромосомного тестирования, позволявшего потребителю проверить, не несет ли он в себе Y-хромосомы Чингисхана.

По строгим меркам Венеции, монголы были обречены на вечное проклятие, но в степи Поло легко забыл об этом, потому что брачные обычаи монголов предлагали простое разрешение всех его проблем. Молодой венецианец явно предпочитал такой порядок вещей строгой моногамии. В сравнении с благоденствующим монгольским мужем и множеством его добродетельных жен, западный идеал моногамии выглядел жестким и ведущим к несчастью. Чем дольше Марко жил среди монголов, участвуя в их жизни, тем более проникался восхищением перед ними и тем больше уподоблялся им. Мысленным взором он, возможно, уже видел себя патриархом большого монгольского клана, надзирающим за множеством прилежных жен, пасущих бесчисленные стада детей.

Монголы так очаровали Марко Поло, что их шаманистские верования он описывал с неподдельным одобрением, без тени того пренебрежения, которое приберегал для большинства незнакомых вер. Он бодро начинает: «Они

говорят, что есть высокий, чистый небесный Бог, у которого они каждый день, кадя благовониями, просят только мудрости и здоровья». Он признает, что они поклоняются идолам, но замечает, что особое внимание они уделяют одному богу, которого называют Натигай, — «богу земли, защищающему их жен, сыновей и посеvy».

Марко забывает о своем вечном скепсисе, изучая их поклонение идолам. В его передаче оно оказывается до странности похожим на христианские обряды. «В каждом доме на стене висит изваяние, изображающее высокого и чистого небесного бога, или просто табличка, повешенная высоко на стене, с написанным на ней именем бога. Здесь каждый день, куря благовония, они поклоняются ему и в то же время, трижды скрипнув зубами и воздев руки, просят его дать им долгую жизнь, счастливую и веселую, мудрость и здоровье, а более ни о чем не просят. Кроме того, внизу, на земле, у них стоит другая статуя, по имени Натигай, бог земных дел... этот бог защищает их жен и детей; и ему они тоже приносят дары, и скрежещут зубами, и воздевают руки, и у него они просят хорошей погоды и плодов земли, детей и тому подобного».

Одна существенная черта резко отличала веру монголов от христианства. «У них нет представления о душе, а заботят их только пропитание тела и удовольствия». Впрочем, у монголов имелось своеобразное понятие о душе. Марко пишет, что «они считают (ее) бессмертной таким образом. Они думают, что после смерти человек немедленно вселяется в другое тело и, сообразно со своей прежней жизнью, переносится в лучшее или худшее существование; иначе говоря, если он был бедняком и прожил жизнь хорошо и скромно, он возродится после смерти в чреве знатной женщины и будет знатным человеком, а потом в чреве госпожи, и станет господином; если он был сыном рыцаря и в жизни вел себя хорошо, после смерти он снова родится в чреве графини... и так постоянно возвышается, пока его не примет Бог. И напротив, если он вел себя плохо будучи сыном знатного человека, то возродится сыном

простолюдина, из простолюдина станет псом, всегда переселяясь в низшее существо». Добравшись до конца этого подробного, уважительного и толкового описания монгольской веры, легко представить, как захватило Марко это духовное течение.

«Они оказывают ему (богу) великое почтение и великие почести, — продолжает Марко, — и каждый держит его образ на почетном месте в доме. Они делают своих богов из войлока или другой материи... так же делают из материи женский образ и говорят, что это жена бога, и делают маленькие фигурки и говорят, что это его сыновья». Он описывает, как боги монголов участвуют в их домашней жизни. «Когда они собираются к завтраку или к ужину, сначала берут немного жирного мяса и мажут рот бога, а также его жены и сыновей, а потом берут бульон или воду, в которой варилось это мясо, и омывают им рты, и брызгают ею, в их честь, за дверь дома или комнаты».

При всем внимании Марко к их религиозной практике ему остался неизвестным богатый духовный мир монголов, в котором Натигай посредничал между очагом и домом и безграничными силами космоса. Божества монголов вписывались в неустойчивую иерархию. Надо всем господствовало Вечное Синее Небо, а под ним находился пантеон из девятиности девяти божеств, среди которых был и Натигай, покровитель женщин, скота и урожая.

Начиная с описания религиозных верований, Марко приступает к разрушению сложившегося в сознании европейцев образа монгола как кровожадного дикаря. Совершенно неверный, по мнению Марко. Он пишет: «Они говорят изящно и красноречиво, приветствуют подобающим образом, с радостью и улыбкой, держатся достойно и опрятны в еде» — хотя и не моются. «Они высоко чтят своих отцов и матерей. Если узнают, что сын сделал что-то им наперекор или не помог им в нужде, имеется общественная служба, у которой нет иного дела, как сурово наказывать неблагодарных сыновей, о которых известно, что они общались с родными непочтительно». Такими мерами поддер-

живалась стабильность общества монголов. Хотя Марко воздерживается от похвалы официальному учреждению, наказывающему неблагодарных отпрысков, он смотрит на него с одобрением.

Это все о благочестии. На деле же ничто не восхищало Марко более, чем монгольский воин. Он наводил страх на всю Европу, его ремеслом было искусство наездника, насилие и разрушение. Воины представлялись загадочным и опасным племенем стоявших вне закона, яростно преданных друг другу, посвятивших жизнь погоне за властью людей. Они вели суровую жизнь и подчинялись лишь одному закону: собственному кодексу чести. Благородному Марко они казались теснее связанными с жизненными силами природы, чем их утонченные китайские подданные. Неудивительно, что он подпал под их обаяние.

Его преклонение перед их доблестью прорывается сквозь формальную литературную позолоту, наложенную Рустичелло. «Богатые и знатные носят одежду из золота и одежду из шелка, и под верхней одеждой — дорогие меха соболя, горноста и белки (то есть пестрый мех) и лисицы, и всякие другие шкуры, очень богатые; и все их облачения и отороченные мехом одежды очень красивы и большой цены», — рассказывает Марко читателям. «Оружие их — луки, и стрелы, и очень хорошие мечи, окованные железом, а иногда копья и топоры, но они предпочитают лук всякому другому оружию, потому что они непревзойденные лучники, лучшие в мире и с детства овладевают этим искусством. А на спинах они носят доспехи из шкуры буйвола и других животных, очень толстые, из вываренных шкур, очень крепких и прочных. Они достойные мужи, победоносные в сражении и весьма доблестные, и очень яростные, и мало берегут свою жизнь, подвергая ее всяческим опасностям». Европейцы при мысли об этих воинах трепетали; Марко Поло подошел к ним так близко, что мог различить блеск их глаз и кумысную вонь из ртов, и его это опьянило.

Намного уступая числом своим противникам, не имея общей религии и общего языка, монголы покорили целый азиатский континент. Задача казалась невыполнимой, но они справились всего за несколько лет. Причину этого Марко видел в беззаветной преданности монголов воинскому долгу. Вдохновленные единодушным стремлением всегда и всюду служить своему повелителю, они казались куда более крепкими и стойкими, чем воины-европейцы. Философия завоевания была проста и жестока: война и только война. В войне участвовали все. «Мирных жителей среди них не было», — отмечает историк Дэвид Морган. В монгольской армии были представлены все слои общества. По словам Джувайни, монгольский воин был «крестьянином в воинском облачении, потому что при нужде каждый из них, от высших до низших, берет меч, лук или копье».

Такая концентрация усилий произвела на Марко глубокое впечатление. «Когда войско идет на войну, — пишет он, — отважнее всех иных преодолевают они трудности, и часто, когда бывает в том нужда, движутся или стоят на месте без всякой пищи, кроме кобыльего молока и мяса убитой ими дичи, на которую они охотятся с луками». При необходимости «они двое и трое суток проводят, не слезая с седла». Он заключает свое описание откровенным восхвалением героев: «Они лучше всех людей на свете выносят труды и великие лишения, и удовлетворяются скудной пищей, и по этой причине лучше всех могут завоевывать города, земли и царства». Эта суровая, но энергичная жизнь была воплощением власти и силы, это была свобода, это было осуществление всех мечтаний молодого путешественника.

Марко не раз подчеркивает ошеломительную величину монгольского войска. «Когда повелитель татар идет на войну, он берет с собой войско в сто тысяч всадников» — неслыханное для Европы количество. Несмотря на такие размеры, монгольская армия строилась на замечательно простых принципах организации. Военачальник, или генерал, «выбирает главного в каждом десятке, и в каждой

сотне, и в каждой тысяче, и в каждом десятке тысяч, так что командующий держит совет только с десятью лицами». То же распространяется вниз по цепи подчинения: каждый начальник передает доклады десяти подчиненных одному вышестоящему, и тот поступает так же. Такая система позволяла монголом проводить крупные операции на равнине, в горах или в долинах. У них даже имелась сложная сеть шпионажа. Лазутчики разведывали дороги и долины впереди армии, и таким образом «никто не мог нанести им неожиданный удар ни с какой стороны».

Близко познакомился Марко с еще одним тактическим приемом монголов. «Они живут большей частью молоком, — сообщает он, — и у них до восемнадцати коней и кобыл на каждого мужчину, и когда один конь утомлен дорогой, они сменяют его. Они не запасают с собой еды, кроме двух кожаных мехов, в которые наливают молоко для питья, и еще берут маленький глиняный горшок, в котором варят пищу». Если они не могут взять с собой мяса, говорит он, они убивают дичь в пути. «вынимают желудки и очищают их, наполняют водой, а потом берут мясо, которое хотят сварить, кладут его в желудок, уже наполненный водой, и варят на костре, а когда пища готова, съедают мясо вместе с котлом». Привыкнув к суровой скудной жизни, монгольский воин мог целыми днями обходиться без горячей пищи и даже не разводить костра. Для поддержания сил «они живут кровью своих коней; каждый прокалывает жилу своего коня и, припав к жиле ртом, пьет кровь, пока не насытится, а потом останавливает ее». Для крови своих лошадей они находили и другие необычные применения. «Они носят кровь с собой и, когда хотят есть... кладут ее в воду и дают раствориться, а затем пьют. И так же они поступают с высушенным кобыльим молоком. Они кипятят молоко, затем сливки, всплывшие на поверхность, перекалывают в другой сосуд и делают из них масло, потому что, пока они остаются в молоке, молоко нельзя высушить. Затем молоко выставляют на солнце, и так оно высыхает. И, отправляясь на войну, они несут около деся-

ти фунтов сушеного молока... в маленьких кожаных флягах». Смешивают с небольшим количеством воды, и «таков их завтрак».

Когда обстоятельства благоприятствовали, монгольская кухня отличалась большим разнообразием и тонкостью, чем мог позволить военный рацион. Традиционные рецепты той эпохи включали лекарственные отвары, суп «борби» («Выварите тридцать или около того бараньих костей в ведре воды, пока не останется четверть первоначального количества воды, процедите, снимите жирную пленку, удалите осадок и ешьте, сколько пожелаете»); суп с «русскими оливками» (чесноком) («Нарежьте одну баранью ляжку, добавьте пять кусочков кардамона и луцный горох, вскипятите, процедите, добавьте чеснок, нарубленную баранью грудинку и китайскую капусту или салатный лист»); а также юкбу в масляной обливке («Мелко нарезанная баранина, овечий жир, овечий хвост. Мандариновая цедра и зелень имбиря. Соль, соус, специи размешайте до однородной массы. Для приготовления обливки смешайте растительное масло, рисовую муку и пшеничную муку»). Под влиянием турок в монгольский рацион вошла лапша, часто в сочетании с бараниной, яйцом, побегами имбиря, бараньими потрохами и грибами. Все это подавалось в прозрачном бульоне, сдобренном перцем, солью и уксусом. Марко не должен был удивляться, встретив в Монголии лапшу: это блюдо задолго до его странствия распространилось из Турции в обе стороны по Шелковому пути. Легенда ошибается, утверждая, что лапшу в Италию привез Марко Поло, — это заслуга его безвестного предшественника.

Марко признает монголов мастерами военной стратегии — на суше и даже на море. Он восхваляет не их жестокость, а тонкое стратегическое искусство. Многие китайцы и европейцы удивлялись, узнав, что когда монголы «идут на бой с врагами, они в поле наносят им поражение не только наступлением, но и бегством». Монголы не считали позором в сражении показывать спину, но заманива-

ли противников в ущелье или на скалу, где окружали и убивали стрелами, прибереженными для этого момента. «Когда враги поверят, что разбили и победили их (монголов), обратив их в бегство, — пишет Марко, — степные воины перестраиваются и выпускают стрелы, смазанные смертельным ядом, поражая вражеских лошадей. После этого монголы бросаются в контратаку на спешенных изнуренных врагов и убивают их».

В своих записках Марко с сожалением отмечает, что эпоха чистоты монгольского воина миновала — «теперь они весьма опустились» под развращающим влиянием «обычаев идолопоклонников» — очевидно, буддистов, чье влияние быстро распространялось по региону, — и столь же быстро распространявшегося ислама.

Независимо от веры тяжущихся правосудие монголов было скорым, диким и неотвратимым. «Если человек ударил другого ножом или мечом, все равно, попал он или нет, или только угрожал, ему отрубает руку, — пишет Марко. — Тот, кто нанес рану, должен получить такую же от раненого». Мелкое воровство наказывалось побоями: «самое малое семь ударов тростью, или, если украл две вещи, семнадцать, а если три — двадцать семь ударов» — и так далее по возрастающей, каждый раз на десять ударов. «И многие из них умирают от побоев». Дерзнувший украсть коня (монголы предусмотрительно клеймили их) или быка неизбежно умирал от полученных в наказание ударов, если, чтобы сократить процедуру, преступника не рассекали надвое мечом. Милосердие имело материальное выражение. Конокрад, который мог выплатить семикратное возмещение за свое преступление, сохранял жизнь, если не честь.

Один монгольский обычай особенно поразил Марко: браки между умершими детьми. Он не жалеет усилий, чтобы объяснить европейцам этот сложный ритуал, который те вполне могли принять за гротескную выдумку. «Когда из двоих мужчин один имеет ребенка мужского пола, кото-

рый, может быть, уже четыре года как умер и не был женат, он предлагает другому, у которого был ребенок женского пола, выдать ее замуж, даже если она тоже умерла до брака. Они отдают мертвую девочку в жены мертвому мальчику и составляют документы о приданом и женитьбе». После завершения церемонии некромант — шаман или колдун, общающийся с умершими, — сжигал документы, дымом возвещая духам мертвых о женитьбе покойных детей. Устраивали свадебный пир. Затем семьи изготавливали изображения умерших новобрачных, помещали их на конную повозку, пышно украшенную цветами, и объезжали с ней окрестные земли, а закончив пир, предавали фигурки огню «с великими молитвами и приношениями богам, чтобы они сделали счастливым брак в ином мире».

Две семьи, связанные браком мертвых детей, обменивались дарами и даже приданым, как если бы жених и невеста были среди них, стирая грань между жизнью и смертью. После этого «родители и родичи считали себя родней друг другу и хранили родство... как если бы умершие дети были живы». Впрочем, Марко еще только разошелся, поскольку у него есть нечто «воистину чудесное, о чем следует написать». Что же могло превзойти уже описанные им чудеса? Ответ у него наготове: «Мы будем говорить о правлении великого хана и о его дворе, который я, обойдя и повидав многие царства, ни с чем не могу сравнить». Мало того, «обязуюсь не говорить о нем ничего, не согласного с истиной».

Марко с придыханием описывает «очень дикий» народ меркитов, которые приручали и объезжали оленей, больших, как кони. Он с энтузиазмом повествует о царстве Эргинул, в котором «три расы: есть турки, и много христиан-несториан и идолопоклонников (буддистов), и есть сарацины, поклоняющиеся закону Мухаммеда». Рассуждая о провинции Фингуи (Сингуй), он восхищенно описывает диких быков, «больших, как слоны, очень красивых видом, потому что они мохнаты всюду, кроме спины, а цветом чер-

ные и белые». Их шерсть, «тоньше шелка», произвела на него такое впечатление, что он пишет: «Я, Марко Поло, привез немного шерсти в Венецию как диво, и таковым почитали ее все». Кроме того, этот регион дает «лучший в мире мускус».

Не он один восхищался мускусом; мускус славился по всей Европе как составная часть духов, афродизиаков и разных настоев. Теперь Марко узнал, что чудесное вещество на самом деле получают из брюшной железы самца мускусного оленя. Марко рассказывает о мускусе, который он обнаружил в «диком животном», напоминающем газель. Животное, по его описанию, имело шерсть, как у газели, но много толще, копыта размером с газели и хвост газели, но «у него было четыре зуба, два снизу и два сверху, длиной в три пальца, очень тонкие и белые, как слоновая кость, и два выдавались вниз, а два вверх». Монголы, отмечает он, называли это животное «гуддери».

Секрет железы был красновато-коричневым, густоты меда, с пронзительным запахом, прославленным своей сексуальной притягательностью. Марко описывает монгольский способ получения мускуса: «Охотники выезжают при полной луне на ловлю означенного животного; потому что, когда оно поймано, находишь в области пупа на животе между кожей и плотью кровяную пустулу, — якобы вырастающую под влиянием полной луны, — которую вырезают со всей кожей и затем сушат на солнце. Эта кровь и есть мускус, от которого исходит такой сильный аромат».

Мускусная газель так заинтриговала Марко, что много лет спустя, вернувшись в Венецию, он привез с собой «высушенные ноги и голову одного из этих животных, немного мускуса в мускусном мешке и пару маленьких зубов». Трофей служил осязаемым напоминанием о его богатых впечатлениях, но, постаравшись, он мог воспроизвести их для своих слушателей и в камере генуэзской тюрьмы.

К населению этих мест Марко явно испытывает смешанные чувства. Он меняет отношение к ним даже по ходу рассказа. У них маленькие носы и черные волосы. Мужчи-

ны безбороды, у них только несколько волосков на подбородке. Женщины очень милы, «хороши во всех отношениях», и у них нигде нет волос, кроме как на голове. Хоть Марко и считал себя разбитным парнем, его, как видно, и притягивало, и отталкивало открытие, что мужчины «много наслаждаются чувственными удовольствиями и берут жен в достатке, поскольку их религия... им не запрещает, но они берут столько, сколько могут». Более того, он пишет: «Скажу вам, что мужчины ищут жен скорее красивых, чем благородных, потому что здесь есть очень милостивая и прекрасная женщина, и она низкого происхождения, однако великий барон или большой человек берет ее в жены за ее красоту и дает немало серебра ее отцу и матери за согласие». Возможно, Марко пришло в голову, что такая плата сходна с венецианским приданым, которое тоже превращало брак в коммерческую сделку и заключение политического союза между семьями.

Продвигаясь на восток, Марко Поло попал в «провинцию Тендук», которую ошибочно счел прежними владениями мифического пресвитера Иоанна. Основываясь скорее на легендах, нежели на фактах, он объясняет, что хотя «большая часть (населения) — христиане, есть там и люди смешанной расы». (Он подразумевает отпрысков родителей разной веры или культуры.) Люди эти, известные как «аргон», — идолопоклонники (вероятно, буддисты) с одной стороны и мусульмане — с другой. Несмотря на смешанное происхождение, и они заслужили похвалу Марко. «Они самые белые люди в стране, и красивее других жителей страны, принадлежащих к неверным, и самые умные и умелые торговцы, каких можно найти во всей провинции».

Еще большей натяжкой является отождествление владений пресвитера Иоанна с «землями, которые мы в нашей стране зовем Гог и Магог». Сомнительная, но для Марко вполне заслуживающая доверия ссылка на библейского деспота Гога, правившего в стране Магог. С этого места в повествовании Марко безнадежно запутывается в леген-

дах и обрывках древней истории. Основанная на его личном опыте история была весьма правдива, но рассказчик слишком доверчиво полагался на полузабытые предания и легенды.

Переходя от истории к соколиной охоте, Марко возвращается к свойственной ему живости и точности рассказа о зрелище, которое восторженно наблюдал собственными глазами. Соколиная охота была забавой для избранных и у европейцев, и у монголов, и Марко вполне оценил ее величие и элитарность. Хубилай-хан, — сообщает он читателям, — каждый год приезжал в эти места на охоту. «Он охотится с кречетами и соколами, — пишет Марко, — и берет достаточно птиц для великой радости и великого праздника». На охотничий сезон великий хан останавливался в селении «из нескольких домов, построенных из дерева и камня, где они ночуют и где держат великое множество катор, которых на нашем языке зовут куропатками, и перепелов». Более того, «великий хан всегда велит, чтобы просо... и другие семена, какие любят эти птицы, высеивали для них летом на склонах холмов и никто не смел собирать урожая, чтобы те могли вволю кормиться».

Роскошное поместье Хубилай-хана служило всего лишь местом летнего отдыха. С наступлением зимы охотничьих соколов рассаживали по клеткам, слуги навьючивали верблюдов и трогались в путь. «Дивно и поразительно видеть, сколь велики его потребности!» — восклицает Марко, говоря об этом прославленном правителе.

Трехдневный путь по степи приводил монгольского владыку в его знаменитый летний дворец, Шанг-ту, или Ксанаду, как его назвал в своей знаменитой поэме Сэмюэль Тейлор Кольридж.

Хотя описания дворца порой выглядят как поэтический вымысел, Ксанаду существовал в действительности, реальный, как земля под ногами, и Марко довелось хорошо

его узнать. «В этом городе, — говорит он читателям, — Хубилай-хан построил огромный дворец из мрамора, искусно обработанного, и из иных красивых пород камня». Марко открылись виды, описание которых воспламенило подпитанное опиумом воображение Кольриджа.

Марко пишет: «Залы, и комнаты, и переходы все позолочены и дивно расписаны изнутри картинами и изображениями зверей, и птиц, и деревьев, и цветов, и многих вещей, так хорошо и искусно, что видеть их — радость и чудо. В сторону от дворца идет стена, одним концом смыкающаяся с городской стеной, а другим концом замыкающая шестнадцать миль земли. Дворец укреплен, как замок, в котором имеются фонтаны и реки проточной воды, и очень красивые лужайки и рощи».

В этом своеобразном Элизиуме помещался роскошный королевский зверинец. «Великий хан держит там все виды животных, как то: оленей, и ланей, и антилоп, и напускает на них кречетов и соколов, которых держит в клетках. Он часто делает это для забавы и удовольствия. Посреди парка, где расположена прекраснейшая роща, великий хан» — все еще остававшийся невидимым, хотя присутствие его все явственнее ощущалось с каждой милей — «устроил себе для жилья чертог или галерею, целиком из тростника (то есть бамбука)... и на верху каждой колонны большой дракон, весь позолоченный, обвивает хвостом колонну и поддерживает крышу головой, и простирает лапы, одну вправо, чтобы поддерживать крышу, а другую таким же образом влево... крыша этого дворца также сделана из тростника и позолочена и отлакирована так хорошо и густо, что вода никак ей не вредит, и росписи никогда не смывает, и это самое удивительное в мире, чего не может постичь тот, кто его не видел».

Отточивший наблюдательность Марко описывает это чудо монгольского прикладного искусства — здание, которое Кольридж пятьсот лет спустя увековечит как «величественный дворец Кубла-хана». «Тростник, из которого построено это жилище, имеет более трех или четырех ладо-

ней в толщину и от десяти до пятнадцати футов в длину. Их разрезают по узлам, от одного узла до другого, и расщепляют вдоль, и так делают черепицу. Из этого тростника, столь толстого и большого, сделаны колонны, балки и перегородки, (так что) можно разобрать все здание и выстроить заново. Этот дворец Хубилай-хана, о котором я говорил, сделан полностью из тростника. Каждая черепица закреплена гвоздем для защиты от ветров, и они так хорошо составили и подогнали этот тростник, что он не пропускает воду, и дождь сливается вниз».

Еще более занимательно, что все строение поддавалось разборке и переноске, совсем как скромные юрты, в которых жили кочевые монголы. Как-никак, культура оставалась кочевой сверху донизу. «Хубилай-хан велел устроить все так, что его можно легко снять и легко установить, сложить и доставить по кускам, куда он пожелает, потому что, когда он сложен и возведен, более двух сотен крепких шелковых веревок удерживают его, как палатку, со всех сторон, чтобы легкий тростник не снесло ветром.

И скажу вам, что Хубилай-хан проводит в том парке три месяца в году, то есть июнь, июль и август, иногда в мраморном дворце, а иногда в тростниковом. Причина, по которой он остается там, — желание избежать жгучего зноя, потому что там воздух весьма умерен и хорош, не горяч, а очень свеж». Хотя речь Марко богата поэтическими образами и европейцы, вплоть до Кольриджа, читали его книгу как развлекательную фантастику, это описание сделано по личным наблюдениям.

Хубилай-хан, очевидно, был сам себе законом, грозным и всесильным, он ослеплял подданных своим величием, но в принятии важных решений зависел от предсказателей судьбы. «Когда Хубилай-хан остается в этом дворце, и случается дождь, или туман, или плохая погода, при нем есть мудрые звездочеты и чародеи, которые выходят на крышу дворца, где живет Хубилай-хан, если в воздух поднимается грозовая туча, начинается дождь или туман, и своей мудростью и заклинаниями разгоняют все тучи и

дождь, и всю непогоду, хотя повсюду кругом погода остается плохой».

Присмотревшись, Марко заметил, что при дворе имеются два типа звездочетов: одни из Тибета, а другие из Кашмира, практиковавшие черную магию и, по-видимому, искусно манипулировавшие Хубилай-ханом. «Им ведомо дьявольское искусство, они больше всех людей знают заклинаний и повелевают дьяволами, — говорит Марко, — так что я не считаю их величайшими чародеями мира... Всего этого они добиваются дьявольским искусством, а другим внушают, что это благодаря их добродетели, и святости, и Божьей воле». Словно обнажая свою сущность, «они ходят грязными и немывтыми, не заботясь ни о своей чести, ни о тех, кто их видит: они оставляют грязь на лицах, никогда не моются и не причесываются, но всегда ходят нечистыми».

Словом, звездочеты из Кашмира — «самый злой род некромантов и чародеев» — были попросту отвратительны.

В подтверждение их дурного характера Марко приводит историю, несомненно, ужасавшую его слушателей: «Когда они узнают, что кто-то приговорен к смертной казни за свои злодеяния и ожидает смерти от властей той земли, того обреченного отдают им, и они берут его и съедают его; но если он умирает своей смертью, они не станут его есть ни за что на свете». Чтобы в полной мере продемонстрировать их дьявольское могущество, Марко выдумывает небылицу, безотказно действовавшую на читателей несколько веков: «Когда великий хан сидит за обедом или за ужином в своем великом зале, за огромным столом, имеющим более восьми локтей в высоту, и золотые чаши для питья стоят посреди возвышения на другом конце зала в десяти шагах от стола, полные вина, молока и других добрых напитков, тогда эти мудрые чародеи... добиваются своими чарами и искусством, чтобы полные чаши сами собой поднимались с возвышения и по воздуху переносились к великому хану, при том, что никто их не касается. Когда же он выпьет, чаши возвращаются на прежнее мес-

то». На случай, если бы слушатели усомнились в этом сообщении, Марко настаивает, что все это происходило на виду у всего двора. «Они проделывают это иногда на глазах у десяти тысяч человек, и в присутствии любого, кто пожелает это видеть, и это правда, достойная доверия, а не ложь, потому что это происходит за столом повелителя каждый день».

Марко описывает происходящее, словно видел все своими глазами. Возможно, энтузиазм в данном случае ввел его в обман чувств, или чародеи сумели отвести ему глаза, как и всем присутствующим.

Как бы ни было великолепно зрелище летнего дворца, ничто не могло сравниться с белоснежными табунами Хубилай-хана. «У этого властителя есть порода белых коней и кобыл, белых как снег, без иных цветов, и число их огромно» — более десяти тысяч в табуне, если верить Марко. Столь же впечатляли огромные стада «очень белых коров».

Молоко, которое давали белые кобылы и коровы, считалось драгоценным, так что «никто в мире не смел пить его, кроме великого хана и его потомков», а также «другого народа этой земли, называемого гориаты». Давным-давно, говорит Марко, великий хан даровал гориатам эту привилегию «в награду за великую победу, которую они одержали с ним к его чести». Тогда «он пожелал, чтобы они и их потомки питались той же пищей, которой питаются великий хан и его родичи. И потому только два этих рода питаются от вышеуказанных белых животных и от их молока».

Все остальные оказывали особый почет благородной белой скотине. Марко продолжает: «Когда эти белые животные идут на выпас лугом или лесом и проходят дорогой, которой хочет пройти человек, он оказывает им такое почтение, что не одни только простые люди, но и великие господа и бароны, видя, как они идут, ни за что не дерзнут пройти между ними, но будут ждать, пока они все пройдут, или далеко обойдут стороной, на полдня пути, чтобы не пришлось проходить между ними».

В глазах монголов эти животные обладали магическими свойствами. «Астрологи сказали великому хану, что он должен прыскать молоком белых кобылиц в воздух и на землю каждый год в двадцать восьмой день августовской луны, чтобы воздух и земля вволю напились». Тогда «все его (хана) владения будут процветать, и мужчины и женщины, и звери и птицы, и посевы, и все, что растет».

Почитание белых кобылиц и их молока отмечалось ежегодным праздником, который приходился на день выезда хана из летнего дворца, 28 августа. «Ко дню праздника, — сообщает Марко, — запасают много молока в особых сосудах, и хан собственными руками разливает молоко здесь и там в честь своих богов. Астрологи пьют это молоко». Напившись кумыса, властитель и его придворные впадали в пьяное оцепенение.

Вслед за пиром наступало время трезвого выезда из Ксанаду и разборки летнего дворца. Марко говорит, что Хубилай-хан «так спланировал, что может снять его и увезти куда захочет очень быстро, и весь он укладывается по частям и уносится с большой легкостью, куда прикажет владыка». После этого кочевники снимались с места.

Европейцам трудно было поверить в существование разборного переносного летнего дворца, построенного из бамбука или другого прочного легкого материала, который можно разобрать и перевезти, подобно мебели, однако все так и было, как описывает Марко. Хотя казалось, что он жил среди примитивных воинов-язычников, в действительности он очутился в месте слияния культур, на несколько веков опередивших Западную Европу. Как мог он втолковать это скептически настроенным читателям? Заставить их поверить в будущее было непосильной задачей даже для настойчивого и красноречивого Марко.

Дальнее путешествие оказалось исключительно трудным и опасным, отняло много времени, и вот наконец Поло могли отдохнуть под гостеприимным и надежным покровом

вительством хана. Со временем им предстояло понять, что они оказались в ловушке — размером с целую Азию, но все же в ловушке. Хубилай-хан представлялся неуязвимым императором, почти божеством, но в действительности был тщеславным и уязвимым деспотом, и, соответственно, неустойчивым было положение Поло в его империи. Поскольку их личная безопасность зависела от его расположения, они не могли ни противоречить ему, ни бежать от него, если хотели когда-нибудь снова увидеть Венецию. А если бы что-то случилось с ханом, они оказались бы в руках его врагов.

Но пока Марко был слишком ослеплен близостью могущественного властелина, чтобы о чем-то беспокоиться. Он добрался до кульминационного пункта своего повествования. «Теперь расскажу вам, — обещает он, — воистину поразительные факты о величайшем владыке владык всех татар, воистину благородном хане по имени Хубилай».

Марко Поло свысока убеждает своих читателей, в особенности венецианцев, изучать опыт Хубилай-хана в построении империи. Его продолжительный отчет читается как обсуждение вопросов о наилучшем способе управления империей и в таком качестве является средневековым эквивалентом другого итальянского труда по искусству правителя: «Государя» Макиавелли. Хубилай-хан представляется Марко великим правителем: воином, деспотом и мудрецом в одном лице. Хубилай-хан был для венецианца человеком из плоти и крови и в то же время монументальной фигурой масштаба Александра Великого, правителем, способным преобразить мир и саму историю. Хубилай-хан был воплощенной мощью — военной, сексуальной и духовной.

«Народ держится смиренно, тихо и спокойно на полмили вокруг места пребывания Хубилай-хана, из уважения к его превосходительству, и не слышно ни звука, ни шума, ни криков и громких разговоров, — рассказывает Марко о жизни в монгольском дворце. — Каждый барон или знат-

ная особа всегда имеет при себе маленькую красивую вазу, в которую он сплевывает, находясь во дворце, потому что никто не осмеливается плевать на пол».

Поддерживая изысканную атмосферу дворца, посетители надевали особую обувь: «красивые туфли без задников из белой кожи, которые они приносят с собой». Марко объясняет, что, «когда они прибывают ко двору, если хотят войти в зал, ожидая, что владыка спросит о них, они надевают эти красивые белые туфли и отдают другие слугам, чтобы не испачкать ковры из шелка, искусно вытканные золотом и другими цветами».

А теперь настало время одетым в лучшие наряды Поло предстать перед воплощением богатства и власти, перед вождем монголов Хубилай-ханом.

«Когда благородные братья, мастер Никколо и мастер Маттео, и Марко вступили в великий город (Камбулак), в котором пребывал хан, они немедленно направились к главному дворцу, где нашли великого хана среди большого числа его баронов. И они преклонили перед ним колени с великим почтением и в смирении простерлись на земле».

Простершись перед всемогущим монгольским правителем, они ждали в почтительном, но тревожном молчании, пока «великий хан велел им подняться и встать перед ним, и принял их с почетом и устроил для них великое празднество и пир». Хубилай-хан охотно завязал с Никколо и Маттео беседу, расспрашивая «об их жизни, и как они проводили» годы, когда отсутствовали при монгольском дворе. «Братья отвечали ему, что они всем довольны, поскольку нашли его в здравье и силе».

Покончив с предварительными любезностями, Хубилай-хан пожелал услышать, «какие дела» братья вели с «главным понтификом». По словам Марко, Никколо и Маттео «объяснили ему хорошо и искусно, с большим красноречием и по порядку, что они сделали, и были выслушаны в продолжительном молчании всеми господами и баронами, которые много дивились их великим и долгим трудам

и великим опасностям». Закончив отчет, они вручили Хубилаю папские грамоты, которые везли с собой от Акры до Камбулака. Вождь монголов похвалил их «усердие» в свершении столь непосильной задачи. Но это было еще не все.

С венецианской пышностью они преподнесли ему святой елей, доставленный от лампад при Гробе Господнем в Иерусалиме, которого он так сильно желал. Хубилай-хан принял магическую субстанцию «с великой радостью, как величайшую драгоценность, и приказал хранить ее с почетом и благочестием, и ничто не было для него дороже или желанней». Такое сочетание благочестия и наивности типично для монголов. Трудно представить, чтобы папа или другой религиозный лидер Запада принял бы монгольскую реликвию, сколь бы важной она ни была, иначе как диковинку — если бы принял вообще.

Далее пришла очередь молодого Марко. Отец и дядя официально представили молодого человека правителю. «Великий хан, увидев Марко, каковой был молодым холостяком благородных достоинств, спросил, кто он», — рассказывают читателю. «Повелитель, — сказал его отец, мастер Никколо, — он мой сын и твой слуга, самое главное мое богатство, которое я доставил в этот мир через великие опасности из дальних земель, чтобы представить тебе твоего слугу». Можно вообразить, как пылали щеки юноши, трепетавшего от торжественного и близкого знакомства со столь важной персоной и от сознания важности происходящего — ведь отец только что определил его на службу к Хубилай-хану.

— Добро пожаловать, — сказал великий хан. — Я весьма им доволен.

КНИГА ВТОРАЯ

АЗИЯ

Глава 7

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

В полнозвучные размеры
Заклучить тогда б я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог.

Благосклонность Хубилай-хана стала поворотным пунктом в жизни молодого Марко. Отныне он выходит из тени старших и становится самостоятельным действующим лицом. Его впечатлительный, любознательный, изменчивый характер оказался идеально подходящим для императора и его империи. Так случилось, что величайший правитель на земле распознал, какие надежды подавал наблюдательный проницательный пришелец с таинственного Запада, и стал учить его жизни. Вместе они высвободили подлинного Марко из рамок, установленных Венецией, и Марко под влиянием хана превратился в путешественника, который остался в истории. На протяжении семнадцати лет Марко Поло и Хубилай-хан составляли весьма необычную пару в качестве повелителя и слуги, ученика и учителя и даже отца и сына.

Марко хвастал, что Хубилай-хан выказывал ему «величайшее благоволение» и числил его «среди самых знатных своих домочадцев, отчего он пользовался почетом и признанием прочих придворных». В свою очередь, молодой ве-

нецианец изучал своих необычных хозяев. «Оставаясь при дворе великого хана, этот юноша... будучи выдающегося ума, изучил обычаи татар, их язык, их письмо и искусство стрельбы из лука столь хорошо, что всем это представлялось чудом», — пишет он с характерной для него нескромностью. Вскоре он освоил «несколько языков и четыре другие письменности». Вооружившись этими знаниями, он изучил Хубилай-хана, быть может, лучше, чем хан знал сам себя, и навеки запечатлел его образ в сознании людей Запада.

Для европейцев Хубилай-хан, как и его предки, был скорее демонической силой, чем личностью. Марко, очевидно, трепетал перед монгольским вождем, но в то же время задался целью придать ему человеческое лицо — акт настоящего иконоборства.

«Великий владыка владык, именуемый Хубилай-хан, таков, — начинает Марко. — Он хорошего и красивого сложения, не слишком мал и не слишком велик, но среднего роста. Плоть, покрывающая его, везде хороша, все его тело более чем хорошо оформлено. Лицо у него белое и красное, как роза; глаза черны и красивы, нос хорош и хорошо посажен». Это описание выглядит несколько идеализированным: портреты хана в зрелом возрасте изображают его весьма тучным и щекастым, но при этом благородным и одухотворенным.

В преклонении перед сей августейшей персоной Марко впадает в восторженный тон. «Титул “хан” означает «Великий владыка владык», и он, несомненно, носит этот титул по праву, ибо каждый должен знать, что великий хан — самый могущественный из людей, существующих ныне в мире, как по числу подданных, так и по землям и богатствам, — не преувеличивая, напишет впоследствии Марко. — Вам следует знать, что он происходит по прямой правящей линии от Чингисхана... он шестой в роду великих ханов всех татар». Хотя к тому времени, как хан вторично принимал Поло в Камбулаке, ему пошел шестой десяток, он до последнего времени вел жизнь, полную опасностей.

и стал ханом не только по случайности рождения, но и благодаря хитроумию и отваге на поле битвы.

Отцом Хубилай-хана был четвертый сын Чингисхана, Толуй, а матерью — замечательная женщина по имени Соркактани-бэги. Она главным образом и сформировала великодушный характер и широту религиозных убеждений будущего императора. За отсутствием мужа она сама воспитывала сына и внушила ему миропонимание и взгляды, которые он сохранил на всю жизнь.

После того как Толуй спился до смерти, Соркактани проявила дух независимости. Она отвергла брачное предложение брата Толуя, Угэдэя, и других и сама растила детей. Ее политическое чутье, сочетавшееся со спокойной уверенностью в себе, заслужили ей всеобщее восхищение. Один из мудрецов той эпохи, сириец Григорий Бар-Эбрей, сын еврейского врача, ставший епископом и комментатором Библии, так говорит о Соркактани: «Если бы я встретил среди рода женщин вторую подобную ей, то сказал бы, что женский род далеко превосходит мужской».

Соркактани исповедовала несторианское христианство, и потому Хубилай-хан относился к христианству значительно благосклоннее, чем могли ожидать поносившие его европейцы.

Марко, как и другие, знал о ее вере и потому полагал, что у него найдется нечто общее с ее сыном, самым экзотическим из правителей. Однако религиозные взгляды матери Хубилая были сложнее, чем предполагала исповедуемая ею религия. Она активно поощряла религиозную терпимость — отчасти по убеждению, отчасти из политических соображений. Она принимала и буддизм, и даосизм, и ислам, лишь бы добиться поддержки населения, подчиненного ее семье. Соблюдая христианскую обрядность, она в то же время щедро жертвовала мечетям и мусульманским учебным заведениям. И заставила Хубилая изучить монгольские охотничьи обычаи, и настояла, чтобы он выучил

уйгурский, один из нескольких языков, принятых среди монголов.

Столь же просвещенным было ее управление делами северной области Китая, которой она правила легкой рукой. Одним из серьезных вызовов, с которыми столкнулись монголы, пытаясь установить контроль над Китаем, было столкновение двух противоположных образов жизни: китайских крестьян и кочевников-монголов. Вместо того чтобы принуждать китайских подданных к переходу на кочевое существование, приспособленное к бескрайним, но зачастую бесплодным территориям, Соркактани позволила им жить согласно земледельческим обычаям предков: результатом для монголов стал щедрый рост налоговых поступлений.

Хубилай перенял новаторский подход матери к управлению этими китайскими провинциями. Он принял и ее политеизм, обеспечивший ему поддержку подданных, и многообещающие приемы в экономике. Однако в молодости он часто уезжал далеко от дома, а монголы правили теми же провинциями куда более жестко. Они принуждали китайских крестьян переселяться на новые места, разрушая хрупкие родовые связи; они вводили непосильные налоги и нещадно эксплуатировали китайских работников. К тому времени, как Хубилай обратил внимание на эти перегибы, китайцы толпами бежали из его владений.

Хубилай попытался восстановить утраченное равновесие, заменив монгольскую налоговую систему ее китайским эквивалентом, так называемыми «умиротворяющими комиссионерами». Он радушно встречал перешедших в его владения китайцев, и к 1250 году часть беглецов возвратилась, выразив тем примирение с монгольским образом правления.

Хубилай, полагавшийся в управлении своей империей на иноземцев, постепенно стал самым немонгольским из монгольских правителей; монголы часто упрекали его в отступлении от монгольских обычаев и принятии китай-

ской культуры во всех ее проявлениях: языке, манере одеваться, религии (имея в виду буддизм) и методах управления. В этих упреках была доля истины, поскольку Хубилай вербовал советников, невзирая на их происхождение. Монах по имени Хай-юн наставлял хана в китайском буддизме. Он дал второму сыну Хубилай-хана китайское имя Ченчин — «Истинное Золото». За ним последовал другой китаец, и скоро молодой монгольский вождь постигал законы Конфуция. При его дворе стали появляться турки-уйгуры, мусульмане и христиане несторианского толка, и каждый получал при нем место. По некоторым сведениям, Хубилай прислушивался к советам сорока советников столь различного происхождения. Много лет спустя, когда мусульмане и европейцы, отважившись преодолеть опасности Шелкового пути, появились при его дворе, Хубилай, естественно, пригласил и их на службу к монголам. Со временем он разделил своих подданных на четыре основные части. Первыми шли монголы, которым доставались самые высокие посты. За ними следовали так называемые «цветноглазые», под которыми разумелись персы и выходцы из Средней Азии. Затем шли уроженцы Северного Китая и, наконец, Южного Китая — две наиболее многочисленные, но наименее влиятельные группы.

Хубилай-хан, даже усвоив сложные придворные обычаи китайцев, сохранил впитанный с молоком матери вкус к переносным жилищам, охоте, коням и поединкам. Со временем он задумался, не слишком ли полагается на избранных китайских советников. Слышали, как он вопрошал, не ускорят ли буддисты и конфуцианцы конец его династии. Он недостаточно бегло владел китайским, чтобы уследить за изысканными беседами окружавших его конфуцианцев. Те, кто желал наставлять его в конфуцианской доктрине, должны были полагаться на монгольского переводчика. Он готов был принять целый мир, но только на своих условиях.

Будучи восходящим к власти правителем, молодой Хубилай должен был надзирать над четырьмя отдельными до-

машними хозяйствами, каждым из которых распоряжалась одна из жен. Чаби, его вторая жена, затмевала остальных как популярностью среди подданных, так и влиянием на своего замечательного мужа. Они поженились в 1240 году или незадолго до того, когда Хубилай-хану было около двадцати пяти лет. Чаби исповедовала тибетский буддизм, она жертвовала свои драгоценности буддийским монастырям и скоро вдохновила обратиться к буддизму и Хубилая.

В уверенности, что силой своей власти способен преодолеть все различия — религиозные, лингвистические и прочие, — Хубилай-хан стремился закрепить союзы внутри монгольской империи и постепенно доказывал, что станет достойным вождем. В 1225 году он способствовал своему брату Мункэ захватить юго-западные провинции Китая. Через три года, как говорят хроники, он поручил еще одному уважаемому китайскому ученому, Лю Пин-Чжуну, выбрать подходящее место для столицы монгольской империи. Тот выбрал Ксанату — это название, по крайней мере в сознании европейцев, приобрело бесконечно романтическое звучание, однако означало оно попросту «Верхняя столица», поскольку располагалась к северу от зимней столицы Камбулак.

Смерть Мункэ в августе 1259 года открыла Хубилаю путь к возвышению. В мае 1260 года собрание монгольских ханов — «курултай» — поставило его «великим ханом». Ему было тогда сорок пять лет.

Через месяц после избрания Хубилая его младший брат Ариг-Буга, заручившись основательной поддержкой недовольных монгольских вождей, также провозгласил себя «великим ханом». Укрепившись в Каракоруме, Ариг-Буга поклялся свергнуть Хубилай-хана и верных ему вождей. Узнав о намерениях соперника, Хубилай приостановил военную кампанию в Центральном Китае и созвал совет своих военачальников, решая, как отвратить этот вызов его власти. Те рекомендовали Хубилаю в целях единства мон-

голов произвести новые выборы. Хубилай, будучи преемником по назначению, должен был подчиниться выбору, сделанному его родичами и главными вождями. Голосование не дало решающего результата: у каждого претендента имелись преданные сторонники, и таким образом возникли основания для многолетнего конфликта между соперничавшими партиями.

Желая укрепить свои позиции, Хубилай заключил пакт с господствующей в Китае династией Сун, князья которой поклялись служить Хубилай-хану и выплачивать ему щедрую ежегодную дань в 200 000 унций серебра и 200 000 отрезов шелка. Прислушавшись к мнению своих китайских советников, он воззвал к населению Китая, заверив, что налоги, установленные им, будут легче, чем налоги его антикитайски настроенного соперника, и постарался по возможности подражать китайским императорам в одежде и обычаях. Прием подействовал, однако Ариг-Буга продолжал угрожать Хубилай-хану в Средней Азии и повсюду, где чуял слабые места.

Бесконечные стычки взяли свою дань с войска Ариг-Буги. Болезни, дезертирство и голод лишили его множества воинов, и к 1264 году Ариг-Буга решил, что ему не остается иного выхода, как сдаться Хубилай-хану. Прибыв в Ксанаду, Ариг-Буга воззвал к милосердию брата. Недавние смертельные враги обнялись, и рассказывали, что Хубилай-хан нежно утирал слезы на лице брата.

Доказав таким образом прославившее его великодушие, Хубилай-хан не стал наказывать Ариг-Бугу и его приверженцев. Он только на год отстранил брата от своей персоны — мера, которая привела в ярость многих его придворных, настаивавших на гораздо более жестких мерах. Желая задобрить своих вассалов, Хубилай-хан произвел следствие с целью выявить тех, кто подбивал Ариг-Бугу на мятеж. В конечном счете остановились на одном злосчастном бывшем советнике по имени Болгай. Хубилай-хан приказал казнить Болгаю и еще девятерых невезучих последователей Ариг-Буги.

В 1266 году умер и сам Ариг-Буга: до последней болезни он пребывал в полном здравии, поэтому возникли подозрения, будто его отравили, чтобы освободить дорогу Хубилай-хану, однако прямых доказательств преступления так и не нашлось. Теперь Хубилай правил как единственный «великий хан», хотя поддержка низших ханов была ненадежной. Иноземцам, вроде Марко Поло, он представлялся единовластным правителем монголов, в действительности же его власть над империей была куда скромнее, чем казалось со стороны, и покоилась столько же на случайностях и стечении обстоятельств, сколько на военной силе.

Став императором, Хубилай немедленно провел в своем царстве всеобъемлющие перемены. В 1260-м, в первый же год своего правления, он приказал китайцам отказаться от монет из золота, серебра и меди в пользу бумажных денег. Причем он заменил китайскую бумажную валюту, бывшую в ходу с IX века, если не раньше, монгольской. Скоро Китай заполнили монгольские деньги трех родов: один основывался на шелковом эквиваленте, два других на серебряном. Несмотря на сопротивление китайцев, система действовала (хотя валюта, основанная на шелковом эквиваленте, вскоре уступила тем, что основывались на серебре).

Монгольская фискальная система и технологии, основанные на китайских образцах и далеко опередившие европейские, озадачили и поразили Марко Поло, с трудом постигавшего финансовую систему, столь отличную от венецианской. В своих «Путешествиях» он превозносит чудеса монетного двора Хубилай-хана в Камбулаке. «Он устроен таким образом, — говорит Марко, — что великий властитель (овладел) искусством алхимии в совершенстве». Марко подразумевает, что валютная система позволяла создавать богатство из ничего.

Для вразумления европейцев, незнакомых с бумажной валютой, Марко ярко обрисовывает процесс изготовления денег на монетном дворе Хубилай-хана. «Он велит людям

брать кору деревьев, то есть шелковиц, листьями которых питаются черви, дающие шелк, и тонкую кожицу, которая пролегает между корой и древесиной». Из этой кожицы делаются «листы, подобные листам бумаги. Они совершенно черные». Разрезав их на квадраты различной величины в соответствии с достоинством, «на каждом таком листе ставят печать со знаком и печать великого владыки, потому что иначе их не примут в уплату». Дополнительно на каждом листе чиновник делал отметку от руки, и «если кто подделает ее, он будет наказан высшей мерой наказания до третьего поколения». И так чудесны бумажные деньги, что «каждый год (Хубилай) имеет их такое множество, что мог бы заплатить ими за все сокровища в мире, хотя деньги эти ничего ему не стоят».

Марко пытается убедить недоверчивую европейскую аудиторию, да и себя самого, в достоинствах и действительности бумажных денег Хубилай-хана. «Все народы и населенные места под его властью с радостью принимают в уплату эти листы, потому что везде за них дают товары, и жемчуг, и драгоценные камни, и золото, и серебро; на них все можно купить, и они расплачиваются этими бумажными листами, о которых я вам рассказал». Столь же удивительно, что эти бумажные деньги «так легки, что листы стоимостью в десять безантов золота не весят и одного».

Хубилай-хан стремился к новшествам и радушно принимал при своем дворе мастеров, ремесленников, купцов и торговцев — вразрез с китайскими обычаями. Мусульмане со Среднего Востока привозили пряности, верблюдов и ковры. Купцы доставляли роскошные шелка и лаки, не говоря уже о рогах носорогов и благовониях.

Казна Хубилай-хана получала от этой коммерческой деятельности огромную выгоду. Монгольское правительство ссужало деньги монгольской знати под небывало низкие проценты, зато облагало налогами купцов. Независимо от характера сделки чиновники Хубилай-хана требовали, чтобы купец обменял свою валюту, обычно в форме ценных

монет, а иногда — драгоценных камней, на монгольские бумажные деньги. Как отмечает Марко Поло: «Много раз в год собираются купцы с жемчугом и драгоценными камнями, и с золотом, и с серебром, и с другими товарами, золотыми и шелковыми тканями, и все это купцы отдают великому владыке. Великий владыка призывает двенадцать мудрецов... чтобы осмотреть все, доставленное купцами, и заплатить за них то, что оно стоит... теми листами, о которых я вам рассказывал. Купцы берут эту плату с большой радостью, потому что они потом обменивают ее на все, что можно купить в землях великого владыки». Если случится, «что кто-то хранит эти листы так долго, что они порвутся и истребятся, он принимает их на своем монетном дворе, и их меняют на новые и чистые».

Хотя Марко и трудно было поверить, что бумажные деньги могут чего-то стоить, он видел — собственными глазами, как он любил повторять, — что они служили основой гибкой и практичной экономической системы и распространяли экономическое влияние монголов на большие расстояния без применения силы или принудительных мер. Бумажные деньги представлялись Марко более важным изобретением, чем фейерверки или гигантские пращи, и более убедительным, чем религия. Это было секретное оружие Хубилай-хана.

Все время своего правления Хубилай-хан черпал силы в уникальном источнике: его главная жена Чаби, выбившаяся в правительницы единой монгольской империи, отдавала все силы на поддержку своего мужа, когда тот был втянут во внутренние распри монголов. Это Чаби отозвала Хубилай-хана от сражений с династией Сун на защиту престола. И она же настояла, чтобы Лю Пин-Чжун убедил Хубилай-хана отказаться от замысла превратить возделанные земли вокруг столицы в пастбища для монгольских табунов. «Вы, китайцы, умны, — сказала она Лю Пин-Чжуну. — Когда вы говорите, правитель слушает. Почему вы не разубедите его?». После заступничества советника

Хубилай-хан оставил китайские крестьянские хозяйства в покое.

При дворе Чаби стала законодательницей мод. Известная своей бережливостью, она собирала выброшенные шкуры животных, чтобы использовать их как коврики, и тетиву со старых луков, чтобы сделать нитки для новой пряжи, и другие дамы вскоре последовали ее примеру. Она внесла изменения в традиционный головной убор монголов, придумав своеобразный козырек для защиты от яркого солнца Китая. Она также изобрела одежду в виде туники без рукавов, удобную в сражении.

Кроме того, она разделяла преклонение, которое испытывал ее муж перед китайским императором Тайцонгом, правившим пятью веками раньше, во времена династии Тан. Она поощряла мужа в стремлении подражать этому почитаемому историческому персонажу, чтобы укрепить свои позиции среди китайцев. Отчасти благодаря советам и примеру Чаби он сумел закрепить свое влияние и стать популярным в Китае, главным образом путем подражания знаменитому китайскому императору.

В манере правления Чаби все больше осуществляла китайский подход, особенно взгляды, сформулированные конфуцианским ученым Цзин-Хао, создавшим сборник наставлений для правителя. Однако Хубилай держался, очевидно, монгольских обычаев. Вместо того чтобы полагаться в назначении гражданских чиновников на строгую экзаменационную систему, как настаивали конфуцианцы, он оставил право выбора за собой, так что не рисковал впасть в излишнюю зависимость от китайцев в обыденных делах управления. Таким образом, Хубилай стремился ввести свою династию в русло китайской культуры, не отказываясь от монгольского наследия.

Хубилай-хан так наловчился лавировать меж этих двух огней, что поверил, будто может стать всем для всех, правителем вселенной. Он не смог добиться поставленной перед самим собой цели: Средняя Азия, опорные пункты монголов, такие как Персия и Русь, притяжали на автоно-

мию, хотя на словах и заверяли в покорности великому хану Востока. Хуже того, на его глазах происходил распад монгольской империи одновременно с усилением его базы — а база эта была очень большой и богатой — в Китае, где он с успехом продолжал «умиротворение» династии Сун и богатых городов. Особенно богатым трофеем оказался Ханчжоу в Озерном Краю — самый развитый и живописный район Китая.

Вот в такой процветающей империи и оказался Марко Поло. Он зарекомендовал себя перед Хубилай-ханом успехами в языках, и тот использовал его «как посла по некоторым важным государственным делам». Первым на пути Марко оказался город, который он называет Каражан, в шести месяцах пути от Камбулака.

Молодой посол не пожалел усилий, чтобы подготовиться к исполнению поручения и выделиться среди других. Те, после путешествия по монгольским землям, возвращались к Хубилай-хану «и не умели рассказать ему известий из земель, где побывали». По словам Марко, разгневанный Хубилай поносил своих гонцов как «дураков и невежд, и говорил, что охотнее услышал бы новости о делах и обычаях чужих стран, чем о делах, по которым их посылал, поэтому Марко, которому это было хорошо известно, в пути отмечал и записывал все новости и странные вещи, которые видел и о которых слышал, чтобы по возвращении рассказом о них удовлетворить его желание». Так родился Марко Поло — путешественник и рассказчик, удалец и хвостун, которого итальянцы с восхищением и насмешкой нарекли «Иль Милионе» — Миллион.

Он же считал себя честным и добросовестным исполнителем воли хана и беспристрастным хроникером. «Все, что мастер Марко видел и делал, что он встречал хорошее и дурное, он записывал и рассказывал по порядку своему владыке». Эти путевые заметки не сохранились, но предполагают, что из Генуи, где он писал свои «Путешествия», он посылал за ними, чтобы освежить воспоминания. Под-

робности путешествия врезались ему в память. Он объясняет: «Вот почему мастер Марко знает об этих вещах и странах больше, чем кто-либо из рожденных, потому что он уделял внимание тому, чтобы узнавать, и высматривать, и выпрашивать, для рассказов великому владыке; так и вышло, что никто никогда не видел эти страны больше, чем мастер Марко, и не узнавал и не слышал столько странных вещей, каковые записывал прилежно и по порядку».

Марко проявил неожиданный талант: он вызывал в воображении читателя или слушателя далекие неизведанные миры, представляя их и удивительными, и понятными. Хубилай был его первым редактором, первым и самым важным слушателем и в конечном счете самой увлекательной темой его повествования. Марко, описывая их диалоги, между прочим открывает и собственное удивление перед открывшимся в нем даром повествователя. «Вернувшись, он предстал перед великим ханом и сообщил ему о делах, по которым был послан и которые исполнил весьма хорошо, и рассказывал обо всем новом и обо всем, что видел в пути, так хорошо и умно, как ни один из тех, кого посылали прежде, так что великий хан и его бароны были весьма довольны, и все, кто его слышал, много тому дивились и хвалили его разум и достоинства».

Уверовав в собственные небывалые таланты, Марко не жалеет похвал в свой адрес. «Благородный юноша, казалось, обладает скорее божественной, нежели человеческой силой постижения», — бахвалится он. Весь монгольский двор «ничему так не дивился, как мудрости этого благородного юноши, и они говорили между собой: “Если этот юноша проживет долго, он непременно станет человеком великого ума и великой доблести”». Он со вздохом вспоминает: «Со времени того поручения его почитали не как юношу, а как человека зрелого, и с тех пор того юношу называли при дворе мастер Марко Поло, и так мы будем звать его впредь, хотя его добродетель и мудрость заслуживают куда более достойных имен, чем мастер Марко. И это действительно вполне справедливо, потому что он был умен и опытен».

Вассалов Хубилай-хана Марко раздражал. Для них он был безвестным чужаком, неведь как добившимся расположения владыки. Марко сознавал, какую ревность возбуждал среди придворных. Хубилай-хан — то ли признает, то ли привирает он — «держал его в такой близости к себе, что многие другие бароны были в большой досаде».

Следуя примеру отца и дяди, Марко почитал языческого правителя, чья мощь легко затмевала всех владык христианского мира; в то же время он невольно чувствовал, что венецианцам есть чему поучиться у монголов. С этой целью он наполняет свой рассказ поучительными образцами управления этой отдаленной державой. Общественные установления и система монголов представлялась Марко изобретательным решением вопроса о наилучшем использовании скудных ресурсов для управления империей. Монголы, как и венецианцы, правили обширной империей из маленькой замкнутой базы — окруженного лагуной города в одном случае, замкнутого в кольцо стен Камбулака — в другом. Марко осознавал поразительное сходство между венецианцами с их торговым флотом и монголами с их стадами и табунами. Венецианцы, бороздившие моря, были такими же кочевниками, как и степные монгольские племена.

Будучи наследником Чингисхана, Хубилай-хан продолжал его дело «покорения вселенной», начав с области духа. «Он соблюдает главные праздники так же, как сарацины, иудеи и идолопоклонники, — объясняет Марко. — Будучи спрошен о причинах, Хубилай-хан сказал: “Есть четыре пророка, которых все почитают и перед которыми преклоняются. Христиане называют своим богом Иисуса Христа, сарацины — Мухаммеда, евреи — Моисея, идолопоклонники — Сагамони Буркана (Будду), первое божество, которого представили как идола. Я чту их и поклоняюсь всем четверем”».

Разумеется, между четырьмя верами, перечисленными Хубилай-ханом, имелись коренные различия, и кое в чем

их доктрины не только несравнимы, но даже несовместимы. Исламская вера сарацин была строго монотеистической, в то время как монголы исповедовали шаманистскую теологию с идеей многих богов и религиозной терпимости. За этими теологическими расхождениями лежал непреодолимый культурный барьер. Мусульмане, захлестнувшие Азию, были в основном урбанистической культурой, пускали корни в городах и преуспевали в коммерции. Монголы ненавидели города и уничтожали их на своем пути. Даже в своей столице, Каракоруме, монголы жили вне стен города, в открытой степи, предоставляя тесниться внутри китайцам, европейцам и мусульманам.

Хубилай-хан начал с того, что признал различия, чтобы затем стереть их. Хотя самому хану был ближе буддизм, процветавший кругом и быстро распространявшийся, он ловко убедил Марко, что всем религиям предпочитает христианство. «Великий хан показал, что считает христианскую веру самой истинной и наилучшей, — настаивает Марко, — потому, говорит он, что в ней все добро и свято».

Отец и дядя Марко, не забывая о своей роли «папских послов», часто задавали Хубилай-хану вопрос: если он предпочитает христианство, почему не отвергнет другие веры и не объявит себя христианином?

«Как вы хотите, чтобы я сделался христианином?» — возразил хан. В его глазах христианство было всего лишь одной из многих, далеко не самой могущественной, религией в его владениях. «Вы видите, что христиане в этих краях невежественны, ничего не делают и не имеют власти, — говорил Хубилай, — и вы видите, что эти идолопоклонники делают все, что захотят, и, когда я сажу за столом, чаши, что стояли посреди зала, подлетают ко мне, полные вина или напитка... хотя никто их не касается, и я пью из них. Они направляют бурю в любую сторону, по своему желанию, и вы знаете, что их идолы говорят и предсказывают им все, что они пожелают». В сравнении с этими чудесами шаманистской религии христианство, с его идеей воздаяния и вознаграждения лишь после смерти, давало слабую духовную

опору. «Если бы я обратился в христианство, — сказал Хубилай-хан, — тогда мои бароны и другие люди, не преданные вере Христа, сказали бы мне: “Какие у тебя причины принять крещение и держаться веры Христа? Какие благодеяния и чудеса ты видел от Него?” А эти идолопоклонники говорят, что то, что они делают, делается святостью и добродетелью их идолов. Тогда я не знал бы, что ответить им, и это было бы большой ошибкой между ними и этими идолопоклонниками, которые своей наукой и искусством легко могли бы причинить мне смерть». Он не верил, что вера в Христа спасла бы его от яда или злых чар колдунов и шаманов.

Если принятие христианства угрожало ослабить его власть над монгольской империей, то награды военачальникам, или «баронам», верой и правдой служившим ему, только укрепляли эту власть. Хубилай-хан поддерживал их верность весьма щедрым вознаграждением. Бароны и вожди, защищавшие Хубилая на поле битвы, получали «великие дары золотом и чистым серебром, сосуды и много прекрасных камней, и особые таблички, дающие власть». Согласно монгольскому обычаю Хубилай-хан раздавал эти таблички в строгом иерархическом порядке. Те, кто командовал сотней воинов, получали серебряные таблички, те, кто командовал тысячей, получали таблички из золота, «а те, кто командовал десятью тысячами, получали золотые таблички с львиной головой». Этих редких счастливых осыпали, кроме того, наградами: жемчугом, драгоценными камнями и лошадьми. «Он давал каждому из них столько, что это было чудо, — рассказывает Марко, — потому что они воистину этого заслуживали, ибо ни один человек не делал из любви к своему владыке того, что они совершали с оружием на поле битвы». А те, кто командовал сотней тысяч, получали золотые таблички с выгравированными львами, соколами, солнцем и луной.

Каждый такой ярлык на власть, выданный Хубилай-ханом одному из своих верных баронов, нес на себе следующую надпись: «Властью и силой великого Бога и великой

милостью, которую он дал нашему повелителю, благословенно будь имя великого хана, и да будет всякий, кто не повинуется ему, убит и уничтожен». Вместе с табличками выдавались «Приказы на бумаге», в которых перечислялись обязанности и привилегии.

Военачальники высшего ранга, командовавшие сотнями тысяч, были весьма выдающимися персонами. По приказу хана каждый имеющий этот ранг совершал выезды под золотым балдахином «в знак его великой власти». Кроме того, на собраниях он сидел в серебряном кресле. И еще в знак высочайшего уважения хан позволял своим баронам ездить на любом коне по их выбору: они могли отобрать коня у подчиненного им военачальника, не говоря уже о простых воинах, и могли ездить на конях, принадлежавших Хубилай-хану. Честь обладания ярлыком власти была велика, а повиновение его носителям — абсолютно. «Если кто осмелится не повиноваться во всем воле и приказу того, кто имеет такую табличку, он подлежит смерти как мятежник против великого хана».

Монголы, несмотря на развитую воинскую культуру и поразительные успехи в завоеваниях, отставали от китайцев в технологии, искусстве, литературе, архитектуре, философии и одежде. У них не было даже общего языка для управления своей растянувшейся на полматерика империей. При монгольском дворе звучало вавилонское смешение языков, писцы вели дела на монгольском, арабском, персидском, уйгурском, тангутском, китайском и тибетском, не считая других наречий. Писцы выучились искусно подбирать транскрипции имен и титулов индуистских божеств, китайских генералов, мусульманских святых и персидских аристократов. Стремясь по возможности к единообразию, придворные писцы передавали уйгурский — кажется, наиболее распространенный язык — упрощенным китайским письмом, однако этот выход не разрешил сложных проблем коммуникации, с которыми сталкивались Хубилай-хан и его министры.

Марко как верный слуга Хубилай-хана пользовался монгольским — языком завоевателей, или персидским — «лингва франка» иноземцев при монгольском дворе. Соответственно, в повествовании Марко часто использовал персидские названия мест — не потому, что пользовался персидскими источниками, как доказывали иные скептики, а потому, что следовал общепринятой в монгольской империи практике.

Воодушевленный своей миссией «правителя вселенной», Хубилай пытался ввести единый письменный язык для всех народов империи. В попытке упорядочить хаос общения, он поручил влиятельному тибетскому монаху создать совершенно новый язык: алфавит, способный передавать все известные языки. Одаренный монах, как рассказывали, научился читать и писать едва выйдя из колыбели, а в три года декламировал наизусть сложные буддийские тексты Хеваджра-Тантра. За такие достижения он получил имя «Пагс-па» — «Достойный» по-тибетски. Появившись при монгольском дворе в 1253 году в качестве восемнадцатилетнего «молодого дарования» Пагс-па со временем приобрел особую благосклонность жены Хубилая, Чаби, и стал весьма влиятельным лицом при дворе.

Хотя Хубилай-хан заявлял, что почитает четыре различные веры, Пагс-па позаботился, чтобы его буддийская школа, Сакья-па, стала первой среди равных. С точки зрения китайских пуристов, монгольская версия буддизма была грубой и искаженной: она основывалась на тибетском тантрическом буддизме, «верховный» лама которого демонстрировал колдовское искусство, то забавляя, то устрашая глубоко суеверных монголов и даже скептически настроенного Марко Поло.

Какое-то время Пагс-па заправлял всеми духовными делами при дворе, и с ним считался даже сам Хубилай-хан. За духовные заслуги он одарил молодого монаха золотой мандалой, украшенной жемчужинами «величиной с овечьи орешки». Во время мистических сеансов Пагс-па сидел выше своего августейшего ученика, если же речь шла о

мирских делах, они менялись местами. Такое равноправие должно было продемонстрировать равновесие между духовными и преходящими мирскими делами.

В 1269 году Пагс-па исполнил поручение, представив Хубилай-хану слоговой алфавит — в котором знаки передавали сочетание согласного и гласного — из сорока одной буквы, основанный на традиционном тибетском. Новое письмо стало известно как «квадратное письмо», по форме знаков. Писали на нем по вертикали сверху вниз, и строки шли слева направо.

Эта система транскрибировала монгольскую речь точнее прежних импровизированных систем и даже передавала звуки других языков, особенно китайского. Хубилай-хан торжественно объявил это лингвистическое новшество официальным языком монгольской державы и учредил академию для его распространения. В том же году открылась «монгольская школа языков», а два года спустя — национальный университет. Изобретенный Пагс-па шрифт остался на бумажных деньгах, на фарфоре, в официальных эдиктах империи Юань, однако ученые и писцы, привыкшие к китайскому, персидскому или другим прежним языкам, отказались принять его. Да и Марко Поло не выказывает знакомства с новым монгольским письмом.

В 1274 году, примерно в то время, когда караван Поло прибыл в Монголию, Пагс-па удалился в тибетский монастырь Сакья, где и скончался в 1280 году. К этому времени монголы отвернулись от его версии тибетского буддизма, и его остроумное изобретение было забыто всеми, кроме немногочисленных поклонников, пользовавшихся им в официальных случаях. Оно осталось ценным, но неудачным экспериментом в искусственной разработке языков. В наше время среди монголов наиболее популярна уйгурская письменность и кириллица — наследие советского влияния.

Интимная жизнь Хубилай-хана была столь же сложна и экстравагантна, как и прочие стороны жизни его империи. Высокое положение позволило Марко познакомиться

ся с семьей Хубилая, столь многочисленной, что европейцу оставалось только недоверчиво ахать. «Он имеет четырех женщин, которых держит постоянно как настоящих жен, и старший сын его от этих четырех женщин должен стать законным правителем империи после смерти великого хана, — сообщает Марко. — Они (жены) зовутся императрицами, и каждую также называют по имени. И каждая из этих дам содержит собственный двор в собственном дворце, потому что у каждой не менее трехсот — в некоторых версиях «Путешествий» это число возрастает до тысячи, а то и до десяти тысяч — девушек, очень красивых и милых». В общем, «у них множество слуг и евнухов, и много других мужчин и женщин, так что у каждой из этих дам десять тысяч придворных».

Пользуясь близостью к Хубилаю, Марко дерзнул последовать за августейшей персоной в его спальню, где наблюдал его необычные сексуальные привычки. Неподчищенный отчет предлагает одно из самых полных и сенсационных описаний сексуального поведения правителей. «Когда он желает возлечь с одной из этих четырех женщин, он велит ей прийти в его комнату, а иногда он идет в комнату жены». На случай, если этих занятий ему окажется мало, хан имел в своем распоряжении «множество других наложниц». По словам Марко, многие из них были родом из провинции Кунгурат в Афганистане, «где рождаются очень красивые и светлокожие люди; женщины здесь очень красивы и великолепно украшены». Движения их были чрезвычайно изящны, мягки, соблазнительны и привлекательны, наряды их манили взгляд, они носили головные уборы, с которых свешивались длинные мерцающие нити жемчуга, обрамлявшие лицо, а брови они подводили, рисуя длинные горизонтальные линии. Жемчужные головные уборы подчеркивали их взгляды, и их темные глаза даже во сне преследовали императора — или впечатлительного молодого венецианца.

Как и многое другое при монгольском дворе, процесс выбора наложниц, достойных служить хану, превратился

в строгий ритуал. Каждый год, объясняет Марко, «великий хан посылает людей... отыскать для него самых красивых девушек по приметам, которые он им дает — четыреста, пятьсот или около того, каких они сочтут подходящими».

Собранные девушки представляли перед «судьями, назначенными для этой цели, которые, рассмотрев и обсудив все части каждой в отдельности — то есть лицо, брови, рот, губы и другие члены — смотрят, насколько они гармоничны и пропорциональны телу, оценивая одних в шестнадцать карат, других в семнадцать, восемнадцать, двадцать». Только счастливицы, оцененные в двадцать карат или выше, отбирались для представления самому Хубилай-хану, подвергаясь при этом пристальному осмотру новых судей. В результате оставалось сорок девиц, оцененных в высочайшее число каратов, и, как выражается Марко, «избранных для его собственной комнаты».

Каждая из этих отборных девиц, прежде чем ее допускали на ложе Хубилай-хана, подвергалась окончательной проверке. По его указанию жены баронов, «старшие дамы двorca... клали их (девушек) с собой в постель, чтобы узнать, свежее ли у тех дыхание, чисты ли они, и спят ли тихо, без храпа, и нет ли у них где-либо неприятного запаха, и девственны ли они, и здоровы ли во всех отношениях».

Это описание, настолько откровенное, насколько решился дать Марко, понимали обычно в том смысле, что жены баронов занимались сексом с новенькими, чтобы совершить дефлорацию и обучить их искусству любви. Те, что проходили это самое интимное испытание и оказывались «хороши, и чисты, и здоровы во всех членах», посылались «служить владыке».

Каждые три дня шесть победительниц монгольского конкурса красоты посылались к Хубилай-хану «в комнаты, и на ложе, и для всех нужд, и великий хан поступал с ними, как ему угодно». Когда он заканчивал, усталых девушек уводили, и их заменяли следующие. «И так продолжается весь год, что каждые три дня и три ночи они сменяются, пока не пройдет все сто, и потом начинается новый круг».

Во время оргий никто не смел тревожить Хубилай-хана, кроме молодых наложниц. «Если владыке нужно что-то еще, еда, питье или иное, девушки, служащие ему в комнатах, передают в другую комнату, что должно приготовить, и это немедленно подается. И так владыке не прислуживает никто, кроме тех девушек». Между тем девушки, оцененные в меньшее количество карат, помогали женской прислуге, учились шитью, выделыванию перчаток и другой «благородной работе».

Хубилай-хан делился избытком женщин, обученных домашней работе, со своими баронами, заслуживая тем их доброжелательство и укрепляя верность вассалов.

«Когда кто-либо из знатных ищет себе жен, великий хан отдает ему одну из них с богатым приданым и так находит для каждой знатного мужа». По описанию Марко, эта сложная система дележа сексуальных удовольствий устраивала все заинтересованные стороны.

Марко сознавал, что подобный обычай требует немалых уступок со стороны подданных Хубилай-хана, которые находили оправдание утрате дочерей в непреодолимом движении планет. «И никто из мужчин означенной провинции не обижен, что великий хан забирает у них дочерей? — вопрошает Марко. — Ни в коем случае». Для женщины, вырванной из родных мест, чтобы обслуживать сексуальные потребности хана, это было не позором, а формой царственного признания. «Они почитают это великой заслугой и честью и очень рады, что имеют миловидную дочь, которую он удостоил принять, потому что, говорят они, “если дочь родилась под счастливой планетой и со счастливой судьбой, владыка лучше удовлетворит ее и найдет ей хорошего мужа, чего мы не сумели бы сделать”».

Хубилай-хан полагал, что, плодя множество наследников, выполняет волю небес. Согласно подсчетам Марко, Хубилай-хан зачал двадцать два сына от четырех жен и двадцать пять сыновей от наложниц. (Многочисленные дочери не заслуживали внимания.) По словам дипломатич-

ного венецианца, все наследники мужского пола обладали отвагой и мудростью их отца. И каждый хотел стать следующим «великим ханом». Ожидалось, что трон унаследует старший из выживших сыновей Хубилай-хана, Чингин. Он отличался в искусстве наездника и в учености и пользовался популярностью у всех, кроме прямых соперников. В доверенной ему сложной деятельности по сбору налогов он строго противостоял коррупции, но щедро помогал семьям, пострадавшим от природных бедствий, таких как засуха или паводок. Он стал бы достойным наследником своего отца — если бы выжил.

По словам персидского историка Вассафа, «когда Хубилай-хан приблизился к седьмому десятку лет, он пожелал возвести ... Чингина в положение своего представителя и при жизни объявить его преемником и для того созвал совет своих вождей». Как и следовало ожидать, другие ханы заявили, что этот замысел противоречит установленному самим Хубилай-ханом закону: Чингин не мог быть избран «великим ханом» при жизни отца — однако они поклялись поддержать его после смерти Хубилая. Но тут Чингин внезапно умер в возрасте сорока трех лет, и развязалась битва за наследство.

Сын Чингина был дисквалифицирован за «косоглазие» — что, возможно, означало, что у него было слабое зрение. Второй сын постоянно хворал и был исключен из кандидатов. Оставался Темур, которого воспитывали как наследника титула «великого хана», когда при дворе появился Марко Поло. Многочисленные соперники угрожали затруднить ему восхождение к власти, и все более реальной становилась возможность, что после смерти Хубилая мятежи разорвут монгольскую империю на части. Молодому Марко казалось, что это время никогда не наступит.

Однако даже Хубилай-хан был смертен.

Глава 8

НА СЛУЖБЕ У ХАНА

В напеве влаги и пещер
какое странное виденье —
Дворец любви и наслажденья
меж вечных льдов и влажных сфер.

Центром власти Хубилай-хана был «великий город, именуемый Камбулак», где хан проводил зиму. В его империи это было нововведением. Еще с 1220 годов монголы под властью Чингисхана считали своей столицей расположенный в монгольской степи Каракорум. Позднее Хубилай решил перенести центр власти к югу, словно подчеркивая власть монголов над Китаем.

Надзор за строительством Камбулака Хубилай-хан поручил архитектору-мусульманину, хотя сам город призван был продемонстрировать китайцам, что династия Хубилая вдохновляется их традициями. Работы начались в 1267 году. Несколько лет спустя город имел одиннадцать ворот, охраняемых внушительными трехэтажными башнями, служившими обзорными площадками.

В разноязыкой монгольской империи столица была известна под различными именами. Китайцы называли ее Та-ту — «Великой столицей». Тюрки знали город как Ханбалык (в передаче Марко Поло — Камбулак), «Город

хана». Монголы же, адаптировав китайское название, называли его Дайдун. Ныне этот город известен как Бейцзин (Пекин).

Ко времени прибытия Марко восточная часть нового города была отведена под изучение астрономии, которая особенно привлекала Хубилай-хана с его широкими взглядами на мир. Хубилай, вдохновленный славой персидского астрономического центра в азербайджанском Мараге, известном открытиями небесных тел и сложнейшими инструментами для небесных наблюдений, давно мечтал о собственной обсерватории.

Для воплощения своей мечты Хубилай послал за знаменитым персидским астрономом Джамаль-ад-Дином, который привез с собой множество чертежей различных устройств: солнечных часов, астролябий, небесных и земных глобусов и армиллярной сферы («скелета» небесной сферы с моделью Земли или Солнца в центре), служившей наглядным пособием. Эти механизмы и конструкции опережали соответствующие европейские устройства.

Современная западная астрономия многим обязана китайским и арабским предтечам. В традиционной китайской модели, которую со временем принял Запад, экватор изображался кругом, опоясывающим земной шар, а Северный полюс находился наверху — в наше время это кажется естественным и очевидным. Однако европейские астрономы эпохи Марко Поло пользовались другой системой, базировавшейся на движении Солнца по небосводу — «эклиптике». Линия экватора при этом не учитывалась, пока в конце XVI века датский астроном Тихо Браге не принял китайскую схему, бывшую в ходу по крайней мере с 2400 года до нашей эры.

По китайской системе небеса расходились от центральной оси, разделяясь на двадцать восемь сегментов, именуемых «ксиу», или лунными домами. Каждый ксиу заполнялся звездами и созвездиями. Небеса для китайцев были

не хаосом, а упорядоченной структурой. Еще в VII веке — почти за тысячу лет до европейцев — они заметили, что кометные хвосты всегда направлены от Солнца, предвосхитив таким образом открытие солнечного ветра. Они открыли лунные кратеры задолго до европейцев, которым — до Коперника — Луна, наряду со всеми небесными телами, представлялась идеальной сферой.

В 1271 году, за год до прибытия Марко Поло, Хубилай-хан, признав достижения персидских астрономов, учредил «Институт мусульманской астрономии». Такое межкультурное взаимообогащение стало типичным для династии Юань. Так, хан прибег к услугам китайского инженера и астронома Го Шоу-цзина, который, в свою очередь, воспользовался персидскими диаграммами для разработки инструментов и расчета нового монгольского календаря, подобного лунному календарю Китая. В монгольском календаре, основанном на двенадцатигодичном цикле, каждый год носил имя одного из животных, которое его характеризовало: мыши, коровы, тигра, кролика, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, петуха, собаки или свиньи. Согласно этой схеме, год обезьяны нес в себе черты этого животного, ее буйный и раздражительный характер — воистину трудный год.

Тонкости монгольской и китайской астрономии прошли мимо Марко, озабоченного земными делами. Подобно другим европейцам, молодой человек полагал астрономию и астрологию синонимами, и высокие достижения астрономов Хубилай-хана не возбудили его любопытства. Гораздо больше интересовали его вездесущие колдуны и провидцы. В одном Камбулаке, по его оценке, было не менее тысячи «астрологов и прорицателей», занимавшихся своим ремеслом сообразно с религиозными убеждениями и национальными особенностями, — мусульман, христиан и китайцев.

Марко ознакомился с лунным календарем, применявшимся по всей монгольской империи. Он писал, что каж-

дый год мусульманские, христианские и китайские астрологи наблюдают небеса, прослеживая «движение и расположение всего года согласно движению каждой луны. Ибо они видят и находят, какую погоду принесет каждая луна этого года согласно естественному движению и расположению планет и знаков и их свойств. А именно, в такую-то луну будут гром и бури, в такую-то — землетрясения, в такую-то — грозы с молниями и много дождей, в такую-то болезни, мор, и чума, и войны, и бесконечные раздоры — и так с каждой лунной».

Астрологи собирали небесные предначертания в «маленькие брошюры, в которые они записывают все, что случится в каждую луну этого года», — азиатская версия главного элемента сельской жизни Америки, «Альманаха бедного Ричарда», собрания примет для предсказания погоды и прочих практических указаний, собранных и опубликованных Бенджамином Франклином в XVIII веке.

По словам Марко, каждый, кто замышляет «большой труд» — поездку, деловое предприятие, — идет к астрологу и просит: «Посмотри в своих книгах, что говорят небеса, ибо мне предстоит совершить такое-то дело или сделку», называя ему год, месяц, день, час и минуту своего рождения; потому что эти сведения известны каждому с детства». Выяснив, под какой планетой родился клиент, астролог приступает к «предсказанию всего, что случится с ним в этом путешествии, по порядку, и насколько успешным будет его предприятие, счастливым или нет». Купцу, такому как Марко, могли посоветовать отложить поездку до времени, пока неблагоприятные для торговли планеты не передвинутся, или, чтобы избежать их вредоносного влияния, выехать из города через ворота, противоположные невидимой небесной угрозе.

Упоминания Марко о «брошюрах» и «книгах» — правда, встречающиеся не во всех ранних списках, — противоречат утверждениям скептиков, что он не бывал в Китае, поскольку нигде их не упоминает. В действительности он знал о существовании книгопечатания, но не осознавал

значимости этой мощной технологии. Этот промах понятен, поскольку до появления наборного шрифта в Европе оставалось почти два века, и он не мог предвидеть, какую роль сыграет книгопечатание в распространении Библии и других важных трудов. Будучи купцом, он сразу осознал значение бумажной валюты, а вот книги, посвященные астрономии, оставались для него всего лишь диковинкой.

Главным для Марко был город, Камбулак, порождение новой монгольской цивилизации.

«Дворец квадратный со всех сторон, — говорит Марко. — Прежде всего его охватывает квадратная стена, и каждая сторона восьми миль в длину, и окружена глубоким рвом, и посередине каждой стороны ворота, через которые входят люди, собирающиеся отовсюду. Далее пространство шириной в милю; там размещены солдаты. Внутри этого пространства новая стена со стороной шесть миль». Величина города и его стен должна была заставить ахнуть европейскую аудиторию. Вместо дикой столицы, которая им представлялась, вставала гигантская крепость — свидетельство мощи монгольской империи.

Основание централизованной столицы, по замыслу Хубилай-хана, должно было изменить монгольскую традицию и образ жизни монголов, превратить их из кочевников в земледельцев. Самым удивительным в Камбулаке и в гигантском эксперименте Хубилай-хана было то, что он удался. Марко застал метрополию в пору расцвета и привел яркое описание дворца Хубилая, предтечи китайской императорской резиденции, известной под названием «Запретный Город», позже выстроенной на том же месте и включившей в себя часть строений и участков, скрупулезно запечатленных Марко. «На каждом углу этой стены и посередине каждой стороны находится красивый и просторный дворец, — продолжает Марко, — так что по всей окружности стены расположены восемь дворцов, в которых хранится снаряжение великого хана, в каждом одного рода, а именно: уздечки, седла, стремяна и иное, отно-

сящееся к лошадиной сбруе всадника. А в другом дворце луки, тетивы, колчаны, стрелы и иное снаряжение лучника. В следующем кирасы (доспехи, особенно нагрудники), кольчуги и тому подобные вещи из вываренной кожи». Весь комплекс огибала огромная стена с «великими воротами, которые открываются, только когда великий хан выезжает из них на войну». Дворец Хубилая, скрытый за этими стенами, «величайший и чудеснейший из когда-либо виденных» — жилище непревзойденной роскоши, сияющее и подобное сновидению в возвышенном описании Марко Поло. «Стены залов и комнат все покрыты золотом и серебром, и на них изображены драконы и звери, и птицы, и прекрасные истории дам и рыцарей, и другие прекрасные вещи, и история битв, и крыши также сделаны так, что ничего не видно под ними, кроме серебра, золота и росписи. Зал так велик и широк, что это великое чудо, и более шести тысяч человек могут пировать в нем одновременно, вместе сидя за столом. В этом дворце четыреста комнат, такое множество, что дивно видеть их. Он так красив, и велик, и богат, и так хорошо выстроен и устроен, что ни один человек в мире не мог бы спланировать его лучше и лучше выстроить». Кажется, что Марко опять преувеличивает, однако он точно описывает величину монгольского дворца.

Подняв глаза к небу, он видел новые чудеса, превосходившие величие Запретного Города. «Крыши сверху все красные, и зеленые, и лазурные, и павлиньей синевы и желтизны, и всех цветов, и так хорошо и искусно выложены изразцами, что блестят, как кристалл, и их сияние видно далеко от дворца. И да узнаете вы, что крыша так прочна и плотно сложена, что держится много лет». Он выказывает и дотошное знание внутреннего устройства, записывая: «За дворцом располагаются большие дома, комнаты и залы, в которых помещается личное имущество владыки, то есть все его сокровища, золото, серебро, драгоценные камни, и жемчуг, и сосуды из золота и серебра, где живут его дамы и наложницы и где он занимается делами с удобством и когда ему угодно; туда другие люди не входят».

Земля, на которой располагался этот предшественник Запретного Города, живописно дополняла здания. Если Венеция стояла на предательских каналах и узких, заваленных отбросами улицах, то в монгольской столице пролегали широкие, чистые, безопасные проспекты: сложная дренажная система отводила дождевую воду для орошения, озера и реки были полны рыбой — и повсюду открывались приятные виды. Неудивительно, что Марко восторженно расхваливает «очень красивые большие луга и сады, и красивые добрые деревья с разными плодами, и множество необычных зверей». Этим зверям он уделяет особое внимание: «Там есть белые олени, животные, которые дают мускус, лани, антилопы и белки, и соболя, и великое изобилие других странных и красивых животных».

Ландшафт внутри городских стен также заслужил его похвалу. «Лужайки густо покрыты травой, потому что все улицы вымощены и подняты на два локтя над землей, так что грязь там никогда не собирается, и дождевая вода не застаивается, но, стекая по лужайкам, удобряет землю и позволяет траве расти в изобилии. В одном углу... очень большое озеро (из вынутой оттуда земли сделан холм, упомянутый ниже), в котором много родов рыбы... и всякий раз, когда великому владыке (Хубилай-хану) хочется какой-то из этих рыб, он получает, какую пожелает».

Кажется, нет конца чудесам Камбулака. «Более того, — пишет Марко, — я скажу вам, что великая река втекает туда и создает нечто вроде рыбьего пруда, и к нему приходят пить звери, а затем она вытекает из озера, проходит по руслу близ означенного холма... устроено так, что рыба не может уйти, и это сделано и замкнуто сетью из железной проволоки и медной, там где река впадает в озеро и где вытекает из него... Есть также лебеди и другая водная птица».

Волшебное зрелище, и Марко настаивает, чтобы читатель верил его описанию в мельчайших подробностях и во всей широте охвата.

Наука градостроительства, спешит уведомить своих читателей Марко, в Китае ушла далеко вперед. Он указывает, что город Камбулак состоит из широких главных улиц, «протянутых прямо, как по ниточке», пролегающих от ворот до ворот и окаймленных «лавками и торговыми строениями всякого рода». Куда ни глянь, видишь красивые гостиницы, дома и дворцы. Всем этим правила строгая логика. «Город разбит на квадраты, как шахматная доска, и так красив и искусно устроен, что невозможно рассказать». Планировка была не только приятна глазу с эстетической точки зрения, но и препятствовала криминальной деятельности. Закрыв ворота, можно было отрезать улицу или квартал, и трудно было найти в нем потайное убежище.

Марко с трепетом описывает поразительные «городские часы» Камбулака, звонившие трижды каждый вечер, «так что никто после этого не должен выходить из дома». В самом деле, никто не смел выйти на улицу, «кроме повитух, спешащих к роженицам, и врачей, идущих к больным». И даже эти спасители страждущих должны были иметь при себе яркие фонари.

Стражники — тысяча у каждых ворот — охраняли город от разбойников и мародеров. «Кроме того, — сообщает Марко, — ночами стража всегда разъезжает по городу, обыскивая его и расспрашивая каждого, кто ходит по городу в необычный час, то есть после того, как прозвонил колокол». Стража немедленно задерживала и помещала в тюрьму любую подозрительную личность. «Утром чиновники допрашивают их и, если находят виновными в каком-либо проступке, наказывают соответственно степени вины, большим или меньшим количеством палочных ударов, от которых некоторые умирают». Тем временем в гигантском дворце мирно спали хан и его жены, домочадцы и наложницы, и Марко чувствовал себя в этом незнакомом городе в большей безопасности, чем среднестатистический житель в Венеции.

Строгая планировка этого города составляла резкий контраст Венеции, где извилистые улочки и каналы скрывали порок и крамолу, а под мостами и в тени беспорядочно толпившихся зданий таились грабители. Марко словно составляет послание из будущего в поучение своим погрязшим в прошлом соотечественникам. Будущее, говорит он, — это Китай.

Стремясь поразить европейцев величием монгольского двора, Марко описывает пиршества, несравнимые с пирами европейцев. «Когда великий хан желает дать пир для своего двора и устроить праздник и торжество, он пирует так, — представляет картину в трех измерениях Марко. — Прежде всего стол для великого владыки ставится перед его тронем очень высоко над другими. Он сидит в северном конце зала, спиной к «трамонтане» — (земле за горами) — и лицом на полдень, и его первая жена сидит рядом с ним по левую сторону, а по правую сторону, но за другим столом, пониже, сидят его царственно одетые сыновья, а также его внуки, согласно возрасту, и его родичи, и другие, кто с ним в кровном родстве... так низко, что, скажу вам, их головы вровень со ступнями великого владыки... И так же располагаются женщины, так что подножие стола первой королевы — это стол других королей и младших детей великого хана; для всех жен сыновей великого владыки и его внуков и родичей, сидящих по левую сторону, а именно императрицы, также сидящей ниже, а далее сидят жены баронов и рыцарей, и те также сидят ниже». Удобство такого расположения в том, что «великий хан видит всех пирующих, а их всегда несчетное множество».

В пирах принимало участие великое множество народу. Марко поначалу воздерживается от оценки, но затем поддается искушению: «Большая часть рыцарей и баронов едят в зале на коврах, потому что для них нет столов. И вокруг этого зала есть другие залы по его сторонам, и на этих царственных пирах едят иногда более сорока тысяч, помимо тех, кто принадлежит ко двору владыки, которые всегда приходят во множестве, чтобы петь и предаваться различ-

ным забавам. И во много раз более десяти тысяч едят за столами, что за стенами большого зала». При всей своей искренности, Марко не ожидает, что читатели поверят этим цифрам, однако с наслаждением бросает вызов представлениям людей Запада о жизни монголов.

Посреди огромного пиршественного зала стоит «прекраснейшее сооружение, большое и богатое, сделанное в виде квадратного сундука». В нем, украшенном золочеными резными зверями, стоит «огромный и ценный сосуд в виде большого кувшина из чистого золота, вмещающий столько же вина, сколько обычный большой бочонок». Его окружает множество меньших серебряных сосудов, содержащих «добрые пряные напитки», в том числе неизбежное перебродившее кобылье молоко и молоко верблюдицы.

Почетные гости пили из «лаковых чаш», таких больших, что могли утолить жажду восьми или десяти человек, черпавших из них золотыми ковшами. И вновь Марко опережает своих читателей: технология изготовления лакированных сосудов была высоко развита в Азии, но неизвестна на Западе. Лак изготавливали из экстракта азиатского сумаха, «*Rhus verniciflua*», известного в Китае как лаковое дерево. Его смола, похожая на сок ядовитого плюща, наложенная тонкой пленкой, прочно застывает, но только в темноте: на солнечном свете она остается вязкой. Хотя Марко не выказывает знакомства с производством лака, он потрудился предоставить европейцам описание знакомых им сосудов: «Ковши сделаны, как золотые чаши, с ножкой и золотой рукояткой, и этими чашами они черпают вино из больших золотых лаковых чаш, и могут пить». Он хвастает, что там было такое множество этих «золотых чаш» и других «вещей великой цены», что «все, кто видел их, лишались дара речи».

Обычай этих экзотических пиршеств могли озадачить иноземцев при дворе хана, поэтому Хубилай любезно поручил нескольким своим придворным знакомить гостей с монгольскими традициями. «Эти бароны непрестанно расхаживают по залу, спрашивая сидящих за столом, не

нужно ли им чего, и если кто пожелает вина, молока, или мяса, или чего-то еще, они немедленно велят слугам это принести».

Еще удивительнее, что те, кто подавал хану еду и напитки, «обвязывают рты и носы красивыми вуалями или салфетками из шелка и золота, так что ни их дыхание, ни их запах не попадает в еду и питье великого владыки». Музыканты, «которых бывало великое множество», ожидали момента, когда хан поднесет еду ко рту, и тогда начинали игру. Мальчик тут же подавал хану чашу вина, потом отступал на три шага и преклонял колени, при этом «все бароны и все присутствующие опускаются на колени в знак великой покорности, и затем великий владыка пьет». И после этого обряда пир начинается не раньше, чем рыцари и бароны поднесут угощение своим первым женам».

Череда забав на этих пиршествах завораживала присутствующих. Одетые в ярчайшие наряды музыканты играли волшебные мелодии на струнных инструментах, погружая присутствующих в приятное оцепенение. Монгольская музыка, монотонная и проникновенная, была чарующей и обольстительной: она притупляла разум и пробуждала душу приятнейшим, почти сексуальным звучанием. За музыкантами следовали живописные, нарядные труппы жонглеров и акробатов, которых, в свою очередь, сменяли бродячие актеры, декламировавшие стихи, и велеречивые предсказатели. «И все радуют и забавляют великого владыку, — замечает Марко, — и приносят много радости, и смеха, и веселья».

Марко напоминает своей аудитории, что даже среди веселья монгольские бароны соблюдали строжайший кодекс поведения. Например, «два огромных, как великаны, человека» с тростями в руках сторожили каждую дверь в пиршественный зал. Их грозный вид напоминал входящим, что «никому не дозволено касаться дверного порога, но следует его переступить. Если же случайно кто-то коснется его — (случайно!) — стражи снимают с него всю одежду,

и тот должен выкупить ее, а если они не забирают его одежду, то наносят ему удары, сколько им велено». Иноземцев по крайней мере предупреждали об этом правиле бароны, объяснявшие, что прикосновение к порогу считается дурным предзнаменованием. Впрочем, монголы при всем своем суеверии были реалистами: если кто-то напивался на пиру до того, что не мог покинуть зал, не споткнувшись о порог, его прощали.

«А когда все кончится, люди расходятся, и каждый возвращается в свое жилище или в свой дом как пожелает».

Хубилай-хан, объясняет Марко, родился «в двадцать восьмой день луны месяца сентября» по монгольскому календарю. (Это 23 сентября 1215 года по современному календарю.) В то время его дед, Чингисхан, осаждал город Камбулак. Позднее день рождения Хубилая стал величайшим из праздников лунного года. Готовясь к этому событию, хан одевался «в самые благородные одежды из чеканного золота». В его честь не менее двенадцати тысяч баронов наряжались в шелка и золото, хотя их одежды были не столь драгоценны, как у великого хана. Купец Марко не удержался от оценки праздничных нарядов. «Некоторые из этих одеяний, — подсчитывает он, — стоят десяти тысяч золотых безантов» — особенно те, что расшиты жемчугом и драгоценными камнями.

Эти роскошные наряды надевались тринадцать раз в году, «для торжественных празднеств, которые татары соблюдают с великими церемониями соответственно тринадцати лунам года». По оценке Марко Поло, на них в общей сложности блистало 156 000 драгоценных камней. «И когда владыка надевает какой-то наряд, бароны и рыцари также одеваются в одежды тех же цветов, но одежды владыки более ценные и богаче украшены».

При постоянном использовании драгоценных одеяний хватало самое большее на десять лет. Затем наряды отправляли в отставку.

Осыпaeмый подобными описаниями западный читатель предполагал, что «Иль Миллионе» приукрашивает действительность, чтобы польстить великому хану, или просто предается фантазиям ради собственного удовольствия. Однако хроники династии Юань подтверждают точность свидетельских показаний Марко, вплоть до оценки жемчужин, украшавших царские одежды.

«Головные уборы и костюмы сделаны из тонкого черного шелка, — начинает официальное описание изысканного гардероба Хубилай-хана летописец. — Верхняя часть головного убора или церемониальной шапки плоская и покрыта той же материей, с которой свисают ленты. Верхняя одежда лазурная, оторочена тканью цвета кожи. Ее опоясывают четыре ленты с драконами и облаками. Края шапки или головного убора обшиты лентой из лучшего жемчуга. Спереди и сзади двенадцать подвесок, также сделанных из двенадцати нитей жемчуга. Справа и слева два узла из сырого желтого шелка, с которых свисают кисти с серьгами из нефрита и драгоценных камней: полосы желтого шелка, украшенные жемчугом, идут по кругу до верха головного убора. Драконы и облака из жемчуга, вышитые шелковой нитью, покрывают его. Там и здесь можно видеть изображения ласточек и маленьких ив, а нити жемчуга, сбегаящие сверху, представляют картину реки. Пояс справа и слева свисает до пола. Цветы из нашитых жемчужин скрываются в складках узлов, так же как жемчужные ласточки и ивы. С двух шелковых шнуров свисают — или на них укреплены — все булавки, поддерживающие кисти головного убора или короны; желтые полосы сырого шелка составляют изображения ласточек и ив, испещренных жемчужинами... Нижняя одежда сделана из красного или багряного шелка. Она скроена как юбка, украшена разнообразными вышивками, числом шестнадцать, расположенными рядами. В каждом ряду два вида плавучих водяных растений, один рисовый стебель, две вышитые секиры и два китайских иероглифа. Обычная одежда или наряд из чистого белого шелка, отороченного желтыми ко-

жаными шнурами, нашитыми шелковой нитью. Одежда, покрывающая колени (верх сапог), из красного шелка, и вокруг бедер упругий красный шелк. Форма ее напоминает короткую юбку, наверху вышит дракон с двумя телами.

Поножи сделаны из красного шелка. Туфли сделаны из шелка с различными украшениями, расшитыми золотом; они имеют две пары клапанов и оторочены шитьем и орнаментом из жемчуга. Чулки сделаны из тонкого красного шелка».

Таков был Хубилай-хан, которого увидел Марко. Неудивительно, что великолепное зрелище ослепило впечатлительного молодого венецианца.

В день рождения Хубилай-хана, — отмечает Марко, «все короли, и князья, и бароны, подчиненные его юрисдикции» давали пиры и приносили дары в его честь. Некоторые дарители просили у хана великих милостей, таких, как владение княжеством. Хубилай, со свойственной ему прозорливостью, назначал комитет, который раздавал владения достойным просителям. Марко снова подчеркивает, что Хубилай-хан пренебрегал религиозными и культурными границами, особенно в тот день, «когда все люди, какой бы веры они ни были, все идолопоклонники и все христиане или иудеи, и все сарадины, и все татарские народы — (здесь Марко, кажется, перефразирует монгольскую формулировку), — подчиненные правлению великого хана, должны приносить великие прошения, и великие сборища, и великие моления, каждый своему идолу и своему богу с великими песнопениями, великими огнями и великими благовониями, чтобы он был доволен и спас и защитил их».

При всей подробности отчета Марко он лишь намекает на истинную сложность ритуалов в честь дня рождения хана. Как ни глубоко погрузился Марко в образ жизни монголов, он неизбежно упускал многие тонкости, или они ускользнули у него из памяти к тому времени, когда пришла пора рассказывать о них Рустичелло. Раздел монгольских хроник, известный как «Главный церемониал приема при

монгольском дворе», дает полное описание этого неподражаемого праздника:

«Когда наступает день приема, — гласит официальная хроника, — церемониймейстеры представляют приглашенных, начиная с рассвета, и проводят их на назначенные места. “Начальники стражи”, все одетые в особые костюмы, входят в великую “Палату Отдыха”. Сначала они берут в руки свои таблички из слоновой кости (которые каждый приносит ко двору) и совершают предписанные коленопреклонения. Затем входят “Наблюдающие вовне” и “распорядители” и оглашают программу, где указываются формальности, которые должны соблюдаться при церемонии. Они кланяются, простираются ниц и поднимаются. Император выходит из внутренних покоев и восходит на императорскую колесницу. Тогда слышны клики и удары бичей стражи. Три церемониймейстера заставляют зрителей раздаться влево и вправо и за руку отводят их на места. Затем “Начальники стражи” открывают шествие, и перед ними идут глашатаи с секирами в руках, и они выходят в “Палату Великого Света”. “Носители алебард” размещаются перед входом и остаются стоять там, лицом к северу, указывая толпе простереться ниц; затем они расходятся по открытым помещениям на восток и на запад. Сделав это, они приказывают толпе, собравшейся за стенами, ждать».

Согласно официальному отчету, Хубилай-хан и его жена, называемые, по китайскому обычаю, императором и императрицей, восходят к своим сиденьям. В это время слышны «крики ликования и удары бичей». Три гербовых герольда с алебардами расчищают проход в толпе и возвращаются, чтобы встать к востоку от «Ступеней Росы» — лестницы, ведущей во дворец.

Затем часами продолжались отрететированные, как балет, молитвы и поклоны под управлением назначенных чиновников. Никакое европейское торжество времен Марко Поло не могло сравниться с этим по масштабу и слож-

ности, и Марко, естественно, проникся восхищением. Ритуал был в значительной мере основан на китайских образцах, да Хубилай, в сущности, и был китайским императором. Монгольские патриоты обвиняли его в приверженности Китаю, в отступлении от древних монгольских обычаев, особенно от кочевой жизни, ради утонченных и совершенно немонгольских привычек. Они заблуждались. Хубилай, хотя и освоил внешние формы китайских церемоний при помощи китайских советников, в сердце своем и на поле битвы оставался монголом.

Марко заметил, что монгольская иерархия основана более на военных успехах, нежели на изысканных придворных манерах. Хубилай-хан, сообщает он, выбирал «двенадцать великих и мудрых людей и баронов для решения вопросов, какие могут возникнуть касательно войск, то есть для их перемещения и смены офицеров, и посылки их туда, где они нужны», а также «для выделения отважных и мужественных бойцов среди низких и робких, и возведения их в более высокий ранг, а с другой стороны, смещения тех, кто бесполезен и труслив». Соответственно, если тысячник плохо проявил себя в деле, он понижался до сотника, а если проявлял большую доблесть, мог быть повышен до командующего десятью тысячами.

Двенадцать баронов, составлявших Великий Двор, подчинялись непосредственно Хубилай-хану. Они были тесно связаны между собой, жили в Камбулаке в особом дворце, который Марко описывает как «большой, и красивый, и богатый». Каждый из этих баронов «правил и вершил суд в одной из провинций и имел в подчинении множество писцов и нотариусов, которые все пребывали в этом дворце, каждый в отдельном жилище».

Ту же логику и упорядоченность Марко с похвалой отмечает в прославленной почтовой службе монголов, необходимой для управления разрозненной империей. «Гнцы великого хана удивительны!» — восклицает он. И еще под-

робнее, чем обычно, описывает сложную монгольскую систему: «Заверяю вас, что гонец проезжает 200 миль в день, а иногда 250».

Позвольте мне объяснить, как это достигается. Когда гонец желает двигаться быстро и покрыть столько миль в день, он имеет при себе табличку со знаком сокола, в знак особой спешности поручения. Если всадников двое... они затягивают пояса и туго перевязывают головы, и скачут со всей скоростью, на какую способны, пока не доедут до следующей почтовой станции в двадцати пяти милях». Прибыв туда, говорит он, они сменяют лошадей и «без передышки... скачут дальше». Это был гром и молния на копытах.

Каждая дорога, выходящая из Камбулака, называлась по провинции, в которую вела. На расстоянии двадцати пяти миль гонцы встречали «почту с лошадьми», а также «очень большой дворец... где гонцы и свита знатного господина могли достойно отдохнуть, и в этих гостиницах имеются очень богатые постели с богатыми шелковыми одеялами, и все, в чем нуждаются утомленные гонцы». Даже король, посещая эти отдаленные дворцы, находил там все удобства, заявляет Марко.

Главной обязанностью почтовых станций было обеспечивать сменных лошадей: каждая держала наготове не менее четырехсот свежих скакунов, «чтобы они могли там спешиться, оставить усталых лошадей и получить свежих».

По оценке Марко, эта сложная система с множеством взаимосвязанных частей работала безупречно, передавая информацию на огромные расстояния, между различными культурами и языками. «Таким образом это устроено во всех главных провинциях и царствах, в городах и владениях, вплоть до границы соседних областей». Даже вдали от главных дорог Хубилай-хан учредил маленькие почтовые станции, разделенные, в отдаленных местах, расстояниями в тридцать пять-сорок миль. По словам Марко, по стране рассеяны десять тысяч таких почтовых станций, выстроенных за счет хана, и каждая роскошно обставлена и может держать около двадцати лошадей. Эти станции да-

вали безопасный приют и скороходам, которым поручено было доставлять важные известия тем или иным адресатам. К такому поручению полагался особый костюм: «Они носят большие широкие кушаки, и на них большие шары, или бубенцы, так что их всегда можно слышать издалека».

Марко близко познакомился с этими удивительными почтовыми станциями. Он рассказывает: «Когда король желает послать гонца с письмом, письмо вручается одному из бегунов, и тот бежит с большой скоростью, но не далее трех миль... другой, ожидающий в конце этих трех миль, издали слышит звон бубенцов и заранее готовится. Как только первый подбежит, он берет у него то, что тот несет, и берет маленький билет, который вручает ему пославший письмо, и тоже пускается бежать, и пробегает еще три мили, и делает так же, как первый. И скажу вам, что таким образом великий владыка получает новости с расстояния в десять дневных переходов за один день и одну ночь, потому что они бегут не только днем, но и ночью».

Для сообщения на большие расстояния гонцы брали специально обученных лошадей. «Конные посланцы доставляют великому владыке известия из любых мест, где начался против него мятеж». У каждого такого гонца был при себе опознавательный знак в виде таблички с изображением сокола — «билет на экспресс». Гонцам «для их нужд дают только хороших и свежих лошадей. Они берут коня на почтовой станции, где его держат наготове, а если их двое, они выезжают из того места на двух конях, сильных и быстрых; они затягивают животы и перебинтовывают головы, и скачут во всю прыть до следующей почты через двадцать пять миль, и там находят лошадей, свежих, отдохнувших и быстрых».

Марко превозносит эту систему как образец эффективности. «Они скачут так быстро, что не дают себе отдыха, и едва сев в седло, пускают коня вскачь, и скачут галопом, пока не доберутся до следующей почты; и там они находят других коней и людей, готовых их сменить, и сколь воз-

можно быстрее садятся на коня и пускаются в путь. И так продолжается до вечера. И таким образом, — заключает Марко с откровенной гордостью и удовлетворением, — гонцы проезжают двести пятьдесят миль в один день, чтобы быстро доставить великому владыке вести из отдаленных мест, а когда есть нужда, делают и триста миль. А если случай очень серьезный, они скачут ночами, и если луна не светит, люди с почты бегут перед ними с факелами до следующей станции».

Еще одной достойной восхищения особенностью державы Хубилай-хана делится с читателями Марко. Ряды высоких деревьев отмечали прямые дороги, по которым скачут гонцы Хубилая, и легко представить себе, как любовался их видом сам Марко, проезжая тем же путем не столь торопливо. «Они (деревья) так велики, что их легко заметить издалека, — описывает он. — Великий хан повелел сделать так, чтобы каждый мог видеть дороги, и купцы могли отдыхать в тени, и чтобы они не теряли путь ни днем, ни ночью, когда проходят через пустынные места». На основании собственного опыта Марко называет эти деревья «большой помощью и удобством для путников и купцов, которые не могли бы держаться дороги, если бы не эти деревья». Было в них, по словам Марко, и еще одно удивительное достоинство: «Великий хан сажал их (деревья) с большой радостью, потому что его прорицатели и астрологи говорят: кто сажает деревья, живет долго».

Среди похвал практическим достижениям монголов Марко находит время похвалить рисовое вино, вскипяченное и приправленное пахучими специями. Он говорит, что «оно так ароматно, как никакое иное вино в мире. Оно прозрачно и красиво. И человек пьянеет от него скорее, чем от других вин, потому что оно очень горячо». Легко вообразить, как опьяненный молодой венецианец блаженно восхищается гонцами Хубилай-хана, его деревьями и прочими чудесами его державы — например, вечно горящим камнем.

Повсюду в Китае Марко натыкался на «большие черные камни, которые добывают из жил в горах и которые горят, как поленья». Повсюду люди пользовались ими. «Они поддерживают огонь лучше, чем какое-либо дерево, — замечает он. — Если положить их в огонь с вечера и они хорошо разгорятся, то будут гореть всю ночь, и утром еще что-то останется». Эти черные камни давали стойкий сильный жар. Они были столь полезны, что подданные Хубилай-хана часто отказывались от дров, которые были в дефиците. «Так велико множество народа, и печей, и бань, которые постоянно обогреваются, что деревья для них не хватило бы», — особенно в стране, где каждый моется три раза в неделю, а зимой каждый день, если есть возможность, — в разительном контрасте с монголами и венецианцами.

Распространенные повсюду черные камни, позволявшие готовить, обогревать и топить бани, были каменным углем — этот источник энергии использовался в Китае уже по меньшей мере тысячу лет. Однако в Европе использование каменного угля вместо дров было практически неизвестно. Существование этого черного рыхлого углистого вещества временами отмечалось на протяжении западной истории от римской оккупации Британии до времен Марко Поло, но только в XVIII веке уголь стал в европейских странах обычным источником энергии.

Подобные штрихи в описаниях Марко показывают роскошные владения Хубилай-хана не застывшей в неподвижности сказочной страной дикарей, но жизнеспособным государством, постоянно остающимся начеку — вечно бодрствующей империей, где быстроногие гонцы скачут и ногами, их путь отмечен надежным строем деревьев и мерцающими огоньками факелов. Что могла противопоставить такой бдительности Венеция? Могли бы венецианцы достигнуть такой изобретательности, даже если бы от нее зависели их жизни? Сеть почтовых станций и гонцов на быстрых конях, охватившая все монгольское царство, представлялась Марко колоссальным достиже-

нием. «Величайшая гордость и грандиозное величие, какое вряд ли было у кого-либо из императоров! — восклицает он. — Создание столь дивное и столь великой цены, что едва ли возможно высказать или описать». Явление в самом деле столь поразительное, что оно подвигло Марко на язвительную атаку против христианства.

Марко с кощунственным пылом объясняет читателям, что ключом к поддержанию этой почтовой сети — и в более широком смысле, всей монгольской империи — является удивительный обычай полигамии. «Если кто-то усомнится, откуда берется такое множество людей, чтобы выполнять эти обязанности, — пишет он, — отвечу, что все идолопоклонники и сарадины берут по шесть, восемь и десять жен, если только могут позволить себе такие расходы, и начинают бесконечное — (бесконечное!) — множество сыновей; и есть много мужчин, у которых более тридцати сыновей, и все следуют за ними с оружием; и это из-за множества жен».

И они не голодали, хотя каждому приходилось кормить много ртов. Марко поясняет, что они вволю утоляют аппетит, потому что «припасы в изобилии». Особенно часто употреблялось зерно в сочетании с «молоком или мясом». Также употребляли они «макароны» — пищу, которая, вопреки легендам о Поло, была уже известна в Италии. Постоянная нужда в пропитании не позволяла им лениться. «И никакая плодородная земля в этой стране не остается нераспаханной; и их скот плодится и множится без конца, и когда они выходят в поле, каждый ведет для себя шесть, восемь или более лошадей».

Христианам оставалось только завидовать полезным и плодотворным обычаям этих язычников. «У нас, — горюет Марко, — каждый имеет всего одну жену, и если она бесплодна, он с ней оканчивает жизнь и не зачинает сына; потому у нас не так много народа, как у них». Можно представить, как он размышлял над мрачной действительностью европейской жизни, контрастирующей с изобилием

возможностей азиатов. Уже из этого видно, на какой стороне симпатии Марко. Он стал самым пылким неофитом.

В этом преображении присутствовала некий парадокс. Оставаясь в рамках европейского мировоззрения, Марко бессознательно подтверждал средневековую концепцию, что жизнь каждого определяется религией, местом рождения, полом и социальным положением. Так, он воспринимал монгольскую империю как прочную иерархию, с Хубилай-ханом на вершине и баронами, стоящими под ним в предсказуемом нисходящем порядке. Марко и его соавтор держались привычных представлений, даже когда факты им явно противоречили. Кочевники-монголы были куда менее иерархичны, чем полагал Марко: их власть основывалась на способностях и умении перенимать особенности культур, в которые они входили. Хотя Марко был достаточно наблюдателен, чтобы описать это явление, он, по крайней мере частично, оставался слепым в отношении некоторых аспектов их образа жизни. Они были не просто эквивалентом европейской аристократии, но обществом совершенно иного типа. Это общество жило плодами земли, существовало вечно в седле и оставалось парадоксально эгалитарным и разнородным.

В суровом климате степи, где средства существования столь скудны, министры Хубилай-хана решили продовольственный вопрос с гибкостью, неизвестной в Европе. Продуманная система распоряжения жизненными ресурсами произвела большое впечатление на Марко Поло, официальное положение которого позволило ему близко познакомиться с монгольской инфраструктурой.

Он узнал, что, когда зерна хватало с избытком, его закупали в большом количестве и хранили четыре года. «Когда случается неурожай и нехватка продуктов, — пишет он, — то великий владыка берет часть своего зерна, которого запасает так много». Хубилай продавал нуждающимся зерно по низким ценам пока хватало запасов. А если населению грозил голод, как пишет Марко, «великий хан ока-

зывает большую милость и раздает провизию и милостыню народу Камбулака». Марко подразумевает те семьи, которые теснились по шесть, восемь и десять человек в маленьком жилище и жили на грани голода. В таких экстренных случаях Хубилай предоставлял им, если нужно, зерна на целый год.

Как и другие аспекты системы управления, социальное обеспечение у монголов было хорошо организовано. Каждый год пострадавшие семьи докладывали чиновникам специально назначенной комиссии. «Каждый представляет запись, сколько было ему дано на жизнь в прошлом году, и соответственно ей они (чиновники) обеспечивают его на этот год», — пишет Марко. «Они обеспечивают их также одеждой, потому что великий хан получает десятину от всей шерсти, шелка и конопли, из которых делается одежда». Поскольку все ремесленники принуждены были отдавать хану плоды трудов одного дня из каждой недели, тот имел возможность раздавать одежду нуждающимся зимой и летом.

Марко помнит, что среди европейцев установилось мнение, будто монголы совершенно чужды благотворительности. «Татары, — признает он, — по своему обычаю, пока не узнали закон идола, не раздавали милостыню. Если бедняк приходил к ним, они гнали его прочь с оскорблениями, говоря: “Уходи, раз бог послал тебе плохой год, ведь если бы он любил тебя, как любит меня, он бы дал тебе добро”». По представлениям европейцев, монголы оставляли голодных, больных и стариков умирать — по крайней мере, пока Хубилай-хан не ввел общественное вспомоществование.

Куда бы ни взглянул Марко, он повсюду находил поразительные примеры введенной Хубилаем благотворительности. «Кто приходит за хлебом ко двору владыки, каждый день получает горячую лепешку; в ней никому не отказывают, но каждому дают хоть что-то и никому не продают». По его оценке, каждый день кусок хлеба и чашку зерна получали двадцать или тридцать тысяч человек. Основываясь на этом описании, можно представить очередь мон-

гольских бедняков с лицами, осунувшимися от голода, надежды и тревоги, сознающих, что от голодной смерти их отделяет только пожертвованная Хубилаем лепешка. Можно вообразить, с каким благоговением относился народ к милосердному правителю, от которого зависела его жизнь.

За свои благодеяния Хубилай-хан был вознагражден верностью народа. «Все так любят его, что почитают как бога».

В то время, когда Марко Поло находился в монгольской империи, Хубилай-хан был занят распространением своего милосердия на всю державу. Каждый год он посылал инспекторов, которые проверяли, хватает ли запасов зерна для людей и скота. Если проверяющий узнавал, что дожди, ветер, гусеницы, саранча или другое стихийное бедствие погубили посевы, «он не берет с них налога... за этот сезон или год, но дает им зерно из своих житниц — сколько нужно для посева и пропитания на этот год». Зимой Хубилай-хан «проводит дознание, и если узнает, что в какой-то провинции есть человек, у которого погиб скот... у него есть собственный скот, который он получает десятиной из провинций, и он продает тому человеку дешево, и помогает ему, и в тот год не берет с него налога».

Благотворительность Хубилай-хана на этом не заканчивалась. В практически безлесной степи, где обитали и монголы, и китайцы, грозы представляли постоянную угрозу. «Если он узнает, что молния поразила стадо ярок, или овец, или других животных любого рода, — говорит Марко, — как бы велико ни было то стадо, великий хан три года не взимает с него десятину. И также, если случается, что молния ударит в корабль, полный товаром, он не берет с него доли налога, потому что считает дурной приметой, когда молния ударяет в чье-то добро». Причины такой мягкости крылись скорее в суеверии и страхе перед неведомым, чем в милосердии. «Великий хан говорит: “Бог ненавидит его, потому и поразил его молнией”, и потому не желает, чтобы товар, пораженный божеством, поступал в его казну».

Очарованный Хубилай-ханом Марко подчеркивает бескорыстие монгольского вождя. «Все его мысли и главная забота — помочь подданным, чтобы они могли жить, трудиться и умножать свое добро». В то же время венецианец никогда не упускал из вида строгий социальный порядок и ритуалы, лежащие в основе семейной, сельскохозяйственной и военной жизни монголов.

Любовь монголов к порядку и роскоши нигде не проявлялась так ярко, как в их календаре. Монгольский Новый год, начинавшийся в феврале «по татарскому счету», назывался просто: «Белый». По этому случаю «Хубилай-хан и его подданные одевались в белое, как мужчины, так и женщины». Делалось это, как объясняет Марко, «потому что белые одеяния кажутся им счастливыми и добрыми, и потому они носят их в начале года, чтобы весь год был добрым и радостным».

Празднично одетые монгольские бароны приносили хану дары: «золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни, и много богатых белых одежд», не считая сотен тысяч (в некоторых списках от пяти до двенадцати тысяч) верблюдов и лошадей, исключительно белых. «А если не совсем белых, то по крайней мере большей частью».

Все обнимались и целовались, восклицая: «Доброй удачи тебе в году и да будут удачны все твои дела». Затем Хубилай-хан выводил напоказ своих слонов — «целых пять тысяч, все покрыты очень красивыми тканями, богато украшенными золотом и шелком, с вышитыми на них другими зверями, птицами и львами». На каждом слоне был сундук с праздничными принадлежностями, золотой и серебряной посудой и тканями. Далее шли верблюды, покрытые «очень красивыми попонами из белого шелка». Блестательное зрелище заставило Марко воскликнуть: «Это самое дивное и прекрасное зрелище, какое видел мир!».

В день Белого праздника ко двору являлись все видные люди державы: короли, князья, герцоги, маркизы, графы, бароны, астрологи, философы, врачи и сокольники, а так-

же другие чиновники. Они наполняли «великий зал перед великим владыкой». Трон Хубилай-хана был расположен так, что он мог видеть всех. пышная толпа растекалась вдоль стен и готовилась к молитве. Марко рассказывает: «Когда каждый усядется на свое место, мудрый старец, можно сказать, прелат, становится посередине и громко провозглашает: “Теперь все склонитесь и почтите своего владыку”. И при этих словах все встают и кланяются, и преклоняют колени, и касаются лбом пола, и обращают молитвы к владыке, почитая его как бога. Затем прелат говорит: “Храни Бог нашего владыку и сохрани его надолго в счастье и радости”... И так они поклоняются ему четыре раза. Когда же это сделано, они встают и по порядку подходят к алтарю, богато украшенному, с красной табличкой, на которой золотом и драгоценными камнями великой ценности написано истинное имя великого хана».

Марко уточняет, что Хубилай-хан начальствовал над двенадцатью тысячами баронов, которым он пожаловал по тринадцать нарядов разных цветов, с драгоценными камнями, а также по поясу «искусной работы из багряной ткани с нитями из серебра и золота, очень богатых, красивых и ценных», и столь же роскошные сапоги.

Европейцы никак не могли принять на веру эту статистику, однако монгольские и китайские хроники подтверждают ее точность. Бароны носили особое одеяние в каждый из тринадцати больших праздников лунного года. Всего, по подсчету Марко, монгольский двор располагал «156 000 одеяний столь дорогих и великой цены».

Они служили фоном для неподражаемого величия Хубилай-хана. По праздникам «перед великим владыкой проводят огромного льва. Едва он взглянет на него, лев бросается перед ним на брюхо в знак великой покорности, как будто признает в нем владыку. Он столь кроток, что остается так перед ним без цепи и лежит у его ног как собака» — зрелище, как признает Марко, «внушающее благоговение».

Пресмыкающийся перед ханом лев напоминает Марко о ненасытной страсти Хубилая к охотничьим забавам в ясные, холодные и сухие в Камбулаке зимние месяцы. По обычаю, отмечает Марко, любая добыча, взятая в эти месяцы, «дикие вепри, и олени, и быки, и антилопы, и медведи, львы и другие дикие звери, должны доставляться ему». Их часто привозили выпотрошенными на повозках, словно разжигая аппетит великого хана к охоте, поскольку тот предпочитал охотиться сам, с леопардами и рысями, «обученными ловле и травле». Марко объясняет, что Хубилай-хан во время этих забав «берет с собой нескольких собак». Из предосторожности львов держали в клетках, «потому что, почуяв зверя, они свирепствуют и ярятся так, что их не сдержать. И непременно надо вывести их против ветра, потому что, когда животные уловят запах, они сразу бросаются бежать».

Двое братьев, Баян и Минган, служили хану псарями («куничы» на татарском, что означает «смотритель собак»). Они распоряжались мастифами, легавыми и борзыми. Каждый брат начальствовал над десятью тысячами человек, занимавшихся исключительно уходом за ханскими псами. Псари, служившие одному брату, одевались в красное, второму — в небесно-голубое. «Их великое множество, — заверяет Марко. — Один из этих братьев, с его десятью тысячами человек в одноцветных нарядах и пятью тысячами псов (потому что мало таких, кто не держал бы пса), идет от него по правую руку, а другой брат со своими десятью тысячами в другом цвете и со своими псами, идет слева от него».

От братьев требовалась высокая квалификация, поскольку, как объясняет Марко, они «обязаны были по договору поставлять двору Хубилай-хана каждый день, начиная с октября до... месяца марта тысячу голов зверей и птиц, не считая перепелов». Для этого им приходилось трудиться без устали, и с наступлением марта они прекращали всякую деятельность, восстанавливая силы.

Сам хан охотился с таким же размахом, в сопровождении «десяти тысяч соколятников, и пяти тысяч кречетов, и сапсанов, и малых соколов, и других птиц в великом изобилии, с гораздо меньшей свитой», не считая «множества больших ястребов, чтобы бить речную птицу». Его соколятники были, разумеется, хорошо обучены и отлично снаряжены для охоты, чтобы не позорить своего владыку и повелителя.

Птицы, принадлежавшие Хубилай-хану, имели «маленькую серебряную табличку, привязанную к ногам, для опознавания». Залетевшую птицу немедленно возвращали хозяину, как и любую другую принадлежность охотников: лошадей, мечи и другое снаряжение. Всякий, нашедший потерянное, «считался вором», если немедля не возвращал находку законному владельцу — чаще всего барону. Если верить Марко, эта система, подкрепленная жестокими наказаниями, действовала вполне эффективно. «Всякую потерянную вещь вскоре находят и возвращают».

Незнатным жителям монгольской империи не позволялось держать охотничьих птиц и охотиться с ними. «Ни один купец, ни ремесленник, ни горожанин или сельский житель, никто, кто бы он ни был, не смеет держать кречета, сокола, ни охотничьих птиц или псов ради своей забавы по всему царству великого хана». Даже монгольские бароны и рыцари должны были соблюдать ограничения, установленные ханом. «Никто не смеет охотиться или спускать соколов, если он не подчинен начальнику соколятников или не имеет на то привилегии».

В утро охоты ханский кортеж выезжал на дорогу, ведущую к югу от Камбулака к охотничьим угольям. Бароны и низшие чиновники ехали верхом или шли пешком, а Хубилай-хан возвышался над ними на спине одного из своих четырех слонов, наученных пробираться по узким тропам. Согласно своему положению он ехал в башенке («в красивой деревянной комнате», как назвал ее Марко), отделанной лучшими шелками и золотыми украшениями. Хуби-

лай редко спускался с этого возвышенного насеста. Его сопровождали двенадцать баронов и двенадцать привлекательных женщин. «Ни одна забава в мире не сравнится с этой», — вздыхает Марко.

Хубилай, из-за драпировок своей личной палаты, вел беседу с гостями, а рядом ехали бароны и рыцари. Завидев в небе журавлей или фазанов, они выкрикивали: «Государь, журавль летит!». Тогда Хубилай откидывал занавеску и спускал своего кречета.

Хубилай и его приближенные, прищурившись, следили, как стремительный охотник метеором перечеркивает небо, внезапно падая на несчастного журавля или другую птицу, тщетно пытающуюся уйти от нападения. Быстрокрылый сокол всегда догонял ошеломленную и беспомощную жертву и вонзал в нее острые как бритва когти, вовлекая в воздушную пляску смерти. Слившиеся в гибельном объятии птицы опускались на землю, и соколятники галопом скакали к месту их падения, чтобы возвратить терзавшего добычу сокола.

Хубилай, покачиваясь на подушках на спине слона, упивался зрелищем воздушной битвы. «Это великая забава и великая радость для него, — удостоверяет Марко, — и для всех других баронов и рыцарей, что едут с владыкой».

Утомленный часами охоты хан находил отдых среди «красивых и богатых» шатров и павильонов, где собирались его бароны, рыцари и соколятники с женами и наложницами, числом до десяти тысяч. Иные шатры были так велики, что вмещали тысячу рыцарей, и дверь каждого, независимо от размера, открывалась «на полдень» согласно монгольскому обычаю.

Самый большой шатер соединялся с личными покоями хана, состоявшими из двух залов и комнаты. Марко оставил пышное описание обстановки великолепного жилища Хубилай-хана на отдаленной равнине близ «Океан-моря» (известного ныне как Южно-Китайское море). «Каждый зал имеет три колонны из благовонного дерева очень хо-

рошей работы. Снаружи все они покрыты львиными шкурами, очень красивыми, потому что они разрисованы черными, белыми и красными полосами. Они так хорошо устроены, что ни ветер, ни дождь, ни что иное не может повредить тем, кто внутри, или повредить эти шкуры, потому что они очень хорошо защищают. А внутри эти залы и комнаты покрыты мехом соболей и горностаев. Эти два меха особенно красивы и богаты и стоят дороже всех других мехов... Шкурки соболя, сколько их нужно на подбивку одного мужского наряда, стоят две тысячи безантов золотом... и татары называют их на своем языке «царем мехов». Величиной они с куницу... Комната и шатер, где спит владыка (Хубилай-хан), также из львиных шкур снаружи, и покрыты соболиным и горностаевым мехом изнутри, и сделаны и спланированы весьма благородно. Веревки, поддерживающие залы и комнату, все из шелка. Они так ценны и дорого стоят, эти три шатра, что малому царю и не оплатить их».

Однако Хубилай-хан не был «малым царем». Он был императором монголов, самым могущественным из живущих владык.

В искусстве соколиной охоты Марко находил поразительное сходство между Востоком и Западом. В обеих культурах соколиная охота более тысячи лет оставалась забавой аристократов. «Быстрый пес и отличный сокол», по выражению одного из западных авторов, были неперменной принадлежностью благородного человека. И в Азии, и в Европе королей и престололюдинов завораживало зрелище хищной птицы, несущейся над покрытой травой равниной, по которой скачут охотники.

Соколиная охота бытовала в Китае по крайней мере с 200 года до нашей эры, и обученная птица считалась достойным правителя ценным подарком. С развитием торговли между Европой, Аравией и Азией распространялась и соколиная охота. В средиземноморском документе IV века автор мечтает о «быстром псе и отличном соколе». К IX ве-

ку соколиная охота через Европу дошла до Англии. Даже папы стали заядлыми соколятниками.

Правитель Святой Римской Империи Фридрих Второй Гогенштауфен был самым известным из страстных поклонников соколиной охоты в Европе. В 1229 году он вернулся в Европу из Шестого крестового похода с командой искусных соколятников-арабов, которые помогли распространить это развлечение по Европе. В десятилетия путешествия Марко Поло Фридрих составил библию соколятников, «*De arte venandi cum avibus*», или «Искусство соколиной охоты», которая, помимо всего прочего, считается одним из самых ранних пособий по анатомии птиц. Страстью к соколиной охоте он, кажется, превосходил самого Хубилай-хана; Фридрих однажды проиграл важную военную кампанию, потому что решил поохотиться с соколами. Страстные соколятники его поняли.

Если Марко Поло и случилось разочаровываться в деяниях и суждениях Хубилай-хана, он умолчал об этом, однако сознавал, что, пока он находится в Китае, он не более чем один из многочисленных придворных великодушного, но капризного правителя. При этом он не знал, надолго ли ему придется задержаться. Его отец и дядя собирались тем же неспешным порядком доставить Хубилай-хану папское послание и вернуться с молодым Марко в Венецию, запасшись шелками, драгоценными камнями и прочими ценными товарами. Однако все трое запутались в интригах монгольского двора.

Путь из Европы ко двору Хубилай-хана занял более трех лет, но теперь они понимали, что вернуться домой будет труднее. Они должны были оставаться в Китае пока Хубилай не соизволит отпустить их. Хану было под семьдесят, но он растил сына-преемника и по всем признакам не собирался отказываться от власти. А в случае его внезапной смерти Поло оказались бы в серьезной опасности, поскольку лишь его личное покровительство защищало их от дикого насилия, таившегося под тонкой пленкой цивили-

зации монгольской империи. И так, они попались: почетные гости, но одновременно и пленники самого большого из земных царств. Они обречены были служить великому хану и не знали, когда получат свободу.

Чтобы выжить в чужой стране, Марко должен был найти способ стать нужным хану, изучить не только монгольских женщин и искусство наездника, но и тайные пружины власти. Если он сумеет найти себе место, он может подняться до больших высот. При всех его странностях монгольское общество было открыто для полезных иноземцев. Он мог возвыситься до положения знатной особы, возможно, правителя богатой области, как случилось и другим достойным доверия иностранцам. Он мог командовать тысячами в качестве посланца Хубилай-хана, даже завести собственный двор или собственных наложниц. Или же пасть жертвой грубого монгольского правосудия и никогда уже не увидеть родины.

В то самое время, когда казалось, что для Марко нет места во всей монгольской империи, Хубилай-хан отправил его собирать налоги и главным образом информацию о своей оставшейся большей частью неисследованной державе. В пределах империи Марко оставался, в сущности, тем же, чем был до знакомства с Хубилай-ханом: путешественником.

Глава 9

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

И на пять миль изгибами излучин
Поток бежал, пронзив лесной туман,
И вдруг, как бы усилием замучен,
Сквозь мглу пещер, где мрак от влаги звучен,
В безжизненный впадал он океан.

Марко Поло выехал из Камбулака как посланец Хубилай-хана. Ему было немногим больше двадцати, но он отправился без отца и дяди, которых на этой стадии повествования не упоминает в числе спутников. Он по-прежнему пользовался покровительством и благословением хана, гарантией его безопасности, платя за это беспредельной верностью. Несмотря на ожидавшие впереди опасности, он лучился новообретенным сознанием своей важности, вполне объяснимой, если учесть цель его поездки: Ханьчжоу, самый большой, богатый и знаменитый из городов Китая. Так же как его отец и дядя в поездках по делам монгольской империи, он имел при себе золотую пайцзу. Этот драгоценный предмет был длиной в фут и шириной в три дюйма, с надписью: «Властью вечного Неба, будь свято имя хана. Да будет тот, кто не почитает его, убит». Обладание такой пайцзой означало, что Марко числился в монгольской державе весьма важной особой и мог в полной мере пользоваться разветвленной сетью ханских гостиниц, дорог и конной службы.

Раскинувшийся на берегах Западного озера Ханчжоу представлял собой неповторимый китайский пейзаж с горами, вздымавшимися над спокойной гладью вод, в которых отражалось само Небо. Город был традиционной столицей династии Сун и совсем недавно был завоеван ведущим военачальником Хубилай-хана, Баяном. Марко как беспристрастный европеец оказался как раз таким чиновником, каких Хубилай-хан предпочитал использовать для надзора за финансовыми делами враждебного или ненадежного населения. Все, что видел Марко после отъезда из Венеции, даже чудеса Камбулака, даже сам великий хан, служило лишь прологом к его путешествию в сердце Китая.

Два города соединялись Великим Каналом — одним из самых значительных общественных сооружений во всем Китае. Он протянулся на юг от Камбулака до Ханчжоу. Канал был главной артерией китайского (и монгольского) судоходства и торговли. Его строительство еще продолжалось, оно велось с перерывами на протяжении нескольких веков, но ко времени поездки Марко близилось к завершению. Марко не дает подробного описания, но, возможно, большую часть пути к Ханчжоу он проделал по Великому Каналу.

Выехав из Камбулака, Марко увидел «очень большой каменный мост» через быструю реку, уходящую к «Океан-мору». По его оценке, мост имел «триста саженей в длину и восемь саженей в ширину» — достаточно, чтобы десять всадников могли проехать в ряд, стуча подковами по гладкому камню. «И он имел двадцать четыре арки и двадцать четыре опоры, поддерживавшие их над водой, — говорит он, — весь он из серого мрамора, очень хорошо сработан и хорошо укреплен. По обе стороны моста красивые стены из мраморных плит и колонн... в голове моста мраморная колонна, а под колонной мраморный лев, и на колонне — другой». С моста открывался вид, обширный, как сам Китай. Впечатлительный молодой человек легко мог убедить себя, что весь мир лежит у его ног, да в каком-то смысле так

оно и было. Мост — не только чудо архитектуры, но и символ, обозначал вступление в новые земли, новое сознание, новую жизнь. Ступив на него, Марко продолжил не только свое путешествие, но и путь внутреннего преобразования. Он ощущал, как растет и меняется с каждым шагом, переходя из твердыни власти монголов в сам Китай.

Проезжая по мосту, он рассуждал об усердии и изобретательности, каких потребовало его сооружение. «От колонны до колонны, — замечает он, — мост огражден плитами серого мрамора, украшенными различными скульптурами и скрепленными по бокам колонками, по всей длине моста до конца, чтобы люди, переходящие по нему, не упали в воду». Всего он насчитал шестьсот этих изящных колонн, каждую из которых венчал лев или другое животное «из очень хорошего мрамора».

Это сооружение, известное ныне как «мост Марко Поло», и до сего дня сохранилось почти таким, каким видел его Марко. Законченный в 1129 году мост назывался также «мост Гуангли». Его каменные пролеты соединяют берега реки Лугу. Исторические хроники указывают, что Лугу была «быстрой и бурной», хотя современные сооружения укротили поток. Этот мост стал свидетелем одного из крупных сражений Второй мировой войны, когда японские войска подошли к нему на пути к захвату Китая.

На протяжении тридцати миль от моста, который со временем назовут его именем, Марко ехал мимо славных гостеприимных селений с манящей тенью деревьев, «тучных возделанных полей», освежающих ручьев и буддийских монастырей, где трудолюбивые монахи пряли шелк и изготавливали ювелирные изделия из золота. В сравнении с трудным, опасным путешествием до Камбулака четыре-пять годами ранее Марко чувствовал себя в безопасности и повсюду встречал радушный прием. «Там много отличных гостиниц или постоялых дворов, как и у нас, — с удовлетворением отмечает он, — где дают ночлег путникам, потому что там проезжает множество купцов и чужеземцев».

Далее отчет Марко, вероятно, составленный по заметкам, привезенным из Китая в Италию, становится кратким каталогом его путешествий на службе у хана. По словам Марко, он ехал от одного постоянного двора до другого, постоянно встречая на своем пути «красивые» деревни, города, поля и дороги, забытые путешествующими по торговым делам.

Всюду, куда бы ни попадал Марко, он находил шелк — и не только мастерские, но и самих шелковичных червей, великое новшество для европейцев, и шелковичные деревья, дававшие пропитание тутовым шелкопрядам. На протяжении веков Европа почти ничего не знала об искусстве и науке шелкопрядения: это был один из самых строго охраняемых секретов в древней истории.

Даже в Китае происхождение шелка оставалось тайной. Предание приписывает введение культуры шелководства и изобретение станка Кси Линг-Ши — жене мифического Желтого Императора, якобы правившего Китаем за 3000 лет до нашей эры. Возможно, изобретение императрицей первого шелкопрядильного станка было легендой, но шелк был реальностью: археологические раскопки обнаруживают шелковые нити, ленты и коконы, датирующиеся 3000-ми годами до нашей эры, а на маленькой костяной чаше 5000 годов до нашей эры имеется изображение орудий шелкопрядения и шелковых нитей.

В Китае культивировался один вид шелкопряда, нелетающий *Bombyx mori*, предок которого, *Bombyx mandarina* Мооге, питался листьями белой шелковицы. Нить этого шелковичного червя состоит из волокон более круглых и гладких, чем вырабатываемых другими гусеницами, а за тысячелетия настойчивых усилий китайских шелководов этот вид развился в более специализированный *Bombyx mori*.

Его бабочка откладывает за несколько дней до пятисот яиц, каждое из которых весит не более грамма, после чего умирает. Далее историю шелка можно представить как ряд

ошеломляющих цифр. Унция яиц дает тридцать тысяч шелковичных червей. Эти черви питаются исключительно листьями шелковичного или тутового дерева. Тридцать тысяч червей пожирают около тонны листьев шелковицы и дают в результате двенадцать фунтов сырого шелка.

Китайцы, совершенствуя постепенно культуру *Bombyx mori*, научились хранить яйца при температуре 65 градусов по Фаренгейту и медленно повышать температуру на двенадцать градусов, чтобы вызвать вылупливание гусениц. Только после этого начинается настоящая работа: кормление червей свежими листьями шелковицы, которые собирают вручную и мелко рубят — каждые полчаса круглые сутки. При этом поддерживается постоянная температура. Черви на подносах с листьями в особых откормочных хижинах быстро толстеют: звук жующих гусениц сравнивают со стуком сильного дождя по бамбуковой крыше. В то же время их надо оберегать от громкого шума, сквозняков, запахов рыбы, мяса и даже пота: при идеальных условиях драгоценные черви, несколько раз линяя и меняя цвет, могут увеличить свой вес в несколько тысяч раз.

Для создания защитного кокона шелковичный червь выпускает вязкую субстанцию, застывающую при контакте с воздухом. За три-четыре дня они свивают вокруг себя кокон, похожий на пушистый белый мячик размером с большой палец руки. Эти коконы погружают в кипящую воду, чтобы распустить шелковое волокно, достигающее полумили в длину, а затем волокна сматывают на катушки.

Существует два различных типа шелковых коконов. Кокон одного вида дает волокно примерно в одну восьмую диаметра человеческого волоса. Эти волокна обладают огромной прочностью благодаря их молекулярной структуре:

Одна шелковая нить обычно состоит из пяти-восьми таких волокон, плотно скрученных между собой. После обработки сырцовый шелк готов к окраске. Поскольку краска проникает в структуру молекулы, шелк держит краску

гораздо лучше, чем другие натуральные материалы, и цвета на шелке выглядят намного ярче и сочнее.

Другой вид шелкового кокона, намного более крупный и мохнатый, часто называют «Счастливым Семейством», поскольку каждый кокон содержит две личинки. Волокна в этом случае спутаны и потому имеют меньшую ценность. Будучи растянут и высушен, этот шелк используют для набивки — теплой легкой прокладки.

Производством шелка в Китае занимались практически одни женщины. Весной правящая императрица освящала начало шелководческого сезона официальной церемонией, и подданные женского пола следовали ее примеру: пряли, ткали и вышивали шелковые ткани дома и в мастерских. В богатых шелком областях в каждом доме кормили и опекали шелковичных червей три поколения женщин. Трудоемким производством шелка — прядением, выработкой тканей, их окраской и вышивкой — занималась половина китайских провинций. Несмотря на повсеместное распространение производства шелка, ключевые технологии шелководства зорко охранялись властями Китая: тому, кто выдал бы этот секрет иноземцу, вывез бы кокон или яйца шелкопряда за границу Китая, грозил смертный приговор.

Поначалу шелковые одежды дозволялись лишь императору и его семейству. Со временем многие классы китайского общества стали носить одежду из шелка, а потом шелк стал применяться и для производства рыболовных лесок, струн музыкальных инструментов и для ковроткачества. К эпохе династии Хань, 206 год до нашей эры — 220 год нашей эры, шелк в Китае так распространился и так глубоко внедрился в китайскую экономику, что стал ценной валютой, пригодной для выплаты долгов. В свою очередь, и правительство вознаграждало гражданских чиновников и отличившихся граждан шелком. Скоро шелк как стандартная единица валюты заменил золото: цена исчислялась не

в фунтах золота, а в кусках шелка. Понемногу шелк превратился в валюту не только в Китае, но и у других народов. Шелк так глубоко проник в китайскую экономику, жизнь и культуру, что 5 процентов иероглифов мандаринского наречия китайского языка так или иначе связаны с шелком.

Китайская монополия на шелк в конце концов была разбита странами-соперницами. В 200 году до нашей эры корейцы переняли начатки шелководства от китайских иммигрантов. Пятьсот лет спустя шелковая культура распространилась по разветвленному Шелковому пути до Индии, где ее приняли не менее охотно. Шелк добрался и до Рима. Изумительные ткани очаровали римлян. В IV веке до нашей эры в римских хрониках упоминается полумифическое «царство Шелка» — Серес (латинское название Китая).

Возможно, римские воины впервые столкнулись с настоящим шелком в битве при Каррах, у реки Евфрат, в 53 году до нашей эры. Рассказывали, что яркие шелковые знамена парфян, развевавшиеся на ветру, ошеломили римские войска и обратили их в бегство. Всего несколько десятилетий спустя римские аристократы одевались в китайский шелк в знак своего высокого положения, так же как тысячелетиями ранее — китайские императоры. Римский император Гелиогабал, недолго правивший в III веке, носил только шелк. А к концу IV столетия одна римская хроника замечает: «шелк, некогда бывший принадлежностью аристократии, теперь распространился среди всех классов без исключения, даже среди низших».

Несмотря на неизбежное распространение шелка, китайцам удавалось сохранять секреты передовой технологии до 559 года, когда пара несторианских монахов явились ко двору императора Юстиниана Первого с яйцами шелковичных червей, спрятанными в полых бамбуковых посохах. Само собой, из яиц вылупились гусеницы, те свили коконы, и *Вомбух тогі* явился в Византийскую империю, а с ним и шелк.

Византийская империя, подражая Китаю, пыталась монополизировать производство шелка и сохранить контроль над его секретами. Хотя византийский шелк скоро подорвал рынок рядовых китайских товаров, самые роскошные китайские ткани по-прежнему преобладали на рынках Средней Азии и высоко ценились повсюду. Скоро Персия последовала за Индией и Византией в войне за первенство в шелководстве. Но хотя китайские шелка проиграли конкуренцию низкосортным иностранным товарам, они все еще приносили огромный доход и обеспечивали экономическое и культурное единство обширной империи.

Во времени путешествия Марко Поло шелк начали производить и в Италии — более чем на четыре тысячи лет отстав от Китая. Во время Второго крестового похода (1144–1149) две тысячи ткачей шелка перебались из Константинополя в Европу и принесли с собой секреты, которые тысячелетиями охранял Китай. Но для молодого Марко шелк оставался экзотической новинкой, драгоценным товаром, все еще отождествлявшимся с Китаем.

Путешествие через монгольскую сельскую идиллию продолжалось, пока Марко не попал в провинцию «опустошенную и разоренную», как он без обиняков признает, «бичом татар» — в Тибет. Отсюда его путь уходил за пределы знакомой европейцам Азии, и потому зачастую нелегко определить современные названия стран и народов, с которыми он встречался. Путь в Тибет — «Тебет», как пишет Марко — возможно, привел его в провинцию Юньнань в Южном Китае, а также в Бирму, Вьетнам и иные области, расположенные севернее.

«Тебет» и очаровывал, и отталкивал Марко. Как купец он заинтересовался пряностями — имбирем, корицей и другими незнакомыми, которые он не умел назвать, — произрастающими здесь в изобилии. Амбра, кажется, встречалась повсюду. Как и шелк. Привлекли его внимание и кораллы, тоже служившие средством обмена. Местные, по

его словам, «вешают бусы из него на шеи всех своих жен и идолов и почитают за великую драгоценность».

Марко сильно тревожили царившая в этих местах анархия и пышно цветущие суеверия, однако он и сам поддался очарованию могущественных астрологов-чародеев. Он сообщает: «Они совершают самые редкостные чудеса на свете, и величайшие из чудес, невиданные и неслыханные, и все посредством дьявольского искусства, о котором не подобает говорить в нашей книге, потому что люди слишком удивятся». Возбудив, таким образом, любопытство читателя, Марко далее как раз и повествует о том, что же творят эти демонические астрологи. «Они вызывают бури, молнии и гром, когда пожелают, и прекращают их по своей воле, и совершают бесконечные чудеса».

Возвращаясь к теме, которая одновременно захватывала и отталкивала его, Марко в устрашающих подробностях представляет затейливые фокусы, какими пытались изгнать злых духов из незащитных больных: «Когда являются чародеи, они спрашивают, чем он болен, и больной рассказывает им, от чего страдает, и чародеи начинают играть на своих инструментах, и плясать, и скакать, пока один из чародеев не валится навзничь на землю или на мостовую с пеной у рта, как мертвый. Они говорят, что демон вошел в его тело, и он остается лежать, как мертвец. Когда другие чародеи, которых бывает много, видят, что один из них упал таким образом, как вы слышали, они заговаривают с ним и спрашивают, чем хворает больной и отчего заболел. Тот отвечает: “Такой-то дух порастил его, потому что тот его оскорбил”.

Другие чародеи говорят ему: “Мы молим тебя простить его и принять от него для восстановления его здоровья то, что ты пожелаешь”».

Марко бесстрашно рассматривает экстатические душевные состояния этих «тибетцев». «Когда чародеи произнесут много слов и помолятся, дух, вошедший в тело того чародея, который упал, отвечает. Если больному предстоит умереть, он... говорит: “Этот больной сделал так много

зла такому-то духу и такой дурной человек, что дух не умиротворится никакой жертвой и не простит его ни за что на свете". Такой ответ дается тем, кто должен умереть.

Если же больному предстоит исцелиться, тогда дух в теле чародея говорит: "Он много согрешил, но это будет ему прощено. Если больной желает исцеления, пусть возьмет две или три овцы, и пусть также сделает десять чаш питья, или более, очень доброго и хорошего". И еще они говорят: "Овцы должны быть с черными головами", или с другой приметой". Чародеи и служанки «убивают овец и брызжут кровью на все стороны, как им сказано, в честь и в жертву такому духу. Овец готовят в доме больного, и если больному суждено выжить, многие из этих чародеев и этих служанок... приходят туда. Когда они сойдутся туда, и овцы и питье готовы, они принимаются играть, плясать и петь».

В это время, по описанию Марко, один из чародеев падает «как мертвый, с пеной на губах». Те, кто остались на ногах, взывают к «идолу» о прощении больного. Порой идол отвечает согласием, иногда же говорит, что больной «еще не полностью прощен».

Выпросив, таким образом, новые приношения, «дух отвечает, после того как жертвы принесены и все, что он приказал, сделано, что он (больной) прощен и скоро исцелится. Получив такой ответ, они кропят бульоном и напитками, и зажигают большие огни и великие благовония, полагая, что так отдают духу его долю. Они говорят, что дух на их стороне и смилостивился, и все они радостно отсылают больного домой, и тот выздоравливает».

Случалось, что страдалец умирал после того, как чародеи объявляли его исцеленным. Да и не всякому больному уделялось столько внимания. Ритуал такой сложности полагался только богатым и проводился только дважды в месяц, если верить Марко, неизменно внимательному к финансовой стороне дела, даже если в нем замешано колдовство.

Личности, практиковавшие черную магию, по уверению Марко, неизменно считались «дурными людьми греховного поведения». Да и вид их соответствовал такой репутации.

Их всегда сопровождали «самые большие в мире мастифы ростом с осла, очень полезные в ловле всякого зверя». Возможно, Марко здесь подразумевает не собак, а кабанов-бородавочников — «и они особенно ловки в охоте на диких быков... быки очень велики и свирепы» — опять же, Марко мог иметь в виду более агрессивных животных, чем быки, для которых он не знал названия, — «и их здесь много».

В Тибете Марко столкнулся с темной стороной монгольского завоевания Азии. К его чести, он без прикрас описывает опустошения, причиненные братом Хубилая, Мункэ, который, как прямо заявляет Марко, «уничтожил (Тибет) войной». Проезжая по разоренным Мункэ местам, Марко пережил тревогу и ужас, какие не проявлялись в его повествовании о мучительном переходе через Гоби. Природа Тибета и его жители пошатнули его представления о монгольской империи и показали, как незначительно его место в ней. Одинокий в пустынной местности, Марко мог полагаться лишь на свой талисман-пайцзу, напоминавшую об удобствах, мягкости нравов и величии Камбулака и особенно Хубилай-хана, оставшихся в нескольких тысячах миль на востоке. Хотя золотая пайцза и обеспечивала Марко особый статус посланца хана, она не могла рассеять ошеломления перед царившим вокруг хаосом, созданным отчасти походами Мункэ, отчасти — непостижимой и как будто извращенной природой тибетцев. Повсюду вокруг себя он видел признаки первобытной монгольской культуры: кочевой, хищнической, с этикой, совершенно отличной от широты взглядов и милосердия Хубилай-хана. Марко преодолевал изрезанный ландшафт, лишенный красок и гармонии, хранивший мрачные следы завоевания.

Он с ужасом описывает, что видел в этих «истерзанных и разоренных» местах. «Двадцать дней пути по населенным местам, где во множестве рыщут дикие звери, львы, рыси и прочие, отчего путь здесь опасен». И опасность возрастала по мере того, как он углублялся в Тибет.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Разрывы, взорвавшие ночную тишину, напугали Марко, как неизбежно пугали всех новичков в этих местах. Со временем он отыскал им объяснение. «В этой местности, особенно близ рек, находят очень толстый и большой тростник» — три ладони в толщину, по его оценке, и пятнадцати саженой в длину. «Купцы и другие путники, проезжающие этими землями, когда желают отдохнуть ночью, берут с собой этот тростник и разводят из него костер, потому что горит он с таким шумом и треском, что львы, медведи и другие свирепые звери приходят в великий страх и, услышав этот грохот, бегут подальше прочь и ни за что не подойдут к огню. Так люди разводят эти костры для защиты себя и своих животных от свирепых диких зверей, которых здесь много».

Марко точно знает, как выполняется эта необходимая предосторожность: «Берут несколько этих тростников еще зелеными и делают из них большие связки, и кладут в дровяной костер поодаль от лагеря... и когда эти тростники побудут немного в большом огне, они от жара сгибаются и лопаются пополам, с ужасным треском и с таким эхом, что хорошо слышно ночью за десять миль».

Хлоп!

Звук был таким громким, уверяет Марко, что всякий непривычный к нему «проникался ужасом, так страшно слышать его». Потакая своей склонности к фантазированию, он утверждает, что непривычный путник может даже «лишиться чувств и умереть» от такой какофонии. От этой опасности Марко рекомендует столь же неправдоподобное средство: заткнуть уши ватой, затем обвязать голову, лицо и даже одежду, пока новичок не привыкнет к треску тростника.

Реакция лошадей на эти хлопки представляла серьезную проблему. Они «приходили в такой страх», что обрывали «привязь и недоуздки» и убегали прочь. Неопытных купцов, подобных Марко, учили, как предотвратить потерю бесценных животных: спутывать им все четыре ноги.

Опытные купцы брали для этого в дорогу специальные путы. Со временем лошади привыкали к грохоту, и их уже не приходилось стреноживать всякий раз, когда жгли тростник.

На взгляд Марко, женщины брачного возраста были здесь так же ущербны, как и сама земля, осквернены «абсурдным и отвратительным насилием», противным закону природы. Он замечает: «Ни один мужчина (там) не возьмет в жены девственницу, но каждый требует, чтобы ту, кого он желает взять в жены, сперва познало много мужчин, и говорят, что девки ничего не стоят пока не привыкли и не научились ложиться со многими мужчинами». Марко как одержимый на разные лады твердит об одном: девственные невесты неуютны богам, почитаемым этим народом; наличие множества любовников доказывает, что будущая невеста в самом деле желанна; а ценность невесты возрастает пропорционально числу мужчин, которые насладились ею.

Купцы, подобные Марко, оказывались в этих местах жертвами ухищрений сельских жителей, стремившихся заманить любовников для местных молодых женщин. «Заметив караван купцов или людей из дальних стран, проходящий теми местами и раскинувший шатры для ночлега, — говорит Марко, — деревенские старики приводят дочерей в эти шатры, по двадцати, по сорока, больше или меньшее, согласно числу мужчин, чтобы у каждого была своя, и отдают их мужчинам, которые соглашаются их взять, и соперничают друг с другом, умоляя купцов взять их дочерей, чтобы те могли... возлечь с ними». Бесстрастный отчет Марко об этом оригинальном обычае предполагает, что местные молодые женщины пришли к нему не по вкусу и что его раздражал коммерческий характер подобных сделок. Впрочем, это не мешает ему полностью описать процедуру. «Затем мужчины берут их и наслаждаются ими, и держат их так долго, как им угодно, но увезти их с собой в другое место или в другую область не могут. ни

вперед, ни назад. Когда же мужчины, пожив с ними в свое удовольствие, хотят уехать, по обычаю положено подарить драгоценность или какую-нибудь вещьцу той женщине, которую они познали, чтобы, когда придет ей время выходить замуж, она могла доказать, что имела любовника. И по обычаю каждая девушка носит на шее более двадцати подарков, показывая, как многие ложились с ней». Украшенная таким образом девушка «была гордостью и честью своих родителей, — говорит Марко. — Счастлива та, которая может показать больше подарков от большего числа чужеземцев». Однако, неохотно добавляет он, «молодые господа от шестнадцати до двадцати четырех лет — его возрастной группы — поступят хорошо, взяв столько этих девушек, сколько им угодно, потому что их будут просить и умолять взять их без всякой платы».

Марко часто доказывал, что он не пуританин, но сексуальные обычаи тибетцев оскорбили его чувствительность. В поисках морального оправдания он напоминает европейской аудитории и самому себе, что эти люди «идолопоклонники, чрезвычайно коварны, жестоки и злы, потому что не считают за грех ограбить или причинить зло, и я полагаю, они величайшие негодяи и воры на свете».

Однако в постели их женщины были очень пылки.

Женщины соседней провинции, Ханчжоу, показались Марко еще более странными, чем дочери Тибета. Мужчины-тибетцы, передает Марко, «не считают злом, если чужеземец или иной мужчина опозорит его, насладившись его женой, или дочерью, или сестрой, или другой женщиной его дома». Еще больше изумило, что «он считает за великое благо, когда (чужеземец) ложится с ними». В самом деле, хозяин дома «строго приказывает» своим женам и дочерям приветливо встречать путешественника, подобного Марко, а сам уходит «в поле или в виноградник и не возвращается, пока проезжий остается в его доме. И скажу вам, что часто (чужеземец) остается там три дня или четыре, восемь, а иногда десять, и ложится в постель, на-

слаждаясь женой этого несчастного, или его дочерью, или сестрой, или кем пожелает». Все это время в окне или во дворе висит его шляпа — знак, что он в доме. «И несчастный рогоносец, видя этот знак, не смеет вернуться, зная, что там проезжий, чтобы не помешать его удовольствиям». Еще удивительней, что после отъезда гостя хозяин дома, вернувшись, «находит свою семью счастливой и радостной, и радуется вместе с ними, заставляя их рассказывать, как они развлекали чужеземца, и все с радостью благодарят бога».

Марко, хоть и любил поразить аудиторию сочными описаниями, этот обычай объявляет «порочным» и запрещенным Хубилай-ханом — хотя вряд ли кто-нибудь в этих отдаленных местах обращал внимание на эдикты далекого властителя.

Марко намекает, что этот обычай Ханчжоу чрезвычайно смущал его. Семьи, живущие в «ущельях гор близ дорог», простирали это странное гостеприимство на странствующих купцов, которые расплачивались за их любезность куском ткани «или иной вещью малой цены». Возможно, так поступал и сам Марко, однако хозяева были недовольны. Он рассказывает, что, когда такой купец садился на коня, готовясь к отъезду, хозяин дома и его жена осыпали его насмешками и бранью. «Смотри, что ты оставил нам, что ты забыл! — кричали они. — Покажи нам, что ты забрал у нас!»

И провожаемый оскорблениями чужеземец скакал прочь.

Марко уделяет внимание удивительному кустарнику, который принимает за гвоздику. Не зная точно, что это за растение, он описывает «ветви и листья, как у лавра... цветы белые и маленькие, как у гвоздики, а созрев, становятся тускло-черными». М. Г. Потье, французский ученый XIX века, заключил, что Марко имел в виду «ассам», или черный чай, — это наблюдение особенно интересно тем, что издавна считалось, будто венецианец, много лет про-

ведший в Китае, ни разу не упомянул чая. Другие комментаторы возражали, что Марко говорил об ароматическом дереве кассия, из коры которого получают корицу. Это объяснение менее правдоподобно, поскольку почти в той же фразе Марко упомянул корицу, показывая тем самым, что под незнакомым растением имел в виду не ее.

Скорее всего, Марко описывал чай, не зная, о чем говорит. Монголы, в отличие от китайцев, пили кумыс и редко заваривали чай. Неудивительно, что Марко был с ним незнаком.

Судя по близкому знакомству Марко с монгольской коммерцией, он служил Хубилай-хану как сборщик налогов и, скорее всего, собирал доходы от продажи соли — одной из основ экономики империи. Хубилай часто поручал эту миссию иноземцам, странствовавшим по империи в качестве его посланцев. Марко оказался подходящим кандидатом на эту должность. В своем повествовании он часто упоминает соль, говоря о ее применении и экономическом значении с большим знанием дела.

Прежде в своих «Путешествиях» он вел речь о бумажных деньгах и о шелковых деньгах, вызывавших скептическое отношение европейцев. Теперь он заговаривает о деньгах из соли, что для европейского здравого смысла было совсем непостижимо. Марко объясняет, как производят эту валюту. «Они берут соленую воду и кипятят в чане... час (пока) она становится густой, как тесто, и они сливают ее в формы, и она застывает в форме... плоской снизу и округлой сверху, такой величины, что весит около половины фунта». Соляные «пирожки» сушили на горячих камнях. «На такие деньги они ставят печать владыки; и деньги такого рода могут производить только чиновники властителя».

Ознакомившись с процедурой обмена этих соляных пирожков на золото, Марко осознал, что получает возможность приобрести вещество, ценность которого вполне осознавал. По всему Тибету он встречал купцов, «идущих через горы» к отдаленным деревушкам, где они выменива-

ли соляные пирожки на золото «с великой пользой и прибылью, потому что те люди используют соль в пищу и так покупают то, в чем нуждаются. Но в городах они используют в пищу одни только кусочки разломанных монет, а целые монеты тратят». Чувствуется удивление Марко перед столь странным обменом, при котором обе стороны получали вещи, в которых, как они полагали, нуждаются. Правительственная монополия на соль представлялась ему, в сущности, привилегией чеканить — или в данном случае, — варить и выпекать деньги.

Далее Марко уделяет внимание месту, которое называет Каражан, передавая тюркское название современной китайской провинции Юньнань. Каражан, хотя и подчиненный сыну Хубилай-хана Темуру, не внушал спокойствия и уверенности неподготовленному торговцу. Это была земля «огромных гадов... весьма ужасных на вид и при знакомстве», таящихся в болотах. Твари были десяти сажень в длину и толщиной с человеческое тело. С трудом сдерживая отвращение, Марко приступает к их описанию. «У них две короткие лапы спереди, у головы, без ступней, не считая трех когтей, а именно, двух малых и одного большого когтя, острых, как у сокола или льва». Массивная голова чудовища с двумя светящимися глазами величиной «в четыре динара» была живым кошмаром. Что до пасти, Марко хотел бы заставить своего читателя поверить, будто она была «так велика, что может разом проглотить человека или быка», растерзав жертву «очень большими и острыми зубами». В общем, говорит Марко, «они так ужасны, и велики, и свирепы, что всякий человек и зверь страшится их».

Эти чудовища были, конечно, не гадами и не змеями, а крокодилами. Марко со знанием дела описывает способ изловить их, не будучи съеденным живьем. Охотники, объясняет он, «устраивают ловушку на дороге, которой эти гады обычно идут к воде, зная, что те пройдут здесь снова. Они втыкают очень толстый и прочный деревянный кол

так глубоко в землю — то есть на дороге этих гадов или на береговом откосе, по которому спускается тропа — что... кол совсем не виден; и в этом коле укреплен меч, остро заточенный и режущий, и всегда наклоненный навстречу змее. Его покрывают землей или песком, чтобы гад вовсе его не увидел. И охотники устанавливают много таких кольев во многих местах... Когда змея ползет по середине дороги, где скрыт меч, она напарывается с такой силой, что железо входит ей в грудь и разрезает ее до пупа, от чего она сразу умирает. Вороны, увидев, что она издохла, начинают кричать, и тогда они (охотники) приходят и находят ее».

Охотники рискуют жизнью, объясняет Марко, потому что желчь этого зверя ценится в медицине. «Взяв его, немедленно сдирают кожу, извлекают из брюха желчь и продают очень дорого. Она дорого ценится, потому что из нее делают прекрасное лекарство. Если человека укусила бешеная собака, ему дают выпить немного желчи... и он сразу исцеляется. Коли женщина не может разродиться и громко кричит в схватках, ее дают немного желчи этой змее в питье, и она сразу рождает... Третье достоинство — если у кого сыпь, или фурункул, или чесотка, прикладывают немного этой желчи, и болезнь проходит за несколько дней».

Несмотря на уродливую наружность, мясо крокодилов почиталось деликатесом. «Они дорого продают мясо этой змеи, потому что оно вкусно, и едят его охотно», — сообщает Марко. А порой рептилия помогала защитить людей от других хищников, поедая детенышей волков, львов и медведей, «в то время как родители не могут их защитить».

Путем неустанных исследований Марко пришел к выводу, что крокодил, при всей его свирепости, может оказаться неожиданным союзником в каждодневной борьбе за выживание.

Будучи посланцем Хубилай-хана, Марко Поло познакомился с кровопролитными усилиями монголов подчинить Каражан. Область была населена различными племенами, весьма далекими от утонченной китайской цивилизации.

Несмотря на склонность к изоляции и независимости, многие племена при династиях Цинь (221–206 годы до нашей эры) и Хань признавали власть далекого Китая, однако в действительности бразды правления оставались в руках местных племенных вождей, живших по собственному уставу. Переселенцев из Китая здесь было мало, и они оставались в провинции явными чужаками.

К эпохе династии Тань (618–907 годы) в этом районе возникло царство, известное под названием Гуанчжоу. Став доминирующей культурной и политической силой, оно объединило разрозненных военных вождей и привнесло толику цивилизации в эту в общем первобытную область. Ко времени своего расцвета, как раз перед прибытием Марко Поло, в Гуанчжоу были мастера, производившие тонкие хлопчатые и шелковые материи. Кроме того, в царстве добывали соль — (возможно, это и было причиной приезда туда Марко в качестве сборщика налогов) — и золото. Некоторое время китайская политика способствовала процветанию Гуанчжоу, отчасти потому, что царство служило буфером против агрессивных племен соседних областей, однако при династии Сун (906–1279) власть Китая пошла на убыль. К тому времени, когда Марко появился при монгольском дворе, Хубилай-хан твердо решил привести это отдаленное царство в рамки «монгольского мира», однако упорство военачальников Гуанчжоу сильно затрудняло эту задачу и обещало в лучшем случае частичный успех.

Марко относит неизбежное столкновение к 1272 году, но эта дата неверна. Ошибка вызвана либо опiskeй в рукописи, либо его неудачной попыткой перевести монгольский лунный календарь в европейскую юлианскую систему. Согласно надежным китайским источникам, события развернулись в 1277 году, совсем незадолго до появления в этих местах Марко Поло. Как бы то ни было, когда он оказался на месте действия, воспоминания о кровавой бойне еще не потускнели; казалось, ржание коней и свист летящих стрел только что смолкли.

Марко узнал, что покорение Хубилай-ханом этой области вылилось в серию кровопролитных и живописных сражений. Среди этого разнообразного, часто гористого ландшафта монголы чувствовали себя не в своей стихии и полагались на поддержку местных наемников. Их войска встретились с силами сопротивления местного вождя, которого Марко называет государем Миана — то есть Мьянмы, или Бирмы — и Бенгалии. Этот военачальник в решимости дать отпор войскам Хубилай-хана поклялся «предать их всех такой смерти, что Хубилай-хан никогда больше не захочет посылать против него армию».

Готовясь к сражению, государь Миана и Бенгалии собрал две тысячи «очень больших» слонов, «хорошо подготовленных для войны». На спине у каждого была «деревянная крепость, очень прочная, хорошо построенная и приспособленная для битвы». И в каждой крепости скрывалось «не менее двенадцати человек, вооруженных для стрельбы из луков и битвы». Кроме того, королевская армия могла похвастать «шестьюдесятью тысячами воинов, конных и пеших».

Эта грозная армия — кони, слоны, люди и обоз под предводительством самого государя — преследовала войска Хубилай-хана на расстоянии трех дней пути, после чего войска разбили шатры и стали собирать силы для сражения. Монгольский военачальник Несрадин имел всего двенадцать тысяч всадников, которых призвал сделать все для победы. Он пытался внушить им, что воины государя Миана и Бенгалии, хотя и превосходят в числе, «неопытны в сражении и не обучены войне». А потому, сказал он, монгольским воинам «не должно бояться множества врагов, но положиться на свое искусство, испытанное уже во многих местах и многих сражениях, так что их имени страшатся не только враги, но и весь мир». Если они окажутся достойными сей славной репутации, то одержат «верную и несомненную победу».

По сведениям Марко, Несрадин был не только красноречив, но и умен. Он поставил свое войско на широкой рав-

нине на краю джунглей — слишком густых, чтобы в них могли пробиться слоны с их тяжелыми крепостями, полными воинов. Несрадин задумал скрыть монголов в джунглях и из укрытия обстрелять слонов.

Европейцы считали, что на поле битвы слоны бесполезны, хотя они и самые большие животные на земле. Но в Азии прирученные слоны тысячелетиями играли свою роль в военных конфликтах. Они несли тяжелые грузы во время переходов войск и нападали со скоростью пятнадцать миль в час, хотя остановить их было трудно. Стадо тяжеловесных слонов могло сокрушить беззащитное против их атаки вражеское войско. Слоны приводили в ужас лошадей и верблюдов, которые при их приближении обращались в бегство. Их рост давал большое преимущество размещенным на их спинах воинам: те могли с высоты обстреливать и забрасывать копьями бегущих врагов. Были у них и недостатки: тяжело раненный слон начинал дико метаться и становился угрозой для собственной армии, однако они ни в чем не уступали отважной монгольской коннице.

Несколько дней обе стороны оценивали силы противника. При этом в действие вступила разведка монголов. Монгольские лазутчики узнали, какой длины стрелы у врага, и позаботились, чтобы стрелы их воинов были короче и непригодны для повторного использования противником.

Монгольская стрела была изящна и позволяла вести прицельную стрельбу. Она имела три фута в длину и превосходный баланс. Тройное оперение придавало ей стабильность в полете. Иногда монголы смазывали наконечники ядом, окунали в соль или иное вещество с целью причинить максимальный вред. Эти смертоносные снаряды символизировали превосходство монгольской военной технологии и в сочетании с искусством монгольских всадников предопределяли успех в сражении.

Перед началом сражения стороны сблизилась на милю на открытой равнине, где вражеский государь «поставил батальоны слонов со всеми крепостями и людьми, хорошо вооруженными для битвы». За ними стояли тысячи всадников, которых он разместил «очень умно, будучи мудрым государем... оставив между ними большое пространство. И тогда он принялся воодушевлять своих людей, говоря, что они должны сражаться с отвагой, потому что они наверняка победят, будучи четыре на одного и имея столько слонов и крепостей, что враг не посмеет и взглянуть на них, ибо не встречался в бою с такими свирепыми животными».

Прозвучал сигнал к началу битвы, и сам государь верхом поскакал навстречу выжидающему врагу.

Монгольские войска заметили приближение государя и его войск, но не двинулись с места: они подпустили их настолько близко, что два войска оказались лицом к лицу. Когда «ничего не оставалось, как начать бой, то лошади татар при виде слонов так перепугались, что татары не могли двинуть их на врага, и они постоянно обращались вспять», преследуемые войском государя.

Несрадин дал команду к отступлению, чтобы сохранить силы, но этот прием не мог привести к победе. Он приказал своим людям спешиться, увести лошадей в поводу в густые джунгли и там привязать к деревьям; затем он велел им взять луки и стрелы, «которыми они умели пользоваться очень хорошо, лучше всех народов мира». Они дружно обратились против слонов и стали пускать стрелы прямо им в головы. «Они выпустили множество стрел с такой силой и ловкостью, что это казалось невероятным, — говорит Марко. — Несколько слонов были жестоко изранены и убиты в очень короткое время, и многие из людей тоже».

В то же время государевы ратники из своих крепостей «пускали стрелы в татар весьма щедро и вели отважную атаку. Но их стрелы ранили не так сильно, как стрелы татар, которые натягивали луки с большей силой». Монголы,

сообщает Марко читателям, «защищались с большой отвагой». Стрелы летели так густо и быстро, что слоны получили ранения «во все части тела».

Давление на слоновье войско государя усиливалось, пока не стало непреодолимым. Когда животные «почувствовали боль от ран... частых, как дождь, и были напуганы великим криком, — говорит Марко, — скажу вам, что они обезумели и бросились на людей государя с таким ревом, что казалось, весь мир рухнет, и привели войско государя Миана в величайшее смятение». Слоны в панике бросались из стороны в сторону, пока «в ужасе не спрятались в той части леса, где не было татар, так стремительно, что погонщики не могли ни сдержать их, ни направить в другую сторону». Слоны слепо ломились сквозь чащу, разбивая о деревья крепости на своих спинах. «калеча и губя тех, кто был в крепостях». На глазах у монголов израненные и перепуганные слоны умчались прочь без надежды на возвращение.

Тогда Несрадин обратил внимание на оставшегося беззащитным государя Миана и Бенгалии. Монгольские воины сели на коней «в большом порядке и дисциплине» и двинулись на государя, «который был немало напуган, когда увидел, как разбился строй его слонов».

Государь не отступил, несмотря на потери, и противники наконец сошлись в кровавой рукопашной схватке «с таким пылом, и таким множеством убийств, и таким кровопролитием, что это было поразительно». Марко сообщает, что королевские войска «отважно» защищались стрелами, «когда же у них... кончились стрелы, они взяли в руки мечи и копья и яростно бросились на врага». Превосходно вооруженные монгольские воины неизбежно побеждали в рукопашной схватке. Сражались они в доспехах, сделанных из шкур животных, с изнанки которых были прикреплены металлические пластины. В качестве дополнительной защиты над сердцем крепилось зеркало, поскольку монголы верили, что оно отвращает и даже уничтожает злые силы, в том числе вражеские копья. Кроме того, на

воинах были жилеты из тонкой кольчужной сетки, предохранявшей от стрел. Среди прочего вооружения были крючья, позволявшие подцеплять врага за кольчугу и стаскивать на землю. Сапоги их были приспособлены к суровому степному климату. Завернутый вверх носок образовывал воздушный карман, предохранявший от обморожения.

Последовавшую бойню Марко описывает весьма красноречиво: «Там можно было видеть жестокие и сильные удары мечей и палиц; там гибли рыцари и кони; там отсекали руки, и ноги, и головы, резали тела, и знайте, что многие пали мертвыми и ранеными насмерть. Крик и шум были так велики, что не слышно было Господнего грома. Сражение было жестоким, но узнайте без сомнения, что татары одержали верх, ибо в злой час началось оно для государя и его людей, так много их погибло в тот день в бою».

«Битва продлилась до вечера, государь и его люди ослабели, и многие из них были убиты, и не могли они выстоять против силы татар. Ибо увидели, что все они погибнут, если останутся там... невзирая на убеждения государя, который сам бесстрашно бросался туда, где видел опасность... они отказались оставаться там, но обратились в бегство с величайшей поспешностью. Наконец государь Миана, видя, что невозможно удержать их и заставить сдерживать атаку татар, и что большая часть его воинов убиты или ранены, и все поле залито кровью и покрыто трупами лошадей и людей, тоже обратился в бегство с остатками своего войска».

«Татары, увидев, что те обратились в бегство, принялись избивать, гнать и убивать их беспощадно; жалостно было смотреть, потому что большая часть их погибла. И татары одержали победу».

Марко винит злосчастного государя Миана и Бенгалии, который «не должен был начинать атаку на татар, когда они могли укрыться в лесу (джунглях)». Вместо этого ему следовало «ждать их на широкой равнине, где они не могли бы выстоять перед атакой боевых слонов; и затем дву-

мя крыльями конных и пеших ему следовало окружить и уничтожить их». Этого не случилось. Монгольская армия покинула поле боя с огромной добычей: удалось захватить более двухсот слонов. Эти слоны были далеко не такими бестолковыми животными, какими когда-то считал их Марко; теперь он заявляет, что «слоны умнее всех других животных».

В заключение Марко отдает дань победителям, своим монгольским хозяевам:

«Трудами того дня великий хан отвоевал у государя Миана и Бенгалии все земли и подчинил их своему правлению».

В отличие от земель, окружавших Камбулак, Каражан стал монгольским только по названию. Несмотря на воцарившийся в нем «монгольский мир», юго-восточные провинции оставались ненадежными даже для самых испытанных путешественников. Марко в этой глуши усердно овладевал искусством выживания, однако опасности поджидали его на каждом шагу.

Глава 10

ГЕНЕРАЛ И КОРОЛЕВА

О, когда б я вспомнил взоры
Девы, певшей мне во сне...
Дух мой вспыхнул бы в огне...

Странствуя по отдаленным провинциям, Марко повсюду встречал примеры нарушения естественного порядка вещей: астрологов, вызывающих бури, соль вместо денег, хозяев дома, приглашающих чужеземцев возлечь с их женами, сестрами и дочерьми, смертоносных змей, дающих спасительное лекарство, — череду поразительных диковинок и парадоксов.

Не меньше его удивили обитатели «Унсиана» — предполагается, что это Западный Юньнань. Мужчины здесь были ленивы, самодовольны и, в общем, бесполезны или, как выразился Марко, «благородны согласно своим понятиям. У них нет иного занятия, помимо войны, соколиной охоты и звериной травли. Все работы делаются женщинами или другими мужчинами, которых они захватили в плен и обратили в рабов». Однако кое-что в их обычаях привлекло внимание Марко. Родители, ожидающие ребенка, практиковали «кувад» (образовано от французского слова, обозначающего «проклевываться»). По его описанию, «когда женщина родит ребенка, они обмывают его и заворачивают в пеленки, муж женщины ложится в по-

стель и берет с собой новорожденного, и не встает сорок дней, кроме как по нужде. Друзья и родственники собираются к нему, остаются с ним и устраивают празднество и забавы. Они поступают так, потому что, говорят они, его жена устала, вынашивая младенца во чреве своем».

Между тем родившая мать сразу бралась за работу. «Как только она родила ребенка, она встает с постели и исполняет все домашние дела, и прислуживает мужу, подавая ему еду и питье, пока он лежит в постели, как будто это он сам выносил ребенка».

Неудивительно, что первые читатели Марко полагали, будто он выдумал этот и другие обычаи с целью позабавить слушателей. Описанное им поведение было так необычно и фантастично, что казалось сатирой на язычников, измышленной для развлечения читателя. Однако он не выдумывал, и обычай «кувада», описанный Марко Поло, наблюдался этнографами в таких различных районах, как Африка, Япония, Индия, Северная и Южная Америки (среди туземного населения), и у басков в Европе. В 2002 году на эту тему предприняли медицинское исследование. Канадские ученые д-р Катерина Е. Вайнн-Эдвардс и д-р Энн Стори исследовали слюну и кровь ожидающих ребенка отцов с целью выявить гормональные изменения во время беременности партнера и отметили рост уровня гормона пролактин у мужчин. Это было крайне неожиданным, поскольку пролактин является женским гормоном, участвующим в процессе выработки грудного молока. Кроме того, они обнаружили, что у будущих отцов также повышен уровень одного из видов эстрогена. Эти неожиданные открытия говорят о том, что организм мужчины имитирует изменения, происходящие в организме женщины при беременности — то есть, по мнению ученых, «мужчины переживают гормональную перестройку, связанную с отцовством, подобную гормональным изменениям в организме матери».

Путешествие Марко по местности, которая ныне называется Мьянма, становилось с каждым шагом все более интересным и необычным. В «Путешествии» он передает тревожное чувство, когда чудится, будто странствуешь во сне и окружающая действительность кажется прочной, пока проходишь через нее, а затем вновь уходит в тень, из которой путник ее на миг извлек. Он пишет о многодневном пути через джунгли, «где много слонов, и единорогов, и львов, и иных странных диких зверей. Там нет ни людей, ни жилья».

Единорог, конечно, существо мифическое, символ чистоты и непорочности. Его изображали в виде лошади с рогом во лбу. Считалось, что этот рог обладает магическими целебными свойствами, предохраняя от падучей, ядов и других болезней. Однако Марко лишь мельком упоминает это удивительное создание. Возможно, он подразумевает значительно менее изящного, зато вполне реального азиатского носорога с торчащим изо лба рогом. Этот рог состоит из кератина — волокнистого белка, входящего в состав волоса. В неуклюжем носороге не было ничего волшебного, может быть, поэтому Марко им не заинтересовался.

Не желая отвлекаться на мифы, Марко предпочитает пристально изучить вполне реальный и смертоносный обычай отравления. Воодушевленный услышанными рассказами, он представляет «чужестранца», очень похожего на него самого, «красивого и благородного человека», который «остановился на ночлег в одном из домов этой провинции», обитатели которого «убили его ночью ядом или иными средствами, так что он умер». Целью убийства было, «чтобы душа благородного чужеземца не покинула дом» и приносила хозяевам удачу. «Оставшаяся в доме душа (жертвы) заботится об общем здоровье и благополучии и приносит великое счастье». Легко представить, как страшно было Марко спать и принимать пищу в домах столь коварных хозяев.

Этот отвратительный обычай продержался до прихода монголов, назначивших «великое наказание» тем, кто уби-

вает путников, чтобы заполучить их души. Марко пытался ободрить себя уверенностью, что с этим обычаем покончили задолго до его прибытия, но беспокоился, как бы обычай не воскрес. Он отмечал, что и мужчины, и женщины, «особенно те, кто замышляет злодейство, всегда носят при себе яд, так что если кто из них схвачен после деяния, за которое полагается пытка, он, прежде чем испытает боль от кнута, кладет яд в рот и проглатывает, чтобы умереть так скоро, как возможно». Местные власти противопоставили этому ужасное противоядие. Марко говорит, что «собачий кал всегда держат наготове, и если кто проглотит яд, его сразу заставляют глотать кал, чтобы он выблевал яд». Он уверяет скептически настроенную аудиторию, что «к этому средству очень часто прибегают».

Описав ужасы, пережитые им в глуши, Марко возносит хвалу древней столице идолопоклонников, хотя остается под сомнением, побывал ли он в ней. Тем не менее он был наслышан о роскошных гробницах усопших правителей царства.

Не скупясь на похвалы, Марко описывает правителя богатого и властного, «любимого всеми», и повторяет рассказы, которые о нем слышал. «Этот государь, когда приблизился к смерти, приказал своей волей возвести... памятник такого вида... чтобы на его гробнице стояли две башни, одна из золота, другая из серебра». Одна башня, как объясняет Марко, возведена из прекрасного камня, покрытого золотыми пластинами «в палец толщиной». Под этим золотым покрытием башня выглядит «словно отлитая из чистого золота». Блистающий монумент, по словам Марко, возносится «на десять сажений в высоту». Колонна увенчана «круглым мячом», а в нем «золоченые колокольчики, которые звенят всякий раз, как подует ветер». Вторая, серебряная башня, столь же внушительна и увенчана серебряными колокольчиками.

Марко добавляет: ничто Европе и в целом свете не сравнится с этими башнями по красоте и великолепию.

Марко утешается мыслью, что эта мятежная область была завоевана войсками Хубилай-хана, причем весьма необычным образом. Готовясь к вторжению, хан созвал «шутов и акробатов» своего царства и отправил их в Миан вместе с воинами. Он обещал назначить достойного вождя, они же должны были повиноваться его приказам.

Монгольская армия в сопровождении шутов быстро захватила столицу, где зрелище двух башен, серебряной и золотой, быстро усмирило их надменность. «Они все дивились им, — повествует Марко, — и рассказали великому хану о том, каковы эти башни и какой они красоты и великой цены; и что, если он пожелает, они снесут их и пришлют ему серебро и золото. Великий хан, зная, что государь выстроил их ради спасения своей души, чтобы о нем помнили и после смерти, сказал, что вовсе не желает сносить их, но желает оставить так, как задумал и назначил государь».

Такое проявление уважения к павшему врагу поразило Марко, уверявшего, что «по сей день эти башни украшены и хорошо охраняются», и приводит сомнительное утверждение, будто «никто из татар не притронется к добру мертвого», потому что монголы почитают это «великим грехом». Впрочем, такая сдержанность Хубилай-хана была составной частью его политики поощрения местных верований в землях, завоеванных его войском. Монголы сознавали, что, если оставить в неприкосновенности коренные особенности захваченных областей, местные жители более охотно смирятся с политическим контролем, лишь бы сохранить духовную самобытность.

Продолжая путешествие через Азию, Марко наблюдал статичную некогда культуру в эпоху быстрых перемен, распадающуюся и создающуюся вновь по мере того, как Хубилай-хан собирал под свою власть отдаленные царства.

Некоторые местные обычаи представлялись монголам слишком уж дикими, чтобы их перенять. Так, Марко рассказывает, что в провинции вблизи от Бенгалии «все люди,

мужчины и женщины, разрисовывают себе всю кожу... рисуют иглою по лицу и по всему телу цапель, и орлов, львов, драконов и птиц, и многие другие фигуры, различные и странные, так что не найти места, не изрисованного и не исколотого. Это проделывается иглами весьма искусно, так что никогда не смывается и не сходит. И так они делают себе на лице, и на руках, и на ступнях, на шее, животе, груди, на плечах и по всему телу».

Марко, должно быть, поживался, в мучительных подробностях описывая процедуру татуировки. Она начиналась с того, что художник-татуировщик, или «мастер», рисовал «узоры, столько и такие, как он пожелает... черным по всему телу», после чего клиента «связывают по рукам и ногам, и двое или более держат его, а мастер, который не занимается никаким иным искусством, берет пять игл, связанные четыре квадратом, а пятая в середине, и этими иглами колет его везде по нанесенному узору, и когда наколка сделана, поверх них сразу наносят рисунок чернилами, и нарисованные фигуры проявляются в этих проколах. Но человек при этом терпит муки, достойные чистилища». Неудивительно, что «очень многие из них умирают, пока их так разрисовывают, потому что теряют много крови».

Марко, который охотно принимал участие во многих местных обрядах, от этого, по всей видимости, воздержался.

Отважно углубляясь в джунгли по направлению к нынешнему Вьетнаму, Марко оказался среди племен, чьи «доблестные воины» носили лишь скудные набедренные повязки из древесной коры. Эта местность была настолько чуждой для него, что преобладание бумажной валюты с печатью великого хана ободряло Марко, напоминая, что он все еще в монгольской империи и все еще пользуется защитой пайцзы.

Это сознание как нельзя более утешало Марко в стране львов рыкающих, которых редко случалось увидеть, но часто — услышать. По его словам, они были так опасны, что никто не осмеливался проводить ночь вне дома «из страха

перед ними, потому что львы сразу его съедят». Львы были так свирепы, что купцы, подобные Марко, вынуждены были ночевать на простых суденышках на реке, и даже это не гарантировало безопасности, потому что, если они оказывались слишком близко к берегу, «львы добивались до них, прыгая в воду и доплывая до лодки». Добравшись до нее, «они вытаскивают человека силой, уносят и съедают». Чтобы спастись от подобных ужасов, купцы непременно старались «бросить якорь посреди реки, которая очень широка».

Защищаясь от нападения львов, объясняет Марко, купцы вступали в сотрудничество со свирепыми «псами» — в действительности с волками, — «которым хватает храбрости и силы атаковать львов». «Псы» сражались парами и оказывали существенную защиту против царя джунглей. Марко говорит, что один человек верхом, вооруженный луком и стрелами, и с двумя такими «псами» мог убить льва. «Когда случается, что они находят большого льва, псы, отважные и сильные, едва увидят льва, бегут на него с большой отвагой, ободряемые человеком, один впереди, другой позади. Лев поворачивается к псам, но псы так хорошо обучены и так проворны, что лев не касается их, и лев смотрит на человека, а не на псов. И тогда лев отступает. Но псы, едва увидят, что лев уходит, бегут следом с лаем и воем и кусают его за ляжки и по всему телу. И лев оборачивается в великой ярости; он убил бы их, но не может поймать, потому что псы умеют себя защитить... Лев сильно напуган великим шумом, который производят псы, и тогда он, спасаясь от лая псов, забирается в чащу или находит толстое дерево, к которому прижимается спиной, обращая мордой к псам, чтобы те не беспокоили его сзади... Он отступает шаг за шагом — он никогда не бежит — потому что лев неподвластен страху, так велика его гордость и велик дух. Пока лев медленно отступает, псы не перестают кусать его сзади, а человек стреляет в него из лука. Чувствуя укусы, лев бросается на псов туда и сюда, но, отогнав их, продолжает уходить. Когда человек видит это, он берет свой

лук (потому что они весьма хорошие лучники) и посылает стрелы, одну и две, и более, и так много, что лев слабеет от ран и потери крови и падает мертвым, не найдя убежища... (львы) не могут защититься от всадника с двумя хорошими псами».

Рассказав об охоте на льва, Марко обращается к производству соли, главной его цели как сборщика налогов для Хубилай-хана. В городе Чианглу, еще одном отдаленном форпосте монгольской империи, он наметанным глазом наблюдает, как местные рудокопы добывают из земли жилы соли и прилежно складывают в большие холмы. «На эти холмы они щедро льют воду, так что вода проникает сквозь них и уходит в землю под холмом, а потом собирают ее и помещают в большие тазы и железные котлы и кипятят. Когда она хорошо прокипела и очищена силой огня, они дают ей остыть, и тогда вода густеет, и они делают из нее соль — очень белую и тонкую».

Местные жители производили столько соли, что могли продавать избыток в другие провинции, извлекая из этой торговли «большую прибыль». В то же время Хубилай-хан получал от нее «большие доходы» благодаря неутомимым усилиям сборщиков налогов, подобных Марко.

В недавно завоеванной провинции Кундинфу — иногда это название относят к Йен-чау во Вьетнаме — Марко продолжил изучение интимной жизни молодых женщин. Он находил женщин этой местности «чистыми» и «умеющими хранить добродетель скромности» — в противоположность женщинам других мест, открывавшим свои ложа, если не сердца, путникам. Женщины Кундинфу были строги и даже суровы: они не танцевали, не скакали, не любезничали и не «впадали в страсть». Эти добродетельные создания не прятались за окнами, поглядывая на прохожих, избегали «неподобающих бесед» и «веселья». Изредка выбирались из святилищ своих домов они только в сопровождении матерей и избегали «неприлично глазеть на людей». Низко

надвинутые шляпы ограничивали их поле зрения и фокусировали внимание на дороге. Нечего и говорить, что они не оказывали «никакого внимания женихам». Эти юные женщины были столь застенчивы, что даже не мылись по две.

Как и следовало ожидать, первоочередной заботой общины было сохранение их девственности. Вся их жизнь была устроена таким образом, чтобы предохранить от тревог и насилия: девушка, на которую пала тень подозрения, не могла выйти замуж или, как выражается Марко, «если обнаружено противное (девственности), брак расторгается». Поскольку брак был серьезным юридическим договором, заинтересованные стороны — отцы невесты и жениха — доходили до крайних мер, чтобы доказать непорочность девушки.

«Когда должным образом заключен союз и соглашение, — сообщает Марко, — девушка подвергается испытанию девственности в бане, куда приходят матери и родственницы ее и супруга, и особо назначенные для этой обязанности матроны при всех испытывают ее девственность голубиным яйцом. А если женщины со стороны жениха не удовлетворятся этим средством, поскольку природные органы женщины могут быть сужены медицинскими средствами, одна матрона искусно вводит палец, обернутый тонким белым полотном, в природные органы, и надрывает девственную плеву, так что на полотне остается немного девственной крови. Кровь эта такой природы и силы, что ее никак нельзя смыть с полотна. А если она смывается, это знак, что она была осквернена и кровь ее не должна природы. Если испытание проведено и показало, что она девственна, брак считается состоявшимся; если нет — брак расстраивается. И власти тогда наказывают отца девушки согласно заключенному договору.

Вам следует знать, что для сохранения девства девицы всегда ступают так мягко, что одна нога опережает другую не более чем на палец, потому что интимные части девственности иногда вскрываются, если она двигается слишком свободно и резко».

Марко между прочим замечает, что монголы «не заботятся о таких условностях; их дочери ездят вместе с ними верхом, как и их жены, отчего можно предположить, что они получают некоторые повреждения», но не считаются ущербными. Несомненно, такой подход к вопросу о девственности был более практичен.

Находясь в Кундинфу, Марко потерял дорогое кольцо и, стараясь вернуть его, больше прежнего узнал о возможностях буддизма, его богатстве и разнообразии. Он нашел здесь «восемьдесят четыре идола, каждый со своим именем», но теперь уже не отвернулся с пренебрежением от чуждой религии. Он прилежно отмечает, что, «по словам идолопоклонников, каждому идолу Верховный Бог дал свою силу, а именно: одному отыскивать потерянные вещи; другому — поддерживать плодородие земли и погоду для земледелия; третьему — помощь стадам, и так во всем».

Марко, естественно, привлекли идолы, умеющие обнаруживать потерянные вещи. Они были похожи на мальчиков-подростков, обряжены в прекрасные одежды, и о них день и ночь заботилась старая женщина. Желающий вернуть пропажу, отмечает Марко, обращается к ней, и она советует воскурить благовония. Только после этого она заговаривает от лица своего неодушевленного подопечного, говоря: «Ищи в таком-то месте, и ты найдешь ее». Если вещь была украдена, старуха говорит: «Она у такого-то. Скажи, чтобы отдал ее тебе. А будет отрицать, возвращайся ко мне, и я заставлю его вернуть ее тебе». Так поступил и такие слова услышал Марко в погоне за пропавшим кольцом.

Он сообщает, что чары старухи в сочетании с могуществом идола творили чудеса сверх простого возвращения похищенного добра. Женщина, отказавшаяся вернуть украденный кухонный нож, могла «порезать себе руку, или упасть в огонь, или с ней случалось другое несчастье». Мужчина мог отрезать себе украденным ножом руку или

переломать руки и ноги. «Поскольку люди по опыту знают, что случается с не признавшими вину ворами, они сразу отдают украденное».

Если верить Марко, прислужница идолов постоянно общалась со злонамеренными духами. Они «производили шепот тонкий и тихий, как шипение. Затем старая женщина (приносила) им благодарность таким образом: она поднимала перед собой ладони, трижды щелкала зубами и произносила нечто вроде: “О достойные, непорочные, добродетельные”. И она говорила тому, кто потерял лошадей: “Пойди в такое-то место, и ты найдешь их”, или “Разбойники нашли их в таком-то месте, и уведут туда-то, беги, и ты найдешь их”. И все находилось точно по ее словам».

Конечно, за благодеяние приходилось платить. «Когда потерянная вещь найдена, люди благочестиво и благоговейно приносят идолам локоть (единица длины, от двух до трех футов) какой-нибудь хорошей материи», например шелка. Именно так следовало поступить и Марко, который с гордостью заявляет: «Я, Марко, нашел таким образом кольцо, которое потерял», — и поспешно добавляет: «но не совершал жертвоприношения и не поклонялся идолам».

Марко снова пустился в путь по юго-западным провинциям Китая, где на каждом шагу встречалось столько приключений, что он не сумел вместить их в свой обширный отчет. «Не думайте, что мы прошли все провинции Китая по порядку, — предупреждает он аудиторию, — и даже не двадцатую часть; но только я, Марко, проходил эти провинции и города по соседству с описанными, те, что остались в стороне, о которых слишком долго было бы рассказывать».

«Провинция Манги, — говорит Марко, подбирая утерянную нить рассказа, — чрезвычайно хорошо укреплена. Все города этого царства окружены глубокими и широкими рвами с водой» — шириной в полет стрелы. Под Манги Марко подразумевал царство богатой и утонченной дина-

стии Сун, с которой долгое время избегал сталкиваться сам Хубилай-хан, предпочитая захватывать другие, более уязвимые регионы Китая. Однако жители Манги были не столь доблестными воинами, какими считали их Марко и монголы. В 1268 году они рассеялись перед войсками Хубилай-хана — или мирно сдались, «потому что не были отважны и не привыкли к оружию».

Марко решил выяснить, как случилось, что люди хана нанесли поражение местному государю по имени Факфур, «который не знал иных радостей, кроме войны и завоеваний, и сделался великим владыкой».

В действительности Факфур не был храбрым воином, предпочитал мирную торговую деятельность и «благодетельствовал беднякам»; он принадлежал именно к тому типу просвещенных монархов, каким стремился быть Хубилай-хан. Именно поэтому Факфур оказался беззащитным перед монгольскими захватчиками. Астрологи Факфура предсказали, что он никогда не потеряет царства, если его не отнимет «человек с сотней глаз». Это предсказание успокоило государя, «потому что он не мог вообразить стоглазого человека». Ему суждено было убедиться в своей ошибке. В войске Хубилай-хана как раз имелся выдающийся военачальник по имени Баян Стоглазый, который и погубил Факфура.

Родившийся в 1236 году Баян был во время указанной кампании еще молодым человеком. При дворе Хубилай-хана он был маркитантом и в этом качестве проявил недюжинное административное искусство, безупречные манеры и колоссальную активность. Он был женат, но Хубилай-хан объявил его брак недействительным и дал ему новую высокородную жену по имени Бесучжин. Пользуясь повышением социального статуса, Баян быстро поднимался по ступеням монгольско-китайской иерархии, вступив в союз с партией конфуцианцев; в 1260 году он поступил на военную службу, сначала в качестве чиновника, а затем — военачальника, производя впечатление на вышестоящих и обезоруживая потенциальных соперников своими способ-

ностями. Баян, государственный деятель и воин, изучал китайские литературные жанры и сочинял стихи о войне, прославляя войска монголов. Хубилай-хан удостоил его высшей похвалы, сказав одному из своих сыновей: «Баян сочетает в себе таланты генерала и министра. Ему можно доверять во всем». И заключил: «Ты не должен обходиться с ним как с обычным человеком». Для династии Юань Баян стал незаменимым.

Когда Хубилай-хан решил, что пришла пора напасть на Сун, он доверил Баяну 200 000 всадников, поддержанных китайской пехотой, а также пять тысяч судов с 70 000 моряков. Такая численность ошеломила бы любого европейца того времени. Возглавив это мощное войско, Баян окружал один город Южного Китая за другим — всего пять — требуя, чтобы жители сложили оружие и покорились Хубилай-хану. Однако он повсюду встречал упрямое молчаливое сопротивление решительных китайцев. Подойдя к шестому непокорному городу, Баян утратил терпение и «взял его силой и искусством, приказав убить всех, кого нашли в нем». Воодушевившись победой, он повел вперед войско, сжигавшее и грабившее все на своем пути, и быстро захватил двенадцать городов. «И сердца людей Манги дрогнули, когда они услышали эти вести».

Установив военный контроль над всей провинцией, Баян приготовился к последней стадии завоевания. Перед ним был Ханчжоу, самый ценный трофей во всем Китае да и во всем мире. В городе насчитывалось полтора миллиона жителей — в десять раз больше любой европейской столицы, включая Париж и Лондон. Ни один город не мог сравниться с Ханчжоу пышностью, красотой и утонченностью, а также прогрессивным и великодушным правлением.

Государь Факфур, прославленный заботой о бедняках и щедрой благотворительностью, воплощал дух альтруизма богатого города. Марко, проникшийся восхищением перед Факфуром, настаивает, что благодеяния государя заслуживали памятника и подданные любили его, как никого из

прежних правителей города, «за великие милости и правосудие, с которыми он повелевал». Факфур заботился о детях, брошенных матерями, и создал для них эффективную систему поддержки и усыновления. «В той провинции, — пишет Марко, — детей часто бросают сразу после рождения. Бедные женщины не могут ни прокормить, ни вырастить их по своей нищете. Государь приказал принимать их всех и записывать, под каким созвездием и планетой они рождены. Затем он распределял их в разные страны и места, где воспитывали их в великом довольстве. Если богатый человек не имел ребенка, он шел к государю и брал себе детей, сколько хотел и какие ему больше понравились». Иногда биологические родители усыновленного ребенка, передумав, хотели взять его обратно; у них была такая возможность, если только родство было заверено документально. В противном случае ребенок оставался под покровительством государя до вступления в брак. Когда приемыши достигали брачного возраста, государь проводил массовые женитьбы, «давая им (новобрачным) столько, чтобы они могли жить в удобстве». Такую же щедрость проявлял Факфур в отношении жилищ, заботясь, чтобы каждое жилье, богатое или бедное, «было красиво и велико». В столь благотворных условиях мелкая преступность была искоренена, во всяком случае так уверяет Марко. «Город так безопасен, что двери домов и лавок, полных весьма дорогими товарами, часто остаются открытыми на ночь, как и днем, и ничего оттуда не пропадает». И здесь, в противоположность дикой и незаконной монгольской империи, «можно было ходить повсюду безопасно и беспрепятственно не только днем, но и ночью».

В то время государь Ханчжоу и его супруга пребывали в своей резиденции среди великолепного двора, и «вот он (Баян Стоглазый) выстроил свое войско перед ней». Ошеломленный мощью монгольской армии Факфур призвал звездочетов, чтобы спросить, как его постигло столь полное поражение, и те объяснили, что его противник носит имя Баян Стоглазый. Предсказание сбылось.

Государь Факфур «в великом страхе покинул город со множеством народа, и взошел на... тысячу кораблей, нагруженных всем его имуществом и богатствами, и бежал в Океан-море к неприступным островам Индии, оставив Кинсай (Ханчжоу) на попечение государыни, с приказом защищаться, как сумеет, потому что ей как женщине не приходилось опасаться смерти, попади она в руки врагов». Тогда властительница, «оставленная в городе со множеством людей», к общему удивлению выказала мужество перед лицом монгольского нашествия. Она «побуждала своих военачальников защищать город, как доблестная дама, каковой и была». Королева держалась, пока не получила простое, но убийственное сообщение своих звездочетов: Баян Стоглазый обречен на победу. Узнав, что осаду возглавляет человек, известный под этим именем, «она совсем лишилась сил, потому что сразу вспомнила, что прежде звездочеты говорили, будто никто, кроме человека с сотней глаз, не отнимет у них царства». Получив это известие, «государыня сразу сдалась Баяну. Когда же она покорила великому хану и сдала ему главный город государства, все прочие города и селения, то и все оставшееся царство сдалось без противления».

Ее судьба резко отличалась от судьбы мужа. «Государыню, сдавшуюся Баяну, взяли ко двору Хубилая, великого хана. И когда великий владыка увидел ее, он велел ее чтить и дать ей все, не жалея цены, как великой даме, какой она и была». Между тем государь Факфур до смерти прозябал в изгнании на острове у побережья Индии, вдали от богатого царства, которым некогда правил со столь просвещенным великодушием.

Марко, пока не познакомился с примером Факфура, считал Хубилай-хана идеальным правителем. И в самом деле, Хубилай-хан под конец жизни проявлял немалую щедрость к беднякам, однако страсть Факфура к социальной и экономической справедливости далеко превосходила милости Хубилай-хана. При внимательном чтении ле-

стных отзывов Марко о Факфуре создается впечатление, что Марко готов признать его более великим властителем, чем Хубилай; видимо, он выше ставил благородство и великодушие, нежели военную мощь.

Перемена суждения отражает перемену в воззрениях Марко. Пока он жил в Камбулаке, Хубилай-хан виделся ему блистающим солнцем, затмевающим все иные светочи, но чем дальше углублялся венецианец в окраинные земли монгольской империи, чем больше примеров жестокости монголов — вплоть до убийства женщин и детей — он видел своими глазами или узнавал понаслышке, тем меньше оставалось у него иллюзий. Было время, когда монголы внушали Марко больше симпатий, чем их враги, однако, наблюдая насильственное установление имперского правления, знакомясь с утонченным Китаем, он медленно, понемногу разочаровывался в монголах. Разочарование проявлялось и в его повествовании, несмотря на попытки сохранить верность степным воинам.

Обыкновение Марко приукрашивать увиденное часто внушает подозрения, но, описывая свою героическую роль в осаде Саиан-фу (ныне Саньян), «большого и великолепного города», он выходит за грани правдоподобия. Вот как он излагает эту историю. Китайские хроники противоречат его версии. Осада в действительности имела место в 1273 году, когда Марко был еще в Афганистане, оправляясь от неизвестной болезни, за два года до его прибытия ко двору Хубилай-хана. В случае с осадой Саиан-фу невозможно сослаться на трудности в переводе китайского календаря в европейский, а также на ошибки в тексте, поскольку Марко подчеркнуто помещает себя, своего отца и дядю в центр действия.

По словам Марко, Саиан-фу сопротивлялся войску Хубилай-хана, когда весь Китай уже покорился. Город, защищенный большим длинным озером, был открыт для атаки только с одной стороны, с севера. Сопrotивляясь монголам, жители Саиан-фу умудрялись доставлять через озе-

ро достаточно провизии, и потому монголам не удалось заморить их голодом. После трехлетних тщетных усилий взять город в монгольском войске возник «большой гнев» и желание отступить.

Марко вводит ряд поразительных утверждений, начиная с того, будто он с отцом и дядей участвовал в осаде. После отправления из Камбулака по поручению хана Марко перестал упоминать о старших родственниках, создав впечатление, будто путешествовал самостоятельно, оставив их в окрестностях столицы заниматься торговыми делами. Еще более подозрительно, что участие в осаде противоречит общей линии повествования. До сих пор Марко описывал движение истории, тщательно избегая изображать свое влияние на ход событий. Теперь же он представляет Поло героями осады. «Мы найдем способ, который немедленно заставит город сдаться!» — якобы заявили они.

Марко уверяет, что монгольская армия приняла предложение и донесла о нем Хубилай-хану, который одобрил план. И далее он описывает своих родственников в несвойственном им положении, как закаленных воинов, знакомых с высшими достижениями монгольской военной техники. В его изложении семья Поло является к Хубилай-хану — крайне маловероятно, поскольку до великого хана были тысячи миль пути — с предложением «сделать снаряды и машину, чтобы взять город и заставить его сдаться». Он добавляет, между прочим, что машиной этой была баллиста, то есть мощная катапульта, «бросающая с изрядного расстояния камни такие большие и тяжелые, что они сокрушат все, во что попадут, убивая людей и разрушая дома». По обычаю Средневековья Марко именует баллисту машиной, подразумевая артиллерию, не нуждающуюся в порохе. В самом деле, баллиста действовала силой скрученного веревочного жгута, намотанного на вращающийся вал или лебедку.

Сначала предложение Поло использовать баллисту европейского типа озадачило монгольских вождей. «Они все чрезвычайно изумились, потому что... во всех этих местах

прежде не знали, что такое баллисты, ни машин, ни требушетов (устройство меньшего размера, основанное на рычаге, а не на натяжении жгута), потому что не использовали их и не привыкли применять их в войске». Тем не менее «монголы радовались и изумлялись» этому изобретательному плану.

Техника, о которой говорит Марко, была известна в Европе. К 50 году н. э. войска Римской империи употребляли похожие катапульты, известные под названием «онагры», чтобы забрасывать камни за крепостные стены. Использовал их и Александр Македонский. В средневековой Европе баллисты были основным осадным оружием, поскольку могли бросать огромные камни или зажигательные снаряды более чем на тысячу футов, причиняя большие повреждения неуязвимым для других средств крепостным стенам. По словам Марко, Хубилай-хан жадно ухватился за идею использовать при осаде баллисту, хотя бы потому, что это было новшество, «невиданная вещь».

Поло подготовили все при помощи двух помощников-европейцев (нигде более не упоминаемых). Один назван немцем, другой — несторианцем, и оба «хорошими мастерами этого дела». Якобы братья Поло приказали им соорудить две или три машины, способные бросать большие камни, и всего «за несколько дней» те построили три «отличные баллисты согласно приказу братьев, каждая из которых бросала камни весом в триста фунтов, и видно было, что они летят очень далеко; таковых камней было более шестидесяти».

Дальше следует демонстрация осадных машин самому Хубилай-хану «и другим», на которых машины произвели сильное впечатление. Хубилай-хан приказал немедленно погрузить баллисты «на суда и доставить к войску, осаждавшему город Саиан-фу». Вскоре к баллистам добавили требушеты, подвижное, но столь же грозное осадное орудие. Марко хвастает, будто «они казались монголам величайшим в мире чудом».

Он со вкусом описывает сокрушающее действие европейской техники на китайскую крепость. «Когда требушеты установили перед городом Саиан-фу и натянули, каждый метнул в город камень в триста фунтов. Первый камень, которым выстрелили из баллисты, ударил в дом и сломал и разрушил все, и создал великий шум и сотрясение».

Применение осадных машин вызвало панику среди жителей Саиан-фу. «Каждый день они бросали великое множество камней, которые убивали многих. И когда люди города увидели такое несчастье, о каком прежде не слыхивали, они так встревожились, что не знали, что им сказать или сделать, — издевается Марко, — и верили, будто это делается колдовством, потому что казалось, будто молнии падают с неба». Сдача города казалась неизбежной. «Они желали покориться, как другие города сделали раньше, и... хотели быть под властью великого хана. Начальник войска сказал, что он этого и желает. И тогда он принял их, и город сдался, как другие города».

Марко похвальноется ролью, которую он и его семья якобы сыграли в победе монголов. «И это случилось по доброте мастера Никколо, и мастера Маттео, и мастера Марко Поло, сына Никколо, как вы уже слышали. Это решение... увеличило славу и доверие к двум братьям-венецианцам в глазах великого хана и его двора. И это немалое дело, потому что... этот город и эта провинция одни из лучших во владениях великого хана, от которых он получает великий доход и прибыль».

Победа монголов над Саиан-фу остается одной из выдающихся глав в повествовании Марко, но отклонения от фактов, записанных в китайских хрониках, необычно воинственный тон и хронологическое неправдоподобие делают этот эпизод весьма сомнительным. Тем не менее город действительно был взят, и хроники свидетельствуют, что монголы в самом деле использовали при осаде «иноземных инженеров». Отдавая должное Марко, можно предположить, что его отец и дядя участвовали в подготовке оса-

ды во время предыдущего путешествия. Однако три самые ранние версии «Путешествия» вовсе не упоминают об этой осаде. Наиболее вероятным представляется, что этот увлекательный эпизод был вставлен Рустичелло, стремящимся возвеличить роль молодого сборщика налогов и его старших родственников в создании монгольской империи. Даже если романтический автор сотворил историческую фальшивку, он достиг своей литературной цели.

Сворачивая к востоку по направлению к Ханчжоу, Марко двигался по рекам Китая. Ему были знакомы каналы Венеции, полные лодок и судов, однако и это не подготовило его к зрелищу великой реки Киантанг (как она называется в наши дни), «текущей... более чем на сто двадцать дней пути до впадения в море, в которую впадает бесконечное множество рек, все судоходные, которые расходятся в разные стороны и разбухают и увеличивают свои извивы до такой величины». Протяженность реки — вернее, размеры ее дельты — Марко описывает в восторженных выражениях, заявляя, что она протекает через «такое множество земель, и столько на ней городов», что суда на ней вмещают груз «большей цены», чем «на всех реках христианского мира», а если подумать, то и «на всех морях».

Марко приводит источник своих утверждений: смотрители, которые «ведут счет для своего владыки», говорили ему, что по реке ежегодно проходит более пяти тысяч судов, однако он не просто верит им на слово. Он подтверждает: «Скажу вам, что я видел в то время, когда был в городе Сингуи, сразу пятнадцать тысяч лодок, плывущих по этой реке, которая столь широка, что кажется не рекой, а морем». Европейцу трудно было поверить в такое количество лодок в одном-единственном городе.

Марко особенно внимателен к речной торговле, потому что «главный товар, который перевозят по этой реке, — соль, которую купцы грузят в городе и везут вверх по реке и в глубь страны». Сборщик налогов следовал за этими судами, выполняя свои обязанности, однако он заметил так-

же, что суда ведут оживленную торговлю деревом, углем, коноплей «и многими другими товарами, которыми снабжают приморские области». Такое богатство могло потрясти даже самого искушенного венецианского купца.

Очаровали его и сами суда: не количество, а разнообразие и конструкция. Обходя доки, он, пользуясь своим положением, близко знакомился с конструкцией и снаряжением судов, словно уже обдумывал побег из монгольской империи. «Суда однопалубные, с одной мачтой и одним парусом, но имеют большой тоннаж», — сообщает он. И описывает такелаж с такими подробностями и знанием дела, каких прежде не выказывал во всем путешествии через Азию. «Снасти этих судов не из одной конопля, хотя мачта и парус снаряжены конопляными канатами. Но скажу вам, что у них буксирные канаты из простого бамбука, и ими суда тянут вверх по этой реке... При каждом судне есть восемь, или десять, или двенадцать лошадей, которые тянут его по реке против течения, а также и по нему».

Может быть, однажды такой корабль унесет его из Китая к Венеции и к свободе.

Глава 11

НЕБЕСНЫЙ ГОРОД

На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен...

«Проехав три дня, находишь благороднейший и великолепнейший город, который за его величие, важность и красоту назван Кинсай, что означает Небесный Город, — сообщает Марко Поло. — Это величайший город, какой найдешь в мире, где можно встретить такое множество удовольствий, что представляешь себя в раю».

Марко оказался в апогее китайской цивилизации, в городе, столь передовом и красивом, столь полном чувственных удовольствий, что ему едва ли удалось бы убедить недоверчивых европейцев, что речь идет не о бестелесном видении, а о чем-то столь же реальном, как Венеция. Подобно Венеции, Кинсай был построен на множестве каналов, в которых теснились разнообразные суда и лодки. Не удивительно, если Марко поверил, что очутился в усовершенствованной версии родного города.

Ханчжоу, как называется ныне этот город, пленил Марко более всего, что он видел в Азии. Он впервые столкнулся с величием Китая в его высшем развитии, не оскверненном монголами. Кинсай предстал перед ним как захватывающее будущее, столь же нереальное, каким показалась бы сегодняшнему путешественнику научно-фантастиче-

ская утопия, — но в то же время осязаемое и живое. Марко впервые ощутил себя не просто странником, но исследователем, и поставил перед собой задачу изучить это чудо градостроения. «Я, мастер Марко Поло, — заявляет он, — бывал в том городе много раз и с великим усердием замечал и постигал все увиденное, записывая наблюдения».

Жители Кинсяя неохотно допускали в дома и к очагам подобных Марко иноземцев, представлявших в их глазах захватчиков-монголов. К тому же Марко так и не овладел китайским языком. Из-за этих препятствий от его любознательности ускользнуло многое во внутренней жизни города, интимной и духовной. Однако ненасытное любопытство подвигло его узнать о городе и горожанах больше, чем удалось кому-либо из европейцев до него или столетия спустя.

Кинсай был в то время самым крупным портом Китая и самым большим из существовавших где-либо на Востоке и Западе городов. Кроме того, он был богатейшим городом, хотя богатства его скрывались от глаз. Марко признается, что статистику сокровищ Кинсяя он почерпнул из китайских документов, однако в первую очередь он основывался на собственных наблюдениях.

Он нигде не уточняет, зачем явился в великий город и какие обязанности там выполнял. Вернее всего, он производил подсчет и сбор налогов в городе, недавно завоеванном доверенным военачальником Хубилай-хана, Баяном. В некоторых версиях «Путешествий» Марко заявляет, будто занимал пост губернатора Ханчжоу, и критики находят в том главный пример его склонности к беззастенчивым преувеличениям. Однако в других версиях Марко говорит только, что неоднократно посещал город в качестве сборщика налогов и принимал участие в городском совете. И то и другое звучит правдоподобно. В любом случае, его блистательное описание города говорит само за себя.

Как удалось венецианцу постичь величие передового и сложного города, расшифровать его? Ему не всегда удавалось понять чужие культуры, с которыми он сталкивался,

однако его рассказ о Кинсае — шедевр подробности и удивительной точности. Объяснение кроется в том, что он прибег к помощи эксперта. Он объясняет: «Я стану следовать отчету о нем (Кинсае), посланному властителю царства Баяну, завоевателю той провинции, когда он осаждал его. Он должен был передать отчет великому хану, чтобы тот, узнав о величии города, не позволил разорить и опустошить его». Иными словами, Марко получил доступ к данным, собранным о городе монгольской разведкой. Он умалчивает о том, на каком языке был составлен упомянутый документ. Возможно, на персидском, который он хорошо знал, или на одном из наречий монголов, с которыми был знаком. Так или иначе, его рассуждения о Кинсае — не просто набор цитат: он пополняет их собственными наблюдениями, что позволяет ему уверенно заявить: «Все это правда, как я, Марко Поло, позже увидел собственными глазами».

Марко погружается в красноречивое и пылкое описание Кинсае — города «столь большого, что окружность его... сто миль или около того, потому что улицы и каналы его очень широки и велики». Живописуя неведомую столицу скептически настроенному западному читателю, он говорит: «Там есть площади, на которых они устраивают рынки, по описаниям весьма многолюдные, так что они по необходимости должны быть очень велики и просторны».

Чем больше размышляет Марко об этой столице с ее каналами и мостами, с непрерывным движением судов, с объемом торговли, неправдоподобным для его читателей, тем более красноречивым становится его репортаж. «С одной стороны, — продолжает он, — имеется озеро с пресной водой (Западное озеро), очень чистой, а с другой протекает огромная река, которая, принимая в себя множество великих и малых каналов, проходящих во все части города, уносит все нечистоты и затем впадает в озеро. От того воздух там весьма здоровый; и можно обойти весь город по земле и по этим каналам. Улицы и каналы так велики, что

суда свободно проходят по каналам, а повозки по улицам, развозя все, необходимое жителям».

Марко ошибся в оценке количества мостов в Небесном Городе. «Рассказывают, будто там 12 000 мостов, больших и малых, большей частью каменных, а иные выстроены из дерева. И под каждым из этих мостов или под большей их частью большие корабли легко проходят под арками; а под другими могут пройти малые суда. Но у тех, что построены над главными каналами и на главных улицах, арки так высоки и сделаны с таким искусством, что судно с мачтой может пройти под ними, а между тем по ним проходят повозки и лошади, так хорошо улицы приспособлены к их изгибам». В действительности в Кинсае насчитывалось 347 мостов, а не 12 000, упомянутых Марко, — неточность, взятая на вооружение критиками. Однако, как видно из контекста, «12 000 мостов» не следует понимать слишком буквально. Марко просто хочет внушить читателю, что мостов в Кинсае больше, чем он может сосчитать, даже больше, чем в Венеции. «И пусть не удивляются, что там много мостов, — продолжает он, — потому что, скажу вам, этот город весь... на воде, как Венеция, и весь окружен водой, так что в нем по необходимости должно быть много мостов, чтобы люди могли проходить по городу, входить и выходить из него».

Мосты были не единственным инженерным чудом Кинсая. Огромный городской ров имел, «может быть, сорок миль в длину». Марко рассказывает, что он был создан «по приказу тех древних государей провинции, чтобы отводить в него реку всякий раз, когда она выходит из берегов; и он служит также для обороны города, земля же, вынутая из него, сложена на внутренней стороне, что образует подобие небольшого холма, окружающего его».

Марко снова испытывает доверчивость читателя, описывая обширность Кинсая, однако здесь он совершенно точен. «Имеются десять главных открытых мест, кроме бесчисленных других для кварталов, и эти квадраты имеют сторону полмили, — пишет он. — И вдоль них проходит

главная улица сорока сажений в ширину, которая тянется с одного края города на другой, с множеством мостов пологих и удобных; и через каждые четыре мили расположена одна из тех площадей, имеющих две мили (так говорят) в окружности».

Он обращает внимание на прославленный Большой канал Кинсяя — «очень широкий канал, проходящий параллельно той улице позади тех площадей», — не сознавая, что видит перед собой самое протяженное искусственное русло Китая. Большой канал соединял главные реки от Кинсяя до Камбулака, протянувшись на тысячу миль. Эта древняя водная артерия ко времени путешествия Марко насчитывала не менее тысячи лет. Бывший первоначально случайным сплетением русел, Большой канал был объединен в целое после инспекционной поездки, предпринятой императором Ян-Цы династии Суй в 604 году до нашей эры. В следующие несколько лет шесть миллионов рабочих выкопали Большой канал — главным образом, вручную. Потери в людях были огромны: половина рабочих погибла, да и сама династия Суй в результате рухнула. Но канал сохранился.

По европейским меркам разнородное население Кинсяя было столь же невероятно, как размеры города. Марко описывает разнообразие людей и товаров, которое поразило бы всякого, привыкшего жить в более тесных рамках. «Три дня в неделю от сорока до пятидесяти тысяч народу стекается на рынки, и приносят все, чего можно пожелать из еды, потому что там всегда хорошее снабжение провизией; из охотничьей добычи можно назвать оленей, ланей, антилоп, зайцев, кроликов, а из птиц куропаток, перепелов, франколинов, домашнюю птицу, каплунов, и гусей, и уток, сколько и сказать нельзя, потому что они выращивают на (Западном) озере столько птицы, что за один венецианский грот — толстую серебряную монету небольшой ценности, название которой происходит от венецкого *grosso* — можно получить пару гусей или две пары уток».

Бродя мимо рыночных прилавков, толкаясь локтями с покупателями, которых хватило бы населить несколько европейских городов, Марко дивился разнообразию выставленных товаров, подобных которым не видывали на западе. — «всех сортов овощи и фрукты, и превыше прочего огромные груши, весом десять фунтов каждая, внутри белые как тесто и очень ароматные; персики в их сезон, желтые и белые, очень нежные».

Количество свежих продуктов затмевалось только изобилием рыбы. Каждый день, по словам Марко, ее доставляли свежей «из Океан-моря по рекам на расстояние двадцать пять миль», и к ней добавлялась еще рыба, выловленная в Западном озере, хотя она была не так хороша «из-за нечистот, стекающих из города» и загрязнявших озерную воду. «Кто увидел бы такое количество рыбы, никогда не поверил бы, что ее можно продать, однако в несколько часов ее всю раскупают, так велико число жителей, привычных к тонкой пище: ведь они едят за одну трапезу и рыбу, и мясо».

Вопреки склонности Марко приукрашивать действительность, Небесный Город был осязаемо реален. Современные отчеты путешественников, сумевших добраться до Кинсяя, дружно подчеркивают ошеломляющие размеры города, богатство и красоту и объявляют Кинсай величайшим в мире.

Персидский историк Вассаф, писавший о Кинсае в 1300 году, описывает примерно тот же город, который видел и полюбил Марко, — его огромные размеры, широкие улицы и изобилие.

Кинсай, каковой есть главный город страны Матчин и представляется раем, где небо переходит в землю, простирается настолько, что окружность его составляет около двадцати четырех фарсангов (около пятнадцати километров). Его мостовые сделаны из обожженного кирпича и камня; в нем множество домов и зданий,

выстроенных из дерева и украшенных красивой росписью всякого рода. От одного конца города до другого установлены три почтовых станции. Величайшая улица, как говорят, трех фарсангов в длину, и на ней шестьдесят павильонов однородной архитектуры, поддерживаемых колоннами одинаковых пропорций. Прибыль от налога на соль доходит ежедневно до 700 «балих чао» (бумажных денег). Число людей разных ремесел поистине огромно; подсчитано, что в городе тридцать две тысячи красильщиков ткани; исходя из этого, можно судить о других родах производств. Семьсот тысяч солдат и равное количество жителей числятся в счетных палатах и регистрах советников. В городе имеются семьсот храмов, подобных крепостям, в каждом множество неверных жрецов, монахов без веры, а также множество работников, стражей, слуг, идолопоклонников с семьями и домочадцами. Все эти люди не упоминаются в цензах и не обязаны платить налоги и подати. Сорок тысяч солдат охраняют город и служат часовыми.

Словно перефразируя слова Марко Поло, Вассаф писал:

Для удобства громадного населения, по водам непрерывно движутся лодки и барки разного рода в таком числе, что воображение не может его охватить, тем более что невозможно подсчитать их количество.

Свидетель совсем иного рода, францисканский монах Одорик из Порденоне, побывавший в городе на сорок лет позже Поло, подобно Марко, отбрасывает сдержанность, живописуя увиденные чудеса:

Это величайший город в целом свете. Он ста миль в окружности, и в столь великом пространстве нет пустого места, не заселенного жителями; и в нем много домов, где проживают по десять и более семей; в этом городе множество предместий и больше людей, чем в

любом другом городе. В нем десять главных ворот, и при каждом входе восемь больших городов, много больше города Венеции; и от тех ворот к тем городам пролегают дороги, по которым человек может идти шесть или восемь дней, а ему покажется, что он недалеко ушел, потому что вокруг все будут селения и дома.

Одорику, так же как Марко, Кинсай представляется азиатской Венецией, только увеличенной и усовершенствованной.

Этот город стоит на низкой равнине между озерами, морями и болотами, подобно Венеции. В нем более семи сотен мостов, и на каждом мосту люди, охраняющие его именем хана.

По оценке Одорика, в Кинсае насчитывалось 850 000 семей, что предполагает население более полутора миллионов, как и уверял Марко. «Описание этого города составило бы большую книгу», — заключает монах, не ведая, что хроника Марко уже воплотила его пророчество. «Но, коротко говоря, это величайшее, что есть в мире, и наиболее благодородное».

Самый известный путешественник мусульманского мира, Ибн Баттута, вероятно, побывал в Кинсае в 1340 году, более чем пятьюдесятью годами позднее Марко. К этому времени Небесный Город стал еще больше, в нем заметнее стала доля европейского населения, в том числе выделились мусульманская и иудейская общины. «Мы вошли в означенный город, разделяющийся на шесть малых городов; каждый за отдельной стеной, а великая стена окружает их все. В первом городе живет стража города и ее начальники», — пишет он.

На следующий день мы вступили во второй город, населенный евреями, христианами и турками, покло-

няющимися солнцу; они очень многочисленны. Эмир этого города — китаец, и мы провели вторую ночь в его доме. На третий день мы вступили в третий город, который населен мусульманами. Он красив, рынки здесь расположены как в исламских землях, в нем есть мечети и муэдзины; вступая в город, мы слышали, как последние призывают правоверных к полуденной молитве.

Этническое разнообразие Кинсяя, не отмечавшееся прежними путешественниками, отражает широту взглядов монголов, которые приглашали «евреев, христиан и турок» селиться и торговать в великом городе.

В многочисленных банях, при которых состояли куртизанки, горожане отдавали должное радостям жизни. Местные жители, и мужчины и женщины, принимали холодные ванны, «рекомендованные для здоровья», как застенчиво пишет Марко, иностранцы же пользовались горячими банями, где прислуживавшие девицы предлагали клиентам не только мытье и массаж. Эти женщины, благоухающие «дорогими духами, — говорит он, — весьма умны и опытны, знают, какими словами польстить и как подольститься ко всякому, и потому иноземец, раз понежившийся с ними, уже никогда их не забудет... Вернувшись домой, они рассказывают, что побывали в Кинсае, то есть в Небесном Городе, и считают часы до возвращения туда».

В богатом рынками и борделями Кинсае царил дух вечного карнавала. Один мемуарист, выросший в нем, навсегда запомнил человека, обучившего рыбу хитрым трюкам:

Передним большой лаковый сосуд, в котором плавают черепахи, палтусы и другая рыба. Он звонит в маленький бронзовый гонг и называет рыбу по имени. Она немедленно всплывает и пляшет на поверхности, имея на голове маленькую шляпу... Есть также искусный лучник, который ставит перед зрителями колесо в полто-

ра ярда в диаметре, с нарисованными на нем всякими предметами: цветами, птицами и людьми. Он объявляет, что сейчас попадет в тот или иной предмет и, быстро раскрутив колесо, пускает стрелу среди зрителей. Он попадает в то самое место, в какое обещал попасть. Он может даже более точно обозначить цель, например определенное перо на крыле птицы.

Этот мемуарист словно в полусне блуждал среди заклинателей змей, дующих в маленькие флейты, выманивая своих ужасных питомцев из темноты бамбуковых корзин; видел даосского монаха с садком многоцветных креветок, которых он якобы погрузил в гипнотический сон. Видел боксеров, и шахматистов, и поэтов, пишущих легкомысленные стихи, акробатов и волшебников. Китайская хроника той эпохи насчитывает пятьсот сорок пять артистов, выступавших при дворе. Они разделялись на пятьдесят пять категорий, в том числе мастеров бумажных змеев, игроков в мяч, волшебников и певцов, актеров, лучников и рассказчиков фривольных историй.

Запрокинув голову, Марко разглядывал огромный прямоугольный дворец, возвышавшийся над этим кипением жизни, пышные сады «и рядом с ними дома ремесленников, работающих в своих мастерских». Он пишет: «В любой час можно встретить людей, идущих туда и сюда по своим делам, так что, видя эти огромные толпы, не поверить, что возможно прокормить их, однако каждый рыночный день все означенные площади заполнены народом и торговцами, доставляющими товар на повозках и на лодках, и все это раскупается».

Он угадывает под внешним хаосом порядок, существование двенадцати основных ремесел: «и каждое ремесло из этих двенадцати имеет двенадцать тысяч мастерских, иначе говоря, двенадцать тысяч домов для каждого». В каждом доме «по меньшей мере десять мастеров этого искусства, а иногда пятнадцать, или двадцать, или тридцать, а то

и сорок». Люди, занятые торговой деятельностью, наживали такие состояния, что Марко усомнился, поверят ли ему на слово европейские читатели. «Там много купцов, и таких богатых, и занятых столькими делами, и такой большой торговлей, что кто бы ни сказал или ни написал о них истину, ему не поверят, так это необычайно». Эти князья коммерции, создававшие невообразимое богатство, не работали «своими руками», но жили «столь утонченно и чисто, словно они короли или бароны». Столь же изысканны были женщины Кинсяя, «весьма нежные и подобные ангелам создания», по оценке Марко. Эти неземные красавицы получали «тонкое воспитание» и одевались «с таким множественством украшений из шелка и драгоценных камней, что невозможно их оценить». Марко изумлялся роскошным домам горожан, «очень хорошо построенным и богато убранным». Он с придыханием рассказывает: «Они так любят украшения, росписи и строения, что тратят на них невероятные суммы».

Описывая жителей города, Марко не скупится на похвалы. «Исконные обитатели Кинсяя — народ мирный, воспитанный и приученный к тому их государем, каковой был той же природы. Они не носят оружия и не хранят его в доме. Между ними не услышишь и не увидишь ссор и других распрей. Они занимаются торговлей и ремеслом с великой искренностью и честностью. Они так любят друг друга, что квартал можно счесть одной семьей, так дружелюбны друг к другу мужчины и женщины, живущие по соседству. Так велика их близость, что между ними нет ни ревности, ни подозрительности к их женщинам, к которым они питают величайшее уважение, и всякий, кто посмеет обратиться с неподобающими словами к замужней женщине, считается преступником. Столь же приветливы они к чужестранцам, которые приходят к ним ради торговли, и радушно принимают их в домах, приветствуя их и оказывая всяческую помощь в делах».

Каким бы праздничным и нарядным ни представлялся Кинсай, город был оккупирован военными. Жители, говорит Марко, «не любят видеть солдат, как и ханских стражников, потому что считают, будто из-за них они лишились своего природного государя и властителей».

При всей преданности Хубилай-хану, Марко постепенно научился рассматривать монгольское присутствие в Кинсае как пятно на тонкой шелковой глади китайского общества. В городе было расквартировано не менее шестидесяти тысяч монгольских стражников, которым якобы полагалось охранять деревянные дома от пожаров: в действительности они составляли оккупационную армию. «После того как великий хан взял город, — повествует Марко, — было приказано, чтобы каждый из двенадцати тысяч мостов день и ночь охраняли десять человек посменно, то есть пятеро днем и пятеро ночью, и они должны стеречь город, чтобы не было бесчинств, и никто не смел думать об измене, и не взбунтовал против него город».

Преданные часовые хана «никогда не спят, но всегда на чеку». В каждой сторожевой будке был «сосуд с большим тазом и часы», по которым они с военной точностью отмеряли время. Часть стражников патрулировала городские улицы, не ради охраны, а высматривая мелкие проступки и отравляя жизнь виновникам. Стоило кому-нибудь «не погасить фонаря или огня после дозволенного часа», как ему грозило суровое наказание. Присутствие стражников было достаточно внушительным, чтобы люди не выходили из домов, даже когда инстинкт самосохранения приказывал обратное. Если начинался пожар, «ни один из жителей города не решится выйти из дома в ночное время, ни пойти на пожар, и только те, кому принадлежит имущество, приходят туда, да еще им помогают те стражники, а их всегда не менее двух тысяч».

Пожар, даже самый незначительный, в деревянном городе был всеобщей угрозой. «Он угрожает спалить полгорода», — сообщает Марко. Поэтому стражи учредили слож-

ную систему предупреждения. На одном из холмов стояла «деревянная башня, с которой открывался вид на весь город», и на этой башне висела «большая деревянная доска, в которую в случае пожара бьют колотушкой». На практике часовые сторожевой башни поднимали тревогу при любом намеке на «волнения или беспорядки», долетевшие до их ушей из города.

Верное наблюдение Марко об опасности пожара подтверждается хрониками, из которых видно, что крупные пожары возникали почти каждый год. В течение XIII века город претерпел особенно опустошительные потери в 1208, 1229, 1237 (когда сгорело тринадцать тысяч домов) и, наконец, в 1275, перед самой монгольской оккупацией. Возможно, самое серьезное бедствие произошло 15 апреля 1208 года, когда пожар начался в правительственном квартале и на четыре дня превратил Небесный Город в Город-Пекло. На площади в три квадратных мили выгорело 58 000 домов, погибло бесчисленное множество людей. На ближайшие месяцы власти разместили более пяти тысяч оставшихся бездомными людей в буддийских и даосских монастырях, и даже на судах, стоявших на Западном озере. Неудивительно, что Кинсай предпринимал так мало предосторожностей против нападения далеких монголов, если пожары представляли куда более грозную опасность.

Купцы хранили товары в защищенных от огня складах. Складские помещения богатых семей и местной знати занимали участки, окруженные сетью каналов, защищавших и от огня, и от грабителей. Владельцы арендовали их на несколько месяцев. Цена аренды была высока, но в нее входила плата за охрану. Несмотря на такие предосторожности, горожане жили в вечном страхе перед внезапным пожаром, и малейшая искра, слух или самый негромкий звук, напоминающий сигнал со сторожевой башни, вызывали панику. Если пожар все-таки вспыхивал, дополнительную опасность представляли мародеры. Если таких «идуших по следам огня» ловили, их ждала быстрая и неизбежная кара по закону военного времени.

Разумеется, все эти меры предпринимались Хубилайханом для защиты такого особо ценного трофея, как Кинсай. Город был так богат ресурсами и давал такую прибыль, что, по выражению Марко, «на него не жалеют великих и усердных забот». Ревностные монгольские стражи задерживали всякого вышедшего на улицу поздней ночью. Бедных и увечных препровождали в общественные приюты, но если задержанный оказывался здоров и крепок, его принуждали «исполнить какую-либо работу».

Монголы начали внедрение в Кинсай, как и в другие завоеванные города, замечая китайские купюры своими бумажными деньгами. Марко наблюдал за чеканкой монгольской валюты. «Берут внутреннюю кору шелковичного дерева и складывают так же, как делают у нас, изготавливая листы бумаги, — сообщает он. — Листы разрывают на куски размером с грош, на которых отгискивают печать и знак великого хана. Эти деньги принимают за все, что продается и покупается».

Далее монголы проложили в центре города дороги по своей системе. «Поскольку гонцы великого хана не могли быстро скакать на лошадях по мостовой, — поясняет Марко, — одну сторону улицы не мостят». Курьеры смешивались с обычным городским движением, каковое составляли «длинные повозки, закрытые и снабженные занавесками и шелковыми подушками, на которых могут поместиться шесть человек».

Даже при оккупации жизнь в Кинсае шла своим чередом. Военное искусство и технологии значили здесь меньше, чем торговля, литература, драма, поэзия, живопись, ремесла и благотворительность. Здесь монголы, с их откровенной страстью к завоеваниям ради завоеваний, столкнулись с высшей цивилизацией, и реакция их оказалась парадоксальной, хотя и предсказуемой: они подражали тем, кого завоевали, в надежде подняться до уровня своих подданных. Результатом стала самая цивилизованная военная зона.

Марко отметил, какой соблазн представляли многочисленные «лодки и баржи», скользящие по глади Западного озера «ради наслаждений и удовольствий; в них могут находиться десять, пятнадцать, двадцать и более лиц, потому что они имеют от пятнадцати до двадцати саженей в длину, с широким и плоским дном, так что плывут, не раскачиваясь с боку на бок».

Облагороженный район Западного озера был создан столетиями заботливого ухода. Озеро, девяти миль в окружности и всего девяти футов глубиной, было главной деталью типично китайского пейзажа и источником вдохновения многочисленных творцов. Оно символизировало дух Китая и охранялось как национальное достояние. Военные патрули, не замеченные Марко, но упомянутые в других источниках, обеспечивали постоянный надзор, следя за тем, чтобы озеро не загрязняли пищевыми и другими отбросами. Строго запрещалось сбрасывать в озеро помои и даже культивировать распространенные растения, такие как лотос или водяной орех.

Когда Марко вместе с прочими отдыхающими выплывал на простор Западного озера, шумный город отступал, окрестные горы громоздились еще выше, а изумительная пагода, возведенная на Громовом холме за триста лет до Марко, постоянно притягивала взор. Эта парящая восьмиугольная башня 170 футов высотой, казалось, соединяла небо с землей.

Столь идиллическая обстановка служила превосходным обрамлением для женщин Кинсая. «Всякий, кто желает хорошо провести время с женщинами или со своими товарищами, берет лодку», — отмечает Марко. Лодки же «всегда с красивыми сидениями, и столами, и всякой мебелью, необходимой для пира». В его описании они напоминают изящные гондолы, скользящие по каналам Венеции, — только больше и роскошнее. «Они крытые и плоские, на них стоят люди с шестами, которыми отталкиваются от дна (потому что глубина озера не более двух саженей) и направляют лодку, куда им приказано. Крыша разукрашена разными

ми цветами и узорами, как и вся баржа; и по ней есть круглые окна, которые можно открывать и закрывать, так что те, кто в ней сидит, могут смотреть туда и сюда и радовать глаз разнообразием и красотой мест, куда их везут». В результате пассажиров охватывало радостное настроение, «ибо они ни о чем не думают и не заботятся, кроме телесного наслаждения и удовольствий совместной пирушки».

Идея массового отдыха была внове для Марко, как и для его будущих читателей, и он изображает целый город в силках наслаждений. «Подобные баржи видны на озере во всякое время, и в них люди, отправившиеся на праздник; потому что жители этого города, покончив с трудами или торговлей, ни о чем другом не думают, а только об отдыхе со своими дамами или куртизанками».

Марко намекает, что женщины Кинсяя (причем не только куртизанки) смелее и более чувственны, нежели их западные сестры. И в самом деле, по западным меркам культура Кинсяя была экстравагантной, и сексуальное поведение ставило во главу угла удовольствие женщины. Считалось, что при каждом соитии женщина, по возможности, должна испытывать оргазм; между тем как мужчину поощряли достигать оргазма только в особых случаях, чтобы лучше сохранить эссенцию жизни — семя. Кроме того, мужская мастурбация строго ограничивалась, как пустая растрата семени, женская же поощрялась. В Кинсяе распространены были сексуальные игрушки, помогавшие женщине достигнуть оргазма, они широко обсуждались и описывались в популярных руководствах, обычно в форме откровенных диалогов между историческими личностями.

«Биография императора Ву из династии Хань» была написана за тысячу лет до прибытия Марко в Кинсай, но она все еще цитировалась в современных справочниках по искусству секса. Один пассаж из нее касается вечной темы мужской потенции и предлагает весьма благоразумное решение.

Желтый император сказал: «Бывает иногда, что во время соития мой нефритовый стебель не хочет подняться. Когда такое случается, я краснею от стыда, и лоб мой влажнеет от пота. Однако, горя пылким желанием, я встряхиваю свой член рукой, чтобы он мог подняться. Прошу, научи меня, как поступать в подобном случае».

Простая Девушка сказала: «То, о чем спрашивает ваше величество, — обычная досада всех людей. Каждый раз, когда мужчина желает соития, нужно следовать определенному порядку. Прежде всего, мужчина должен привести свой ум в гармонию с умом женщины, и тогда нефритовый стебель поднимется».

Дополнительный абзац посвящен женскому оргазму.

Желтый император спросил: «Как узнать, что женщина близка к оргазму?»

Простая Девушка сказала: «Женщина имеет пять признаков и пять желаний и более десяти способов двигать тело при акте. Пять признаков таковы: первое, она краснеет лицом. Тогда мужчина может постепенно прижаться теснее. Второе: ее соски твердеют, нос становится влажным. Тогда мужчина может медленно ввести пенис. Третье: в горле у нее становится сухо, и она сглатывает слюну. Тогда мужчина может начать медленные толчки. Четвертое: ее вагина становится влажной. Тогда он может погрузить пенис глубже. Пятая: ее вагинальные истечения стекают по ягодицам. Тогда мужчина может двигаться свободно».

Простой Девушке нельзя отказать в прямоте.

По пяти желаниям можно судить об отклике женщины. Первое: если в мыслях она желает соединения, дыхание ее становится неровным. Второе: если вагина ее желает соединения, ее ноздри расширяются и рот при-

открывается. Третье: если ее жизненная эссенция желает возбуждения, ее тело начинает двигаться вверх и вниз. Четвертое: если она хочет исполнить свое желание, жидкость, выступившая из вагины, промочит ее одежды. Пятое: если она готова достичь оргазма, она вытягивается и закрывает глаза.

Простая Девушка предлагает также соблазнительные позиции для сексуального соития: «поворот дракона» (женщина поворачивается на спину), «поступь тигра» (женщина наклоняется вперед на руках и коленях, поднимая ягодицы) и «нападение обезьяны» (мужчина поднимает бедра, касаясь коленями ее груди, а ее ягодицы и нижняя часть спины висят в воздухе) — последняя якобы излечивает и предотвращает сто болезней. И так далее, к другим позициям, в том числе «Лежащей внахлест рыбьей чешуе» и «Вспархивающему фениксу».

Даже в Небесном Городе сексуальная откровенность имела свои границы. Поцелуи, считавшиеся интимной частью сексуального соития, на людях строго запрещались. Мужскую гомосексуальность не одобряли, хотя к женской относились терпимо и даже считали ее естественной. Подоплека этого неравенства скрывалась в китайской концепции Инь и Ян, женской и мужской сути, подчеркивавшей необходимость сохранения важнейшего, но ограниченного Ян. Считалось, что мужчина должен остерегаться излишнего семяизвержения, истощающего его сексуальную силу. При таком взгляде на вещи, мужская гомосексуальность рассматривалась как растрата Ян, дисгармоничная природному порядку.

Стремясь расширить социальный контроль над Кинсаем, монголы пытались ограничить сексуальные свободы населения, в особенности женщин. Летописец династии Юань Тао Цунг-и сурово предостерегает не слишком полагаться на сомнительные рекомендации «Искусства спальни» — старинной, но все еще популярной антологии китай-

ской практики и философии секса. Он называет девять типов женщин-профессионалок, разрушающих домашний очаг: буддийские монахини, даосские монахини, женщины-звездочеты, женщины-разлучницы, колдуньи, воровки, сплетницы и, наконец, повитухи. «Мало домов, которые, приняв их, не пострадали бы от прелюбодеяний и воровства, — предупреждает он. — Мужчины, которые остерегаются таковых, сторонятся их, как змей и скорпионов, сохраняют чистоту своего дома».

Наставления и руководства определяют различные типы предосудительного поведения, разрушающего семейную мораль. Они предостерегают об опасности «насилованного разврата», или изнасилования; «безумного разврата», «предопределенного разврата» (романтической любви), «словесного блуда» (хвастовства) и «греха безделья». Даже эротическая литература, основной элемент интимной жизни, подверглась порицанию. Только проститутки избежали захлестнувшей город волны цензуры: их ремесло, пожалуй, даже процветало на ее фоне.

Если Марко и знал об этой сексуальной политике, в своем отчете он о ней не упоминает. Не упоминает он и другой заметной черты домашней жизни китайцев — пеленания ног. Скептики видят в этом упущении доказательство, что он не был в Китае или, по крайней мере, в Кинсае. Но этому можно найти разумное объяснение. Женщины со спеленатыми ногами не выходили из дому, и Марко мог не знать о них и о существовании этого обычая. Более того, ко времени его пребывания в Китае эта практика могла выйти из моды.

Женщины, которых он имел возможность наблюдать вплотную — куртизанки в общественных банях или на Западном озере, — должны были сохранять свободу движений, чтобы выполнять свои обязанности. Венецианец упомянул многочисленных в Кинсае евнухов, занимавших видные посты в правительственном аппарате, но лишь бегло.

Марко сосредоточил внимание на общественных делах, особенно на систематических усилиях Хубилай-хана овладеть Кинсаем с целью преумножения доходов с подвластных ему земель. «После того как он привел в подчинение всю провинцию Манги (Кинсай), великий хан разделил ее на девять уделов, — замечает Марко, — так что каждый удел стал большим царством. Но все эти государи подвластны великому хану, так что они ежегодно представляют отчет представителям великого хана о доходах и обо всем. В том городе Кинсай живет один из девяти государей, правящий более чем ста сорока городами, большими и богатыми». Однако этот правитель сосуществовал с оккупационными войсками монголов, в которых Марко видел образцовых стражников. Он указывает, что они «из Китая, хорошие воины, потому что татары — всадники и не остаются вблизи городов, которые стоят на болотистых землях, но только в тех, где земля твердая и сухая, и они могут скакать верхом».

Марко, как и монголы, был доброжелательным, умудренным и благонамеренным захватчиком — и все же захватчиком; он не высказывает сожаления о том, что помог монголам пожинать плоды победы, хотя и дивится великолепию китайской культуры. Он оказался в числе других захватчиков, покоренных своими более утонченными и цивилизованными подданными.

Будничная жизнь Кинсая, хоть и перемежающаяся удольствиями, оставляла мало времени для отдыха. Гигантский город пробуждался задолго до рассвета.

В четыре или пять часов утра, — как заметил один наблюдатель, — когда прозвонят колокола в монастырях буддистов и даосов, монахи-отшельники спускаются с холмов и проходят по улицам города, стуча в железные гонги или в деревянные барабаны в форме рыбы, возвещая всем о рассвете. Они объявляют, какова погода: «Облачно», «Дождь», «Небо ясно». В дождь, ветер, снег

или в мороз они поступают так же. Они также объявляют, какие дворцовые приемы должны состояться в этот день, будь то великий, малый или обычный прием. Таким образом чиновники различных правительственных департаментов, вахтенные офицеры и солдаты, назначенные на сторожевую башню, узнают о своих обязанностях и спешат в свои конторы или на пост. Что же до монахов-глашатаев, они обходят город, собирая милостыню в первый и пятнадцатый день каждого месяца, а также в праздничные дни.

Такие сцены, хотя и в меньшем масштабе, были знакомы венецианцу.

Приемы у государя Факфура, пока монголы не вынудили его к изгнанию, начинались в шесть утра или даже раньше. В семь часов день уже был в разгаре, а стук барабанов, отдававшийся по всему городу, отмечал часы. Шум не прекращался: чиновники, открывая свои конторы, звонили в гонг или оглушительно стучали в деревянные погребушки. Всякий служащий, опоздавший или прогулявший службу, наказывался побоями.

Марко лишь мельком упоминает о печатных книгах и прочих письменных материалах, изобиловавших в Кинсае почти за двести лет до изобретения рассыпного набора в Европе. В Кинсае использовали различные виды наборного шрифта: в том числе глиняный, деревянный и жестяной. В широком ходу были деревянные гравировальные доски, существовавшие в Китае уже более трехсот лет: чаще всего их использовали для печати буддийских сутр и других священных текстов. Поскольку каллиграфия была неотъемлемой частью китайского искусства и письма, а письменность Китая к тому времени содержала около семи тысяч иероглифов, наряду с книгами существовали рукописи.

Драма, как и поэзия, процветала и бытовала повсюду, словно вписанная рукой природы. Широко известное стихотворение, которое приписывают Тай Фу-Ку, отображает

горестные размышления автора о монгольской оккупации великолепного города.

С башни на гребне смотрю на бескрайние земли.
Мой дом в облаках над равниною горькой печали.
О, если бы горы закрыли мой взор, обращенный на север,
На наши просторы, где стали враги господами.

Другой поэт, Чжи Ао, оплакивает судьбу родного города в стихотворении «Посещая бывший императорский дворец в Кинсае (после монгольского завоевания)»:

Привратников, стражей лишились упавшие башни.
Подобно древним камням, поросли высокой травой,
Мне залы пустые душу опустошили.
Ласточки в окна забытых дворцов залетают порою,
Но в них тишина, не слышна болтовня попутаев
И крик петушиный.

Изобилие печатных материалов — поэзии, священных текстов, календарей и руководств по сексуальному удовлетворению — ускользнуло от внимательного взгляда Марко. Он дает беглый отчет о китайских диалектах, проводя аналогию с европейскими языками, но в то же время чувствует, что китайский остается для него чужим, несмотря на его высокий официальный пост в Кинсае. «Скажу вам, что жители этого города имеют собственный язык, — пишет он. — Хотя вся провинция Манги (Кинсай) держится одной речи и одной манеры письма, но язык разнится от местности к местности, как у мирян Ломбардии, Провансаля, французов... так что в провинции Манги люди одной местности не поймут выражений соседней».

На рыночных площадях лавочники начинали дневную торговлю, раскладывая товар, чтобы приманить покупателей; базар оживал. Купцы расхваливали свой товар или стояли молча, как часовые на страже. На главной улице, называвшейся Императорской Дорогой, в крошечных хар-

чевнях подавали пряные блюда, такие как обжаренный рубец, душистые кусочки утиного или гусиного мяса и приготовленные на пару в темных тесных кухнях пирожки. Бойни, снабжавшие их мясом, работали с трех часов ночи. Толпа заполняла улицы, прицениваясь к товарам разносчиков, предлагавших горячие полотенца для лица и пилюли, возвращающие молодость.

К вечеру деловая жизнь Кинсая замирала, день близился к концу. Чиновники неспешно расходились по домам. Конец дня и начало вечера отводились чтению, литературным сочинениям (ставшим почти манией в этом рафинированном городе), игре в шахматы, катанию на лодках по Западному озеру и приятному общению с куртизанками и певичками. Увеселительные дома оставались открытыми до барабанов четвертой стражи до двух часов утра. Несколько мелких рынков и харчевен, где подавали лапшу, работали и ночью, когда Кинсай затихал, но продолжал бодрствовать. Ночные сторожа, неусыпно стерегущие город от двух зол, воров и пожаров, обходили улицы, хотя прогульщики среди них были столь обычным явлением, что список отсутствовавших назывался попросту: «Страдающие животом».

Марко не заметил того важного для понимания темпа городской жизни факта, что рабочая «неделя» в Кинсае длилась десять дней, за которым следовал всего один день отдыха. Городские чиновники вправе были провести с семьей один отпуск за три года. Его продолжительность варьировалась от двух недель до лунного месяца.

Единственный просвет в этом лихорадочном рабочем расписании появлялся, когда у чиновника умирали отец или мать. Согласно конфуцианским обычаям, на траур отводились законные три года отпуска, посвящавшиеся исключительно личным увлечениям: каллиграфии, живописи и литературе, которые должны были склонить человека к размышлениям о глубокой перемене в его жизни и подготовить его к новому месту согласно неумолимому закону природы.

Обычные работники не получали и такой передышки: они трудились без отдыха всю жизнь.

Праздники давали передышку от напряженного труда и семейных обязанностей. Самым крупным из них был Новый Год. По лунному календарю он приходился на период от 15 января до 15 февраля, и празднование занимало добрый месяц. Снегопад в преддверии Нового Года считался доброй приметой: те немногочисленные горожане, у которых находилось свободное время, лепили снежных львов на радость всем и верхом объезжали Западное озеро, любуясь живописными видами снега и льда. По всему городу готовили особые блюда из риса для угощения домашних божеств: праздничное пиршество завершали вареными красными бобами, которые давали даже домашним собакам и кошкам.

В торговой атмосфере Кинся лавочки, особенно аптекари, старались и праздник обратить в прибыль. Они украшали лавки цветными флажками, изображениями героев китайского фольклора и истории и бумажными конями. Ради привлечения клиентов они раздавали маленькие талисманы-обереги, а между тем вездесущие разносчики сновали в толпе, торгуя маленькими декоративными шариками и хлопушками из обрезков бамбука, наполненных порохом (еще одно технологическое достижение, незнакомое европейцам). Даже нищие участвовали в представлении, наряжаясь божествами и колотя в гонги.

Праздник близился к кульминации в канун Нового Года, когда хозяева подметали и мыли крыльцо своего дома, снимали прошлогодние изображения богов, прикрепляли к дверям новые амулеты и развешивали над притолокой красные флажки. Ночью горожане расходились по домам, чтобы принести в жертву богам цветы, благовония и пищу, в надежде на удачу в новом году. Возможно, эти домашние празднества остались недоступными взгляду Марко, зато каждый в Кинсае мог видеть великое новогоднее шествие, начинавшееся от императорского дворца. Солдаты в мас-

ках несли деревянные мечи, а над ними хлопали на сыром зимнем ветру желтые, красные, черные, белые и зеленые флаги. Процессия тянулась по самым широким городским улицам, отгоняя злые веяния уходящего года добродетелями и надеждами наступающего.

В первый день нового года государь Факфур воскурял благовония и возносил жаркие мольбы о хорошем урожае, мире и процветании: посланники со всех концов его царства являлись почтить его и принести дары.

Обряды занимали еще целых две недели, до начала Праздника Фонарей, обозначавшего истинное наступление Нового Года. Три дня и три ночи повсюду царило обжорство и пьянство, а те горожане, которые еще были на это способны, состязались в умении смастерить или купить самые красивые фонарики. Выше всего ценились фонари, сделанные в Сучжоу: они были разноцветные, круглые, с картинами животных, цветов, людей и пейзажей, и достигали четырех футов в диаметре. Фонари делали из бусин и перьев, золота и серебра, жемчуга и нефрита. Некоторые из них медленно вращались, приводимые в действие струйкой воды, другие напоминали лодки, скользящие по Западному озеру.

В продолжение праздника пили все больше вина, а под конец пирующие надевали белые одежды для ночных прогулок в честь Новой Луны. После празднества несколько мусорщиков с обычными фонарями в руках прочесывали площади и улицы в поисках потерянных булавок, ювелирных украшений и прочих ценностей.

Еще дольше праздновали Новый Год в императорском дворце. Рабочие возводили ярко раскрашенный помост 150 футов в высоту. На одной его площадке размещались музыканты, на другой, пониже, атлеты и гимнасты. Придворные дамы танцевали с молодыми евнухами в тюрбанах. После выступления женщины, то есть куртизанки и служанки, бросались к разносчикам, которые рады были продать им свой товар с изрядной скидкой.

Небесным Городом правила астрология, и строгие китайские чиновники постоянно и систематически обращались к звездочетам. «Едва в этой провинции родится ребенок, отец или мать записывают день, час и минуту рождения, и под каким знаком и планетой он родился, так что каждый знает свое рождение», — повествует Марко. Располагая этими сведениями, каждый горожанин, прежде чем отправиться в дальнюю поездку или заключить помолвку, совещался со звездочетами. Как ни странно, скептик Марко проникся почтением к их успехам, признав их «умудренными в своем искусстве и бесовском колдовстве, так что они в самом деле предсказывают людям многое, чему те вполне верят».

Эти факты позволили Марко лучше понять духовный мир обитателей Кинсяя. Он заключает, что «люди провинции Манги более страстны, чем в других местах, и от гнева или печали многие убивают себя. Случается, что кто-то из них нанесет другому удар, или выдерет за волосы, или причинит иной ущерб или обиду, и обидчик настолько могуществен, что пострадавший не в силах отомстить; тогда он в избытке печали вешается ночью на дверях обидчика и умирает, тем навлекая на него великую вину и позор... и есть более веская причина, по какой он вешается, а именно: тот богатый и властный человек должен почитать его смерть, чтобы и его так же почтили в ином мире».

Дворец Факфура, как ничто иное, отражал величие и утонченность Кинсяя, однако к тому времени он пришел в упадок, как узнал Марко, сведя знакомство с «очень богатым кинсайским купцом... который был очень стар и был близким другом государя Факфура, и знал его всю жизнь, и видел дворец». Купец взбудоражил воображение Марко рассказами о великолепном дворце. Однако, побывав в нем, Марко отметил, что «немногие павильоны сохранились, как прежде, а комнаты девушек все разрушены, и повсюду остались только их следы. Также и стены, окружавшие леса и сады, рухнули, и там нет больше ни животных, ни деревьев».

При помощи старого купца Марко воскрешает для читателя «прекрасный дворец, где жил государь Факфур, чьи предки оградили участок земли, так что высокая стена окружала десять миль земли, разделенные на три части». В замке, укрытом от чужих глаз, располагался гарем государя: «тысячи девушек, которых государь содержал для услуг», — мирно сосуществовавший с государыней царства.

Девушки из гарема, по словам Марко, развлекали и государя, и государыню сложными эротическими играми, в которых участвовали животные и парковые озера. «Иногда он (государь) шел с государыней и несколькими девушками отдохнуть на озере, на барже, устеленной шелками, и посетить храм идолов».

Затем начинались легкомысленные забавы. «Другие две части были покрыты лесом, озерами и прекраснейшими садами с плодовыми деревьями, в которых бродили разные звери: олени, лани, антилопы, зайцы, кролики, — и здесь государь забавлялся со своими женщинами, когда в повозке, когда верхом, и ни один мужчина туда не входил. И он приказывал женщинам бегать с собаками и гонять тех зверей, когда же они уставали, то шли в леса вокруг озера, и, оставив одежды, выходили из них нагими, и плавали одни у одного берега, другие у другого, и государь любовался ими с величайшим удовольствием».

В это повествование о чувственных наслаждениях Марко вставляет суровое предупреждение: «Иногда ему (государю) приносили еду в эти густые высокие леса, и женщины прислуживали ему. И так, постоянно забавляясь с женщинами, он вырос, не зная оружия, отчего в конце концов произошли его трусость и неумение, и великий хан отнял у него царство к великому позору и бесчестью».

Моральный урок для Марко не пропал даром: он понял его как предостережение для жителей Кинсяя, которых считал излишне приверженными удовольствиям. Однажды, рассказывает он, «нашли рыбу, лежащую на сухой земле поперек русла реки, и дивно было видеть ее, потому что в ней было сто саженой длины, тело же никак не соответ-

ствовало длине. Она была вся волосатая, и многие ели ее, и многие от того умерли». Марко уверяет, что видел выставленную напоказ голову этой гигантской ядовитой рыбы «в одном храме идолов» — то есть в буддийском храме. И хроники подтверждают это событие, рассказывая, что стофутовый кит в самом деле застрял на отмели реки Фу-чжун у Кинся в 1282 году, а вскоре после того — еще одно китобразное. Хроники показывают также, что фуражиры приставили лестницы к бокам одного из китов, взобрались ему на спину и разрубили на мясо — рискованный поступок, как сообщил Марко своим слушателям, оказался губительной ошибкой, потому что все, кто ел его мясо, умерли.

Наконец Марко переходит к делу: к прибыльной соляной монополии города. Он подсчитывает «доход с соли» и переходит к сахару, утверждая, будто стоимость производимого в провинции сахара «более чем вдвое превосходит стоимость его в остальном мире». Это еще не все: «пряностей там... без числа». И за все платили пошлину хану. «Все торговцы пряностями платят три с третью процента, и от всего добра также платят три с третью процента. И от вина, которое делается из риса с пряностями, также великая прибыль, и от угля. И от всех двенадцати ремесел, о которых говорил я прежде, большой доход, потому что за все платят пошлину».

Он рассказывает, как ведется в Кинсае торговля: «Все купцы, которые ввозят товар в город по суше и вывозят из него в иные места, и те, кто увозят их к морю, платят одинаково — тридцатую часть товара... то есть три с третью процента; но те, кто ввозят товары с моря и из дальних стран и земель, таких как Индия, отдают десять процентов. Более того, от всего, что произрастает в этой стране, от животных, и плодов земли, и шелка, десятая часть полагается правительству владыки». Неудивительно, что «эта прибыль исчисляется в несказанных деньгах».

Макро уверяет читателей, будто хан собирает столь огромные налоги с единственной целью: благосостояние и

безопасность народов своей империи: «За великую прибыль, которую владыка имеет от этой страны, он сильно любит ее и много делает, чтобы заботливо ее хранить и содержать живущих в ней в великом мире». На практике это означало, что он использовал налоги на оплату наемников, оккупировавших города и селения провинции, в особенности Кинсай. Марко выражает это в самых похвальных словах: «Великий хан тратит всю эту прибыль на оружие, которое охраняет города и земли, и для облегчения бедности городов».

Пребывание Марко в Небесном Городе окончилось внезапно и необъяснимо. Он не приводит ни причин своего отъезда, ни даже даты этого переломного события. Возможно, его полномочия чиновника монгольского правительства прекратились по неловким для пересказа причинам: обвинением в коррупции или возвышением соперника. Так или иначе, он оказался изгнанным из Кинсая с его бесконечными удовольствиями и из сборщика налогов вновь превратился в странника.

Он утешился воссоединением с отцом и дядей и возвращением к положению вольного купца. Вместе с родственниками он пересек «горы и долины» и оказался в южном Китае, жители которого, хотя и идолопоклонники — то есть буддисты, — были «покорны власти великого хана» и потому не представляли явной угрозы для путешественника. Однако Марко с отвращением выяснил, что «они едят всякую грубую пищу, и очень охотно едят человеческое мясо, если только он (покойный) не умер естественной смертью». Они предпочитали мясо погибших от меча, а не от болезни, и, по словам Марко, считали его «доброй и вкусной пищей».

Боевые наряды воинов были столь же устрашающими, как и их стол. «Они обрезают себе волосы до ушей, а лицо красят лазурью в цвет клинка меча». Оправдывая свою воинственную наружность, они были «самыми жестокими людьми на свете», потому что, как отмечает Марко, «они

каждый день убивают людей и пьют кровь, а потом поедают их». Хуже того, «они всегда к тому готовы». Такое население с успехом отвлекло Марко от мыслей о львах и прочих рыскавших по горам зверях. Временами звери набрасывались на путников, подобных Марко, и пожирали их. Некоторую защиту от этой угрозы он обрел, присоединившись к каравану купцов, в основном буддистов и торговцев шелком. Каковы бы ни были их религиозные убеждения, они благополучно, хотя и не без опасений, провели Марко через эти земли.

В этой местности были распространены ловушки для львов, и Марко интересуется технологией, необходимой для выживания. Устройство ловушки было достаточно простым: параллельные рвы и несчастная собака в качестве наживки. При умелом применении она давала поразительный результат.

«Две глубокие ямы выкапывают одну подле другой, — пишет он. — Верно, что между ними остается земли, может быть, на локоть шириной, и на другой стороне ям делается высокая изгородь, но с концов ничего. Ночью хозяин ям привязывает между ними собачонку и оставляет, а сам уходит. Привязанная собака, покинутая хозяином, непрестанно лает; собака должна быть белой. Лев, заслышав издали голос собаки, бежит к ней с большой яростью и, когда видит блеск ее белой шерсти, поспешно прыгает на нее и падает в яму. Утром хозяин приходит и убивает льва в яме. Потом его мясо съедают, потому что оно хорошо, а шкуру продают, потому что она очень ценная».

Описывает Марко и способ изловить «папионе», лисицу, обгладывавшую сахарный тростник. Вот какой метод он рекомендует для поимки четвероногих лакомок: «У них есть огромные тыквы с шишкой на конце, и, надрезая эту шишку, они делают устье для входа, рассчитывая ширину так, чтобы папионе могла протиснуть в него голову». Чтобы папионе не сломала горлышко тыквы, охотники проворачивали в ней отверстие и укрепляли, пропустив в них

веревки. Для приманки на дно тыквы клали кусок вкусно-го сала и расставляли ловушки по периметру каравана. «Когда папионе подходят к каравану, чтобы украсть что-нибудь, они чуют запах сала и идут к тыквам и, стараясь просунуть голову, не могут. Но, втискиваясь с силой, они просовывают голову внутрь. Тогда, не в силах вытащить ее наружу, они поднимают и уносят с собой тыквы, потому что те легки; и не видят, куда идут».

Бедняги блуждали вслепую, пока их не ловили купцы.

В городе, который Марко называет Фути (ныне Фучжоу), Маттео завел дружбу с «очень мудрым сарацином» — то есть мусульманином — и заговорил с ним о «людях, веры которых никто не понимает». Это, судя по всему, не были буддисты, поскольку не упоминаются ни Будда, ни идолы. Не были это и зороастрийцы, поскольку не поклонялись огню. Мы видим, как Маттео просит мудрого сарацина: «Не согласишься ли ты, чтобы мы пошли к ним и поговорили с ними; может быть, мы узнаем что-либо об их жизни». И они отправились, из чистого любопытства, однако их расспросы обеспокоили заинтересовавших их лиц. Те заподозрили, что троица любопытных купцов замыслила «лишить их веры».

«Не бойтесь, — уговаривали Маттео и Марко, — потому что мы не желаем вам вреда, но только блага и улучшения вашего состояния».

Они вернулись и на следующий день, понемногу втираясь в доверие к местным жителям, «расспрашивая об их делах», пока не разгадали загадку. Эти таинственные и скрытные люди оказались христианами, «потому что они имеют книги, и мастер Маттео и мастер Марко, читая их, начали понимать написанное и переводить от слова к слову и с языка на язык, и так нашли, что это слова псалтыря — Книги Псалмов».

Пораженные отысканием затерянных в Китае христиан, они спросили, как те пришли к этой вере. «Мы получили ее от наших предков», — отвечали местные жители.

«Осматривая один из их храмов, купцы увидели изображения трех из семидесяти апостолов, отправившихся проповедовать по всему свету; и местные сказали, что это те, кто давным-давно научил их предков вере, и что они хранят эту веру уже семьсот лет» — то есть с VI века — «но давно уже не слышали проповеди, и потому невежественны в главных вопросах». Эта любопытная ссылка на трех апостолов относится, возможно, к Петру, Иакову и Иоанну, сопровождавшим Иисуса в особенно возвышенные и тревожные моменты, например в Гефсиманском саду. Происхождение этой изолированной секты терялось в глубинах времен, однако Марко признал их своими.

«Вы христиане и подобны христианам, — объявили Маттео и Марко. — Мы советуем вам послать к великому хану и объяснить ему свое положение, чтобы он знал о вас и чтобы вы свободно были хранить свою веру и закон». Таинственные христиане, хоть и привыкшие жить среди враждебных «идолопоклонников», последовали этому смелому совету и отправили двоих посланцев к Хубилай-хану.

Маттео и Марко посоветовали им представиться «некому человеку, который был главой христиан при дворе великого хана». Но этот поступок, вместо того чтобы облегчить просителям дорогу к признанию их христианами, подстегнул множество буддистов признать их своими последователями. Состоялся «большой диспут в присутствии владыки. Наконец владыка рассердился, прогнал всех, призвал к себе посланцев, спросив их, желают ли они быть христианами или идолопоклонниками». Просители смиренно ответили, что, если великий хан не против, они желают считаться христианами, как их предки. Великий хан согласился, приказав «называть их всех христианами».

При поддержке хана они добились общего признания. Секта была не маленькой компанией религиозных нонконформистов. Она включала «более семисот тысяч семей», по словам Марко, и все они теперь благополучно приняты были в лагерь христиан, их положение официально за-

креплено и право на обряды гарантировано великим ханом и всей мощью монгольской империи.

Марко же, способствовавший принятию затерянных христиан в лоно монгольской державы, сам мог полагаться лишь на себя и, казалось, был обречен до конца своих дней странствовать по Шелковому пути, исполняя волю Хубилай-хана. Он и вообразить не мог, что готовит для него судьба, а между тем происходившие за тысячи миль события уже начали определять его будущее.

Глава 12

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР

И из пещер, где человек не мерил
Ни призрачный объем, ни глубину,
Рождались крики, вняв им, Кубла верил,
Что предвещают праотцы войну.

Из всех описаний, включенных Марко Поло в свои «Путешествия», ни одно не было принято европейцами с таким недоверием, как фантастическое повествование об «острове, называемом Чипингу».

Его изображение этой далекой державы, отдававшееся эхом небывалых сражений, бурь и внезапных поворотов судьбы, казалось полетом вольной фантазии. Какими бы невероятными ни были его рассказы о Китае, эта страна, по крайней мере, существовала в сознании европейцев, хотя и представлялась практически белым пятном. А вот Чипингу, разумеется, совершенная выдумка: ее не было даже на западных картах. В Европе скорее поверили бы в библейские страны Гог и Магог, чем в странный остров Чипингу — позже ставший известным как Япония.

Скептики были не так уж виноваты. Хотя Марко и стал первым, познакомившим недоверчивого читателя с населением этого острова, его отчет полон неточностей, потому что сам он никогда там не бывал. Он описывает мир Японии так живо и уверенно, что, казалось, передает соб-

ственные впечатления, однако ни разу в повествовании о Японии не утверждает: «Я, Марко, видел это», — как провозглашал обычно в описаниях Китая и Монголии. Вместо этого он приводит разведывательные данные и информацию из заслуживающего доверия источника: устоявшихся представлений монголов о загадочной, дразнящей и пугающей сопернице на востоке.

Япония пленила воображение Марко потому, что Хубилай-хан, стремившийся к захвату новых земель, намеревался завоевать эту заморскую страну. Цель казалась в высшей степени недоступной. Монголы, при всех их доблестях, не были моряками: они были воинами-всадниками, и притом в первую очередь — воинами, так что с трудом управляли своей сухопутной империей. Даже Хубилай-хану не под силу было править целым миром, однако он поставил себе именно такую цель: стать «повелителем Вселенной», посредником между Небом и народами Земли. За годы, проведенные Марко в Кинсае, Хубилай-хан все больше увлекался идеей завоевания Японии. Однако этот амбициозный замысел оказался гибельной ошибкой монгольского вождя.

Падение совершилось быстро. В 1279 году, когда Марко находился в Кинсае, Хубилай-хан пребывал в зените власти. Последним крупным военным успехом стало покорение державы династии Сун, прежней твердыни Китая. Всего два года спустя вершина его царствования осталась далеко позади. Умерла любимая жена Чаби. Наряду с матерью Хубилая, она была направляющей силой его деяний, особенно в первые годы, пока он боролся за власть. Оставшись без нее, без ее пронизательных суждений, Хубилай пустился в гибельные предприятия, словно задавшись целью разрушить свою империю. Судьба нанесла ему сокрушительный удар: четыре года спустя умер его сын и признанный наследник Чен-чин.

От горя Хубилай-хан стал алкоголиком (пристрастие, довольно распространенное среди монголов), болезненно

растолстел, страдал подагрой и другими недугами. Впадая в старческое слабоумие, он понемногу выпускал из рук империю, которую собирал и укреплял во все годы зрелости. В стремлении доказать, что остается еще великим ханом, он решился осуществить совершенно безрассудный замысел: завоевать Японию. Он посвятил жизнь строительству империи и верил: если монгольская держава перестанет расти, она погибнет. Марко оказался свидетелем и, на несколько столетий вперед, единственным источником информации об этом таинственном конфликте с малоизвестной, но могущественной островной нацией.

Хубилай не принял во внимание бесчисленных трудностей на пути к завоеванию далекой страны, так непохожей на мирные и часто разрозненные племена, которые запугивали и покоряли монголы. Марко признает, что японцы были не менее свирепы и жестоки, чем монголы, но при этом составляли более сложное общество. А главное, их защищало море, которого монголы почти не знали, которое не сулило им удачи и не внушало уверенности. Хубилайхану предстояло медленно и мучительно убеждаться, что монголы, владыки степи, на воде уязвимы, как самая беззащитная из их жертв.

«Чипингу — это остров на востоке, в открытом море, — начинает Марко. — Остров этот чрезвычайно велик. Люди его хорошего сложения, красивы и благовоспитанны. Они идолопоклонники (то есть буддисты), ими правит собственный государь, и они никому другому не платят дани и не признают господства других людей. Скажу вам, что золото у них в великом изобилии, потому что золото там находят без меры». Если верить Марко, золота так много, что «они не знают, что с ним делать». Более того, «корабли из других земель редко заходят туда, потому что там всего хватает».

Марко говорит о японцах, народе никогда не виданного им острова, в уважительном тоне. «Согласно тому, что говорят люди, знающие страну, — объясняет он, — правитель острова имеет огромный дворец с крышей из листов

чистого золота», такой цены, «что никто на свете... не мог бы его купить». Он сообщает, что во дворце много комнат, выложенных плитками «в два пальца» толщиной, из чистого золота. «Большие белые жемчужины», по слухам, находят в Чипингу в изобилии, и встречаются даже красные, великой цены и красоты. Их якобы так много, что «в рот каждого умершего при похоронах» вкладывают большую сверкающую жемчужину. Неудивительно, что Марко трудно было убедить читателей в своей правдивости.

А ведь он был не так уж далек от истины. Япония в самом деле была чрезвычайно богата, изобиловала жемчугом и серебром (но не золотом). Неверное в буквальном смысле, убеждение Марко, будто в Японии золота больше, чем в иных местах, можно понимать как аллегория культурного, интеллектуального и духовного богатства — богатства высокоразвитой цивилизации. Марко создает впечатление, что в далекой Чипингу даже небеса покорны воле императора.

Мечтая о сокровищах Чипингу, Хубилай-хан «желал захватить ее и подчинить своей власти», невзирая ни на какие трудности. Начал он с того, что испытал решимость японцев, отправив послов к регенту сегуна, Ходзё Токимунэ, с требованием, чтобы Япония платила дань Хубилай-хану. Неудивительно, что недоверчивое японское правительство отправило их обратно ни с чем. Хубилай, удвоив усилия, предпринял вторжение — в 1274 году, — однако монголы оказались не подготовленными к борьбе с опасностями моря. Флот причалил к острову Кюсю: воины высадились на сушу и принялись разрушать селения и святилища. После того как монголы вернулись на суда, сокрушительный шторм разметал флот и унес тринадцать тысяч жизней.

Хубилай-хан ответил на это поражение, упрямо послав новую делегацию с требованием сдаться без боя. На сей раз японцы казнили всех послов. Затем, приготовившись к худшему, они отправили на Кюсю самурайское войско. Самураи пять лет возводили каменные стены на случай вторжения монголов.

Вопреки всем неудачам, Хубилай-хан по-прежнему был полон решимости завоевать Чипингу. Следуя практике разделения власти между различными этническими группами своей империи, он возлагал надежды на трех военачальников: монгола Ксин-ту, китайца Фань Вэнь-ху и корейца Хонг Тагу, который был главнокомандующим. Сотысячное войско представляло собой коалицию монгольских, китайских и корейских сил — а также бумажных денег и вооружения. Эти силы он подкрепил оружием и кораблями в таких количествах, что поставщики не в силах были выполнить его заказ на вооружение.

Триумвират военачальников разработал сложную стратегию, разделив войско на две части, которые должны были позднее слиться в единую армию. Между тем китайцев тревожили предвестья, что экспедиция негодна небу. Дурные знамения сыпались одно за другим: ходили слухи о появлении морских змеев, о том, что морская вода пахнет серой. Кроме того, начальники не смогли согласовать свои действия, и китайский флот опоздал к месту встречи. Дольше ждать было нельзя, и монгольские силы вторжения начали атаку 10 июня 1281 года.

Через две недели флот подошел к Кюсю и причалил недалеко от стены, возведенной японцами против захватчиков. Запоздавшие китайцы намеревались соединиться с монголами и корейцами. В последующие недели японцы уверенно отбивали атаки, не пуская врага в глубь страны. Стена, как и предполагалось, озадачила монгольских воинов, а японские войска успели нанести солидный ущерб дезорганизованному войску захватчиков, прежде чем отступить под ее защиту. Монголы и китайцы запутались в военных советах; согласно некоторым сообщениям, китайцы, не слишком сочувствовавшие монгольскому вторжению в Японию, не так уж рвались в бой.

Все это, хотя бы в общих чертах, было известно Марко, который описывает события в самом возвышенном тоне.

Хубилай-хан послал «двух своих самых знаменитых баронов с весьма великим числом кораблей и людей конных

и пеших» в морскую экспедицию, которая быстро обернулась бедой, как объясняет Марко. Бароны отплыли из Ханчжоу, и «после многих дней» в море флот достиг острова. Высадившись на берег, бароны и их люди исследовали протянувшуюся перед ними равнину и во имя Хубилай-хана разграбили беззащитные деревушки. «Они захватили много народу в замке, который взяли штурмом на том острове, а поскольку они (японские войска) не желали сдаться, бароны приказали убить их всех и отрубить им головы... кроме тех восьми человек... кого, много раз ударив мечом, никак не могли убить».

Монголов поразила невероятная живучесть пленников. Только после тщательного обыска монголы поняли, какое защитное средство помогает японцам остаться в живых после множества ударов мечом в шею и по конечностям. «Так случалось добродетелью драгоценных камней, которые были при них. Потому что эти пленники, казавшиеся чудом всему татарскому войску, были раздеты донага и обысканы, и на каждом нашли камень, зашитый в правую руку, между мясом и кожей, так что не виден он был снаружи. И в этом камне были такие чары и такая добродетель, что, пока камни оставались при них, их нельзя было убить железом». Едва бароны обнаружили это препятствие, пленников казнили иным способом. «Их убили палицами, и они сразу умерли. По смерти их камни достали у них из рук, как я вам говорил, и ценили очень дорого». Обычай зашивать под кожу камни, а то и драгоценные металлы, подобные золоту, для защиты в сражении, хотя и неизвестный монгольским баронам, был широко распространен в Азии.

Легкость победы монголов оказалась обманчивой. Бароны Хубилай-хана, вопреки своей высокой репутации, пали жертвой мелких раздоров и ревности, «и один ничего не делал для другого». После двух месяцев жестоких споров вторжение, от которого Хубилай-хан ожидал прославившей монголов эффективности, зашло в тупик.

В середине августа в противостояние вмешались стихии, притом таким образом, что японцы вполне могли счесть это божественным вмешательством. Пока монгольские военачальники спорили между собой, в океане собирался тайфун. Марко отмечает, что подобные бури могли причинить «большой вред тому острову». На сей раз он ничуть не преувеличивал: тот шторм изменил ход истории Азии. Японцы дали ему имя «камикадзе» — божественный ветер.

Тайфуны, или тропические циклоны — это сильные бури в области низкого давления, захватывающие в конце лета и в начале осени западные части Тихого океана. Шторм собирается, когда верхние слои воды нагреваются выше 80 градусов по Фаренгейту. При такой температуре морская вода испаряется и поглощается атмосферой. Когда теплый влажный воздух образует гигантский столб, давление под ним падает, создавая нисходящие воздушные потоки, которые и вызывают шторм.

В разных частях земного шара ураганы движутся по-разному. В северном полушарии вращение Земли закручивает их против часовой стрелки. В южном полушарии они движутся по часовой стрелке. Влияние Земли на вращение ветров известно как «Сила Кориолиса», и именно она погубила гордый флот Хубилай-хана. Сила Кориолиса медленно возрастает с удалением от экватора. Чтобы вызвать хотя бы небольшой циклон или ураган, область низкого давления должна отстоять более чем на 5 градусов широты на север или на юг от экватора. Поэтому в экваториальных областях циклоны образуются редко.

Формирующийся циклон может оказаться и слабым, и мощным — разница в скорости и направлении ветров в верхних и нижних слоях атмосферы создает или разрушает его. При одинаковой скорости ветров теплое внутреннее ядро зарождающегося шторма остается неподвижным, но ветровой сдвиг может опрокинуть воздушный столб или сорвать его вершину в одном направлении, а нижнюю часть — в другом. При определенных условиях циклон обретает ревущую, вздымающую волны, чудовищную жизнь.

В окружающих Японию водах подобные бури не редкость: в сущности, тайфуны — одно из самых частых стихийных бедствий, поражающих Японию.

В середине августа внезапно нагрянул тайфун. Моряки с кораблей Хубилай-хана заметили явный, примерно на три фута, подъем уровня воды, происходящий регулярно каждые десять секунд. Однако признаков шторма не было, небо оставалось чистым, ветер слабым, и только волны, все более высокие и частые, предвещали беду.

На следующий день колебания воды достигли девяти футов. Через три дня после появления зловещей зыби можно было заметить первые явные признаки шторма. Волны становились все выше и чаще, а небо понемногу заполняли перистые облака. Опытный моряк понял бы, что надвигается циклон, и принял меры предосторожности, но монголы не знали, что делать в подобных случаях, хотя заметили грозные признаки. За несколько часов ветер еще сильнее поднял волны, небо заметно потемнело. На море появились барашки, по поверхности воды протянулись полосы пены. Ветер достигал уже тридцати или сорока узлов, трудно было даже просто стоять на открытом месте. Тучи спустились ниже, потемнели, ветер усилился до шестидесяти узлов, ломая ветки и унося незакрепленные предметы, предвещая приближение мощного тайфуна. Волны разбивались о берег с необычайной силой, уничтожая все преграды на своем пути. Море начало затоплять низкие берега. Но шторм еще не развернулся в полную мощь.

Почти через четыре дня после появления зыби скорость ветра приблизилась к ста милям в час — более восьмидесяти узлов, — а непрерывный дождь слился в сплошные колючие нити. Вздывившееся море достигло высшей полосы прилива. Никто не мог бы выстоять на берегу без опоры — даже если бы решился на такое. Ветер с корнем выворачивал деревья и нес их по воздуху. На море он срывал гребни волн, и белые брызги затянули кипящую поверхность воды. По мере приближения «глаза урагана» горизонт

тальные струи дождя становились все гуще. Вода поднималась, скорость ветра превысила девяносто узлов. О береговые скалы грохотали пятнадцатифутовые валы. Когда надвинулся «глаз», ветер стал ослабевать, поначалу незначительно, но затем и вовсе стих. Небо прояснилось, и казалось, что еще минуту назад бушевавший шторм выдохся. Воздух стал теплым и влажным, противоестественно спокойным. Показалось солнце, блеснуло в белых облаках, стеной окруживших «глаз урагана». Но это было обманное спокойствие. А потом, так же незаметно, ветер усилился, стены облаков стали смыкаться, знаменуя возвращение ужасного шторма.

Те, кого застиг тайфун, вряд ли заметили, когда он стал понемногу ослабевать. Через полдня после прохождения «глаза урагана» ветер, все еще превышающий сорок узлов, понемногу ослабел, а океан, недавно грозивший целиком захлестнуть землю, вернулся в свои пределы.

Через день после прохождения «глаза» в облаках появились разрывы, а вода отступила от суши, обнажая причиненные опустошения. Маленькие барашки и тяжелые волны все еще играли на улегшейся глади воды. Еще несколько часов — и перистые облака рассеялись, солнце заблестало ярче прежнего. Но ветер нес запахи гниющих водорослей, вырванных с морского дна, и раздувшихся плавающих тел.

Цикл тайфуна закончился, а где-то в западной части Тихого океана назревал новый тайфун.

Ветер дул так долго и сильно, говорит Марко, что «большая часть войска великого хана не смогла его вынести и... ушла». И другие монголы скоро решили, что надо спасаться от тайфуна. «Если бы они не ушли, — объясняет Марко, — все корабли были бы разбиты». Они и думать забыли о завоевании. «Все они взошли на свои корабли, и покинули остров, и вышли в море, так что никто из них не остался на земле». Они были в четырех милях от Чипингу, когда «ветер стал усиливаться, а число кораблей было так велико, что много их разбило друг о друга; но корабли,

которые не разбились о другие, рассеялись по морю, спасаясь от крушения».

Некоторые искали спасения «на других островах, не столь больших и необитаемых», но «ветер погнал их туда и разбил о те острова, до которых многие из потерпевших крушение добрались вплавь и на кусках досок». А вот «другие, кто не смог добраться до острова, погибли».

«Камикадзе» сделал свое дело, уничтожив монгольский флот и покончив с дерзкими замыслами Хубилай-хана.

Через несколько дней, «когда ярость ветра и штормового моря улеглась», монгольские военачальники предприняли широкомасштабную операцию по спасению «всех людей с положением, а именно начальников сотен, тысяч и десятков тысяч». Не всех удалось спасти, «так много их было», и «после этого они отплыли и направились к дому».

Те из выживших, кто нашел спасение на островах (Марко утверждает, будто их было тридцать тысяч душ, но в действительности в несколько раз меньше), поняли, что покинуты своим войском и что им предстоит жестокое испытание. «Когда они увидели себя на том острове в опасности и так близко к Чипингу, они считали себя погибшими, не имея съестных припасов или имея самую малость, ни оружия, ни хорошего плана, и были в великой досаде, потому что, спасшись от бури, оказались в не меньшей опасности, не могли покинуть остров и добраться до безопасной гавани, потому что корабли их были поломаны и разбиты». Их отчаяние усилилось, когда «уцелевшие корабли ушли, оставив их без помощи, с великой поспешностью направляясь в свою страну, и не думали повернуть к товарищам, чтобы помочь им». Оставшиеся на острове «почитали себя мертвыми, потому что не видели способа спастись».

Япония ликовала: император и его подданные осознали, что Божественный ветер уничтожил врагов. Они восприняли это событие как доказательство, что народ останется свободным и власть императора не поколеблется.

Выброшенные на берег монголы ожидали медленной смерти от голода, а между тем ситуация обернулась к худшему. Японские моряки, патрулировавшие воды Чипингу, подобрали нескольких монголов и узнали от них, что остатки их войска нашли спасение на островке в четырех милях от побережья Японии. Японцы направились «прямо к тому острову с большим количеством хорошо вооруженных кораблей и с множеством людей, но мало было у них порядка и еще меньше прозорливости. Высадились они на берег, чтобы захватить оставшихся на острове. Когда же тридцать тысяч увидели наступающих врагов, они сокрылись в лесу у гавани». Оттуда монголы следили, как японцы обыскивают остров, «подобно не знающим страха и ничего не понимающим в своем деле». Полагая, что монголы так ослабели, что не в силах двигаться и не представляют опасности, они даже не потрудились оставить вахтенных на кораблях.

Посреди острова был холм, «и когда враги в спешке направились к ним, чтобы захватить их, они (монгольские воины) изобразили бегство». Они виляли по острову, пока не «вышли к вражеским кораблям и, найдя их не занятыми войском, немедленно взобрались на них». К их изумлению, корабли «были пусты и не охранялись». Завладев кораблями, монголы «немедля подняли паруса и покинули остров и, будучи весьма доблестными людьми, направились к большому острову врагов» — японцев — с намерением отомстить. Отчаянные монголы, уже не чаявшие остаться в живых, резко переломили ход событий.

Подойдя к Чипингу, монголы высадились на берег под видом японских солдат. Они несли «знамена и девизы владык острова». Так они промаршировали до «столицы», где их приняли за возвращающееся войско. «Потому они (жители) открыли ворота и впустили их в город».

Оказавшись за городскими воротами, переодетые монголы «не нашли никого, кроме стариков и женщин», которых «выгнали вон». Затем они, «едва оказавшись в крепос-

ти, захватили ее, выгнав всех, кроме нескольких красивых молодых женщин, которых оставили себе служить».

Марко подводит рассказ к кульминации: «Когда власти-тель и народ острова увидели, что потеряли город, и отцы и сыновья изгнаны, а женщины захвачены, к их великому бесчестью, особенно государя, они желали умереть от горя, сознавая, что столь великая ошибка к великому бесчестью их отечества произошла не от силы врагов, но лишь от недостатка бдительности».

Покончив с ритуальным самоуничижением, японцы, собрав неистощимые резервы, воздвигли новую линию обороны против пришельцев. По словам Марко, «отважные граждане ободряли государя, говоря ему, что не время скорбеть, но надо объединить все силы для мести за столь великое поражение».

Японцы, воспрянув духом, продолжали атаку. «Они вернулись к острову с другими кораблями, найдя много их возле тех гаваней, потому что, владея множеством кораблей, татары, которых было всего тридцать тысяч, убегая, не смогли увести все. Так, взойдя на палубы, как могли, они добрались на остров». Японцы окружили монголов, однако оказавшиеся в ловушке захватчики держали в заложниках женщин, «так что никто не мог войти туда или выйти без их воли и согласия».

Противостояние между занявшими город монголами и стремившимися отбить его японцами затянулась на несколько месяцев. Хотя монголы «день и ночь силились придумать, как дать знать великому хану, чтобы он прислал им помощь», японцы перехватывали всех гонцов, как бы ловки и отважны те ни были.

Между тем Хубилай-хан пребывал в неведении о затянувшемся сражении. «Татары день и ночь непрестанно атаковали народ того острова с великим ущербом и потерями. Когда же увидели, что никакими средствами не могут добиться того, что задумали, и видя нехватку припасов, и что они не могут больше держаться, наконец заключили

соглашение и перемирие с теми, кто осаждал их, таким образом спасая себя, чтобы им не пришлось остаться там до конца жизни».

Начались переговоры о мире, как подробно объясняет Марко: «Островитяне много лет не знали войны и тяжело переносили ее, особенно потерю своих женщин, каковые были в руках и во власти врагов, полагая, что никогда уже их не увидят. Узнав, что татары готовы вернуть им город и женщин, они были так рады и довольны, что в один голос убеждали государя заключить мир на предложенных условиях. И так было сделано, и мир был заключен, и город возвращен государю».

Марко рассказывает удивительную историю, но проверить ее невозможно. В отличие от других событий неудачной атаки Хубилай-хана на Японию, эта подозрительно счастливая развязка не подтверждается другими источниками. Однако его рассказ так точно совпадает со всем, что нам известно о провале завоевания, что он, возможно, основан на исторических фактах и утерянных источниках, пересказанных с большим пылом.

Хотя значительная часть войска Хубилай-хана выжила, его попытка ввести Японию в лоно монгольской державы оказалась самой жестокой неудачей его царствования и угрожала авторитету и власти. Для глубоко суеверных монголов этот эпизод, и в особенности вмешательство Божественного ветра, означал, что само небо обратилось против императора.

Хубилай искал козлов отпущения и, разумеется, нашел. Узнав о раздорах и несогласии между военачальниками, Хубилай «немедленно велел им (монголам) отрубить голову одному из баронов, начальствовавшему над войском, что бежало так злосчастно, а другого сослал на пустынный остров под названием Чиочиа, куда посылал многих виновных в больших преступлениях и оставлял их там умирать».

Обесчещенный военачальник, так и не названный Марко по имени, умер смертью, которая по монгольским обычаям полагалась изменникам. «Когда он (Хубилай) посылает кого-либо на означенный остров на смерть, — говорит Марко, — он приказывает туго обернуть ему руки кожей недавно убитого буйвола и крепко зашить; когда кожа высыхает, она сжимается вокруг рук, так что он никакими средствами не может освободить их, и так его оставляют там умирать в мучениях, потому что он не может помочь себе и ничего не ест, а если хочет есть траву, должен ползать по земле. И таким образом он погубил того барона».

Хубилай, вопреки мнению своих советников, готовил третье вторжение в Японию.

В 1283 году, через два года после того, как «камикадзе» уничтожил монгольский флот, верфи южного Китая вновь ожили, исполняя заказ Хубилай-хана на постройку пятисот новых боевых кораблей. Двумя годами позже Хубилай-хан потребовал такой же дани от маньчжур северного Китая. Китайцы, как и советники хана, возражали против таких огромных военных расходов. Оппозиция стала всеобщей, и в 1286 году Хубилай-хан был вынужден отказаться от мечты о завоевании.

После поражения в Японии Хубилай-хан уже не смог обрести прежней политической власти и дипломатической гибкости. От ослабления его влияния и авторитета пострадала вся империя династии Юань. Современный автор биографии Хубилая, Морис Россоби, отмечает: «Неудача разбила миф о непобедимости монголов в восточной Азии». И это было ясно каждому. «Одна из важнейших опор их власти — меч психологического террора, который они держали над противниками, был сильно притуплен, если не сломан».

После поражения Хубилай-хан утратил чувство реальности. Он проводил дни и ночи в вакханалиях, поедая вареную баранину, яйца, сырые овощи с лепешками, запи-

вая кумысом и пивом. Он впал в уныние и разжирел. Портреты великого хана в старости изображают его тучным, как Будда, но далеко не таким довольным. Чему было радоваться, когда рушилась его империя, любимые жена и сын умерли, репутация была подорвана? Он искал облегчения политических и телесных недугов в волшебстве, переходя от наркотиков к выпивке, и от выпивки к заклинаниям шаманов из далекой Кореи. Ни одно средство не помогало, а пьянство вскоре перешло все границы. Вспыльчивый, но пронизательный владыка, приветствовавший некогда Марко Поло с его отцом и дядей, уступил место унылому, полному жалости к себе старику, чья слабость придавала силы его врагам.

Монгольская империя начала разрушаться изнутри. Марко в отчаянии смотрел, как великий хан вместе со всей династией Юань гибнет от происков одного высокопоставленного лица.

Его звали Ахмад, и за долгое царствование Хубилайхана он поднялся от безвестности к посту самого властного из мусульманских чиновников. Ахмад занимался финансами, областью, в которой монголам недоставало опыта. Он искусно обратил свое влияние и высокое положение к личной выгоде. Он был надменен, как министр, облеченный доверием государя. Он был привратником Хубилая, его боялись и втайне презирали. Он запугал всех придворных и привел их в подчинение — по крайней мере, на время. Пока хан посвящал все силы блестящим военным победам, его министр водворил при дворе царство террора. Ахмад сумел стать незаменимым для хана, однако оставался чужаком, потому что был мусульманином. Хубилай, хотя и объявил Мухаммеда одним из четырех духовных светочей империи, сам предпочитал держать мусульман на расстоянии. Хан считал их полезными, благодаря их искусству в финансах и торговле. И они считались более надежными, чем китайцы, хотя бы потому, что были обязаны монголам, так же, как был обязан им Марко. Из множества мусульман, не жалевших сил на службе Хубилай-

хану, никто не поднялся выше и не представлял большей угрозы власти монголов над Китаем — и безопасному местечку, которое заняли в нем Поло, — чем Ахмад. Возжаждав власти, он был близок к свержению династии Юань.

Марко заметил возвышение Ахмада и убедился в нем на опыте: он был знаком с высокопоставленными лицами и сумел описать их изумление при мысли, что один человек — к тому же чужак — едва не сверг Хубилай-хана. Все это дело подробно отражено в монгольских и китайских хрониках и описано персидским историком Рашид ад-Дин в 1304 году, почти по следам событий, но для Запада оставалось неизвестным. Впервые европейцы узнали о рвавшемся к власти Ахмаде и опасном заговоре при монгольском дворе из отчета Марко Поло.

Согласно преданию, Ахмад был уроженцем земель к югу от Ташкента, завоеванных монголами за пятьдесят лет до путешествия семейства Поло в Китай. Эта область, в основном мусульманская, была населена этническими группами иранцев и тюрков. Ахмад впервые упоминается в исторических хрониках как приближенный высокопоставленного лица из племени квонггират — оказавшегося шурином Чингисхана.

Со временем он обратил на себя внимание Хубилая, доверившего ему ведение финансовых дел. Марко в своем повествовании отзывается об Ахмаде, как о человеке «умном и сильном, с большим влиянием и властью, которого хан так любил, что предоставил полную свободу».

Предметом их сотрудничества была централизация — идея, совершенно чуждая кочевым монголам, изобретавшим способы контролировать обширные области при минимальной бюрократии.

Хубилай-хан, напротив, стремился консолидировать империю, подражая китайцам. Пока Хубилай искал, что бы еще завоевать, Ахмад терпеливо перестраивал финансовую систему по всей империи. Он добился своего назначения на пост контролера имперских житниц и в этом ка-

честве учредил «Службу согласованных закупок». Идея состояла в том, чтобы закупать зерно по твердой цене и сохранять в резерве на случай войны или голода. На практике «Служба согласованных закупок», совместно с родственной «Службой регулярного управления», попросту конфисковала имущество в пользу монгольского двора. Ахмад заботился о том, чтобы Хубилай и его бароны не нуждались ни в чем и ни в чем себе не отказывали.

К 1262 году Ахмад добился выдвижения в Тайный Совет и был назначен на пост, контролировавший перевозки по всей империи. Он лоббировал увеличение налога на соль — важный источник дохода — и наращивание зерновых запасов центрального правительства. Сумев укрепить свой контроль над финансами империи, он, однако, оставался подотчетным Совету. Двадцать лет Ахмад воевал с Советом, пытаясь подчинить его, обойти или оттеснить — лишь бы не отвечать ни перед кем, кроме Хубилай-хана. И снова и снова Чан Вен-чъен убеждал хана не лишать Совет власти.

Еще через два года Ахмад получил пост управляющего службой политических дел при Совете и, что еще существеннее, надзирателя за имперской казной. Он больше, чем кто бы то ни было, знал о финансах монгольской империи и распоряжался ими, уступая в свободе действий одному лишь хану. Пока Хубилай-хан занимался сексуальной гимнастикой с шестью наложницами сразу, Ахмад распоряжался финансовыми делами империи. Впрочем, Ахмад и сам содержал большой гарем, который постоянно пополнял, обменивая прибыльные места в правительственном аппарате на приглянувшихся ему женщин. Мужья предлагали ему жен, а отцы дочерей в обмен на выгодные посты.

Марко резко замечает: «Не было красавицы, которую он, пожелав, не мог бы получить, взяв в гарем, если она была незамужней, или иначе добившись ее согласия. Узнав, что у кого-либо есть красивая дочь, он посылал своих наемников, которые приходили к отцу девушки, говоря ему: “От-

дай ее в жены Ахмаду, и мы уговорим его дать тебе губернаторство или пост на три года". И тогда он отдавал дочь Ахмаду». Ахмаду неизменно удавались подобные обмены: хан всегда соглашался с его назначениями, да и у девушек не оставалось иного выбора.

Влияние Ахмада пошатнулось в 1264 году, когда его приверженцы оказались замешанными в шумное дело, которое походило на восстание. Последовавший скандал до основания потряс династию Юань. Ахмада судили, признали виновным и неспособным управлять своими людьми и наказали суровыми побоями. При беспокойном дворе хана телесные наказания, такие как битье тростью или палкой, были стандартным средством призвать к порядку правительственных чиновников — аналогом выговора или замечания.

Неукротимый Ахмад, оправившись от унижения, добился назначения главой нового ведомства — службы управления государственными расходами. Он вновь очутился в своей стихии, издавая официальные указы против плохого качества полотна, изготавливавшегося в Манчжурии, об улучшении работы золотых и серебряных литейных цехов Чен-тина и Шун-тьена. Узнав о добыче асбеста, как пишет Марко Поло, служба отправила чиновников с целью национализировать производство. Ахмад действовал строго: монгольскому правительству причиталась львиная доля от всего. Самый мелкий источник потенциального дохода не избегал его внимания. Узнав о добыче серебра в отдаленной части Шан-ту, он рекомендовал продавать сравнительно дешевое олово, получаемое при выплавке как побочный продукт, и выплачивать прибыль непосредственно правительству.

Все это время Ахмад собирал силы. В 1270 году Хубилай назначил его управляющим политическими делами в новом совете, распорядившемся государственными финансами, — в противовес резкой оппозиции уважаемых монголов и китайцев, в том числе пользовавшемуся большим почетом ученому и чиновнику Чу-хену. Ахмад снова ока-

зался в выигрыше и, укрепившись на новом посту, начал искусно играть на разногласиях между противниками. Когда ему вновь угрожало дознание и побои, он спихнул вину на подчиненного чиновника, который и стал козлом отпущения.

Приобретя столь большое влияние, он теперь руководил разросшимся домашним хозяйством из четырех жен и сорока любовниц, не затмевавшим ханского гарема, но служившим веским доказательством его высокого положения. Одновременно он обеспечил престижное место своему сыну Хусейну, словно закладывая основу соперничающей династии.

Ко времени первого появления Марко Поло при монгольском дворе казалось, что все элементы финансового контроля Ахмада и военных действий Хубилая взаимодействовали безупречно.

В январе 1275 года монгольское войско совершило рейд по реке Янцзы и обратило в бегство остатки армии династии Сун. Хубилай-хан, его «мозговой трест» из китайских ученых и Ахмад регулярно встречались и обсуждали, как увеличить благосостояние империи за счет присоединенных к ней земель. Вопрос решался введением новой валюты. Ахмад, искусный спорщик, отстаивал замену бумажной валюты Сун бумажными деньгами, недавно введенными династией Юань. Китайские советники возражали, что монгольский военачальник Баян только что пообещал жителям завоеванных провинций сохранить обращение бумажных денег Сун. Они доказывали, что неисполнение обещания подорвет доверие к монголам. Но между китайскими мудрецами не было согласия относительно желательного образа действий, и Ахмад, используя их разногласия, победил в споре. Захваченные территории Сун заполонила юаньская валюта, а в довершение Ахмад установил грабительский обменный курс: пятьдесят к одному в пользу валюты Юань. Этим ударом он подорвал китайскую экономику.

Одержав победу над китайскими советниками Хубилая, Ахмад интригами подрывал их влияние при дворе. Он покончил с давней монгольской традицией свободной торговли и местных налогов, заменив их обременительными централизованными налогами. Он заменял китайских чиновников, к которым питал страх и недоверие, мусульманами. Он перехватил бразды правления у Хубилай-хана, полагавшегося в делах управления государством на искусных иноземцев. Ахмад соблазнял Хубилай-хана простотой нового пути: передоверить ему весь надзор за государственной бюрократией. Он потакал слабости Хубилай-хана к роскоши, поставляя ему все, чего тот мог пожелать, и любыми средствами подавлял недовольство. Впрочем, политика найма иностранцев оказывалась выгодна не только Ахмаду: Поло также были обязаны этой практике своим положением, не говоря уже о головокружительной карьере Марко.

Ахмад собирал силы, а при дворе кружили слухи, что он замахивается на большее. Ахмад повсюду находил врагов и умел разделаться со всеми. Марко, не слишком преувеличивая, утверждает, что «когда он (Ахмад) желал предать кого-либо, кого он ненавидел, смерти, будь то справедливо или несправедливо, он шел к хану и говорил ему: “Такой-то заслуживает смерти, потому что оскорбил ваше величество тем-то и тем-то”. Тогда хан говорил: “Делай с ним, что хочешь”. И того человека немедленно предавали смерти».

В действительности Ахмад действовал более тонко. Например, когда монгольский военачальник Баян с победой возвращался домой, местные чиновники пытались вручить ему нефритовую пряжку в память о триумфе. Баян благородным и бескорыстным жестом отверг дар, сказав, что ничего не возьмет от Сун лично для себя.

Ахмад, выказав удивительную способность переворачивать все с ног на голову, обвинил заслуженного военачальника в краже драгоценной нефритовой чаши. Хубилай-хан так безрассудно доверял Ахмаду, что приказал

начать дознание. Несмотря на интриги Ахмада, Баян избежал осуждения, однако облако подозрения осталось висеть над ним, поскольку чаши так и не нашли. Далее Ахмад еще раз попытался нейтрализовать могущественного соперника, объявив, что Баян без нужды перебил солдат династии Сун. Эта попытка оказалась не успешнее предыдущей, но с каждым возведенным на него обвинением Баян утрачивал статус героя при дворе и под конец уже не представлял угрозы для Ахмада.

Еще более беспощаден был Ахмад к другим обвинителям. Цуй Пин, китайский вождь антиахмадовской группировки, жаловался, что Ахмад без нужды учреждает новые правительственные службы, чтобы предоставлять многочисленным родственникам выгодные и влиятельные посты, хотя и клянется, что не виновен в nepотизме. Цуй Пин на время возобладал и вычеркнул родственников Ахмада — вплоть до его сына Хусейна — из списков государственных служащих. Однако Ахмад сумел затеять расследование против Цуй Пина. Дознаватели пришли к выводу, что Цуй Пин и еще двое заговорщиков похищали государственное зерно и чеканили недозволенные бронзовые печати для утверждения собственной власти. В 1280 году их признали виновными: все трое были казнены.

К тому времени Хусейн уже вернулся на прежний пост, сам учреждал новые бюрократические конторы и удвоил налоги в богатой области Кинся. Налоги якобы шли на финансирование военных кампаний в Бирме, Японии и на Яве. В то же время он отвергал обвинения в жадности и бездействии, обвиняя местных чиновников в подложных отчетах и прямом расхищении зерновых запасов.

Вопреки всем усилиям противников, Ахмад пользовался полным доверием простодушного Хубилай-хана, который всегда больше интересовался славными военными победами и чувственными удовольствиями, чем докучливыми финансовыми и административными делами.

После смерти Баяна пресловутая нефритовая чаша объявилась, доказав его невиновность. Прозревший Хубилай-хан понял, как близок был Ахмад, при невольном сообщничестве самого хана, к полному сокрушению Баяна. Однако Хубилай-хан не предпринял никаких действий к ограничению установленного Ахмадом политического террора.

Второй сын и наследник Хубилай-хана, Чен-чин, напротив, страстно ненавидел Ахмада. Из всех своих противников Ахмад боялся только Чен-чина, которому не грозили подстроенные обвинения. Тот часто вмешивался в финансовые дела мусульманина. Чен-чин выступал не только от себя, но и от лица китайских ученых и придворных, собравшихся вокруг хана; он постепенно китаизировался, говорил по-китайски и носил традиционную китайскую одежду. Одним из ближайших его помощников был Цуй Пин, которого погубил Ахмад. Чен-чин даже посылал чиновников, чтобы предотвратить его казнь, но те опоздали. Теперь он мечтал о кровавой мести.

Несмотря на усвоенную им китайскую культуру, Чен-чин оставался верным своим монгольским корням. Во время одной стычки он нанес Ахмаду такой удар, что министр в течение недели не мог ни открыть рта, ни говорить. Когда Хубилай-хан спросил, как случилась с Ахмадом такая беда, мусульманин не осмелился указать на сына хана и солгал, что упал с лошади.

В другой раз Чен-чин набросился на Ахмада в присутствии хана, который, на удивление всем, игнорировал скандал.

Теперь Ахмад опасался уже за свою жизнь. Чтобы защититься от гнева Чен-чина, он обратился к Хубилай-хану с просьбой учредить высший суд справедливости, в надежде на его защиту. Однако Хубилай ответил отказом, поскольку такая служба дублировала бы уже существовавшую.

Царство бюрократического террора, установленное Ахмадом, продолжалось еще некоторое время: большую часть следующих двух лет он провел, поднимая налоги до невыносимого предела и интригуя против критиковавших его китайцев. Если Хубилай-хан и подозревал, что здесь что-то не так, он ничем этого не выказывал; он даже снова повысил грозного министра-мусульманина, назначив его на пост вице-канцлера. Ахмад стал еще могущественнее, чем прежде.

Ахмад ловко расправлялся со своими врагами, но его непомерная алчность вызвала ненависть, с которой даже он не мог справиться. Во время небольшой военной кампании в северных областях монгольской империи случилось так, что китайский воин и аскет Ван Чу повстречался с буддийским монахом Као, якобы искусным в магии. Некоторое время Као сопровождал монгольское войско, однако его заклинания не срабатывали, и монаха прогнали. Возможно, он и не владел магией, зато был находчив и остроумен. Желая распространить слух о своей смерти, он убил человека, нарядив его труп в свою одежду. Встретившись, Као и Ван Чу поняли, что одинаково ненавидят Ахмада, и замыслили его убить. Неизвестно, действовали ли они самостоятельно или были орудием более обширного заговора. Летописи не называют их сообщников, однако Марко утверждает, будто китайцы, которых угнетал Ахмад, «задумали убить его и восстать против городских властей». В эмоциональном изложении Поло Ван Чу выступает не аскетом, а человеком, «чью мать, дочь и жену изнасиловал Ахмад», человеком, исполнявшим волю китайцев, озлобленных против Ахмада.

В начале 1282 года воин-аскет и коварный монах вступили в заговор, позволивший им внедриться в окружение Хубилая. Ван Чу подделал бумагу с приказом Чен-чина являться к нему с докладами. Это было рискованное мошенничество, поскольку сам Чен-чин в тот момент был в отъезде.

Ван Чу пробился к Ахмаду с посланием, возвещавшим о скором прибытии Чен-чина. Ахмад и другие знатные лица должны были подготовиться достойно приветствовать его перед дворцом.

Марко, пользовавшийся неофициальными документами и сплетнями, объясняет, что был затеян гораздо более обширный заговор; они должны были факелами дать сигнал сообщникам в округе «убивать всех, кто носил бороду, и дать сигнал огнями в другие города, чтобы и там поступали так же». Поскольку китайцы были безбородыми, бородатыми могли оказаться монголы, мусульмане и христиане. Если Марко не ошибается, Ван Чу представлял для династии Юань еще большую угрозу, чем Ахмад.

Двое заговорщиков наспех собрали маленькое войско, примерно в сто человек, для исполнения задуманного. Под покровом темноты они верхами подъехали к дворцу, освещая себе путь яркими фонарями и факелами. На почетном месте в середине гордо восседал в седле монах Као, изображавший Чен-чина.

В это время Ахмад выезжал из городских ворот навстречу Чен-чину и случайно встретил «татарина по имени Когатай, начальствовавшего над двенадцатью тысячами человек, охранявших город», — если верить Марко Поло, чье описание этих событий заслуживает внимания, поскольку он, по его словам, находился близко.

— Куда ты едешь так поздно? — спросил Когатай у Ахмада.

— Навстречу Чен-чину, который сейчас прибудет.

Когатай сразу заподозрил неладное:

— Может ли быть, чтобы он приехал втайне даже от меня?

Судя по историческим хроникам, Као, все еще изображавший Чен-чина, подозвал к себе солдат стражи, и Ахмад остался без защиты. Прятавшийся в засаде Ван Чу вытащил из рукава тяжелую медную дубинку, бросился на Ахмада и нанес ему смертельный удар.

Марко приводит более подробный, «свидетельский» отчет об убийстве: «Едва Ахмад въехал во дворец и увидел множество зажженных светильников, он преклонил колени (перед Као), принимая его за Чен-чина, и Ван Чу, стоявший наготове с мечом, отрубил ему голову. При виде этого Когатай, стоявший у ворот дворца, сказал: “Это измена”, — и пустил стрелу в Као, и убил его». (Судя по историческим хроникам, Као прожил несколько дольше.)

Когатай приказал, «чтобы всех, кого найдут вне дома, убивали на месте», и начал избиение китайцев, предполагая, что двое убийц были тесно связаны с местным населением. Жестокие расправы произошли и в других городах, когда стало известно об их участии в заговоре.

Оставшись без предводителей, восстание вскоре выдохлось. Через несколько дней Ван Чу и Као сдались властям, объявив себя героями, избавившими империю от злодея Ахмада.

1 мая 1282 года обоих заговорщиков четвертовали, привязав за руки и за ноги к лошадям, и обезглавили в наказание за их деяние. Перед казнью Ван Чу выкрикнул: «Я, Ван Чу, умираю за то, что избавил мир от чумы! Настанет день, когда кто-нибудь напишет обо мне».

Когда весть об убийстве Ахмада дошла до Хубилай-хана, верховный правитель был встревожен и реагировал с несвойственной ему решительностью. Он отправился в Шанту и приказал провести тщательное дознание. Хубилай, ожидавший узнать о вероломстве убийц, вместо этого услышал рассказы об изменах Ахмада: после смерти министра те, кто пострадал от него, набрались смелости описать его бесчинства и злоупотребления властью.

В ярости Хубилай приказал казнить приверженцев Ахмада, его детей и других членов его клана. Кроме того, через неделю был издан приказ сместить всех, кто получил правительственные посты, расплачиваясь с Ахмадом женами и дочерьми, а все конфискованное им имущество

возвратить законным владельцам. Всего, по официальным хроникам, было смещено 714 назначенцев.

В июне ошеломляющее богатство Ахмада перешло в распоряжение династии Юань. В его владении оказалось 3700 верблюдов, быков, овец и ослов. Его рабы получили свободу, имущество передали в казну или раздали. Марко живо описывает беспощадную месть Хубилая: «Он приказал выкопать тело Ахмада из могилы и бросить на улице, чтобы его растерзали собаки. А с тех его сыновей, кто подражал ему в злодеяниях, он приказал заживо содрать кожу». Рашид ад-Дин, ведущий историк той эпохи, добавляет ужасные подробности, сообщая, что Хубилай, не простивший Ахмада и после смерти, приказал «выволочь его тело из могилы, привязав веревку к ногам, и повесить на перекрестке среди базара; голову ему раздавили колесом».

Расправы длились еще долго после ухода со сцены Ахмада: главным образом потому, что созданный им механизм коррупции никуда не делся. По китайскому обычаю, казни совершались осенью, и с наступлением этого сезона четверых его сыновей, в том числе Хусейна, а также племянника казнили. Все сторонники Ахмада попали в черный список. Власти составили полный перечень его преступлений и объявляли его по всем городам и селениям империи, чтобы все узнали о его злодеяниях и измене. Более сотни правительственных служб, учрежденных им, были распущены, а крайности его правления, такие как жестокое обращение с заключенными, смягчены.

В личном имуществе Ахмада обнаружили жутковатые предметы, давшие ключ к его личной жизни и наводившие на мысль о том, что он вовсе не был правоверным мусульманином, каким считал его Хубилай-хан. В его шкафу нашлась пара выдубленных человеческих кож, и евнух, прислуживавший ему, рассказал страшноватую историю: Ахмад время от времени клал их на алтарь и бормотал таинственные заклинания. Не меньше тревоги внушал шелковый свиток с изображением всадников, окруживших

большой шатер и атакующих скрытого в нем хозяина, возможно, самого хана. Марко увидел в этих предметах доказательство, что «Ахмад так околдовал хана своими чарами, что хан оказывал чрезвычайное доверие и внимание его словам, и исполнял все, чего он (Ахмад) от него хотел».

Эти открытия подвигли Хубилай-хана изгнать из своего окружения мусульман, как повествует Марко: «Когда хан стал размышлять о проклятой секте сарацин (мусульман), для которых всякий грех был позволителен и которые могли убить всякого, кто не их закона, отчего зловредный Ахмад и его сыновья не считали, что совершают грех, он проникся к ней презрением и отвращением». С тех пор, говорит Марко, Хубилай-хан приказал, чтобы мусульмане «поступали по закону татар и не смели перерезать глотки животным, как они делали, чтобы есть их мясо, но испарывали им брюхо».

При дворе считали, что Ахмад околдовал Хубилай-хана и его приближенных. Люди гадали, каким образом этот одержимый жаждой власти интриган так много лет процветал среди них, и задавались вопросом, почему его противники хранили молчание, пока его смерть не развязала им языки. Для неуклонного возвышения Ахмада имелась веская причина: он внес в правительство жизненно необходимое ему искусство финансовой администрации и бюрократии. Он ввел в разнородном обществе единую валюту, формализовал налоги для оплаты дорогостоящих военных кампаний Хубилай-хана и отчасти преуспел в стремлении внушить всему Китаю революционную идею, что центральное монгольское правительство распоряжается всей страной.

Один вопрос относительно этого загадочного тирана остается неразрешенным. Действительно ли Ахмад обдумывал план дворцового переворота или надеялся бесконечно преуспевать, оставаясь в подчинении Хубилай-хана? Если бы он произвел такой переворот, введение в Китае власти мусульман резко изменило бы ход истории

Азии. Даже Марко Поло не решается строить догадки об исходе таких перемен.

В жизни Марко падение Ахмада отмечает наступление зрелости. Он явился ко двору Хубилай-хана юношей, очарованным образом верховного правителя, в котором видел своего героя. Судя по его рассказу, он не верил своему счастью, оказавшись рядом с этим могущественным властелином. Однако дело Ахмада продемонстрировало Марко, как и всему монгольскому миру, что Хубилай-хан, при всех его военных успехах и просвещенной внутренней политике, способен совершать ошибки настолько серьезные, что они угрожают самой империи.

Более тридцати лет империя процветала благодаря сочетанию искусства воинственного хана и бюрократа. Великолепие летнего дворца в Шан-ту (Ксанаду) отражало вкус Хубилая и организационные способности Ахмада. При всех его крайностях, такое сотрудничество могло продолжаться еще долго, если бы Ахмад сумел завоевать любовь или уважение своих китайских подданных, вместо того чтобы внушать им один лишь страх.

Хубилай-хан обратился к человеку, в котором предполагал найти безопасного преемника Ахмада. Его звали Санга, он происходил из тюркского племени уйгуров. Но его скоро постигла беда — ревнивый советник донес Хубилай-хану о якобы замышлявшемся Сангой предательстве. Хубилай-хан прибег к испытанному монголами способу воздействия на заблуждающихся министров — к палкам.

Санга держался твердо, и тогда Хубилай обратил свой гнев на доносчика, настаивавшего, что всего лишь хотел предупредить хана об опасности. Хан начал дознание и выяснил от доверенного помощника-перса, что Санга копил жемчуг и драгоценные камни, приобретая их за счет казны. Когда хан попросил его поделиться богатством, Санга отвечал, что драгоценностей у него нет. Тогда хан ненадолго отослал куда-то Сангу, а перс в это время нашел у него не один, а целых два сундука драгоценного жемчуга.

— Что же это? — обратился хан к своему министру. — У тебя столько жемчуга, а ты отказался отдать мне хотя бы немного. Где ты взял такое богатство?

Санга нескладно оправдывался, говоря, что отобрал жемчуг у мусульман, управляя отдаленными провинциями Китая. Такой ответ привел хана в ярость.

— Почему ты ничего не принес мне? Ты приносил мне пустяки, а самые драгоценные вещи оставлял себе.

— Их давали мне, — твердил Санга и предложил вернуть их, если того пожелает его владыка и повелитель.

Это не смягчило хана, который распорядился казнить Сангу, набив ему рот экскрементами. Он захватил накопленные Сангой сокровища и казнил нескольких мусульман, верных Санге. Хубилай хорошо усвоил преподанный Ахмадом урок. Но, уничтожив одну угрозу, он тут же столкнулся с другими. Противники осаждали его со всех сторон.

Новый вызов Хубилай-хану исходил от его нелюбимого «дяди» Наяна, решившего стать новым ханом вместо Хубилая. Еще молодым человеком, рассказывает Марко Поло, Наян стал «правителем многих земель и областей, так что легко мог собрать войско в 400 000 всадников». Имея в своем распоряжении такое войско, он возмечтал о славе. «Он решил, что больше не будет подданным».

Наян, как и многие из его сторонников и воинов, был христианином несторианского толка, однако симпатии Марко явно на стороне Хубилая. Впрочем, конфликт между двумя военачальниками ни в коем случае не был походом за веру. Наян рвался к власти и для достижения цели заключил союз с другим непокорным членом монгольской августейшей семьи, племянником Хубилая, Кайдугу, которого Марко описывает как «смертельного врага» хана и вечный источник нестабильности в Азии. «Заверяю вас, — пишет он, — что Кайдугу никогда не был в мире с великим ханом, но постоянно вел войну против него». Марко приходит в отчаяние от опустошений, которые из года в год причинял этот мятежник. «Кайдугу уже сражался во многих битвах

с людьми великого хана», — говорит он. Кайду неизменно проигрывал сражения и тем не менее предъявлял права на долю в военной добыче Хубилай-хана. Если верить Марко, Хубилай готов был согласиться, в обмен на обещание Кайду являться в Камбулак по первому вызову. Однако «Кайду боялся за свою жизнь», и Хубилай-хан содержал «в поле» 100 000 всадников, чтобы сдерживать своего противника.

В 1287 году Наян и Кайду сговорились одновременно атаковать Хубилая с противоположных сторон и принудить его к подчинению. «Когда великого хана уведомили об этом заговоре, — повествует Марко, — он не без оснований встревожился; однако, будучи мудрым человеком испытанной храбрости, он стал собирать свое войско, объявив, что не станет носить венец и править землями, если не приведет этих двух предателей и изменников к злему концу».

Всего за двадцать два дня Хубилай собрал армию из 260 000 кавалерии и 100 000 пехоты, но противник все еще превосходил его силой. «Причина, по которой он ограничился этим числом воинов, была в том, что они были собраны из ближайших войск», — сообщает Марко. Во власти Хубилая было еще около двенадцати армий, однако они находились «так далеко, ведя войну для завоевания многих земель, что он не мог собрать их в нужный срок и в нужном месте». Если бы он призвал всех стражей из отдаленных частей своей империи, «их численность превзошла бы всякие расчеты и пределы вероятности». Но подобная мобилизация была бы слишком медленной и явной. Хубилай предпочел скорость — «спутницу победы», и тайну, «чтобы предотвратить приготовления Наяна и застать его в одиночку».

Китайские хроники подтверждают сообщение Марко об этом деле, и из них можно понять, что Хубилай готов был пожертвовать Баяном, послав его в опаснейшую разведку. Когда Баян оказался рядом, «Наян задумал похитить его, однако Баян, уведомленный о его плане, сумел бежать и вернулся к императору».

В то же время другие монгольские бароны на северо-западе Китая, узнав о мятеже Наяна, поддержали его, и, как говорят хроники, «император оказался в весьма трудном положении». Послушавшись военных советников, Хубилай отправил посольство, чтобы попытаться убедить восставших вассалов, известных теперь как «конфедераты». Послы сумели убедить их, что дело их обречено, однако Наян отказался сдаться. Он заключил союз с другими вождями, поддержавшими его войском. Силы Хубилай-хана окружили их лагерь. Затем «маленькая тайная экспедиция» всего из дюжины «бесстрашных и решительных людей» под командой китайского офицера проникла в лагерь.

Хубилай выиграл сражение, но ему не удалось покончить с Наяном, который как будто только набирался сил и честолюбия от каждой попытки монголов сдержать их.

Как ни старается Марко убедить читателя и самого себя, что Хубилай-хан был мудрым и любимым правителем, повелевавшим империей добродетельно и по воле Неба, иногда венецианец проговаривается об обратном: порой хан был лукавым деспотом и управлял Китаем и соперничавшими монгольскими кланами коварством и военной силой. «Во всех его владениях, — признается Марко из безопасного далека гатуэзской тюрьмы, — много недовольных и неверных подданных, которые при первой возможности восстанут против владыки». Для предотвращения местных восстаний Хубилай-хан каждые два года перемещал оккупационные войска и командующих ими.

Содержание постоянных армий на просторах Китая дорого обходилось Хубилай-хану. Марко сообщает, что войска, кроме постоянного жалования, «жили от безмерных стад скота, закрепленных за ними, и от молока, которое посылали на продажу в город, чтобы получить необходимую провизию». Со временем иссякли и монгольская казна, и природные ресурсы Китая.

Монголов было слишком мало, чтобы контролировать весь Китай, и, несмотря на необыкновенную эффектив-

ность их почтовой службы и достойное восхищения (когда это требовалось) уважение к местным языкам, верованиям и обычаям, они с трудом сдерживали хаос. Марко посчастливилось путешествовать по Китаю в период «монгольского мира», когда монголы поддерживали хрупкое равновесие между китайским национализмом и имперскими амбициями монголов. Такое положение дел означало для путешественников по Шелковому пути относительную безопасность, особенно на севере, где монголы держались твердо и сдерживали разбойников, часто терроризировавших торговцев. Но Марко начинал понимать, что такой порядок вещей не вечен, поскольку Наян рвался править Китаем.

Привычно черпая уверенность в предсказаниях звездочетов, Хубилай-хан уверился в победе. Только после этого он вывел свои войска — насчитывавшие уже 400 000 всадников — против Наяна. Фортуна вновь благоприятствовала Хубилай-хану. Марко рассказывает: «Когда они подошли, Наян был в своем шатре, проводя время в праздности с одной из жен, к которой был весьма привязан». Наян был так самоуверен, что не потрудился выставить часовых или разослать разъезды.

Хубилай-хан появился внезапно. «Он стоял на вершине деревянной башни, полной арбалетчиков и лучников, несомой четырьмя слонами в прочной кожаной броне, покрытой шелковыми и золотыми тканями. Над его головой развевалось знамя с его эмблемой — солнцем и луной — так высоко, что его было видно отовсюду. Его войско было разделено на тридцать эскадронов по 10 000 конных лучников, объединенных в три полка, и тех, что были на правом и левом фланге, он выдвинул вперед, мгновенно окружив лагерь Наяна. Перед каждым эскадроном конников было пятьсот пеших воинов с короткими пиками и мечами. Они были обучены при отступлении кавалерии вскакивать на крупы коней и бежать с ними, когда же отступ-

ление прекращалось, они спешили и разили врагов и коней своими пиками».

Войско Наяна, почти равное войску Хубилая по численности, кое-как построилось в боевые порядки под аккомпанемент барабанов, пения и военной музыки двухструнных инструментов. Противники ринулись в бой. Над ними развевались знамена с эмблемой Хубилая и штандарт Наяна с «Крестом Христовым».

После длительного промедления «два войска напали друг на друга с луками, мечами и палицами, а иные с копьями». Они столкнулись в «кровавой битве», где «стрелы сыпались проливным дождем». Убитые «всадники и кони валились наземь».

Марко отдает должное войскам Наяна, заверяя, что его люди готовы были умереть за своего вождя, «но под конец победа выпала великому хану». Видя, что упустил победу, а с ней и свои владения, Наян побежал, но его и всех его военачальников схватили, и они сдались. Хубилай приговорил Наяна к смерти по монгольскому обычаю. «Его плотно завернули в ковер и жестоко трепали, пока он не умер», — сообщает Марко. «Они избрали такой способ казни, чтобы кровь императорского рода не пролилась на землю, чтобы солнце и небо не видели этого и чтобы никакой зверь не коснулся тела Наяна».

Хубилай-хан принимал причитавшиеся ему выражения преданности. Бароны из четырех провинций явились с заверениями в покорности, но вместо объединения и послушания, по словам Марко, последовало мерзкое зрелище. «Сарацины, идолопоклонники, иудеи и многие, не верующие в Бога, насмеялись над христианской верой и знаком святого Креста, который Наян начертал на своем знамени».

Когда известие об этом богохульстве дошло до Хубилай-хана, он призвал к себе глав сарацин, иудеев и христиан и гневно говорил с теми, кто насмеялся над христианами,

и сурово корил их, говоря: «Если крест Христа не помог Наяну, это было разумно и справедливо, потому что он был изменником и мятежником против своего владыки». Поэтому, сказал Хубилай-хан, он заслужил смерть.

После этого Хубилай-хан «позвал к себе многих христиан, бывших там, и начал утешать их, говоря, что нет причины и повода для стыда... потому что Наян, выступивший против своего повелителя, был изменником и предателем, и потому есть великая справедливость в том, что с ним случилось». Хотя христианские приверженцы Наяна не избежались от подозрительности к Хубилай-хану, их успокоило и, может быть, удивило, что он «не искушал их против их веры, но они остались в покое и мире».

Укрепив свою власть над Китаем, Хубилай-хан вновь споткнулся, предприняв серию военных набегов на Юго-Восточную Азию, вызвав войну в землях, где прежде царили мир и стабильность. Забыв горькие уроки неудачного вторжения в Японию, он попытался завоевать еще одну островную твердыню — Яву.

Марко описывает монгольское вторжение на Яву с полной уверенностью, вновь предлагая европейскому читателю первое знакомство с политической борьбой в странах, о существовании которых тот и не подозревал. Его отчет предполагает основательные успехи в сборе информации; хотя его понимание событий неполно и, естественно, находится под влиянием точки зрения монголов, он в основном довольно точен на всем протяжении рассказа.

Ява, расположенная на юге от Малайзии и Суматры в Индийском океане, настолько далека от Китая, что Марко вряд ли бывал на ее берегах, однако он собрал рассказы для передачи на Запад первого отчета об этой далекой стране, достигшего Европы. «По словам добрых моряков, хорошо знающих его, — утверждает он, — это самый большой остров на свете, потому что в самом деле он имеет более трех тысяч миль в окружности». И он изобилует драгоценнейшими товарами средневекового мира — пряно-

стями. «У них есть перец, и мускатный орех, и имбирь, и калган, и кубеба, и гвоздика, и все дорогие пряности, какие есть в мире». Судя по всему, торговля шла оживленно. «На остров прибывает множество кораблей и купцов, покупающих там много товаров с большой прибылью», — говорит Марко, — но в ней не участвовали посланники Хубилай-хана, который «никак не мог подчинить остров своей власти из-за его отдаленности и опасности плавания».

Несмотря на опасности, Хубилай все же отправил посольство, возглавленное его личным послом Менг Чи, к правителю Явы, королю Кертанагару. Посланцы добрались до острова — во всяком случае, Марко не упоминает ни кораблекрушений, ни иных препятствий на их пути — и, прибыв к яванскому правителю, выставили те же непомерные требования, какие прежде были представлены японцам, настаивая, чтобы король недвусмысленно покорился далекому заморскому хану. Кертанагара ответил страшным оскорблением: он выжег клеймо на лице посла.

Монгольского правителя нельзя было оскорбить сильнее, чем убив или обезобразив его посла. Ухватившись за новый повод к войне, Хубилай-хан готовил наступление на Яву с целеустремленностью, с какой прежде готовился к вторжению в Японию. Так и не усвоив урока прошлых поражений, он назначил трех командующих. Первый, монгол Ши-пи, был командующим флотом, второй, китаец Као Цин, должен был командовать на суше; третий, уйгур Икко-му-ссу, отвечал за снаряжение кораблей.

В 1292 году монгольская армия вторжения пустилась в плавание. Она была столь же огромна, как и предыдущая: тысяча кораблей, двадцать тысяч человек, годовой запас зерна и сорок тысяч унций серебра для закупки припасов в пути — расходы едва не опустошили казну Хубилай-хана.

Разведка Кертанагары заранее уведомила его о нападении, однако он совершил роковую ошибку, собрав все свои войска на отдаленном Малайском полуострове, где ожидал высадки. Оставшись без охраны, Кертанагара неожиданно столкнулся с восстанием собственных подданных. Его

соперник Джаякатванг расторопно воспользовался слабостью короля, послал войска и убил Кертанагару.

Своевольный зять Кертанагары, принц Виджая, занял опустевший трон и изъявил готовность подчиниться Хубилай-хану, если монголы окажут помощь в подавлении восстания. Для этой цели Виджая предоставил им подробную карту с реками и портами Явы. Монгольское командование приняло предложение и начало погоню за выскочкой Джаякатвангом. Его взяли в плен и казнили к полному удовлетворению Виджая.

Казалось уже, что монголы достигли крупного стратегического успеха, но тут Виджая предъявил им простое с виду требование: пусть двести безоружных людей сопровождают его в царство Маджапахит, где он формально подчинится власти Хубилай-хана. В надежде на победу монголы исполнили его желание. Однако на пути к Маджапахиту Виджая обнаружил свои истинные намерения. Его воины внезапно напали на безоружный монгольский эскорт и выгнали монгольское войско из этого района. Монгольский военачальник Ши-пи едва успел спастись. Ши-пи отдал позорный приказ об отступлении на корабли, во время которого погибли три тысячи человек.

Оказавшись в безопасности на борту флагманского корабля, Ши-пи обсудил с другими командующими, как лучше наказать Виджая за предательство. Однако они не смогли прийти к единому мнению и бесславно вернулись в Китай. Правда, экспедиция доставила несколько любопытных яванских изделий — рог носорога, надежную карту, перепись населения Явы и письмо от Бали, написанное золотыми буквами, однако они, несомненно, были побеждены.

Эхо поражения отозвалось и при дворе Хубилай-хана.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ИНДИЯ

Глава 13

ИСКАТЕЛЬ

И крик пронесся б, как гроза:
Сюда, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!

Когда династия Юань пошатнулась, Марко предусмотрительно отдалился от своего прежнего кумира, Хубилай-хана. Если верить венецианцу, он покинул двор с его интригами, утоляя ненасытное желание узнать мир лучше всех предшественников. Он представляет новую стадию своих путешествий как острый приступ тяги к странствиям. Он поддался чарам Индии и получил дозволение Хубилай-хана посетить ее.

Понятие «Индия» у Марко, как и у других путешественников той эпохи, остается довольно смутным. Европейцы часто говорили о «трех Индиях», или о «Великой» и «Малой» Индии — довольно растяжимые понятия. Каждый автор или путешественник подгонял границы «Индии» к своим целям или предубеждениям, и Марко не был исключением. Так или иначе, Индия для него была не столько местом на карте, сколько символом спасения.

На пути к Индии Марко-открыватель новых земель преобразился в Марко-мореплавателя, как и следовало ожидать от аристократа из морской империи Венеции. Он обнаружил, что нет лучшего средства от его недуга, чем оке-

ан. В его синих водах Марко обрел успокоительное лекарство и чувство свободы.

«Мы начнем прежде всего рассказывать об огромных кораблях, на которых купцы попадают в Индию», — объявляет Марко. Это были искусно построенные арабские и китайские суда из кедра и сосны, с широкой палубой. Европейского читателя, привычного к примитивным судам, должны были поразить их размеры. Корабль, на котором плыл Марко, имел шестьдесят кают, в которых купцы могли «расположиться с удобством». Он был снабжен рулем, четырьмя мачтами и четырьмя парусами. «Они часто добавляют.. еще две мачты, которые ставят и убирают по желанию», — сообщает Марко. Более крупные корабли имели до тринадцати трюмных отсеков, «так что если случится, что корабль получит пробоину», от удара о скалы, например, или от нападения кита, «ищущего пищи», поврежденное судно оставалось на плаву.

За шесть веков до «Моби Дика» Германа Мелвилла Марко описал, как арабский корабль выдерживает смертельное единоборство с китообразным. «Если корабль плывет ночью и взволнует воду возле кита, тот, видя блеск воды от его движения, думает, что там для него пища, и бросается вперед, ударяя корабль и часто пробивая борт. Тогда вода, проникая в отверстие, течет по днищу, которое никогда ничем не заполняют». Здесь Марко упоминает корабельную технику, неизвестную европейцам: водонепроницаемые трюмы. Это было воистину инженерное чудо. «И тогда моряки узнают, что в борту пробоина, и все из поврежденного трюма перекачивают в другие, потому что вода не может пройти из одного трюма в другой, так плотно они разгорожены; тогда они чинят корабль и возвращают на место переложенный груз. Они сработаны так: стены двойные, то есть одна доска на другой, и, как говорят моряки, проконопачены внутри и снаружи, и сколочены железными гвоздями».

Изучив арабское кораблестроение, Марко описывает технику обеспечения водонепроницаемости судна, которая должна была сильно заинтересовать корабельщиков венецианского Арсенала. «Они не смолят смолою, потому что ее не имеют, — говорит он. — Скажу вам, что они берут известь и мелко нарубленную коноплю, и сбивают все вместе, добавляя древесное масло... и этим они смазывают свои корабли, и это ничуть не хуже, чем смола».

Арабские суда были не только лучше и безопаснее европейских. Они были так велики, что Марко не устоял перед искушением вновь поразить своих читателей статистическими данными. Команду судна составляли от 150 до 300 моряков, а груза оно несло много больше, чем любое плавучее средство Венеции. Прежние корабли были еще больше, но потом шторма, или, как он выражается, «ярость моря», сделали гавани и прибрежные воды слишком мелкими для «тех больших кораблей, так что теперь их строят меньшими; но они (все еще) так велики, что могут принять пять тысяч корзин перца, а иные и шесть тысяч».

Большие корабли водили за собой вспомогательные суда, бравшие по тысяче корзин перца. Щеголяя знанием морского дела, Марко в точности объясняет, как используют вспомогательные суда в тех далеких странах. «Они помогают буксировать большие корабли на веревках, то есть швартовах, когда идут на веслах, а также когда идут под парусом, если преобладает ветер с траверза, потому что малые идут впереди большого и тянут его на веревках, если только ветер не дует прямо; тогда паруса большого судна мешают парусам малых поймать ветер».

Такие же маневры выполнялись, чтобы отвести большое судно на ремонт. «Когда большой корабль... проплавает год или более и нуждается в починке, они... прибывают еще по доске поверх двух по всему борту судна, так что их становится три, и так же конопатят и промасливают их». Эта трудоемкая процедура производилась по мере необхо-

димости, пока на бортах не нарастало шесть слоев, после чего «корабль не может больше плавать далеко в открытом море, но только на небольшие расстояния и в хорошую погоду». В конце концов, говорит Марко, «их разбирают на части».

При всем превосходстве в технологии, моряки Индии рабски следовали нелепым приметам. Марко с удивлением узнал, как они предсказывают исход плавания. Для этого требовались всего лишь корабль, сильный ветер и несчастный пьяница.

«Люди на корабле возьмут плетенку, то есть загородку из плетеных лоз, и на каждом углу и стороне плетенки привязаны веревки, и другим концом все они привязаны к длинной веревке, — объясняет он. — Они найдут какого-нибудь глупца или пьяницу и привяжут его на плетенку; потому что ни один разумный и трезвый человек не подвергнет себя такой опасности. Когда подует сильный ветер, они пускают плетенку против ветра, и тот человек держит ее за длинную веревку. Если плетенка склонится по ветру, они немного притягивают ее к себе, и она выпрямляется, и они отпускают веревку, и плетенка поднимается... Если плетенка взлетает прямо в небо, они говорят, что плавание корабля, для которого сделано испытание, будет быстрым и прибыльным, и все купцы собираются на него и плывут на нем. А если плетенка не смогла взлететь, ни один купец не взойдет на корабль, для которого сделано такое испытание, потому что, говорят они, корабль не сможет окончить плавания, и его поразят многие бедствия. Так что такой корабль на этот год остается в порту». Марко описывает этот обычай с бесстрашием этнографа, рассказывающего о необычном племенном ритуале. Повидав и узнав мир лучше любого европейца, он выработал здравый смысл, терпимость и скептицизм, которые помогли ему осмыслить увиденное в Индии и запечатлеть в своих записках.

ИНДОНЕЗИЯ

Во вступлении Марко описывает Индонезию как восемь царств, в шести из которых он побывал, «а именно... в царстве Ферлек, Басман, Суматра, Дагроян, Ламбри и Фансур». Пожалуй, самым первобытным из них был Басман, жители которого «не имеют закона, как звери». Он замечает: «Великий хан считает их своими подданными, но они не платят ему дани, потому что так далеки, что люди великого хана сюда не добираются».

То было, во всех отношениях, волшебное царство, с причудливым бестиарием, включавшим слонов, единорогов «и больших черных ястребов». «Единорог» Марко — это все тот же азиатский носорог, как становится ясно из описания: «У него шерсть буйвола, а ноги как у слона. У него один рог посередине лба, очень толстый и черный. И скажу вам, что он не причиняет зла людям и зверям своим рогом, но только языком и коленями, потому что на языке у него шипы длинные и острые; так что свою жертву он топчет и валит на землю коленями, а потом кусает языком».

Еще более напугали его «обезьяны» Басмана. «На этом острове есть род обезьян, которые очень малы, с лицами, совершенно как у людей, и другими частями тела напоминают их. Так они говорят, что эти обезьяны — люди, и обманывают других». Эти обезьяны, если верить Марко, служили для жестокой забавы. «А другие люди, охотники, берут таких обезьян, и ошпаривают их, и лишают всех волос на теле особой мазью, и прикрепляют и оставляют им длинные волосы на подбородке вместо бороды, и на груди, и раскрашивают кожу краской, чтобы сделать похожей на человеческую. Когда кожа высыхает, дыры, где закреплены волосы, съеживаются, (так что) кажется, будто они растут от природы. А ладони и ступни и другие члены, которые не совсем как у людей, они растягивают и подрезают и делают похожими на человеческие ладони. Потом

их высушивают и кладут в деревянные формы с солью и покрывают шафраном и камфарой и другими вещами, чтобы они не разлагались, так что они кажутся людьми. И потом они отдают их купцам, которые развозят их по свету ради прибыли, и уверяют, что это такие маленькие люди».

Марко имеет в виду не обезьян, а пигмеев — низкорослых людей ростом менее шестидесяти дюймов. Их обычно связывают с Африкой, однако общины пигмеев или их остатки можно было найти в Индонезии и по всей Юго-Восточной Азии. Азиатских пигмеев называли «негритосами», в отличие от африканских «негрилло», но в последнее время оба названия вышли из употребления. Предполагается, хотя и не доказано, что все пигмеи имеют общего предка и общую ДНК. В целом общины пигмеев жили отдельно от преобладавших в той или иной местности этносов.

СУМАТРА

К отчаянию Марко, его застал сезон муссонов. «Я сам, Марко Поло, оставался со спутниками на месте около пяти месяцев из-за неблагоприятной погоды, которая вынудила меня остаться там, и противных ветров, которые не позволяли нам продолжить путь».

Вынужденную задержку делили с Марко две тысячи других путешественников, устроивших временное жилище в пяти легких деревянных постройках. «Там много древесины», — объясняет он. По его уверениям, он играл главную роль в защите путешественников от потоков, происходивших в эти пять дождливых месяцев. Марко и прежде приписывал себе героические роли. Возможно, так было и в этом случае. «На том острове я велел выкопать вокруг нас большие рвы, — говорит он, — которые выходили концами к берегам моря, из страха перед зверями и звероподобными людьми (по-видимому, воинственными каннибалами), которые рады были изловить, убить и съесть человека».

Когда страхи улеглись, Марко выяснил, что опытные купцы ведут с этими каннибалами заочную торговлю, выменивая у них пищу и другие необходимые для жизни предметы, в особенности рис и рыбу, к которой он проявляет аппетит, порожденный угрозой голода: «Лучшая рыба в мире!». Он проводил время, заливая скуку и страх местным вином. «У них есть порода деревьев, с которых они срезают ветви, — отмечает он, — и из надреза течет жидкость... которая и есть вино. Горшок или очень большой кувшин подставляют к обрубку, оставшемуся на дереве, где была срублена ветвь, так же как собирают сок винограда. Из этих надрезов (вино) каплет очень быстро, и за день и ночь они наполняются, и это вино очень хорошо, как наши вина».

ДАГРОЯН

С окончанием сезона дождей Марко, пошатываясь, выбрался из-под сени винных деревьев и отправился в царство Дагроян. Здесь он стал свидетелем ужасных обрядов над больными, которых осматривал «колдун» — провидец, определявший, суждено ли болящему «выздороветь или умереть».

Тех, кому суждено выздороветь, оставляли без внимания, а умирающего подвергали примитивной эвтаназии, за которой следовало каннибальское пиршество. «Некоторые из тех людей, знающие, как убить самым легким и мягким способом, приходят, и придавливают больного, который скоро должен умереть, и душат его, и убивают до времени его смерти. А когда он помрет, его разрубают и искусно готовят. Все родственники умершего сходятся на дружеский пир и съедают его без остатка, сваренного и поджаренного».

Марко описывает этот обычай с ужасающей подробностью, передавая почтение, а может быть, и страх каннибалов перед душами умерших. «Они съедают все и выбивают даже мозг из костей, не оставляя в них никакой влаги и жира, — продолжает он. — Они делают это потому, что не же-

лают, чтобы хоть одна частица его осталась. Потому что, говорят они, если останется в костях что-то съедобное... из него появятся черви, и эти черви потом умрут от недостатка пищи, а на душе покойника будет грех. Съев его, они берут кости и кладут их в каменный ларец, и уносят, и подвешивают в большой пещере в горах, в таком месте, где ни зверь, ни другой злодей их не тронет».

Марко не скрывает отвращения: «Очень дурной обычай, и люди здесь жестокие и злые».

ФАНСУР

По ходу знакомства с Индонезией Марко все реже превозносил монгольскую империю и сосредоточился на описании блюд. Добравшись до царства Фансур — название которого означает «камфара», — он так изголодался, что вместо описания прославленных природных богатств острова привел описание хлеба из сагового дерева. Приготовление его было довольно простым: местные вскрывали ствол зрелой саговой пальмы и истирали сердцевину в крахмалистую субстанцию, которую затем промывали, процеживали, высушивали в порошок и выпекали плотные, почти безвкусные лепешки, которые, по его мнению, «очень хороши на вкус». Он даже говорит, что «хлеб из такой муки похож на ячменный хлеб и такого же вкуса».

Он приглашает читателя представить его пирующим после долгого поста: «Я, мастер Марко Поло, видевший все это, скажу вам, что мы сами пробовали его в достатке, потому что часто ели их (лепешки)». Он так полюбил саговую муку, что запасся ею в дорогу. «Я привез немного этой муки с собой в Венецию», — признается он, однако трудно представить, чтобы венецианцы разделили его восторг.

ЦЕЙЛОН

«Благородные и дорогие рубины добывают на этом острове», — рассказывает Марко. Более того, «здешний царь

владеет прекраснейшим в мире рубином». Марко описывает его со знанием дела: «Я, Марко Поло, был одним из послов и видел означенный рубин своими глазами; и когда государь держал его в кулаке, он выдавался снизу и поверх пальцев, и государь подносил его к глазам и ко рту». Возможно, Марко все же преувеличивает: «Он примерно с ладонь в длину и толщиной в человеческую руку. И это самая великолепная и яркая вещь в мире. Он безупречен. Он красен, как огонь».

Хубилай-хан объявил, что должен получить камень, поэтому, рассказывает Марко, «великий хан прислал послов к этому государю... говоря, что желает купить тот рубин, и если он отдаст его, хан даст взамен цену целого города». Завладеть рубином хану не удалось, потому что «царь сказал, что не отдаст его ни за что на свете, ибо он принадлежал его предкам, и по этой причине хан его не получит». Этому Хубилай-хан не мог ни стерпеть, ни понять.

Рассказав эту историю, Марко как будто признает, что даже Хубилай-хан был всего лишь смертный человек и, что еще печальнее, он быстро терял силы и авторитет.

ИНДИЯ И АДЕНСКИЙ ЗАЛИВ

Маабар

Здесь, в «самой славной и богатой (области) мира», Марко наконец почувствовал себя в своей стихии. Он оказался среди богатых торговцев, скупавших жемчуг, который добывали на материковых отмелях. «Во всем этом заливе нет вод более десяти или двенадцати саженей глубиной, а в некоторых местах не более двух саженей. В этом заливе добывают лучший жемчуг», — сообщает он. Основываясь на собственном опыте обращения с этим драгоценным товаром, Марко рассказывает, как собирают и продают жемчуг. Процесс этот мало изменился со времен первых описаний двухтысячелетней давности. «Несколько купцов образуют компанию и соглашение, и берет специально

снаряженный для этого большой корабль, на котором у каждого есть свое обставленное помещение, и чан с водой, и другие необходимые вещи».

На короткий сезон сбора, продолжавшийся с апреля по май, корабль выходит к месту, «называемому Бетталар, где в большом количестве находят раковины, и причаливает там. Оттуда они выходят в море... шестьдесят миль прямо на полдень, где бросают якорь, и с большого корабля переходят в маленькие барки... Там будет много таких кораблей» — до восьми тысяч, судя по современным ему отчетам, — «потому что верно, что многие купцы уделяют внимание этой ловле, и они образуют много компаний. Все купцы, собравшиеся на большом корабле, имеют несколько лодок, которые буксируют корабль по заливу. На маленьких лодках якорь большого корабля выносят на сушу и закрепляют. Они (нанимают) людей, умеющих хорошо плавать, искусных ловцов жемчуга, с которыми заключают соглашение на месяц; то есть они дают им за целый месяц апрель до середины мая, или пока в заливе продолжается ловля».

Сбор жемчуга был опасен, особенно из-за «больших рыб», нападавших на ловцов. Купцы защищали себя при помощи «колдунов», известных как «брааманы, которые чарами и дьявольским искусством заколдовывают и одурманивают этих рыб, так что те никому не могут повредить. Ловлю производят днем, а не ночью, поэтому те колдуны накладывают чары на день и снимают их на следующую ночь».

Наконец «корабль бросает якорь, и те люди, что в маленьких барках... покидают барки и погружаются под воду, иные на четыре сажени, иные на пять, иные до двенадцати, и остаются под водой сколько могут; опустившись на дно моря, они находят раковины, которые люди называют морскими устрицами, и складывают их в маленький мешок из сетки, привязанный на теле».

Дальше Марко описывает не меняющийся веками процесс извлечения жемчужин. «Эти раковины в самом деле раскрывают и кладут в вышеназванные чаны с водой на

корабле, потому что жемчужины находят в плоти этих раковин. И пока они остаются в воде чанов, их тела разлагаются и гниют, и становятся как белок яйца, и тогда они всплывают на поверхность, а чистые жемчужины остаются на дне». Говоря, что «жемчуг, найденный в том море, расходуется по всему свету», Марко не преувеличивает.

Собрав, осмотрев и рассортировав жемчужины, купцы тщательно делили прибыль под любознательным взглядом Марко. «Прежде всего, они отдают десятую часть собранного царю. Опять же они отдают тому, кто заколдовывал больших рыб, чтобы те не вредили людям, спускающимся под воду за жемчугом».

Жители Маабара щедро украшали себя собранным жемчугом. Бывало, что они носили *один* жемчуг. «Там нет нужды в портных и швеях, чтобы кроить и шить одежду, потому что они ходят нагими во всякое время года», — отмечает Марко, добавляя, что «они прикрывают естество лоскутом материи». Царь той страны носил широкое золотое ожерелье с «большими красивыми жемчужинами и... драгоценными камнями», в том числе рубинами, сапфирами и изумрудами. С этого ожерелья свисал «шнур тонкого шелка», на который было нанизано ровно 104 отборных жемчужин и рубинов — число драгоценных камней соответствовало 104 молитвам, которые полагалось произносить ежедневно. Кроме того, царь носил украшенные жемчугом золотые браслеты — «дивного вида», — покрывавшие его руки до плеч и ноги до бедер, и даже пальцы на руках и на ногах. По оценке Марко, эти драгоценности стоили «дороже хорошего города». Царь ревниво охранял свои сокровища, «приказывая, чтобы все, владеющие красивыми жемчужинами и хорошими камнями, приносили их ко двору; за них он платил вдвое». Это предложение приманивало купцов, подобных Марко, а также и подданных царя, которые «с радостью несли их ко двору, потому что им хорошо платили».

Венецианца, как всегда, занимали сексуальные излишества, и он отмечает, что у царя было пятьсот жен. «Сто-

ит ему увидеть красивую женщину или девицу, он желает их и берет в жены», — уверяет Марко. «В этом царстве женщины очень хороши собой и, кроме того, украшают лицо и все тело».

Несмотря на простоту, с которой он приобретал жен, этот привилегированный владыка опустил до «неподобающего» деяния, чтобы получить «очень красивую женщину», к несчастью, бывшую женой его брата. Не смутившись этим, царь «взял ее у него (брата) силой и много дней держал у себя. Брат, человек осторожный и благоразумный, терпел это спокойно и не ссорился с ним». Для такого терпения была необычная причина: «Он много раз готов был начать войну с ним (царем), за то, что тот отнял у него жену, но их мать показывала им свою грудь, говоря: “Если между вами начнется раздор, я отрежу грудь, которой вскормила вас”. И потому мир сохранился».

Царю было о чем подумать и кроме жен — прежде всего, о неисчислимом множестве детей и о большой, фанатично преданной свите слуг. Выросший во времена, когда феодализм был еще в полной силе, Марко понимал, какие узы связывают повелителя и слугу — как-никак, он сам два десятилетия был вассалом Хубилай-хана. Однако узы между этим государем и его слугами были совершенно иного рода, как повествует Марко. «Когда царь умирает, его тело сжигают на большом костре... тогда... многие из товарищей и из тех баронов, кто был ему верен... бросаются в огонь по собственной воле, и сгорают с царем, чтобы оставаться с ним и в ином мире; потому что, говорят они, если они были с ним в этом мире, то должны оставаться с ним и в другом, чтобы служить ему там». Это было первое знакомство Марко с обычаем «сати», широко практиковавшимся в мире, который он открывал для себя. «Когда человек помрет и его тело сжигают, его жена сама бросается в огонь и дает сжечь себя вместе с мужем», — удивляется он, добавляя, что «женщины, которые так поступают, заслуживают великой похвалы», а те, кто предпочитает сохранить себе жизнь, вызывают презрение.

Взгляды на преступность в этом королевстве также резко расходились с западными взглядами. «Если человек совершил преступление, за которое должен умереть, и владыка велит его убить, тот, кто должен быть казнен, говорит, что хочет сам убить себя ради чести и любви такого-то идола. Царь отвечает, что вполне согласен на это».

Следующее за тем ритуальное наказание Марко описывает с мрачной пышностью. «Все родичи и друзья того, кто должен убить себя, берут его и сажают в кресло, и дают ему двенадцать мечей или ножей, хорошо заточенных и острых, и привязывают его за шею, и носят по всему городу, и при этом говорят и восклицают: “Этот доблестный человек собирается убить себя ради любви, чести и почтения такого-то идола”. Когда процессия останавливается в назначенном месте, тот, кто должен умереть, берет нож и кричит громким голосом: “Я убиваю себя из любви к такому-то идолу”. Сказав эти слова, он ударяет себя ножом в середину живота... он наносит себе столько ударов теми ножами, что убивает себя». В другой версии, возможно, еще более мрачной, он приставляет нож «к затылку и, с силой притягивая его к себе, пронзает себе шею, потому что нож хорошо заточен, и умирает от этого».

Поразив таким образом аудиторию, Марко прямолинейно заявляет: «Когда он убит, родственники сжигают его тело с великой радостью и празднеством, полагая его счастливым».

Безумие, намекает он с лукавым венецианским прищуром, всего лишь вопрос выбора точки зрения.

Марко также знакомит свою аудиторию с необыкновенными «сюги», или йогами — благочестивыми индийцами, отличавшимися «великим воздержанием» и «суровой и трудной жизнью», которую вели «из любви к своим идолам».

Их внешность сразу привлекала взгляд. «Они ходят нагим, не нося на себе ничего, так что их естество не прикрыто, как и другие члены». Марко говорит, что они покло-

нялись быку и в большинстве своем носили маленькую фигурку быка из меди или позолоченной бронзы на середине лба. Они жгли бычий навоз и умащались пеплом «с великим благоговением... как христиане святой водой». Они не ели зеленых растений, веруя, что все живое, включая растения и листья, имеет душу, и спали нагими на земле, «не прикрываясь ничем ни сверху, ни снизу». «Великим чудом» было, что такая жизнь их не убивала. Суровость их жизни дополнялась тем, что «они постились весь год и не пили ничего, кроме воды».

В своих «церквах» или «аббатствах» йоги боролись с сексуальностью. Когда один из числа служивших их «идолам» умирал, кандидаты в преемники собирались в аббатстве и испытывали свое стальное самообладание теплыми нежными ласками девиц. «Они (девушки) касаются их здесь и там во многих частях тела, — говорит Марко, — и обнимают их, и целуют, и подвергают их величайшим в мире удовольствиям. Человек, подвергшийся такому обращению девиц... если его член вовсе не шевельнулся, иначе как был до того, как девушки коснулись его, считается добродетельным, и они оставляют его у себя, и он служит их идолу». Что касается кандидатов, не устоявших перед ласками дев, «если его член шевелится и поднимается, такого они вовсе не оставляют, но немедленно изгоняют из братства монахов навеки и говорят, что отказываются жить с таким распущенным человеком».

Наблюдая эти чужеземные обычаи, Марко не судит их и не отшатывается в ужасе. Он сохраняет объективность, хотя и бывает озадачен. Его увлекало поразительное разнообразие нравов и обычаев в провинциях, в которых ему довелось побывать. Между строк наблюдений, которые он предлагал своим читателям, можно прочесть о том, как по ходу повествования эволюционирует его мировоззрение и он все дальше отходит от христианства в область буддизма.

В качестве примера для сравнения христианства и буддизма он приводит святого Фому, одного из двенадцати

апостолов. И на арамейском, и на греческом его имя означало «брат-близнец», и в Евангелии от Иоанна 11:16 о нем говорится как о «Фоме, прозванном братом». Фома, единственный из учеников, не уверовал в весть о Воскресении — отсюда пошло выражение «Фома неверующий». (Только коснувшись ран Христовых, он стал ревностным христианином.) В апокрифической литературе, в частности в «Деяниях Фомы», говорится, что он принял мученическую смерть в 53 году в индийском Мадрасе, в месте, которое позже получило название Горы Фомы.

В путешествии по Индии Марко обращался мыслями к этому мученику чаще, чем к какому-либо иному персонажу христианства. «Тело мастера святого Фомы Апостола, принявшего мученичество за Христа в этой провинции, похоронено... в Маабаре... в маленьком селении, потому что там вовсе нет людей, и мало купцов, и купцы не приходят туда, потому что там нечем торговать, и потому также, что место это удалено от дорог». Услышав о нем, Марко не устоял перед искушением там побывать. Много лет назад в Армении он, как полагал, упустил шанс подтвердить, что Ноев Ковчег находится на горе Арарат; теперь у него появилась возможность доказать существование апостола, и на сей раз он решил не отступать.

Он отправился в паломничество к могиле в провинции Маабар в обществе христиан и мусульман. «Скажу вам, что сарацины этих земель имеют в него большую веру и говорят, будто он был сарацин» — заключение доброжелательное, но нелогичное, поскольку жизнь и деяния Фомы на несколько столетий предшествовали возникновению ислама. Тем не менее «те сарацины говорят, что он был великий пророк, и зовут его на своем языке “авиарум”, что означает “святой человек”». Невнятные объяснения Марко относительно личности святого Фомы, возможно, отражают смешение религиозных преданий в этой области или показывают, что он сам не понимал, о чем ведет речь.

Независимо от того, кем был «святой человек» при жизни, место его захоронения окружали тайны и чудеса. Дере-

вья давали орехи — Марко называет их «фараоновыми орехами», — обеспечивавшие и пищу, и питье. «У них есть наружная скорлупа, на которой словно нити, которые используют во многих вещах и применяют для многих целей. Под этой наружной скорлупой находится пища, которой человек может наесться досыта. Она воистину сочна и сладка как сахар, бела как молоко и образует чашу в форме наружной скорлупы. А в середине этой пищи так много воды, что можно наполнить сосуд, и вода эта чиста и холодна, и превосходного вкуса». Марко не скрывает изумления. Эти таинственные орехи, разумеется, кокосы.

Сама земля, тучная и красная, обладала волшебной целительной силой. «Христиане, которые совершают паломничество туда, берут землю с места, где было убито святое тело Святого Фомы, и благоговейно несут в свои страны, и дают немного этой земли, смешанной с водой или иными жидкостями, пить больному, если он болен трехдневной или четырехдневной лихорадкой — то есть малярией, — и едва больной выпьет, он исцеляется силой Господа и святого». Марко уверяет, что он сам «привез немного этой земли с собой в Венецию и многих исцелил ею». Купцу Марко не к лицу мантия целителя. Вполне возможно, что он вернулся в Венецию с образцом этой чудесной земли, но нет сообщений о том, что он использовал ее для лечения, и случаи исцеления не числятся среди его подвигов. Скорее всего, его секретарь Рустичелло или кто-то из благочестивых переводчиков рукописи добавил эту подробность, чтобы преувеличить веру Марко.

Он и в самом деле становился верующим. Марко больше не отзывается о сотнях, а затем и тысячах виденных им изображений Будды — деревянных, каменных и рисованных — как об идолах. Теперь он погружается в историю этого уникального духовного учителя, пытаюсь постичь таинственное, но несомненное притяжение Будды.

Впервые сочувствие к буддизму могло пробудиться в Марко при контактах с монголами, которые все чаще при-

нимали учение Будды. Они узнали о нем от западных соседей, уйгуров, однако уйгурская версия буддизма пришла не из Индии, а из Тибета. Пропитавшись магическими обрядами, эта вера распространялась на восток по Шелковому пути вплоть до Камбулака и дошла до Хубилай-хана, который принял ее наряду с другими верованиями своей империи. В Индии Марко встретился с более древней, чем в знакомых монголам доктринах, формой буддизма, и пленился ею. Как хамелеон, он вновь сменил окраску: из Марко-монгола стал Марко-буддистом.

Марко задался целью передать своей западной аудитории значение Будды. Его описание знакомства с Буддой передает ощущение, будто он для того и пустился в такую даль, чтобы встретиться с великим учителем, который придаст смысл и ясность его странствиям. История взросления Будды напоминала историю Марко, и венецианский купец естественно ассоциировал ее с историей духовных странствий индийского мудреца. Марко приводит рассказ о жизни Будды — сильно сокращенный, однако в нем слышится сердечное чувство, а не пренебрежение или снисходительность. Он впервые представил своим первым читателям Будду и буддизм. Марко называет Будду необычным именем: Сагамони Буркан — «Божественный Будда». Первая часть этого имени — его транскрипция «Шакьямуни». Этот термин из санскрита означает: «святой из царского рода Шакья». Вторая часть произведена от монгольского слова «бурхан», означающего «бог», «божественный» или «святой».

«Этот Сагамони был первый человек, во имя которого делались идола», — объясняет Марко и далее описывает его как «святого и лучшего человека среди них», добавляя, что он был первым человеком, «которого они почитали за святого и сделали ему идола».

Марко продолжает: «Он был сыном великого царя, богатого и могущественного. Вел он столь добродетельную жизнь, что не желал слышать ни о чем мирском и не желал

быть царем. И когда его отец увидел, что сын не желает царствовать... он был от того в великой досаде. Он сделал ему весьма лестное предложение, сказав, что венчает его полновластным царем державы, и тот станет владеть ею по своей воле. Он же готов был отказаться от венца и не стал бы никому приказывать, хотя остался бы господином и повелителем.

Его сын сказал, что воистину ничего не желает. И когда отец его увидел, что он не желает никакой мирской власти, он пришел в столь великую досаду, что едва не умер от горя. И не удивительно, потому что у него не было сыновей, кроме этого, и некому было оставить царство после смерти. Король долго размышлял... и велел ему поселиться в очень красивом дворце, и дал ему тридцать тысяч красивых и обворожительных дев для услужения, и приказал им играть с ним день и ночь, пообещав, что первая, кто соблазнит его возлечь с ним, станет его женой и царицей».

Девушки исполнили приказ. Они играли, пели и плясали. Они «прислуживали ему за столом и не оставляли его целыми сутками». Однако сын отказывался «потворствовать своим слабостям» и вел добродетельную жизнь, храня целомудрие. «Скажу вам, — говорит Марко, — что он был столь нежным юношей, что в юности никогда не выходил из дворца своего отца и не видел мертвого или увечного, потому что отец не позволял старикам и калекам являться перед ним». Такая невинность не могла сохраняться до бесконечности.

«И вот случилось, что этот молодой человек, получив позволение отца выехать на прогулку в прекрасном обществе, скачет однажды по городу и видит мертвого, которого несли хоронить, и за ним следует много народу. Он пришел от этого в смятение, потому что никогда не видал мертвых. И он тут же спрашивает тех, кто был с ним, что это, и те отвечают ему, что это мертвец.

— Как, — спрашивает царский сын, — разве люди умирают?

— Да, воистину, — отвечают ему.

На это юноша ничего не сказал и поехал дальше в большой задумчивости. Вскоре ему встречается дряхлый старик, согбенный годами, который не мог ходить, и во рту у него не осталось ни одного зуба, но все их он потерял с возрастом. Юноша спрашивает: “Как из юношей получаются такие старые и согбенные, как этот?” И слуги отвечают ему: “Государь, всякий, кто долго живет на этом свете, должен состариться, подобно этому человеку, и затем умереть”. И тогда царский сын, узнав о старости и смерти, возвратился во дворец, испуганный и потрясенный».

Марко пересказывает эту легенду с большей убежденностью и точностью, нежели другие религиозные предания. Их всех историй, слышанных им в странствиях, рассказ о молодом человеке, потрясенном смертью и старением мира, вызвал в нем самый сильный отклик. «Он ушел в великие горы вдали от дорог, ища самых суровых и диких мест, и провел там дни своей жизни в праведности и чистоте, и вел трудную жизнь, питаясь кореньями и травами, и дикими плодами, и свершал великое воздержание, совсем как если бы он был христианином».

Марко видит в этой стадии жизни молодого царского сына связь между Востоком и Западом, между христианской верой и мировоззрением буддизма. Более того, под влиянием этого предания он решается возвести основную идею буддизма до уровня христианства, какой бы еретической ни показалась эта идея венецианцам. «Ибо воистину, будь он христианином, он стал бы великим святым у Господа нашего Иисуса Христа, столь добрую и чистую жизнь он вел».

После паузы Марко подводит рассказ к заключению. «Когда этот царский сын умер, его отнесли к царю, его отцу. Когда он увидел мертвым того, кого любил более самого себя, нечего говорить, в какой он был досаде и горести: он едва не лишился чувств... Он объявил великий траур и оплакивание во всем народе. Затем царь велел сделать его

подобие из золота и драгоценных камней, и велел поклоняться ему по всей стране с величайшим благоговением, как богу».

Внезапная перемена интонации показывает, что, при всей готовности Марко принять Будду, он сохраняет скепсис относительно доктрины реинкарнации. «Они говорили, что он был богом, и говорят так до сих пор, и также — что он умирал восемьдесят четыре раза; потому что, говорят они, когда он умер в первый раз, будучи человеком, он затем ожил и стал быком, затем ожил и стал конем, и затем ослом, и так, говорят они, он умирал восемьдесят четыре раза, и каждый раз, они говорят, он становился животным, собакой или иным, но в восемьдесят четвертый раз, говорят они, он умер и стал богом; и его идолопоклонники почитают лучшим из богов и величайшим, какой у них есть».

На отношение Марко к буддизму сильно повлияло монгольское поклонение Будде как могущественному чародею. Но и собственный взгляд Марко отбросил свой свет на буддистские предания, с которыми он познакомился в Индии. В них он находит идеальный образ отца, который не покидает сына, как покинул его много лет назад его отец, и духовный ориентир, во всех отношениях превосходящий похотливого и брэнного Хубилай-хана. Вечно недоступный Будда исполнил эту возвышенную роль, и одобрительное восприятие буддизма, возможно, освободило Марко от уз его прошлого.

Во владениях Будды ничто не считалось шокирующим или богохульным — эта перемена точки зрения отмечает первый перелом в сознании Марко со времени его болезни на маковых полях Афганистана. На сей раз просветление было достигнуто вполне естественным путем, и тем не менее ошеломляло. Он почти готов признаться, что впервые ему не хватает слов для описания перемен в его самосознании. Пережитое в Индии оказалось неподвластным его перу. Теперь он не воскрешает свои приключения для развлечения читателей, оживляя их силой воображения. Нет,

он набрасывает зарисовки на незаконченном холсте. Здесь скорее виден духовный поиск и размышления вслух, а не приключенческие рассказы для всех и каждого. Славные битвы и соблазнительные наложницы, которых он расписывал прежде, бледнеют перед значимостью духовного странствия, разворачивавшегося перед ним; перед его последним и самым великим открытием: открытием себя.

В описании Цейлона Марко упоминает переход через крутые недоступные горы, на вершине которых стоял «памятник» Адаму — по крайней мере, так рассказывали ему мусульмане и христиане. Однако, отдав долг этому традиционному объяснению, он тут же переходит к буддистской интерпретации «гробницы». Независимо от того, кто был увековечен в этой отдаленной местности, все веры сходились в том, что здесь находятся «зубы, волосы и чаша» — чаша для еды — почитаемой личности. Марко не забывает отметить, что не согласен с теми, кто утверждает, будто здесь можно найти останки Адама, «потому что писание нашей Святой Церкви говорит, что он в другой части света. Решение этого вопроса я хочу предоставить другим».

В 1281 году Хубилай-хан узнал от побывавшего в тех горах мусульманина, что там можно найти останки Адама. «Тогда он сказал себе, что ему необходимо получить зубы, чашу и волосы». Это желание, каким бы непрактичным оно ни было, захватило дряхлеющего Хубилай-хана. Как и во многих других случаях, он «отправил послов к королю острова Цейлон с просьбой отдать ему эти вещи». К экспедиции охотно присоединился бы и сам Марко, если бы к этому времени он не обдумывал плана возвращения домой. Однако он описывает ее с таким одобрением, будто сам в ней участвовал. Через три года послы добрались до места назначения. Как повествует Марко: «(Они) так исхитрились, что в конце концов получили два коренных зуба, больших и толстых, и также получили несколько волос и чашу, из которой он (почитаемый) когда-то ел. Когда гонцы великого хана добыли вещи, о которых я вам гово-

рил, они пустились в путь и возвратились к своему владыке. Когда они подходили к великому городу Камбулак, где находился великий хан, они дали ему знать, что возвращаются со святыми мощами, за которыми он посылал». Хубилай с благодарностью принял доставленное, обратив особое внимание на чашу, потому что слышал, будто если в нее положить еду на одного человека, «пять человек могут насытиться из нее». Ради проверки он велел наполнить ее едой на одного, и, как было объявлено, из чаши в самом деле наелись пятеро — если верить Марко. Он передает историю о волшебной чаше с явным скептицизмом, хотя воздерживается от объявления Хубилай-хана легковерным человеком, даже если намекает на такую возможность.

Во время путешествия по побережью Индии Марко мучил «лихорадочный жар». «Солнце там такое горячее, что его едва можно выносить», — жалуется он. «Даже вода так горяча, что, если опустить яйцо в реку, когда на нее ярко светит солнце, оно скоро сварится, как в кипятке». Несмотря на столь жаркий климат, торговать туда сходились корабли со всего света.

Те места населяли экзотичные и ужасные звери, «отличные от всех, какие водятся в мире», — по словам Марко. Там были черные львы (возможно, пантеры), красивые «попугаи», белые как снег, с красными клювами и лапами (Марко, по-видимому, имеет в виду другую птицу, названия которой не знал); павлины, больше тех, которых он видел в Венеции; курицы больше и лучше всех, каких он встречал; и плоды, подобных которым нигде не видел и которых не мог назвать. Впервые Марко не находит слов для разнообразия флоры и фауны.

Мелибар

Дойдя до описания этого «великого королевства на западе», Марко вставляет убедительное предупреждение о

пиратах. Он объявляет их «морскими разбойниками» и описывает их образ действий, очевидно, по собственному неприятному опыту. «Большая часть кораблей этих злых корсаров разделяется и расходится, чтобы поджидать и высматривать проплывающие купеческие суда». Он рассказывает, что они так наловчились отыскивать добычу, что «ни один купеческий корабль не может пройти незамеченным, потому что собираются по двадцать и тридцать кораблей этих корсаров и выстраиваются в длинную цепь на море». Встав на якорь на расстоянии пяти миль друг от друга, «двадцать разбойничьих судов таким образом контролируют более ста миль открытого моря».

Охота велась днем и ночью. «Как только они (пираты) видят купеческий корабль, зажигают огонь и сигналият светом или дымом, и собираются вместе, и спешат туда и забирают все». Груз был разнообразным и ценным: в трюмах злосчастных кораблей перевозили медь (использовавшуюся как балласт), перец, гвоздику, имбирь и другие драгоценные пряности. Будучи купцом, Марко понимает, что его коллеги «хорошо знают обычай этих злых корсаров, знают, что от них не скрыться», поэтому «собираются помногу вместе и так хорошо вооружаются и подготавливаются, что не ведают страха, когда те находят их, потому что защищаются с отвагой и часто наносят им большой ущерб».

Случалось, что пираты захватывали один из купеческих кораблей, отбирали груз, но щадили людей, говоря им с насмешкой: «Возвращайтесь домой за новым товаром, чтобы отдать его нам!»

Гозурат

Здесь пираты были еще более «жестоки и злы». С неподдельной жалостью к их жертвам Марко рассказывает, как они «захватывают купцов и мало того, что отбирают товар, еще пытаются их, чтобы получить выкуп; если же они не заплатят выкуп быстро, их подвергают таким пыткам, что многие от них умирают».

Ничто из виденного Марко, даже среди монголов, прославленных своей дикой жестокостью, не поразило его так глубоко, как рассказы о пытках, которым арабские пираты подвергали купцов. С возрастающим негодованием он описывает, на какие крайности идут его товарищи по торговле для спасения от мучителей. Если при них были жемчужины и драгоценные камни, говорит он, «они глотают их, чтобы спасти от пиратов, и так умудряются сохранить часть своего добра».

«Однако пираты зловредны, — предупреждает Марко, — и знайте, что если эти корсары захватят корабль и не найдут камней и жемчужин, они заставляют купцов выпить некий напиток под названием тамаринд и морской воды, чтобы купцы извергли все, что у них в животах».

Вечнозеленое высокое и раскидистое дерево тамаринд, или индийский финик, можно узнать по изящной, перистой темно-зеленой листве, поникающей к ночи. В ее гуще теряются цветы тамаринда, в которых зарождаются стручки коричневого цвета, длинные, как банан, с едкой мякотью и мягкими семенами. Созревая, стручки наливаются, сочная кислая мякоть становится коричневой или красновато-коричневой, семена твердеют. Тамаринд — основа индийской кухни и медицины, а описанные Марко Поло пираты использовали его как сильное слабительное. Морская вода вызывала у купцов рвоту, и с ней часть проглоченного, те же драгоценности, которые прошли дальше по кишечнику, смешивались с мякотью тамаринда и выходили со стулом.

«Корсары собирают всех купцов, какие есть на борту, и обыскивают их, чтобы найти жемчуг и драгоценные камни, — объясняет Марко с сочувствием и в то же время с отвращением. — И купцы, которых они захватили, неизбежно теряют все». Так или иначе пираты получали свои трофеи и при этом преподносили купцам унижительный урок. «Злокозненные воры», — презрительно отзывается Марко об этих морских бандитах.

Тана

Марко намекает, что побывал там, но не настаивает на этом. Его неосторожное обращение с источниками информации становится все заметнее по мере его продвижения по Индии, где он все чаще полагается на сведения из вторых рук. Так или иначе, он вводит Тану в свои «Путешествия», поскольку она укладывается в тему: угроза пиратских нападений для купцов и индийской торговли, в остальном весьма выгодной. Здесь изобилуют перец и благовония, а также клееный холст и хлопок. «Великая торговля совершается здесь, и суда и купцы прибывают сюда во множестве, — уведомляет он публику, — и купцы, которые прибывают сюда на судах, привозят с собой золото, серебро и медь, и много других товаров, необходимых в стране, из которой они извлекают доход и прибыль».

И здесь воды кишели пиратами, заслужившими еще один укор от венецианца: «Многие корсары выходят из этой страны и ходят по морям, причиняя великий вред купцам». Как ни странно, они занимались своим гнусным ремеслом с тайного согласия царя Таны, который получал от них всех захваченных лошадей. «Царь заключил с этими корсарами такое соглашение, что они поклялись отдавать ему всех лошадей, каких захватят». В то же время «весь прочий товар, золото, серебро и драгоценные камни, принадлежит корсарам». Перед лицом подобной коррупции, подрывавшей торговлю по всей Индии, венецианцу остается только грустно заметить: «... это злое деяние и не царственный поступок».

Сокотра

Стремление Марко в море и, в конечном счете, домой погнало его через Индийский океан к острову Сокотра в устье Аденского залива.

Сокотра окружен небольшими островками и выделяется среди них, поднимаясь над морем на массивном коралловом основании. На острове, экосистема которого миллионами лет оставалась в изоляции, обнаружилось множество биологических диковин. Венецианец попал в рай для биологов; около трети местных растений и животных можно было обнаружить здесь и больше нигде: среди уникальных видов был земляной краб, обитавший на высоте более тысячи футов над уровнем моря, редкие птицы и множество экзотических рептилий. Наибольшей известностью из флоры острова пользовалось драконово дерево, драконова кровь которого — в действительности, вязкая древесная смола — применялась для лечения ран. Удивление Марко перед островной флорой и фауной, гигантскими ящерицами и веерообразными драконовыми деревьями, заставило его воскликнуть: «Это самое волшебное место на земле!»

Марко с радостью узнал, что в этом отдаленном, но удачно расположенном местечке развита ловля тунца и китобойный промысел, что польстило его купеческим инстинктам. О китах в Европе знали давно. На протяжении веков это гигантское млекопитающее снабжало жителей Северной Европы мясом, ворванью и зубами. Китовый ус особенно ценился для изготовления орудий ткацкого ремесла, игральных фигурок и колод для рубки мяса. В XI веке заплывавшие далеко от дома арабы обнаружили, что на островах у побережья Англии для строительства используют не дерево, а китовую кость. Китобойный промысел был распространен в Скандинавии и в Ирландии.

Марко объясняет, как арабы ловят китов и каким образом купцы извлекают солидную прибыль от добычи этих животных. Он начинает с описания изготовления наживки из тунца. «Тунец очень жирен, и они режут его на куски и кладут в большие вазы или кувшины, и добавляют соль, делая много рассола, — говорит он. — Когда это сделано, человек, может быть, двенадцать берет малый корабль и, взяв на борт эту рыбу в рассоле или рыбный соленый буль-

он, выходят в море. Затем какие-нибудь обрезки или тряпки связывают в узел и, вымочив его в жирном рассоле, бросают в воду; и он привязан к малому кораблю веревкой. Затем они поднимут парус и будут ходить целый день в открытом море туда-сюда, и куда они идут, там остается этот жир, как тропа на воде».

Марко изумлялся выносливости кита: «Если случится, что они проходят мимо места, где есть кит, или кит каким-то образом уловит запах тунца, (кит) плывет по следу.. на сотню миль» — и его уязвимости. Когда охотники настигнут трудноуловимую добычу и бросят ей «два или три куска тунца», кит, проглотив наживку, «сразу становится пьян, как человек, напившийся вином».

Самые отважные китобои перебирались с судна на скользкую мокрую спину животного и удерживали на ней равновесие.

Один держал «железный кол с зазубриной на конце, так что, воткнув, его нельзя извлечь из-за той зазубрины». При первой возможности один из охотников «воткнет кол в голову кита, а другой ударит по колу деревянной колотушкой и сразу закрепит его в голове кита. Потому что опьяненный кит едва ли чувствует стоящего на нем человека, и тот может делать с ним что хочет».

Охотники, презирая опасность, продолжали привычную охоту. «К верхнему концу кола привязана толстая веревка трехсот сажений длиной, и на каждые пятьдесят сажений веревки привязана бочка. Над этой бочкой укреплен флажок, а на дне противовес, так что бочка не переворачивается, а флажок всегда наверху. Конец веревки привязан к лодке, которую они имеют при себе. Кто-то из них будет в этой лодке, так что, когда кит, чувствуя рану, обращается в бегство, те, что были на нем, чтобы вогнать кол, остаются в воде и плывут к лодке и влезают в нее, затем один из бочонков с флажком сбрасывают в воду, и так через каждые пятьдесят сажений».

Под «колом» Марко подразумевает гарпун; после удара гарпуном начиналась дикая погоня. «Когда кит погружает-

ся и уходит, он тащит за собой лодку с привязанной веревкой. Если он затягивает лодку в глубину, то сбрасывают еще одну бочку с флажком, потому что он не может утащить бочку под воду, и так он устает, таская их за собой, что под конец слабеет от раны и умирает».

Когда кит умирал, к нему подходила следовавшая за ним лодка: люди крепко привязывали кита и буксировали его к «своему острову, или к тому, который ближе, где продавали его. Они брали амбру» — воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кита — «из брюха» и «много бочонков жира из головы».

По оценке Марко, один кит давал тысячу фунтов драгоценного жира.

Продукция китобойного промысла была главным товаром на оживленном рынке Сокотры. Прогуливаясь по набережной, Марко заметил, что «много кораблей приходит к этому острову с множеством купцов и товаров, и увозят они с собой товары с этого острова, от которых получают большой доход и прибыль». Среди этого изобилия открыто процветало пиратство. «Корсары приходят на этот остров со своими кораблями, когда совершают плавания, и устраивают здесь лагерь и продают все, что награбили в море».

Почти все здесь знали о пиратах, и почти все предпочитали закрывать на них глаза — в том числе и христиане, знавшие, что «все эти вещи отняты у идолопоклонников и сарацин». В то же время, как говорит Марко, «они считают, что могут покупать их законно и с радостью», финансируя, таким образом, пиратство, которое осуждали на словах.

В этих незаконных водах широко практиковали всякого рода колдуны, чародеи и некроманты, к которым относились критически, но не вмешивались в их деятельность. Сам архиепископ «не желает, чтобы они вершили эти чародейства, и запрещает им, сколько может, и укоряет и предостерегает их, и говорит, что это грех». Однако, со вздохом смирения добавляет Марко, «это ни к чему не ведет, потому что они говорят, что так делали их предки в старину».

И потому архиепископ «пока терпит это». На некромантов, практиковавших черную магию, не действовала даже угроза отлучения от церкви.

Согласно распространенному убеждению, которое доверчиво повторяет Марко, колдуны могли противостоять пиратам. «Если кто из пиратов причинит какой-либо ущерб острову, колдуны удерживают его чарами, так что корабль разбойников не волен уйти с острова, пока они полностью не возместят то, что забрали. Я скажу вам, что, если корабль уйдет под поднятыми парусами, при попутном ветре и достаточно далеко, они навлекают на него противный ветер и заставляют вернуться к острову». С такой же легкостью эти чародеи умели усмирить море или, когда им вздумается, вызвать губительную бурю.

При всем своем скепсисе, Марко поддается страху и благоговению, внушаемому колдунами Сокотры. «Они знают, как насыпать удивительнейшие и чудесные чары, о которых нехорошо говорить в этой книге, — заявляет он, — потому что им ведомо самое диковинное волшебство, а потому оставим их и не станем более о них говорить».

В своем отчете Марко все больше основывается на сведениях, явно полученных из вторых рук, но из достаточно надежных источников: от купцов, торговцев и местных чиновников, с которыми он встречался, плавая вдоль этих берегов. Области, на землю которых он не ступал, отличались сложными брачными и военными обычаями и разнообразием религиозных культов, что льстило его вкусу к сенсациям и будоражило воображение. В особенности это относится к островам под названиями «Мужской» и «Женский».

Мужской остров, как Марко со всей присущей ему уверенностью сообщает читателям, был населен христианами, в основном мужчинами. «Когда жена (островитянина) беременеет, он больше не трогает ее, пока она не родит, и со времени родов он оставляет ее на сорок дней. Но по истечении сорока дней он живет с ней, если пожелает...

Я скажу вам, — уверяет Марко, — что их жены не живут на том острове, как и другие женщины, но все они живут на другом острове, называемом Женским. И знайте, что женщины никогда не приходят на остров мужчин, но когда наступает месяц март, мужчины того острова отправляются на остров женщин и остаются там три месяца, то есть март, апрель и май». В течение этих месяцев мужчины «наслаждаются своими женами», после чего возвращаются на холостяцкий Мужской остров, чтобы «сеять, собирать урожай и продавать его».

Эти острова разделяло около тридцати миль, и пары приспособливали воспитание детей к такому семейному устройству. «Рожденных детей матери вскармливают на своем острове, и, если это девочка, мать оставляет ее там, пока она не достигнет брачного возраста, и тогда в сезон браков она становится женой одного из мужчин. Но воистину, когда их отнимут от груди и ребенок-мальчик достигнет четырнадцати лет, мать отправляет его к отцу на их остров». Для Марко такой порядок воплощает внимание к воспитанию детей и уважительные, взаимовыгодные отношения между полами. «Их жены ничего не делают, кроме как воспитывают детей, — замечает он, — потому что мужчины снабжают их всем, в чем они нуждаются. Когда мужчины приходят на остров женщин, они сеют зерно, а женщины потом возделывают его и собирают урожай, и еще женщины собирают разные плоды, которых на острове много». В свете крайностей чувственности и аскетизма, с которыми он сталкивался раньше, жизнь обитателей Женского и Мужского островов представлялась ему вполне удовлетворительной, хотя и несколько суровой.

Короткое, в сравнении с годами, проведенными Марко Поло в Китае, путешествие по Индии произвело в нем духовное преображение. В начале своих странствий Марко мечтал только о том, чтобы целым и невредимым добраться до двора Хубилай-хана; позднее он стремился объездить и постичь весь Китай, затем Индию. В пути он вырос от

странствующего подмастерья купца (и неопытного историка) до паломника и исследователя просторов духа. На этой поздней стадии его путешествия внутренний взгляд его открылся настолько широко, что способен был объять все человечество — во всяком случае, так ему казалось. И все же ничто не могло подготовить его к зрелищу равнинной реки Ганг, священной реки индусов.

Ганг — не самая протяженная из рек Азии (многие превосходят его полторы тысячи миль), но от истока в Гималаях до устья в Бенгальском заливе его почитали более всех, как признает и Марко. Возможно, он побывал на берегах реки в январе или в феврале, когда отмечался праздник омовений, известный как «мела»; во время обряда очищения паломники из дальних стран погружаются в воды реки. Чтобы описать это зрелище, Марко понадобилось все его искусство рассказчика. «И мужчины, и женщины дважды в день омывают тело в ее водах, — говорит он, — то есть утром и вечером». Отказ от омовения почитался ересью. «Они нагими входят в реку и зачерпывают воду, и выливают себе на голову, и трут друг друга».

Страсть к чистоте принимала и другие формы. «Для еды они пользуются только правой рукой, а левой никогда не касаются пищи. И все чистое и хорошее они делают правой рукой, потому что левая служит только для неприятных и нечистых нужд, как очищение ноздрей, ануса и тому подобного. И опять же, они пьют только из чаш, и каждый из своей; никто не станет пить из чужой чаши. Когда они пьют, то не касаются чаши губами, и из этой чаши не дадут напиться никому».

Местная система правосудия тоже показалась Марко чрезвычайно строгой, хотя и вполне логичной. Он говорит, что, если долг остается невыплаченным, а должник отделяется пустыми обещаниями, «кредитор может поймать должника таким образом, что может очертить вокруг него круг и должник не может покинуть этого круга, пока не удовлетворит кредитора или не обеспечит подходящий

залог и обязательство полностью удовлетворить его в тот же день». Если должник пытался избежать уплаты, «он наказывается... смертью как преступник против права и справедливости, установленной властителем».

В изложении Марко Поло нижеследующая история становится любопытным образчиком коммерческого конфликта. «И это мастер Марко видел, побывав в том царстве на пути к дому. Потому что когда сам государь был связан обязательством уплатить нечто иноземному купцу и, в ответ на многочисленные просьбы купца, под предлогом неудобства оттягивал срок уплаты, купец, поскольку задержка вредила его делам, приготовившись, однажды, когда царь объезжал дворец, немедленно очертил вокруг царя вместе с лошадей круг на земле. И когда государь увидел это, он не позволил своей лошади двигаться дальше и сам не двинулся с того места, пока купец не был полностью удовлетворен». Это зрелище удивило зрителей, восклицавших: «Смотрите, как государь покорен справедливости!» И царь отвечал им: «Я, установивший этот справедливый закон, нарушу ли его, когда он против меня? Нет, я более других обязан соблюдать его».

Необычное сочетание религиозных обрядов и ритуалов плодородия возбудило любопытство Марко. Он заметил, что множество молодых девушек посещают монастыри, где поют и танцуют для развлечения идолов, то есть изображений различных божеств, и кормят священников и монахов, обитающих в монастыре; этот обычай, по его словам, соблюдался, пока девушка не выходила замуж. Девушки показались ему стройными и удивительно милыми. «Эти девы... так тверды плотью, что никто никакими средствами не может ухватить их или ущипнуть ни в каком месте», разве только «за мелкую монету они позволяют мужчине щипать их, сколько он может». На основе этих намеков можно представить, как венецианский купец гле-зет, раздумывает и наконец расстается с монетой ради удовлетворения любопытства и либидо.

Поведение девушек вызывало неотступный вопрос: «Зачем они проделывают это для развлечения идолов? Затем, что жрецы идолов часто говорят, что бог сердит на богиню, и они не соединяются друг с другом и не разговаривают. И поскольку они в гневе и в досаде, пока они не примирятся и не успокоятся, все наши начинания будут неудачны, потому что они не дадут своего благословения и милости».

Ради примирения «девушки ходят... нагими, прикрывая только естество, и поют перед богами и богинями. Потому что бог стоит на алтаре под одним балдахином, а богиня стоит на другом алтаре под другим балдахином, и те люди говорят, что бог часто соблазняется ею, и они воссоединяются, и что когда они в досаде, они не сходятся вместе. Тогда те девушки приходят туда, чтобы примирить их и... начинают петь, плясать, прыгать, кувыркаться, и различными забавами радуют бога и богиню, и примиряют их, и говорят при этом так: «О господин, почему ты сердишься на богиню и не желаешь ее? Разве она не красива, разве она не приятна?»» Такие уговоры сопровождались поразительными упражнениями. «Та, что говорит так, поднимет ногу на шею и станет вращаться ради удовольствия бога и богини. И, утешив их достаточно, возвращается домой. И наутро жрец идола с радостью возвещает, что видел бога с богиней, и что мир между ними восстановлен, и все тогда радуются и торжествуют».

При всей снисходительности Марко к разным народам и обычаям, Индия оставалась для венецианского купца чрезвычайно странной и постоянно бросала ему вызов. «Некие твари, называемые тарантулами», осаждали жилища. Страшные хищные пауки таились повсюду, даже над головой, то и дело пугая его. Мохнатые мелкие создания «напоминают ящериц, ползающих по стенам. Укус их ядовит и сильно вредит человеку». Они умеют пронзительно визжать, если верить Марко.

Сгущая краски, он называет тарантулов дурной приметой для купцов. «Когда люди торгуют в доме, где есть эти

тарантулы, и тарантулы кричат у них над головой, они смотрят, с какой стороны от купцов, от покупателя или от продавца, то есть слева или справа доносится их крик, спереди или сзади, или прямо над головой... и узнают, к добру или к худу; если к добру, они заканчивают сделку, а если к злу, никогда не начинают торговлю. Иногда бывает, что это к добру для продавца и к злу для покупателя, иногда к злу для продавца и к добру для покупателя, иногда к добру для обоих или к злу для обоих; и они руководствуются этим».

Чтобы спокойно спать среди подстерегающих опасностей, он прибегал к испытанным способам местных жителей. «Люди устраивают свои очень легкие кровати из тростника таким образом, что, когда они хотят уснуть, они подтягивают себя веревками к потолку и привязываются там. Воистину, это делается для спасения от тарантулов, которые сильно кусаются, и от блох и других насекомых, и также чтобы уловить ветер и спастись от зноя, царящего в тех местах».

Путешественники, подобные Марко Поло, использовали подвесные постели и для хранения ценностей. «Если человек путешествует ночью и ему захочется спать (ради меньшей жары они путешествуют чаще ночью, чем днем), если при них есть мешок с жемчугом или иные сокровища, они кладут мешок с жемчугом под голову и спят так, и никто ничего не теряет от воровства или иных причин. А если он теряет (его), ему сразу возмещают потерю, коли он спал на улице». Если же он спал в доме, «его самого обвиняют в злом умысле, потому что власти говорят ему: “Зачем ты спал не на улице, если только сам не собирался ограбить других?” Тогда его наказывают и потерю не возмещают».

АФРИКА

Занзибар

«Весьма обширный и славный остров, — объявляет Марко. — Он имеет две тысячи миль в окружности».

Вопреки обыкновению, он начинает с краткой истории острова. Первые обитатели его, по-видимому, перебирались туда с африканского материка три или четыре тысячелетия назад, несколькими последовательными волнами миграции. На Занзибаре они селились маленькими деревнями, напоминавшими африканские и не образовывавшими какого-либо политического единства. Вскоре они столкнулись с арабскими торговцами, которые, возможно, знали этот остров, когда он был необитаемым. Эти торговцы, отважные и искусные моряки, пользовались муссонными ветрами, чтобы преодолеть Индийский океан, и устроили гавань в том месте, где ныне стоит город Занзибар. Со временем и они поселились там, смешавшись с африканскими эмигрантами. Незадолго до прибытия Марко Поло разросшаяся занзибарская община выдвинула правителя, Джумбу. Тот не был ни великим воином, ни отважным вождем, однако он придал острову некое подобие политического единства.

Часто повторяют, что первым европейцем, посетившим Занзибар, был Васко да Гама в 1499 году, однако Марко, если верить его рассказу, побывал там за 205 лет до португальского мореплавателя. Если это правда, Марко Поло был первым из европейцев, ступивших на берег Занзибара — или, по крайней мере, написавших о нем. В отчете Марко Занзибар запечатлен в его доколониальном состоянии. Этот первобытный изолированный остров сумел поразить даже многоопытного венецианского путешественника.

Он вновь ощутил, что вступил в новый мир, притом мир угрожающий. Люди там все были «очень велики и коренасты», и если бы их рост соответствовал сложению, «они бы, несомненно, казались гигантами». Тем не менее, говорит Марко, они «чрезвычайно сильны, потому что поднимают груз, который под силу поднять разве что четверым. И неудивительно, потому что, скажу вам, каждый из них ест за пятерых». Эти великаны «совсем черные и ходят нагими, прикрывая только естество (к его великому облегчению),

потому что оно чрезвычайно велико и уродливо и ужасно на вид». Марко поразили даже их волосы, «такие черные и курчавые, что их едва можно расправить водой». Их лица напугали его до смерти. «Рты у них большие, и носы приплюснутые и вздернутые ко лбу, и ноздри широкие настолько, что это удивительно. У них большие уши, толстые вывернутые губы, и глаза такие большие, кровавые и красные, что ужасно видеть; и кто увидел бы их в другой стране, назвал бы дьяволами».

Женщины этой земли внушали Марко отвращение. «Весьма уродливые на вид создания, — утверждает он. — У них огромные рты и большие глаза, и большие, толстые и короткие носы. Груды у них в четыре раза больше, чем у обычных женщин, что делает их еще уродливее. Они черные как туговая ягода и огромные». И они тоже «похожи на дьявола». Чрезвычайно резкий и расистский портрет жителей Занзибара, нарисованный Марко, вызвал сомнения в его подлинности. Возможно, он сочетал рассказы о соседней Восточной Африке с рассказами о Занзибаре, по своему обыкновению, приукрашивая их. Впрочем, выплеснув недовольство, он смягчает характеристики и, словно извиняясь, признает некоторую общность интересов с этими людьми. «Они великие купцы, — говорит он, — и ведут большую торговлю». Таким образом он сводит на нет первое впечатление, признавая жителей полноценными людьми. В его понимании торговля явно определяет их принадлежность к человеческому роду.

На острове обитали слоны, и местные купцы широко торговали бивнями. Завороженный этими животными, Марко подробно описывает брачные игры слонов. «Когда слон-самец хочет спариться с самкой, он выкапывает в земле огромную яму, так что может загнать в нее самку и перевернуть, как женщину, потому что естественные органы у нее далеко под брюхом, и слон влезает на нее, как мужчина». Жители острова, которых Марко называет «хорошими и сильными воинами», хотя и «не в пропорции их росту», полагались в битве на слонов, устраивая на их спи-

нах «деревянные крепости», покрытые «шкурами диких зверей и досками». В таких сооружениях помещалось «от шестнадцати до двадцати мужчин с копьями, мечами и с камнями». Марко рассказывает, что, готовя животное к бою, воины «дают ему вволю напиться своего вина... так что он становится полупьяным, и делают так потому, что, говорят они, когда слон выпил этого напитка, он идет на битву охотнее и становится сильнее и горделивее, и много лучше держится в сражении».

Не приводя доказательств, Марко утверждает, что на слонов нападали еще более крупные животные: «птицы грифы». Те, кого он расспрашивал об этих странных созданиях, уподобляли грифов «чрезвычайно большим» орлам. Он сообщает: «Говорят, он так велик и так силен, что одна из этих птиц, без помощи других, хватает слона когтями и поднимает высоко в небо. Потом она бросает его на землю, так что слон разбивается вдребезги, и тогда птица гриф спускается на слона, и садится на него, и терзает его, и поедает, и кормится вволю». Он, конечно, не отказался бы увидеть это зрелище, однако может только передать рассказы, которые слышал.

Более мелкие животные острова очаровали Марко, полагавшего, что они не водятся нигде в других местах. «У них есть овцы и ярки, все одного вида и одного цвета, отличные от всех, какие есть в иных местах, потому что они целиком белые с черными головами». Временами мимо вышагивали статные жирафы, «весьма прекрасные на вид», и Марко жалеет, что его читателю не пришлось их увидеть. «У него короткое тело и довольно низкий зад, потому что задние ноги малы и коротки, а ноги спереди длинные и высокие, и шея очень велика, так что голова воистину на три сажени от земли. Голова у него маленькая, и он кроток и никому не вредит. Цветом он весь рыжий и белый, в красивых кольцах».

Хотя Марко не побывал в Эфиопии — и даже не утверждал, что побывал там, — это не помешало ему привести еще несколько крупиц мудрости. Он предполагает, что

пресвитер Иоанн, легендарный правитель христианского царства, возможно, живет на этой отдаленной африканской земле. Основываясь исключительно на слухах, Марко заявляет: «Верховный правитель этой провинции — христианин, и также все другие государи той провинции, подчиненные ему».

Там, как сообщает он, имелось шесть царств, три христианских и три сарацинских — иначе говоря, мусульманских. «Мне рассказывали, — говорит он, — что христиане этой провинции имеют три золотых знака на лицах в форме креста, чтобы другие признавали их благородство, то есть один на лбу, два на щеках, и знак, который на лбу, простирается со лба до середины носа, и они имеют их на каждой щеке. И эти знаки наносят горячим железом, и их делают, когда они еще малы, и это для них второе крещение огнем, потому что, когда их крестят водой, тогда... наносят эти знаки, о которых я вам говорил». Он утверждает также, что Эфиопию населяет «множество иудеев, и они также носят знаки на лицах; у иудеев два знака, по одной длинной черте на каждой щеке». Что до сарацин, у них «только один такой знак, со лба до середины носа, и они наносят его горячим железом».

Марко особенно интересовали религиозные обычаи эфиопов, поскольку здесь побывал его духовный светоч, «мастер Святой Фома, славный Апостол». Глубоко почитая этого праведника, Марко благоговейно рассказывает, что святой Фома проповедовал в Эфиопии, и «после того как обратил часть ее народа проповедью и чудесами в Христову веру», он отправился в «провинцию Маабар в Индии, где, обращая неверных, был убит, и там находится его святейшее тело».

Хотя Марко с теплотой относится к христианскому царю Эфиопии и мечтает повидать близлежащий Аден, он признается, что, появившись он там, оказался бы отверженным, поскольку «купцов-христиан в этом царстве сильно ненавидят, потому что (жители) не желают видеть их, но ненавидят, как смертельных врагов». Это открытие по-

трясло его. Он потратил немало усилий, чтобы убедить себя и других, что он — монгольский чиновник, неофит буддизма, путешественник-аристократ. Он примерял разные личности, испытывая роли дельца, рассказчика, авантюриста. Однако окружающие сквозь любую личину видели в нем просто еще одного «купца-христианина». Как бы далеко он ни забрался, хоть бы на край земли, как бы искусно ни приспособливался к изменчивому окружению, убеждая даже самого себя, что стал иным, сущность его оставалась прежней.

Марко Поло исчерпал свою персональную миссию и покровительство Хубилай-хана. Он повидал мир, или его исследованную часть. Но как ему отыскать дорогу домой?

Глава 14

МОНГОЛЬСКАЯ ПРИНЦЕССА

Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне,
Абиссинской нежной девы,
Певшей в ясной тишине.

По мере того как силы Хубилай-хана медленно и мучительно приходили в упадок, Марко Поло, его отец и дядя отчаянно искали способ покинуть двор великого хана. С каждым годом все более вероятным казалось, что им больше не увидеть Венеции. Хуже того, если бы Хубилай-хан умер в то время, когда они еще оставались в Китае, их пайцзы потеряли бы силу и они остались бы беззащитными. Они могли пасть жертвой его врагов или любого, захватившего трон и желающего убрать их с дороги. Так что своевременное увольнение со службы было делом жизни и смерти.

Марко описывает обстоятельства, сопутствовавшие их увольнению с этой славной службы, достаточно подробно, прослеживая, как заветное желание превращалось в навязчивую идею, а затем претворилось в план. «Когда мастер Никколо, мастер Маттео и мастер Марко пробыли с великим ханом при его дворе много лет, — начинает он, — они стали говорить между собой, что хотели бы вернуться назад в свою... родную страну, потому что им давно пора

возвращаться. Хотя они видели себя весьма богатыми драгоценными камнями великой цены и золотом, чрезвычайное желание увидеть родную страну неотступно стояло в их мыслях, и хотя они были в чести и почете, они ни о чем ином не думали». Марко подытоживает их опасное положение в весьма отчетливой и практичной манере. «Видя, что великий хан очень стар, и опасаясь, что, если он умрет до их отъезда, они уже не смогут вернуться домой ввиду дальности пути и бесчисленных опасностей, угрожавших на нем, они надеялись сделать это, пока он жив».

Выбрав подходящий момент, отец Марко, Никколо, воспользовался случаем.

«Однажды, видя, что великий хан очень весел, (он) воспользовался случаем умолять его на коленях от имени всех троих позволить им отбыть домой, каковыми словами (хан) был очень встревожен и ответил: "Почему ты хочешь умереть в пути? Скажи мне. Если тебе нужно золото, я дам тебе его много больше, чем ты получишь дома, как и всего иного, о чем ты попросишь"».

Хан обещал им любые почести, лишь бы заручиться их верностью. Из его слов следовало, что он считал, будто Поло останутся с ним до конца жизни.

Преклонив колени, Никколо возразил: «То, о чем я говорю, не ради золота, а потому, что в моей стране у меня есть жена, и по христианскому закону я не могу покинуть ее, пока она жива».

Хубилай-хан обдумал его осторожно выраженную просьбу. «Ни за что на свете я не хотел бы отпускать вас из своей страны, — ответил он, — но в пределах ее я позволю вам ехать, куда вы пожелаете».

Никколо, не сдаваясь, умолял, по выражению Марко, «весьма сладко» дать им формальное позволение покинуть страну. Его подвела долгая верность семьи Поло монгольскому вождю. «Великий хан любил их так сильно, был так доволен их делами и так охотно держал их при себе, что ни за что на свете не хотел их отпустить». Только теперь Поло

осознали, что Хубилай-хан может видеть в их отъезде признак ослабления своей власти, а этого он никак не мог допустить в столь критический период царствования.

Казалось уже, что переговоры зашли в тупик, но тут Хубилай-хан, вдохновленный необычными обстоятельствами, предложил решение, которое позволяло всем сторонам сохранить лицо.

Как сообщает Марко, «случилось, что царица Болгана, бывшая женой Аргона, умерла». Аргон, или, как его иногда называли, Аргун, был «государем Левана», западной державы, ненадежно присоединенной к монгольской империи и имевшей давнюю историю противостояния с ней. В то же время Аргон был втянут в жестокую междоусобную распрю со своим дядей Акматом Солданом, обратившимся в ислам и посягнувшим на жен своего брата. Аргон поклялся отомстить за похищение и убить Акмата Солдана, каковой в свою очередь поклялся убить племянника, прежде подвергнув пыткам. Война между ними длилась годами, и наконец Аргон одержал победу.

Хубилай-хан, ради поддержания стабильности в своей державе, готов был обеспечить линию преемников и в этом далеком царстве. Как объясняет Марко, царица на смертном ложе завещала, «чтобы ни одна дама не воссела на ее троне и не стала женой Аргона, если она не из ее рода». Далее, продолжает он, «Аргон выбрал трех своих баронов» — звавшихся Улатай, Апуска и Коджа — и послал их «с большой пышностью к великому хану, с великой и прекрасной свитой, за невестой из рода царицы Болгана... чтобы та стала его женой». Трое посланников преодолели опасный путь ко двору Хубилай-хана, который «принял их с большими почестями и устроил для них праздник и пир. Затем, поскольку царь Аргон был его большим другом, (Хубилай послал) за девицей, звавшейся Кокасин, происходившей из желаемого рода». Эта монгольская принцесса стала известна в истории как Кокачин. Ей было семнадцать лет, она была «очень красива и восхитительна» и сразу заслу-

жила одобрение посланцев. Имя ее, означавшее «голубая как небо», часто расценивали как указание на голубой цвет глаз, чрезвычайно необычный для монголов. Более вероятно, что глаза у нее были темными, а имя, как часто бывало у монголов, относилось к цвету Небес, в данном случае голубому.

Хубилай приказал трем баронам: «Отвезите ее к вашему повелителю Аргону, потому что она из семьи, которой он желал, так что он может взять ее в жены».

В пересказе Марко путешествие выглядит сказочным, но в него жестоко вмешивалась реальность: начало было неудачным. «Когда все было подготовлено, великий отряд, собранный для сопровождения ее к царю Аргону, оставив великого хана, выехал на расстояние восьми месяцев пути, по которому они приехали». Вскоре они столкнулись с осложнениями. «И в пути они узнали, что война, недавно начавшаяся между некими государями татар, перекрыла дороги, и, не имея возможности двигаться вперед, они против воли должны были вернуться ко двору великого хана, которому поведали все, что случилось с ними».

Такой поворот фортуны подарил семье Поло надежду. Как объясняет Марко: «В то время, когда посланцы явились за невестой, мастер Марко вернулся из Индии, куда отправлялся с посольством владыки, и при этом миновал владения Аргона». Марко привез удивительные истории о своем путешествии, он вдохновенно рассказывал, «как выполнял поручения хана, о различных вещах, которые повидал в пути, и как побывал в чужеземных провинциях и в далеких морях, и (он рассказывал) много удивительного, нового для той страны».

Благодаря своему обширному путевому опыту, Марко мог выступить в роли доверенного блюстителя и попечителя юной принцессы, направлявшейся к Аргону. «Трое баронов, видевших мастера Никколо, и мастера Маттео, и мастера Марко, каковые были латинянами — то есть христианами — и мудрыми людьми, весьма дивились. И когда они слышали, что те (Поло) желают уехать, то думали

и говорили между собой, что хотели бы, чтобы они ехали с ними до моря; потому что они намеревались вернуться в свою страну морем, ради девицы, для которой путь сушей был бы очень труден... с другой стороны, они с радостью взяли бы их (Поло) в спутники, потому что знали, что те видели и исследовали многое в Индийском океане и в странах, которые им пришлось бы миновать, и, — с гордостью добавляет рассказчик, — особенно мастер Поло».

Признанный опыт Марко в морских путешествиях позволил ему заручиться позволением Хубилай-хана. «Как сказал Марко, плававший в те страны, его величеству следовало по доброте позволить им отправиться морем, и чтобы те трое латинян, то есть Никколо, Маттео и Марко, испытанные в плаваниях в тех морях, сопровождали их до земли царя Аргона».

Даже этот довод в их пользу не сразу склонил Хубилай-хана отпустить Поло. «Однако, поскольку делать было нечего, он согласился на все, чего они от него просили».

Выказав человечность, с самого начала привлекающую к нему Марко, Хубилай-хан «велит им всем троим явиться к нему и говорит им много милостивых слов великой любви, которую к ним испытывает, и они должны обещать, что, проведя некоторое время в христианских странах и на родине, вернуться к нему». Поло, рвавшиеся в обратный путь после многолетней задержки, дали обещание, которого совершенно не собирались исполнять. Время торопило. Всем было ясно, что конец жизни Хубилай-хана недалек. Они должны были уехать не откладывая, на любых условиях.

Договор, который они заключили с Хубилай-ханом, не обеспечивал им полной свободы; хан мог сделать вид, что просто отправляет их с очередным поручением. Но о возвращении разговора не было. Исполнив порученное, Поло могли считать себя свободными.

Наступил уже 1292 год. Марко Поло был зрелым человеком, ему исполнилось тридцать восемь лет, и семнадцать

из них он провел на службе у Хубилай-хана. Больше у него не было повода представляться кем-либо, кроме как венецианским купцом, даже если его другие личины превосходили оригинал, были более убедительными и знаменательными. Замкнутый в пределах собственной личности, он стал мельче. Эту потерю возместило то, что ему больше не приходилось разыгрывать роль послушного сына, чье суровое ученичество при отце и дяде так затянулось, или роль обаятельного протезе самого могущественного на земле правителя. Он стал просто наблюдательным странствующим купцом, восхищающимся достижениями, пренебрегающим глупостями, податливым к искушениям плоти и подвижимым верой. Зрелый Марко холодно взирал на творившееся вокруг, видя истину, не оплодотворенную воображением. Хубилай-хан уже не был для него правителем великого воинственного народа. Он постарел, и его острый ум, пронизательность и сила все чаще отказывали ему.

Несмотря на крушение иллюзий, Марко был опьянен надеждами на возвращение домой. Позднее, рассказывая свою историю, он, кажется, намеревался дважды описать этот поворотный пункт, словно подчеркивая его значимость. Однако подход к его изложению оказался необычным. Он отвел немалое место этому эпизоду в прологе, более увязая в подробностях, нежели подводя итог. В сущности, описание его расставания с Хубилай-ханом оказалось самым продолжительным в прологе, так что можно предположить, что Марко считает этот момент самым заметным событием своей карьеры в Монгольской империи. Однако, добравшись до этого момента в самом повествовании, он едва упоминает о нем.

С каждой милей, пройденной по Шелковому пути и за его пределами, Марко Поло составляет эпитафию самому себе, складывая фрагменты опыта в великую, хотя и неточную, эпическую и романтическую, хотя и жизненную, логичную, но импульсивную поэму. Марко не случилось открывать новых земель, и он никогда не считал себя первооткрывателем — говоря о себе, он использовал выражение

«странник». Приключения случались с ним, но он их не искал. Он не составлял планов, да и не мог их составлять: он жил своим умом и талантом к импровизации. Странник по призванию, он умел влиться в новую среду, стать своим среди чужих.

Хотя Марко никогда не забывал, что он купец, он не выказывал интереса к обогащению, хотя и подсчитывал непрестанно чужое имущество. Он ни во что так не верил, как в коммерцию. Для Марко торговля и странствия были синонимами и, более того, сутью жизни. Кажется, он понимал их куда глубже, чем политику и войны; в сущности, в войнах он видел неразумное препятствие для основного занятия человечества — коммерческих предприятий. Харизма Хубилай-хана (и наложницы) привлекали Марко более, чем золото и драгоценности. Безусловно, нашлись бы и более простые способы разбогатеть, не странствуя через весь континент, на каждом шагу подвергаясь опасностям. Но Марко увлекал процесс — торговля, наблюдения, впечатления, — а не результат. К тому времени, как начался его путь домой, он мог считать себя богатым скорее знанием и опытом, нежели материальными ценностями.

Перед самым отъездом Поло от монгольского двора Хубилай-хан, выказав благородство, вручил им новые, еще более ценные пайцзы, гарантировавшие путникам благополучие и безопасность. Эти пайцзы были красивы: «две таблички из золота с чеканкой королевской печати и написанным приказом, что они свободны и не обременены никакими обязанностями и безопасны во всех его землях». Путешествие обещало быть приятным. «Повсюду, куда бы они ни направились, — повелел Хубилай, — им должны возмещать все расходы на себя и на их караван и им должно предоставлять эскорт для безопасного пути».

В действительности у Хубилай-хана были свои планы на купцов-посланников, и он превратил их поездку в международную миссию заметной важности. «Он доверил им многое от своего лица — по-видимому, письма и другие

личные предметы, — и поручение к апостолу (папе) и к королю Франции, и к королю Англии, и королю Испании, и к другим коронованным владыкам христианского мира».

Общий вид экспедиции был великолепен: четырнадцать больших кораблей, на каждом по четыре мачты и двенадцать парусов. Восторг Марко, ожидавшего новых приключений, так и брызжет со страниц повествования. Чувствуется, как рвется он увидеть голубые воды и почувствовать запах открытого моря. Нетерпение сказывается и в описании судов. «Я мог бы рассказать вам, как они (корабли) были устроены, — пишет он, — но это было бы слишком долго, и потому я не стану упоминать об этом теперь». Все же он замечает, что четыре или пять кораблей вмещали по 250 человек. Могучий флот направлялся к королю Аргону, везя ему желанную принцессу.

Отплытие дало повод для новых щедрот Хубилай-хана от неистощимой, по всей видимости, монгольской казны. «Когда корабли были снаряжены и обеспечены продовольствием и всем необходимым, и три барона, и невеста, и те трое латинян, братья мастер Никколо, и мастер Маттео, и мастер Марко, готовы отправиться к королю Аргону, они предстали перед владыкой и распрощались с великим ханом, и с великой радостью вступили на приготовленные суда и собрались на кораблях в обществе благородных дам и господ. И великий хан велел людям дать им много рубинов и других отличных камней большой ценности и также оплатить расходы на десять лет».

На этой церемонии они последний раз видели Хубилай-хана. После двадцати лет, проведенных в чуждальних странах, начался долгий путь к дому. Главное приключение жизни завершилось.

Порученная Поло доставка принцессы Кокачин законному правителю приобрела в будущем особе значение, поскольку это единственное из описанных Марко событий, подтвержденное китайскими и монгольскими источниками. В 1941 и в 1945 годах китайский ученый Янь Чи-чу

сравнил документы династии Юань с подробным отчетом Марко об отплытии из Китая и установил, что они сходятся почти идеально, с одним существенным упущением: имен трех посланцев Хубилай-хана.

В отчете, составленном около 1307 года Рашидом ад-Дином, авторитетным персидским летописцем той эпохи, рассказывается в целом та же история, упоминаются принцесса Кокачин и трое посланцев, сопровождавших ее. Все это соответствует подробностям, изложенным Марко. Рашид ад-Дин, как и китайцы, не упоминает Поло по именам, но существование независимых подтверждений подсказывает, что точность описания Марко — не просто совпадение. В общем и целом, эти источники подтверждают, что Марко сопровождал принцессу к царю Аргону и служил Хубилай-хану, как заявляет он сам.

«Они отправились от того острова и, скажу вам, что они плыли по великому морю Индии восемнадцать месяцев, прежде чем добрались до земли царя Аргона. — сообщает Марко, — и в этом странствии они видели странные и диковинные вещи и нашли много чудес». В спешке он так и не сообщил своему соавтору Рустичелло, что это были за чудеса, но если судить по отрывкам сведений, оставленным им об этом пути, плавание через океан в 1293 году оказалось жестоким и мучительным.

«Когда они вступили на корабли в землях великого хана, — сообщает Марко, — там было дам и мужчин шестьсот человек, не считая моряков. Когда же они достигли земли, куда направлялись, то подсчитали, что все умерли в пути, кроме восемнадцати мужчин. И из тех трех послов остался один, по имени Коджа, а из всех женщин и девушек никто не умер, кроме одной». Вероятно, причиной бедствия были болезни, кораблекрушения и пираты, однако Марко не вдается в объяснения, вопреки обыкновению описывать драматические события и обстоятельства, где он выступает героем. Учитывая его любовь к кораблям, представляется вероятным, что важный и драматичный

фрагмент повествования, посвященный этому вопросу, был утерян. Все, что от него осталось, — несколько отрывков, намекающих на крайние страдания и потери. Вопреки всему, Поло и монгольская принцесса остались в живых.

Этот отрывок, как он ни мал, обнаруживает, что Марко пришлось выдержать испытание, превосходящее все, с чем он сталкивался прежде, даже когда в молодости впервые пересекал степь. Описания его становятся более приглушенными, в них меньше бахвальства, в них сквозит не столько разочарование, сколько растерянность. Прежняя живость восприятия возвращалась к Марко, когда он воскрешал предыдущие эпизоды ради развлечения слушателей, но рассказ о последней стадии его путешествия уже не производит впечатления, будто он наслаждается жизнью. Благочестивые интонации подсказывают: он считал удачей уже то, что остался в живых.

Прибытие выживших в державу Аргона оказалось скорее ударом, чем облегчением. Положение дел в этой отдаленной стране резко переменилось с тех пор, как послы несколько лет назад отбыли ко двору Хубилай-хана. Аргон умер — возможно, отравленный врагами.

Марко был в отчаянии. Во дворце Аргона Поло узнали, что «некто по имени Квиакату правит владениями Аргона от лица мальчика, который слишком молод». Не зная, что делать с принцессой, ради сопровождения которой они рисковали жизнью, они в конце концов решились вручить ее «Казану, сыну Аргона, в жены», и, несмотря на молодость Казана, брак был заключен.

Если Марко, его отец и дядя полагали, что избавились от ответственности и могут наконец считать себя свободными от службы Хубилай-хану, их ждало разочарование. Их подвели мягкость, верность и готовность исполнять неисполнимые на первый взгляд поручения. Юная принцесса не желала, чтобы они покинули ее в незнакомой и опасной стране, а поскольку она была принцессой, ее желание было законом. Они пытались удовлетворять все ее жела-

ния, но наконец, сообщает Марко, «когда мастер Никколо, и мастер Маттео и мастер Марко исполнили свой долг перед этой дамой, и поручение, возложенное на них великим ханом, они обратились к Квиакату, потому что им пора было в путь, а они уже задержались на девять месяцев».

Девять месяцев! Им оставалось только гадать, увидят ли они купола Святого Марка, обнимут ли жен, вернуться ли к спокойной жизни в Венеции. Во время этой бесконечной задержки благодарные хозяева едва не задушили Поло избытком любви и гостеприимства. «Царица Кокачин, ставшая женой Казана, который ныне правит, ее повелитель Казан и она сама, столь желают добра трем посланцам, что нет ничего, чего бы оба не сделали для них, как для родных отцов». Возможно, поток щедрот должен был возместить пережитые в пути трудности или смягчить перспективу застрять в этих краях навсегда. Даже когда погода и политическое положение благоприятствовали их отъезду, молодая женщина, которую они сопровождали из Китая, не соглашалась расстаться со своими опекунами. И снова Поло пришлось умолять и раздавать несбыточные обещания вернуться, ради позволения уехать. Наконец, их желание было исполнено, но «когда трое посланцев оставляли ее, чтобы вернуться в свою страну, она плакала от горя, прощаясь с ними». Возможно, царица поняла: сопровождая и охраняя ее, семейство Поло руководствовалось собственными интересами. Несчастливая Кокачин, рискнувшая всем ради путешествия в далекую страну, умерла очень скоро, в июне 1296 года. Наиболее вероятно, что ее безвременная кончина последовала от отравления партией противников Хубилай-хана.

Когда Поло собрались в дорогу, Квиакату, подобно Хубилай-хану, одарил их, благословил и наделил солидными пайцзами: «Четыре золотые таблички... две с кречетами, и одна со львом, и одна гладкая, каждая из которых была в локоть длиной и в пять пальцев шириной». Таблички возвещали, «что этим трем посланцам должно оказывать почет и службу по всей стране, как ему самому, и что кони, и

все расходы и всякое сопровождение должно давать им в полной мере во всех опасных местах, для них и всех спутников».

Благостыня Хубилай-хана все еще была безгранична. «Много раз им давали по двести всадников, или более, или менее, согласно необходимости, для сопровождения и безопасного перехода из одной земли в другую. А нужда в том возникала много раз, потому что они часто оказывались в опасных местах, потому что Квиакату не имел власти и не был природным владыкой и сеньором, и потому люди не страшились делать зло, как если бы он был законным царем». Чем больше удалялись Поло от земель Аргона, тем менее могли рассчитывать на пайцзы для защиты от разбойников, не подчинявшихся Хубилай-хану.

Далее, чтобы уцелеть на обратном пути, им приходилось полагаться только на себя.

Наступил 1294 год, по монгольскому календарю начавшийся в феврале. Хубилай-хан был так изможден и подавлен, что прогнал гостей, прибывших к его двору, чтобы приветствовать и пожелать добра в новом году. Его любимый военачальник Баян попытался напомнить ему о великих военных победах, но даже он не сумел вернуть бодрость великому хану. 18 февраля Хубилай-хан умер в возрасте восьмидесяти лет в своем роскошном дворце.

Два дня спустя караван с бранными останками Хубилай-хана медленно выступил из дворца на север, к горам Кенти. Согласно монгольскому обычаю, место его захоронения, находившееся, по преданию, недалеко от могилы его деда Чингисхана, было скрыто среди мрачных величественных гор. Описаний его не сохранилось, и местоположение не установлено. Император, прославленный при жизни бесстрашием и широтой природы, завершил свой путь тихо и смиренно.

Как и предполагалось, избранный Хубилаем в преемники его внук Темур стал новым императором монголов, унаследовав пришедшую в беспорядок державу. Он при-

казал соорудить в память Хубилай-хана алтарь и даровал ему посмертное китайское имя: Ши-цу — «Основатель династии».

Первые летописцы династии Юань разнесли славу Хубилай-хана по всему свету. Мусульмане узнали об этом незаурядном человеке из трудов Рашид ад-Дина. Китайские и корейские историки прославляли свершения Хубилай-хана, а Бар-Эбрей с теплотой описывал его долгое и великолепное правление. Но ни одна из летописей не сравнится с ярким описанием, оставленным самым известным в Европе историком Хубилай-хана, Марко Поло. Он один мог похвастать близким личным знакомством с императором, и у него еще сохранилась пайцца, врученная ему императором много лет назад, при первом отъезде из Камбулака. Он писал о монгольском вожде с такой страстью и благоговением, что в одиночку увековечил на Западе одного из самых могущественных за все время истории правителей.

О смерти Хубилай-хана Марко Поло узнал, возвращаясь в Венецию с отцом и дядей. Возможно, он навсегда запомнил, где и при каких обстоятельствах дошло для него это известие, однако Рустичелло он об этом не поведал. Он просто сообщил: «В пути мастер Никколо, мастер Маттео и мастер Марко узнали, как пресеклась жизнь Хубилай-хана, и это лишило их всякой надежды когда-либо вернуться в те края».

Вместо желанной свободы, кончина Хубилай-хана обозначила для Марко конец странствий, а может, и смутных надежд. До отъезда Поло изощрались в искусстве вести переговоры, чтобы избавиться от почетной службы. Теперь, когда они были недостижимы для доброжелательного тирана, правившего их судьбами, ими овладела одна мысль: они никогда больше не увидят Камбулака. Великолепные просторы Азии навсегда закрылись для них. Конец долгого правления Хубилай-хана положил конец уникальному сотрудничеству Востока и Запада, властного правителя и

маленького купеческого семейства. Монгольский вожь не только обеспечил купцам Поло положение. Он сделал больше: наделил своего протеже ощущением цели. Он был воплощением волшебства и могущества.

В заключительных главах своей хроники Марко в ненасытной любознательности занимается столь малоизвестной страной, как Россия. В действительности маршрут обратного пути не пролегал ни мимо России, ни мимо других северных стран, неожиданно возбуждавших его интерес, но его отчет, суммирующий собранную из вторых уст информацию, запоминается красноречием и рисует ландшафт и образ жизни, трудно вообразимый для европейцев.

Восточные границы Руси, судя по слышанным Марко рассказам, могли остановить самого закаленного купца. «Ни один конь там не пройдет, — предостерегает он, — потому что в этой стране много озер, и ручьев, и потоков, от которых земля делается очень болотистой, а из-за жестоких холодов лед в этой стране почти всегда так толст, что лодки пройти не могут, и при том не столь прочен, чтобы выдержать тяжелую повозку или животное». Тем не менее купцы и охотники, торгующие мехами, умудрялись преодолеть эту пустыню, извлекая «великую прибыль» за свои труды. Вероятно, эти закаленные души и стали для него источником сведений об этих областях.

Марко узнал, что преодолеть эти труднодоступные места можно в несколько стадий по тринадцать дней, известных как «переходы», и в конце каждого измученный, замерзший путник найдет деревушку «из нескольких бревенчатых домов, поднятых над землей, в которых могут с удобством жить люди, привозящие и получающие товар». Коммерция в который раз преодолевает все препятствия; для Марко это скорее несомненный факт, чем повод для удивления.

«В каждой из этих деревушек, — продолжает он, — есть дом, который они называют почтой, в котором располагаются все гонцы государя». В этом холодном климате они

выполняют функции почтовых станций, которыми годами пользовался в путешествии Марко, и организация этой службы ему знакома: «На каждой такой почте держат сорок больших собак, немногим меньше осла, и эти собаки привычны и обучены везти повозки, как быки в наших землях, и они возят сани, которые там называют "sliozola"... перевозя гонцов от одной почты до другой, то есть от одного перехода до следующего».

Сани особенно заинтересовали Марко, который мог слышать их подробное описание от других купцов. «Сани, — поясняет он читателю, никогда не путешествовавшему по ледяным просторам, — это повозки без колес, но они делаются из очень легкого дерева, и плоски и гладки снизу, а спереди загибаются полукругом, и таким образом они проходят по льду, и по грязи, и по топям».

Марко подробно ознакомился со способом обращения с собаками. Его рассказ звучит так, словно он сам держал в руках поводья. «Те, кто ведет сани, запрягают шесть собак, из тех больших... в ярмо, по две в надлежащем порядке, чтобы везти сани. И этих собак никто не ведет, но они сами идут прямо к следующей почте, и очень хорошо везут сани и по льду, и по топи. И так они добираются от почты до почты. Тот, кто охраняет почту, тоже садится на сани, и позволяет собакам везти себя, и ведет их самым прямым путем и самым лучшим. И когда они добираются до следующего поста в конце их перехода, то находят там тоже собак и сани, и нового погонщика, готового проехать следующий переход; и это делается, потому что собаки не могут вынести таких трудов, как этот тринадцатидневный переход, и поэтому тот, кто привел их, поворачивает назад. И так они проходят все переходы, меняя каждый раз собак, сани и погонщиков... пока посланцы государя... не добираются до гор, и покупают шкуры, и возвращаются в свои земли по равнинам».

Марко с энтузиазмом отзывается об этой торговле, особенно при перечислении животных, драгоценными мехами которых торгуют посланцы. «Маленькие животные ог-

ромной цены, — удивляется он, — из которых извлекают большую прибыль и великие блага; таковы соболя и горностаи, белки и эрколины, и черные лисицы и много других драгоценных животных, дающих дорогие меха». Однако вспомнив, какие трудности приходится терпеть торговцам мехами в столь суровом климате, этот не знающий покоя путешественник и любитель чувственных наслаждений отворачивается в смущении. «Они устраивают дома под землей из-за великих холодов, которые бывают там, и они всегда живут под землей». Столь же неодобрительны последние слова венецианца на эту тему: «Они — не красивый народ». Перспектива оказаться запертым вместе с ними на несколько месяцев в подземном жилище отвращает Марко от мечты разбогатеть на торговле мехами.

Любителю просторов, солнца и интриг пора двигаться дальше.

За дикими просторами, где добывают пушнину, Марко находит еще более мрачную страну: Долину Тьмы, названную так из-за густых туманов, затягивающих землю, которую он иногда именует «страной теней». Казалось бы, он описывает аллегорическую страну, однако Марко убежден, что речь идет о реальном месте сразу за границей сферы влияния монголов — воистину отдаленном от центра власти, в котором он освоился за два минувших десятилетия. Люди здесь, повествует он, «живут как звери».

Несмотря на негостеприимный климат, горстка монголов решалась углубиться в эти земли, предпринимая необычные меры безопасности. Они «приезжают на кобылах, имеющих жеребят, и оставляют жеребят на границе, под надзором сторожей, потому что кобылы, возвращаясь к своим детям, чутеем и по запаху находят путь к жеребяткам лучше, чем люди». Единственную причину для столь рискованных путешествий в эти земли Марко, разумеется, видит в торговле. «Весьма большое количество мехов, и очень дорогих», в том числе соболя, горностаи, «и много других дорогих мехов».

Как ни странно, Марко находит хорошие слова для обитателей страны теней. «Эти люди очень красивые, рослые и статные, — с облегчением отмечает он, — но они очень бледные и бесцветные, и это происходит от недостатка солнца». Марко успел познакомиться с холодами монгольских степей, но в его описании русская зима суровее всего, что ему довелось испытать. «Величайшие холода, какие бывают на свете, так что от них спасаются с великим трудом». Он так красноречиво описывает укусы мороза, словно сам страдал от них. «Если бы не множество печей, которые там имеются, — предостерегает он, — люди не могли бы спастись от гибели при слишком большом холоде. Но благородные и могущественные люди строят их из благочестия, как у нас госпитали. И в эти печи все люди могут сбежаться, когда есть нужда. Потому что столь жестокий холод стоит, когда люди возвращаются к дому или идут из одного места в другое по делу, что они, выйдя из одной печи, почти замерзают, пока доберутся до следующей, хотя печи так часты и так близко одна к другой, что, как говорят, разделены всего шестьюдесятью шагами». Не видя причин сомневаться в таком положении дел, Марко сообщает, будто очень часто случается, если человек недостаточно тепло одет или не может быстро идти по старости, или более слабого сложения и здоровья, чем другие, или оттого, что его дом слишком далек, он падает на землю, не сумев добраться от одной печи до другой, и умирает там. Но другие, проходя мимо, сразу подбирают его и ведут к печи, и раздевают его, и когда он там согреется, природа его восстанавливается и он возвращается к жизни.

Марко ступает на более надежную почву, переходя к описанию печей, напоминающих сауну. Он говорит о «толстых бревнах, сложенных в квадрат друг на друга», добавляя, что «они так смыкаются, что между ними ничего не видно, а сочленения очень хорошо проконопачены известью или чем иным, так что ни ветер, ни дождь туда не попадает. Наверху крыши есть окно, в которое выходит дым,

когда внутри разводят огонь, чтобы обогреть их. Там в изобилии поленьев, которые люди складывают помногу в огонь и делают большую поленницу, и пока поленья горят и дают дым, верхнее окно открыто и дым в него выходит. Но когда поленья больше не дымят, окно закрывают толстым войлоком, а головни и уголья продолжают тлеть, и от них в печи очень жарко. Но в нижней части, а именно в боку печи, есть окно, закрытое очень хорошим и толстым войлоком, каковое окно они открывают, если им нужен свет, а ветер не дует». Такие сооружения в России настолько часты, что «каждый благородный или богатый человек» может похвалиться такой печью.

Местные источники Марко — торговцы и купцы, действительно побывавшие в этой диковинной стране, — утверждали, что русские люди — большие любители выпить. Они рассказывали, что дворяне и «богачи», мужчины и женщины, а также «мужья, жены и дети» собираются человек по пятьдесят с единственной целью — напиться «превосходного вина», которое называется «serbesia», сдобренного медом. «Там есть люди, которых можно назвать трактирщиками, — продолжает Марко, — которые торгуют этой сербезией. Такие компании отправляются в таверны и пьют целый день. Таковую выпивку они называют “страви-за”. Вечером трактирщик подсчитывает, сколько сербезии они выпили, и каждый платит долю за себя, жену и детей, если они там были».

Особое время отводилось исключительно для женщин, которые вволю напивались сербезии по обычаю своего пола. «Когда дамы остаются на целый день, — сообщает Марко, — они не выходят, когда желают помочиться, но их служанки приносят большие губки и подкладывают под них украдкой, так что другие не замечают. Потому что одна как будто разговаривает со своей госпожой, а другая подкладывает губку, и хозяйка, сидя, мочится в губку, а потом служанка забирает наполненную губку, и так они делают, когда захотят».

Последняя картина русского народа, которую рисует Марко, основана на слышанном им анекдоте, гротескна и комична. Он начинает: «Когда мужчина, напившись, шел вечером со своей женой домой, его жена присела, чтобы помочиться, и волосы у нее на ляжках из-за сильного холода примерзли к траве, так что женщина не могла двинуться с места и кричала от боли». Марко продолжает грубый анекдот: «И тогда муж, который был очень пьян, пожалел жену, нагнул и стал дуть, чтобы отогреть лед теплым дыханием. И, пока он дул, влага в его дыхании замерзла, и волосы его бороды смерзлись с волосами на ляжках женщины. И он тоже не мог двинуться от сильной боли, и остался так, нагнувшись». Если Марко рассказывал эту историю в обществе, далее он показывал, что значит — повеселить слушателей.

«Так, не в силах двинуться с этого места, ждали они, пока кто-то пройдет мимо и разобьет лед». Вероятно, конец истории заглушали взрывы пьяного хохота.

Марко создает впечатление, что мог бы без конца множить рассказы, легенды, чудеса, мифы, анекдоты и небывалые впечатления. «Теперь вы услышали все, что возможно было рассказать о татарах и сарацинах, и об их жизни и обычаях, — говорит он, — и о стольких странах мира, сколько возможно было узнать и изведать» — за одним существенным исключением.

Марко, как бы на «бис», желает описать морское плавание; он слишком долго был прикован к земле и стосковался по свежему ветру, надувающему паруса. «Мы не рассказывали и не говорили ничего о Великом море, как и о провинциях, его окружающих, хотя хорошо извели их все». Он подумывает написать второй том своего «*Divisament dou monde*» (Книги о разнообразии мира), как первоначально назывался его труд. Но в конце концов отказывается от этой мысли, «поскольку, — объясняет он, — было бы слишком утомительно для меня говорить о том, в чем, может быть, нет необходимости и пользы, потому

что столь многие плавают в тех краях каждый день, как хорошо известно: например венецианцы, генуэзцы, пизанцы и многие другие совершают это путешествие так часто, что каждый знает, каково оно». На самом деле, далеко не каждый человек в последнем десятилетии XIII века, когда люди редко удалялись более чем на несколько миль от места, где родились, сам изведал, «каково оно», но, вероятно, люди, которых знал и уважал Марко, действительно знали.

«Потому я промолчу и ничего не скажу вам об этом». Разве что в другой раз.

Под конец Марко признает, что он мало что мог сделать для изменения своего жизненного пути. «Я полагаю, мы вернулись с соизволения Бога, — заключает он, — чтобы поведать о мире. Потому что, как я говорил в начале этой книги... ни один человек, будь то христианин, сарацин или язычник, не исследовал столь большую часть мира, как мастер Марко, сын мастера Никколо Поло, благородного и великого гражданина Венеции».

В результате возникла эпопея, переклестнувшая собственные границы, неистощимая и неисчерпаемая. Марко Поло путешествовал не только в пространстве, но и во времени. На отдаленных западных пределах Шелкового пути, на Памирском плоскогорье он посетил более примитивный мир, познакомился людьми и культурами, не изменившимися с доисторических времен. В Китае он перенесся на сотни лет вперед в технологическую и культурную утопию. Однако видения будущего, воплотившиеся в высоко цивилизованном городе Кинсай, были нарушены новыми проявлениями вечной борьбы. Развращенные успехами в коммерции, суевериями и сладострастием, китайцы Кинсая, как повествует Марко, уже не были хозяевами собственной судьбы; они оказались беззащитными перед захватчиками монголами, поскольку умели сражаться с пожарами, но не знали, как противостоять воинственным всадникам. В Китае Марко увидел будущее, но в нем царил такой же хаос, как в настоящем.

Отчет, составленный им в генуэзской тюрьме, в самом деле затронул ход истории двух континентов. Восток и Запад, разделенные враждующими и воюющими государствами и, до установления «Монгольского мира», наступлением ислама, соединял Шелковый путь, по которому в обе стороны переправляли товары — и религиозные идеи. Возможно, самым ценным из всего, что расходилось по этому трансконтинентальному тракту, был не шелк и не другие материальные блага, а знания о далеких землях, сведения о которых прежде были неполными, искаженными, либо и вовсе отсутствовали. Марко побывал во многих подобных местах. Он считал себя торговцем тканями, драгоценными камнями и пряностями. Однако главным его товаром было знание мира и народов, предвещавшее наступление Ренессанса. Его книга показала путь в будущее и Востоку, и Западу.

В изложении Марко это будущее не выглядело мирным. Оно было столь же языческим, сколь благочестивым, но в первую очередь оно было общечеловеческим. В этом мире связи между людьми протянулись через географические, религиозные и политические барьеры. В противоположность изоляции, созданной суровыми условиями Средневековья, будущее, увиденное Марко, требовало постоянных путешествий, бесконечной торговли и непрерывного общения на многих языках. В этом мире христиане торговали с мусульманами, с «идолопоклонниками», с каждым, кто овладел первыми начатками торговли, и с целыми политическими режимами, такими, как династия Юань, включившая в себя личностей из самых разнообразных культур, служивших единому идеалу. Эту неразличимую и разнородную смесь объединяла не власть, не религиозная система, а сила, которую Марко считал более универсальной и более могущественной, — желание торговать.

В Трапезунде — компактном и коррумпированном маленьком царстве в составе Византийской империи, на берегу Черного моря — семейство Поло постигла беда. Но не

в виде шторма, болезни или нападения. Несмотря на все связи и предосторожности, купцов обворовали. В Трапезунде сила охранявших их пайцз наконец иссякла. Местные власти конфисковали у них сорок тысяч гиперпир (широко ходивших золотых византийских монет). Оценить эту сумму в современных денежных единицах затруднительно, но за нее можно было купить тысячу фунтов шелка. Иными словами, их лишили значительной части состояния, ради которого они рисковали жизнями и потратили два десятилетия. В своем отчете Марко умалчивает о неприятном и неловком эпизоде в Трапезунде. О нем не упоминалось много лет, пока в своем завещании его дядя Маттео не коснулся болезненной темы семейных долгов. Марко же предпочел не бередить старые раны. Эта неудача не сочеталась с картиной успехов их предприятия, созданной им в своем «Путешествии». Не останавливаясь на этой потере, Марко перечисляет названия, создавая ощущение быстрого движения к дому. «Из Трапезунда они добрались до Константинополя, из Константинополя до Негропонта, а из Негропонта с великим богатством и с множеством спутников, благодаря Бога, избавившего их от великих трудов и бесконечных опасностей, сели на корабль и наконец благополучно прибыли в Венецию; и было это в 1295 году от Рождества Христова».

Закончилась двадцатичетырехлетняя экспедиция семьи Поло. Не раз они были на волосок от гибели, занимались торговлей в экзотических странах и выполняли важные дипломатические поручения в Азии, Индии и Африке. За это время Поло изменились до неузнаваемости: платьем и манерами они походили на монголов и почти забыли родной язык.

Венецианцы в конце XIII века одевались просто. Женщины носили длинные широкие юбки, схваченные на талии широкими вышитыми поясами, и во имя благопристойности покрывали голову капюшонами или вуалями. Преобладали бежевые и серовато-лиловые ткани, изредка

оживлявшиеся оранжевыми или красноватыми вставками. Мужчины носили безрукавки с застежкой спереди, поверх сорочек с длинными рукавами и без ворота, облегающие штаны и мягкие шапки с узкими полями.

А трое Поло были одеты по-монгольски, как привыкли за два десятилетия. Монгольское платье, блистающее алыми, желтыми и небесно-голубыми шелками, было куда ярче венецианского. И мужчины и женщины у монголов носили «дел», или кафтан — длинную верхнюю одежду с клапаном спереди, с рукавами, достаточно длинными, чтобы в холода закрывать кисти рук. Их часто шили из шелка. Под кафтанами и мужчины, и женщины носили просторные штаны, а женщины еще и юбки. Несомненно, Поло, шествовавшие по венецианским набережным и площадям в ярких кафтанах, вызывали любопытные взгляды и пересуды. Если и прически у них были монгольскими, они должны были еще сильнее бросаться в глаза. Мужчины в Венеции скрывали волосы под шапками, а монголы заплетали длинные волосы в косицы и сворачивали в кольцо за ушами, да еще выбривали макушки, оставляя только локон спереди.

Марко Поло, сумевший стать своим в монгольской империи, вернувшись в Венецию, обнаружил, что стал чужим на родине.

Глава 15

БЛУДНЫЙ СЫН

...И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем, что он был вскормлен медом
И млекою рая напоен!

Трое Поло после двадцатипятилетнего отсутствия подошли к Ка Поло и постучали в дверь. Ее открыл незнакомый человек, равнодушно взглянувший на них. Так гласит официальное сообщение, опубликованное в 1559 году венецианскими властями и ученым по имени Джамбаттиста Рамузио; он сравнивал их судьбу с судьбой Одиссея, вернувшегося на родную Итаку в обличии старика и увидевшего, что никто его не узнает. Так и Поло с отчаянием убедились, что родственники заняли их дом, ошибочно предположив, будто Марко вместе с отцом и дядей погиб или навсегда сгинул в чужой земле. Недоверие жителей дома усиливалось тем, что Поло мало напоминали настоящих венецианцев. «В их чертах и манере речи было нечто неуловимо татарское, они почти позабыли венецианский язык. Их одежды были сильно поношены, скроены из грубой ткани и на татарский манер», — сообщает Рамузио.

Первым среди усомнившихся в личности прибывших был Маттео Поло, сводный брат Марко. Прежде они никогда не встречались; Марко мог и не знать о существовании

Маттео. Зато Маттео слышал о Марко: более того, на случай внезапного возвращения в Венецию его отца и дяди были приняты юридические предосторожности. Пятнадцатью годами раньше, 27 августа 1280 года, дядя Марко, носивший то же имя, написал завещание, назначив своими душеприказчиками невестку Фьордилиж и ее мужа Джордано Тревизана, «пока мои братья Никколо и Маттео не вернутся в Венецию. После того только они должны быть моими душеприказчиками». Диктуя эти слова, старый Марко не мог знать, что они когда-нибудь пригодятся, как случилось при неожиданном появлении Никколо, Маттео и младшего Марко.

Условия завещания обеспечивали если не Марко, то братьям Поло столь необходимое им законное положение в семье и в сообществе венецианских купцов.

Еще одно распространенное предание повествует о злоключениях вернувшегося домой дяди Марко, Маттео. Правда, жена признала его, но не желала терпеть на нем монгольского кафтана, с которым тот не хотел расстаться. Чтобы избавить мужа от этой экзотической одежды, она самовольно отдала ее прохожему бродяге. Маттео, вернувшись вечером домой, спросил, что случилось с его монгольским нарядом; он беспокоился тем больше, что по многолетней привычке зашил в него все свои драгоценные камни.

Когда жена нехотя призналась, куда девала одежду, он, если верить рассказам, рвал на себе волосы и бил себя в грудь, пытаясь изобрести способ вернуть безвестного бродягу, завладевшего его состоянием. К счастью, Венеция была маленьким городом. На следующее утро он вышел на Риальто, в центр венецианской коммерции, и стал ждать появления нужного человека. Говорят, что он принес с собой прялку без кудели и крутил ее, изображая безумного. Собравшаяся толпа глазела на него и спрашивала, он же на все вопросы отвечал: «Он придет, даст Бог, придет!»

Слухи о появлении на Риальто безумного старика Маттео Поло возбудили общее любопытство. Но бродяга, за-

владевший драгоценностями Поло, так и не появился. На следующий день Маттео повторил выступление, и на следующий день тоже. И вот он пришел — бродяга в поношенном монгольском кафтане. Увидев этого странного человека, Маттео бросился на него, отобрал одежду и нащупал спрятанные в швах камни. Все оказались на месте. Маттео вернул себе драгоценности и отправил злосчастного бродягу восвояси.

Рамузио передает еще одну легенду о Поло. Он слышал, по его словам, «от великолепного мессера Гаспаро Мальпiero, весьма старого господина исключительной добродетели и честности, имевшего дом... ровно посередине... Корте дель Миллион» — квартала, где стоял старый дом Поло. «Тот утверждал, что слышал это от своего отца и деда и от некоторых стариков, его соседей».

Рассказ старого аристократа начинался с того, что венецианские Поло с недоверием отнеслись к личности своих так долго отсутствовавших родственников. Вместо того чтобы принять их с гордостью и радостью, они выглядели смущенными. Марко, его отец и дядя решили пригласить всю родню на роскошный пир. Они готовились к этому событию «благородно и с великолепием в своем старом доме». С началом пиршества в канале теснились гондолы; гости высаживались и ожидали путешественников, в надежде получить подарки из дальних стран или иные доказательства, что эти трое измерили Шелковый путь вдоль и поперек, как утверждали. Вместо этого гости оказались на самом необыкновенном маскараде.

Едва гости расселись по местам, появились вернувшиеся Поло. Трое путешественников были наряжены в длинные просторные одеяния из дорогих тканей, сшитых в венецианском стиле. Чуть позже они сняли одежды и разорвали их на куски, раздарив обрывки прислуге. Озадаченные гости взялись за еду, а между тем Поло снова сменили одежду, представ перед собравшимися в красных бархатных нарядах. Их они тоже разорвали и раздали слу-

гам. Если Поло стремились создать впечатление, что в Азии так разбогатели, что могут, не моргнув глазом, раздавать дорогие ткани, им это вполне удалось.

Но демонстрация на этом не кончилась. Под конец праздника Поло вновь переоделись и снова раздали обрывки одежды, удивляя гостей своей щедростью. Затем они вышли и вернулись в грубых монгольских одеждах, в которых были в день прибытия в Венецию, когда их отказались узнавать.

Если верить Рамузио, который, возможно, приукрашивал, но не выдумывал, все трое взяли ножи и принялись вспарывать швы монгольских нарядов, «извлекая из них огромное количество самых драгоценных камней, таких как рубины, сапфиры, карбункулы (темно-красные гранаты), алмазы и изумруды, которые зашили в каждую из означенных одежд с таким искусством и таким образом, что никто не мог и подумать, что они там. Потому что, уезжая от великого хана, они выменяли полученные от него богатства на множество рубинов, изумрудов и других драгоценных камней, зная, что им никак не довести такое количество золота по долгой и трудной дороге».

Эта демонстрация ошеломила гостей и, главное, произвела должное впечатление. «Те, в ком они прежде сомневались, — писал Рамузио, — были в действительности почтенными и достойными господами из рода Поло, и им оказали великий почет и уважение. И когда об этом стало известно в Венеции, так же поступали все, и простолюдины, и благородные господа стекались к их дому, чтобы обнять их, осыпать ласками и выказать любовь и почтение, какие только можно вообразить».

Хотя рассказ Рамузио оканчивается счастливо, он остается саркастическим комментарием по поводу верхоглядства и прагматизма венецианцев. Они не желали — да и не могли — признать Марко, Маттео и Никколо, пока те не устроили театральную демонстрацию своих богатств.

Званный обед стал началом примирения с вернувшимися странниками. С тех пор все трое пользовались заслу-

женным уважением сограждан, и особое внимание доставалось Марко. «Все молодые люди каждый день наносили ему визиты и беседовали с мессером Марко, — заявляет Рамузио, — каковой был весьма обаятелен и милостив, и расспрашивали его о Китае и великом хане, на что он отвечал с такой любезностью, что все чувствовали себя перед ним в некотором долгу».

Легко понять, почему Марко привлекал внимание. Невозможно недооценить значение нововведений, привезенных им из Китая и описанных в его «Путешествиях». Поначалу Европа отнеслась к техническим чудесам с недоверием, однако в конечном счете приняла.

Бумажные деньги, совершенно неизвестные на Западе до возвращения Марко Поло, произвели революцию в финансовой и коммерческой сфере по всему Западу. Уголь — еще один предмет, привлечший внимание Марко в Китае, оказался новым и достаточно эффективным топливом для обделенной источниками энергии Европы.

Очки (в виде обточенных линз), согласно некоторым сообщениям, привезенные им с собой, со временем стали распространенным оптическим прибором для усиления зрения. Кроме того, линзы использовали в микроскопах, а также в подзорных трубах, каковые, в свою очередь, произвели переворот в морской войне, поскольку позволяли издали разглядеть корабли. Двести лет спустя Галилео использовал телескоп — основанный на тех же линзах, — совершив революцию в науке и космологии, доказав и проиллюстрировав теорию Коперника о вращении Земли и других планет вокруг Солнца.

Порох, к тому времени использовавшийся китайцами не менее трех столетий, произвел переворот в европейском военном искусстве. Армии сменили копья, мечи и арбалеты на пушки, переносные аркебузы и пистолеты.

Марко привез с собой и дары более личного характера. Золотая пайцза, пропуск, полученный от Хубилай-хана, вместе с ним перенесла годы пути, войн и трудностей. Мар-

ко сохранил ее до конца своих дней. Привез он с собой и слугу-монгола, которого звал Пьетро, — живое напоминание о положении, которое занимал в далеких странах.

В целом трудно представить Ренессанс — да и вообще современный мир — без культурного взаимообмена между Востоком и Западом, образцом которого послужил Марко Поло.

К возвращению Марко в Республике Венеция под покровом мирной жизни скопилось напряжение. Правление Лоренцо Тьеполо, бывшего дожем при отправлении Поло, ознаменовалось множеством несчастий: сначала ее подкосил голод, затем ненужные распри с соседями, которых Венеция ущемляла введением таможенных тарифов на иностранные суда. Эта мера послужила только к ослаблению торговли. Примерно в то же время Республика ввязалась в трехлетнюю войну с Болоньей. Не удивительно, что отношения с северной Италией сильно испортились.

Дополнительный ущерб нанес отказ Венеции помочь церкви в войне Сицилианской Вечерни — в продолжительном конфликте (1282–1302) между королем Арагона Петром III и папой Мартином IV. В отместку церковь в 1284 году приняла жестокие меры — отлучение. В соборе Святого Марка запрещено было служить мессы, его колокола замолчали. Все религиозные обряды венецианской жизни — венчание, похороны, даже крещение — были строго запрещены. Отлучение простиралось и на последнее причастие: лишенные его должны были испытать еще худшие страдания в посмертной жизни. Зима прошла без празднования Рождества. Затихшая, покаянная Венеция, казалось, волей Бога превращена в мрачное чистилище. «Прошедшие двадцать лет не были для них удачными, — писал историк Джон Норвич о бедах Республики. — Венецианцы потерпели несколько поражений на суше и на море, потеряли много кораблей и людей. Им довелось в бессилии наблюдать, как враг подошел к самой лагуне. Соседи, от которых они зависели в отношении торговли, были настроены в боль-

шей или меньшей степени недружелюбно. Главная колония, Крит, снова бунтовала»*.

Словно проклятие Господне, в ту зиму город до основания потрясло страшное землетрясение. Земная кора растрескалась, потоп опустошил Венецию, разрушая дома, унося жизни, оставляя выживших умирать от голода среди обломков величия. Однако городская инфраструктура уцелела, Венеция, несмотря на бедствия, поднималась вновь к могуществу и процветанию. Но Республику ждали тяжелые времена.

Венецианцы винили в упадке не естественные причины — землетрясения, потопа, неразумную внешнюю политику Республики, церковь или завистливых соперников, — а несколько высокопоставленных семейств, которые еще больше разбогатели в годы обрушившихся на Венецию испытаний. В первую очередь ответственность возлагали на крепкий клан Дандоло; в самый трудный период два дожа оказались из этого рода, в том числе Джованни Дандоло, занимавший этот пост с 1280 по 1289 годы.

Во время его правления площадь Святого Марка кипела шумными выступлениями в пользу соперничавшего рода — Тьеполо, якобы поддерживавшего демократические традиции Республики. Сын дожа, Джакомо Тьеполо, в трудные времена невольно оказался в положении вождя республиканцев. Марко мог бы заметить, что перед Тьеполо зачастую вставали те же трудности, что и перед великим ханом. С одной стороны, ему приходилось угождать тесной группе единомышленников, с другой — обеспечивать себе поддержку народа. Единомышленники предостерегали, что Венеция становится слишком демократичной и рискует оказаться во власти толпы, между тем как в народе опасались, что Тьеполо замышляет учредить в Венеции наследственную монархию.

---

* Дж. Норвич. История Венеции. Глава 12. Расплата за гордыню. Стр. 233.

Теснимый со всех сторон Тъеполо удалился в изгнание на материк. В то же время, в 1289 году, тридцативосьмилетний отпрыск недавно разбогатевшей купеческой семьи Пьетро Градениго был избран новым дожем, одновременно заслужив уничижительную кличку Пьераццо. Но кто бы ни занимал дворец дождей, автократ или популист, Венеция все быстрее клонилась к упадку.

В 1291 году египетский султан Аль-Ашраф-Халиль в исполнение давней клятвы захватил Акру и перебил большую часть жителей. Событие отозвалось за тысячи миль от Акры, в Венеции, поскольку Акра, как это видно из истории Поло, служила перевалочным пунктом для венецианских купцов и товаров.

С падением Акры и других христианских твердынь на Среднем Востоке, венецианцы обратились к Европе. Их суда ходили в Амстердам, Лондон и Марсель. Венецианские купцы учились развлекать и забавлять захолустных феодальных баронов зверинцами, клоунами, акробатами и музыкантами, а потом уже переходить к делу. Дожд поощрял торговлю с западом, освободив одного себя от необходимости уплаты пошлины на приобретенные товары.

Со временем и Марко втянулся в борьбу Республики против коммерческих и военных соперников. Главным из них на данный момент была Генуя. Город-государство, ничуть не менее корыстолюбивый, чем Венеция, ревностно охранял свою торговлю индийскими пряностями и крымским зерном, не говоря уже о торговле рыбой, солью, мехами и даже рабами. Все, что покупалось и продавалось, становилось топливом для двигателя экономики Генуи.

Чтобы предотвратить прямое столкновение, Венеция и Генуя заключили неустойчивое перемирие, однако падение Акры нарушило равновесие, поскольку обе стороны стремились контролировать этот город. Готовясь к войне с соперницей, Венеция объединилась с более слабой Пизой. На сей раз союзники были настроены решительно: всякий,

здоровый умом и телом, в возрасте от семнадцати до шестидесяти, был готов к немедленной мобилизации. Более того, от каждого богатого семейства требовалось профинансировать снаряжение одной или более галер. Поло не входили в число столь высокопоставленных семейств, однако общая горячность заразила и Марко. Отчасти он сам нес ответственность за резкую перемену в настроении венецианцев. После долгих лет упадка Республика вдруг приготавливалась отстаивать свою репутацию и интересы.

Возможно, Марко втянулся в конфликт от скуки. В Венеции его окружали серые, коричневые и желтые дома, теснившие узкие, часто зловонные каналы. Вместо того чтобы скакать на коне по широкой степи или пересекать бескрайнюю пустыню с караваном верблюдов, Марко бродил по улочкам Венеции, иной раз таким узким, что по ним можно было протиснуться только боком. Вместо далекого горизонта его взгляд упирался в окна соседнего дома, занятого унылыми домашними делами. Его жизнь лишилась величия и вкуса, сменившись рутинной торговлей, счетами и долгами, утомительным крючкотворством и вздорными родственниками. Для человека, побывавшего у монголов, усвоившего буддизм, эти рамки должны были показаться невыносимо тесными.

К 1298 году Марко исполнилось всего сорок три, он все еще был в силах устремиться по следу первого попавшегося приключения. Битва при Курзоле, где он попал в плен, не стала для Венеции исполнением надежд на славу. Но для него она могла стать путем к бегству.

Возможно, что для Марко плен у генуэзцев и привилегированное заключение оказались переменной к лучшему, позволив ему на время спастись из тесных пределов Венеции. Парадокс в том, что он был свободнее в тюрьме, где его не занимали обыденные дела и где он мог мысленно странствовать по всему свету: по плоскогорьям Памира, через пустыню Гоби, по изумрудной степи мимо монгольских юрт, к волшебным дворцам Камбулака и Ксанаду. Тюремное заключение дало этому страннику избыток времени,

чтобы поведать свою историю, и нетрудно представить, как он день и ночь толкует о своих приключениях Рустичелло, который с азартом собирает горячечные излияния Марко. Неизвестно, сумел бы Марко убедить своих недоверчивых сограждан, не говоря уже обо всей Европе, в правдивости своих сказочных походов, если бы не его сотрудничество с Рустичелло.

Рустичелло, умевший расцветить свои повести любовными похождениями арабской знати и батальными сценами, отлично представлял, чем украсить правдивый рассказ Марко. Однако много повидавший купец предпочитал держаться того, что видел собственными глазами. Но точка зрения Марко, его понятия о мире и месте в нем христианства, расходились с точкой зрения его аудитории. За два десятилетия он пропитался монгольскими обычаями, языком и взглядами и смотрел на мир глазами монголов — жизнелюбивых, диких и благочестивых.

Рустичелло Пизанский был не просто романистом. Он принадлежал к семейству нотариусов и обладал высокой квалификацией в этом деле. Нотариусы в Италии издавна пользовались почетом. В римской античности они были высокопоставленными чиновниками, составляли контракты и финансовые договоры, вели хроники и занимались официальной передачей имущества, дарственными и завещаниями. Скучную работу переписчиков они перекладывали на рабов. Название профессии происходит от широко применявшейся системы скорописи, называвшейся на латыни «*notae Tironinae*», по имени секретаря Цицерона, Тулия Тирона, который, по преданию, изобрел эту систему для записи многословных речей Цицерона. Писцы, пользовавшиеся этой системой, назывались нотариусами и вращались в высших кругах римской бюрократии. Их христианские преемники, нотариусы, прилежно записывали проповеди священников, вели протоколы судов над христианами. После распада Римской империи нотариусы стали платными работниками, пользовавшимися

авторитетом по всему христианскому миру. Они были непрменной частью юридической системы. В качестве нотариуса Рустичелло мог заверить подлинность приключений Марко.

Литературная фантазия Рустичелло склоняла его к темам сражений, странствующих рыцарей и добродетельных девиц, зато профессиональная выучка требовала получить от Марко доказательства. Как иначе мог он документировать его путешествие, не говоря уже о фантастических эпизодах, которым тот якобы был свидетелем? Марко, пишет Рустичелло, «записал лишь немного, что еще сохранилось у него в памяти, и это малая доля в сравнении с множеством и почти бесконечным числом вещей, которые он мог бы описать, если бы надеялся на возможность вернуться в наши земли; однако, полагая почти невероятным, что он когда-либо оставит службу у великого хана, государя татар, он записал в своем дневнике лишь немного».

К счастью для потомства — и для Рустичелло — не все пропало. Находясь в тюрьме, Марко Поло получил свои записки и, оживляя ими воспоминания, «сумел пересказать все это мастеру Рустичелло, гражданину Пизы, находившемуся с ним в той же тюрьме в Генуе в то время, в 1298 году от Рождества Господа нашего Иисуса Христа».

Марко был знаком с персидским и монгольским языками, неизвестными на Западе, и конечно, знал венецианский диалект, но ни один из этих языков не годился для задуманного Рустичелло эпического повествования. Только французский, язык романов — то есть историй о приключениях — подошел бы для него, но нет сведений, что Марко знал французский. Зато его знал Рустичелло, во всяком случае, знал своеобразную, лишенную грамматических правил версию этого языка. Итак, двое итальянцев составили эпическое повествование об Азии на французском. Правила языка представляли серьезную проблему для секретаря Марко. Он упоминает Марко Поло то в первом лице, то в третьем, переходя от одного к другому без видимых

причин. Да и книгу иногда именуется «моя книга», подразумеваемая авторство Марко Поло, а иногда «наша книга» — плод сотрудничества. Рустичелло часто пишет по-разному одни и те же слова, порой на той же странице. Особенно трудно ему давались времена глаголов во французском языке, и потому рассказ сбивается с настоящего на различные формы прошедшего времени, часто в одном предложении. Его безграмотный французский веками приводил в отчаяние переводчиков, пытавшихся понять, что именно он имел в виду.

Можно представить себе эту пару столь несходных заключенных, спорящих о том, кто скажет последнее слово в тексте, написанном на иностранном языке, которым кое-как владел один Рустичелло. В результате появился в лучшем случае вдохновенный, но ненадежный черновой набросок, а не законченное эпическое повествование, задуманное авторами.

Знание мира, воображение и личность Марко далеко превосходили способности Рустичелло, и соавторам не удалось выработать единую общую интонацию. Рустичелло стремился внушить непокорному Марко свои представления о должной литературной форме и христианские идеалы, но, по мере того как повествование «вставало на крыло», Рустичелло, по-видимому, предоставил упрямому путешественнику богохульствовать вволю. При всем владении установившимися штампами и манерой речи, Рустичелло лишен был дара *sprezzatura*, искусства создавать искусство. Зато Марко, отточивший свои истории частыми пересказами и воспламененный острым и заразительным энтузиазмом, так и лучился *sprezzatura*. В результате рассказчик-дилетант затмил профессионала. Учитывая разительную несхожесть соавторов, так и слышишь, как они ссорятся, приходя к неуклюжим компромиссам, резко меняя тон и не избегая режущих глаз нестыковок. Получившееся произведение, подобно средневековым соборам, возведенным безвестными мастерами, оказалось живо-

писным, но беспорядочным смешением идей и — если вдуматься — памятником ушедшей культуры.

Вопреки всем своим недостаткам, Рустичелло справился с задачей. Если бы упорный пизанец не усадил Марко за долгую диктовку, его многочисленные воспоминания никогда не были бы записаны. Они остались бы всего-навсего байками о дальних странах, ходившими среди купцов, странствовавших по Шелковому пути, а история Марко умерла бы вместе с ним.

Их нескладный совместный труд начинался как традиционный роман, но преобразился в путевые заметки, многообразием и экстравагантностью превосходившие пределы воображения. В повести Марко участвуют люди, места и обычаи, виденные им собственными глазами; при этом повествование щедро украшено легендами и сказками. Получилась уникальная, не поддающаяся классификации смесь репортажа, легенд, мифов, чудес, странствий, историй и приключений, сдобренная верой, пылкостью и рукой судьбы.

Марко в полной мере осознавал свое место в мире и порой изображал себя обаятельным героем, странствующим по дворцам, дорогам и местам, названным им «разнообразными». За все годы блужданий по Азии и Индии, по самым неведомым и отдаленным уголкам земли, он редко чувствовал себя чужим среди нового окружения. Им двигало убеждение, что коммерция, во всяком случае для него, не только путь к богатству, но и доказательство здравого смысла в неразумном мире, разумная деятельность, сглаживающая различия и способствующая обмену идеями и заключению союзов.

Такой опытный романист, каким был Рустичелло, не удержался от включения в свой труд колоритной, захватывающей батальной сцены, почти слово в слово заимствованной из его предыдущей работы. Он заимствовал и пролог к своему прежнему успешному роману, «Meliadus» (Ме-

лиадус), компиляции традиционных романов о короле Артуре, и почти теми же словами открыл повесть Марко Поло.

«Государя, императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане и все, кому желательно узнать о различных народах и о разнообразии областей и стран света, — начинает Рустичелло, — возьмите же эту книгу и прочтите ее, и здесь вы найдете величайшие чудеса и величайшее разнообразие Великой и Малой Армении, и Персии, Мидии, Турции, и татар и Индии, и многих других провинций Средней Азии и части Европы, от Греции к Леванту и Трамонтану, как наша книга изложит вам ясно и по порядку, как мастер Марко Поло, мудрый и благородный гражданин Венеции, повествует о том, что видел своими глазами».

С этого места и далее повествование Марко далеко уходит от традиционных романов, и он выступает как хитроумный и хвастливый путешественник, человек, ставший приближенным Хубилай-хана и даже отчасти монголом. Заражая друг друга восторгом, соавторы хвалятся, что никто, «ни христианин или сарацин, ни язычник, ни татарин, ни индеец, никто из людей... не видел, не познал и не изведаль такого множества различных частей света и столь великих чудес, какие отыскал и узнал этот мастер Марко Поло». И история обретает собственную жизнь, становясь непредсказуемой.

Голос Марко, даже сглаженный штампами Рустичелло, узнается сразу. Временами он сух и точен, как сборщик налогов и купец, временами красноречив, как сказочник. Его убежденность смягчается заговорщицким подмигиванием. Если этот голос повествователя, переданный Рустичелло, с той же энергией и проникновенностью звучал перед генуэзцами, нетрудно поверить, что он заворожил своих тюремщиков.

Никому, кроме Марко, не выпало счастья или несчастья на десятки лет стать пленником в пределах монгольской империи, никто, кроме Марко, не обладал восприимчивым

воображением, позволившим стать в ней своим и изобразить ее страстно и убедительно.

Оригинальной рукописи, составленной за месяцы совместного пребывания Марко и Рустичелло в тюрьме, не сохранилось. Повесть, созданная до изобретения на Западе наборной печати, ходила по всей Европе в рукописных списках на разных языках, переписывалась монахами и покупалась дворянами для личных библиотек. В процессе она часто изменялась — порой намеренно, иногда по ошибке или случайно. В результате порядок изложения явно нарушен: часто главы, параграфы и даже предложения стоят не в том порядке, нарушая течение повествования.

На основании внутренних свидетельств — эпизодов, которые Марко обещал описать, но не затронул в повествовании — ясно, что рукопись неполна, особенно последние ее главы. Не то чтобы у Марко кончились силы; кажется, пропущены или сокращены целые разделы. За отсутствием полной рукописи ученые и переводчики основывались на неполных версиях, которые обнаруживались в библиотеках и архивах, церковных и светских, на протяжении веков, хотя эти версии сильно расходятся, и в некоторых намного больше глав, чем в других. Ни одна не производит впечатления полной во всех отношениях. Они напоминают сценарий без ремарок; аудитория вынуждена пополнять ее догадками: где мог находиться Марко, описывая такую-то встречу. В иных эпизодах не ясна даже его точка зрения, авторская позиция, и читатель гадает, какими оттенками пронизано повествование: благочестием или иронией, шуткой или гневом? Он вполне способен был выразить любую из этих эмоций, но примитивный французский язык Рустичелло неизбежно стирал их. И все-таки Рустичелло сумел передать голос рассказчика, сменяя театральность на шутовство или бахвальство, постоянно варьируя темп и интонацию. Марко переполняют истории о путешествиях через Азию, он приукрашивает выдумкой

рассказ о годах, проведенных при Хубилай-хане, разбавляет грубыми шутками, двусмысленностями и интерлюдиями. В результате его личный опыт как бы накладывается на беспристрастный ход истории, подобно надписи, сделанной рукой человека на гранитной плите.

В повествовании Рустичелло Марко предстает человеком многоликим, впечатлительным и склонным к драматизации, подверженным бесконечным переменам настроения. Секретарь передает непрерывный поток воспоминаний и речи, которые в сочетании со склонностью к преувеличениям наверняка завораживали слушателей. В полной мере проявляется наивность Марко — особенно в том, что каждым правителем, с каким ему случалось сталкиваться, он восхищается от всего сердца. Марко говорит слишком быстро и громко: он любит играть голосом и дополняет его мимикой. В отличие от многих заядлых говорунов, он редко повторяется и в полной мере сознает, что излагает одну из величайших историй на свете. Под подвижной тканью повествования просвечивает иной Марко: человек светлого ума, исключительной памяти и, если он, как утверждает, основывался на китайских хрониках, удивительно внимательный к подробностям. Хотя он поддается искушениям: преклоняется перед Хубилай-ханом, увлекается бесчисленными женщинами, встречавшимися ему в пути, — но редко бывает одурочен и сохраняет скептическое отношение к действительности. Из импульсивного гедониста вырос искатель истины и духовной полноты. Эти цели оказались куда более труднодостижимыми, чем успех в торговле, которой он зарабатывал на жизнь. Подвижный как ртуть ум Марко Поло непрестанно оценивает места и людей, с которыми ему приходилось встречаться, и пытается донести свое миропонимание до читателя. Как положено прилежному репортеру, он тщательно отмечает, с кем, что и когда происходит, но оказывается много слабее в вопросе «когда». Он не приводит настоящей хронологии своего пребывания в Китае, за исключением путешествия в Азию и обратно. Вместо этого он собирает тематические описания мест, где

побывал и о которых слышал, разбавляя их анекдотами и обрывками истории, подобранными в пути.

Этот пылкий рассказчик всегда многословен и часто поднимается до высот красноречия. Если Рустичелло удалось хотя бы отчасти передать прелесть рассказов, которыми заслушивались генуэзцы, нетрудно понять их восторги. Сочетание в личности Марко черт венецианца и монгола несомненно добавляло остроты его рассказам: отчетам других странников, побывавших в Китае, недоставало его жестикуляции, его ненасытного любопытства, изобилия фактов и широты фантазии.

Не было еще такого рассказчика, который с уверенностью предвидел, что публика будет ловить каждое его слово. А вот Марко не сомневается, что пишет и для настоящего, и для истории: его хроника, помимо всего прочего, — воплощение честолюбивых стремлений, способ увековечить свое имя. Если и в самом деле такова была его цель, он достиг ее, может быть, в большей мере, чем ему желалось, ведь имя «Марко Поло» стало синонимом реальных и метафорических странствий, исследования неведомых пределов в мирных целях.

В каждой короткой главе своего повествования Марко проявляет преувеличенное ощущение собственной личности. Он помещает себя в центр величайших событий своего времени — сражений, дворцовых интриг, скандалов — при том, что, судя по историческим хроникам, его участие в них было минимальным или вообще отсутствовало, то есть он был скорее зрителем, чем актером. Тем не менее его упрямое возвеличивание своей роли, контрастирующее с самоуничижительным тоном других путешественников и пилигримов той эпохи, сообщает его хронике живость, смысл и чувство. Все, с чем сталкивался или о чем слышал Марко, оказывается для него важным, и он передает это ощущение своей аудитории. Он ревниво отстаивает свое место на страницах истории, он сам назначает себя летописцем и Востока, и Запада.

В общей сложности переписчики создали около 150 версий повествования Марко, и ни одна из них не совпадает с другими. Для упрощения сложнейшей головоломки, которую представляют эти расхождения, ученые приняли разделение их на две группы, обозначенные просто А и В. Многие манускрипты группы А содержат явные интерполяции — то есть вставки, сделанные чересчур усердными переводчиками, — и пестрят ошибками. Например, тосканский перевод XVI века с латинского варианта, также сделанного в Тоскане, считается основанным на одной из первых французских версий Рустичелло. Тонкости речи Марко, проблески юмора и иронии часто терялись при повторных переводах. Еще усложняет ситуацию то обстоятельство, что манускрипты группы В часто содержат отрывки, отсутствующие в группе А. Часть исследователей предполагает, что Марко мог переработать версию В после возвращения в Венецию, чтобы удовлетворить любопытство читателей, желавших более полного отчета, нежели составленный в тюрьме. Каждый манускрипт, подобно серии этюдов, созданных художником на одну и ту же тему, может претендовать на подлинность, но не на последнее слово в теме путешествия Марко.

Для преодоления этих сложностей некоторые современные ученые исключают те части, которые выглядят невнятными, создавая таким образом единообразие интонации.

Марко Поло имел собственные представления о том, что такое исследования и открытия. Он не составлял плана и маршрута. Он путешествовал по торговым делам в эпоху, когда концепция науки еще не существовала или считалась еретической. Он стал величайшим путешественником на свете, по крайней мере, в собственных глазах, силой случая, привыкая к приключениям, оттачивая наблюдательность и умение находить свой путь в чужих землях. Он был разведчиком и исследователем, политическим атташе и этнографом. В своем понимании, он оставался просто величайшим путешественником в истории и, вернувшись в Венецию, задался целью убедить в этом мир.

Пока Марко находился в плену в Генуе, его отец Никколо и дядя Маттео, оставшиеся дома, беспокоились о его благополучии. Они несколько раз пытались выкупить его. Им и в голову не приходило, что в заточении он наслаждается отдыхом и общественным признанием и вместе с соавтором трудится над отчетом о своих фантастических странствиях.

Кроме того, они задумывались о будущем Марко, даже если сам он об этом не думал. С самого возвращения в Венецию они подыскивали для него достойную партию, хотя бы для того, чтобы состояние не уплыло из семьи. Марко противился этой идее, но пока он был в плену, они подбирали ему невесту, в надежде на его благополучное возвращение. В конце концов они отчаялись. «Видя, что не могут выкупить его ни на каких условиях, — писал позднее Рамузио, — посоветовавшись между собой, они решили, что мессер Никколо, который был хотя и очень стар, но бодр, сам должен жениться». Марко, узнай он об этой перспективе или о воплощении замысла, мог бы встревожиться. Документы того времени противоречат друг другу. Если Никколо действительно женился, то немедленно приступил к исполнению супружеского долга, так что вскоре у него было уже трое сыновей. А в Генуе Марко Поло и Рустичелло продолжали трудиться над эпопеей, не представляя ни своей будущей судьбы, ни судьбы своего произведения.

25 мая 1299 года Генуя и Венеция заключили «вечный мир». После многолетних столкновений два города-государства к всеобщему облегчению примирились. Ни одной стороне не пришлось выплачивать репараций, да и мало кто еще помнил, что стало причиной первых столкновений — возможно, гордыня.

Через три месяца Марко Поло и его соавтор Рустичелло из Пизы были освобождены из опостылевшей им генуэзской тюрьмы. Марко немедленно вернулся в Венецию. Рустичелло, исполнив свою миссию, исчезает из вида. Венецианцу было тогда сорок пять лет, и он готов был занять

свое место в семейной иерархии. После томительных месяцев заключения Венеция представлялась манящей гаванью, может быть, не столь славной и героической, как земли монголов, зато более безопасной, чем все места, в каких ему довелось побывать с ранней юности.

За время его отсутствия родственники его устроили свою жизнь и обеспечили положение в обществе. Они купили небольшое элегантное палаццо с внутренним двориком и башней в модном районе Сан-Джованни Хризостомо. Здесь Марко предстояло провести остаток лет. Каким образом Поло расплатились за внушительное новое жилище, остается только гадать: возможно, они вложили в него прибыль от торговых предприятий, но есть подозрение, что они расплачивались привезенными в Венецию рубинами и сапфирами. Место Марко в венецианском обществе и солидное состояние были обеспечены. И вновь встал вопрос о выгодной женитьбе — не на экзотической индийской или монгольской принцессе его грез, а на женщине из равной по положению венецианской семьи. Возможно, наивыдавшись разных брачных обычаев, он не так уж приветствовал мысль о моногамии. Тем не менее в 1300 году брак был заключен.

Невесту Марко звали Доната, и она была дочерью купца Витале Бадоера. Венецианский брак был сложным предприятием, предполагавшим и празднество, и деловые соглашения между сторонами. Представители жениха и невесты заключали формальный контракт в «*dies desponsationis*» (день помолвки). По этому случаю жених наносил невесте официальный визит и по обряду, унаследованному от римских предков, умащал ей голову. Брачная церемония происходила в «*dies nuptiarum*» (день бракосочетания) и сопровождалась дополнительными обрядами. При «*transductio ad domum*» (препровождение в дом) жених впервые провожал невесту до дома в компании торжествующих родственников. Затем пара выполняла «*visitatio*» (появле-

ние) в церковь, где происходило богослужение с «benedictio», с благословением обручальных колец. Сразу после этого невеста представляла свое приданое — «terromisa» — в данном случае, сундук, полный украшениями, полотном, шелками, дамастом и драгоценными камнями. Кроме того в приданое Донаты входило значительное недвижимое имущество, в том числе земельные участки (согласно юридическому документу, датированному 17 марта 1312 года, дядя Донаты окончательно выплатил приданое ее супругу).

Венецианский обычай требовал, чтобы через восемь дней после свадьбы новобрачная нанесла визит в отцовский дом. Этот визит, называвшийся «reverentia» (дань почтения), отмечался еще одним пиршеством и раздачей гостям подарков. После этого брак между Марко и Донатой считался совершившимся.

Женившись в столь зрелом возрасте, Марко повел обычную для венецианца жизнь. Они с женой скоро порадовали мир тремя дочерьми: Фантиной, Беллелой и Моретой (эти распространенные в Венеции имена часто фигурируют в различных документах в разном написании). Отец его скончался до 1300 года, после которого в записях упоминается «покойный» Никколо Поло, однако точная дата его смерти неизвестна. Хотя как великий путешественник прославился один Марко, заслуги старшего Поло, возможно, превышают свершения его сына, ведь Никколо побывал при дворе Хубилай-хана не единожды, но дважды.

Хотя Марко в «Путешествиях» уделяет отцу и не менее предприимчивому дяде лишь беглое внимание и часто не прочь приписать всю честь совместного предприятия себе одному, в Венеции он почтил память отца. «После кончины отца, — пишет Рамузио, — он, как подобает доброму и почтительному сыну, заказал для него гробницу, которая весьма почиталась в те времена и представляла собой саркофаг из дорогого камня, который можно видеть

и по сей день (Рамузио писал 250 лет спустя) под портиком церкви Сан-Лоренцо в том городе, по правую руку от входа, с надписью, указывающей, что это могила мессера Никколо Поло».

После смерти Никколо Марко и его дядя Маттео продолжали вести прибыльную торговлю, но больше не путешествовали. По всей вероятности, они ни разу не выезжали дальше венецианской провинции Далмации. Путешествия продолжало только младшее поколение. Судя по хроникам, Маттео-младший отправился с торговой экспедицией на Крит, бывший колонией Республики. Что до Марко, он уже никогда не вступал на Шелковый путь, не возвращался в Азию, к ее заманчивым перспективам, чудесам и опасностям. По-видимому, благосостояние сделало его осторожным и респектабельным. Он жил в Венеции, с женой и дочерьми, с дядей Маттео и прочими родственниками в большом многолюдном доме, где все они укрывались от бурь, сотрясавших Республику.

В 1300 году недовольные граждане отметили наступление нового века, подняв мятеж против дожа, Пьетро Градениго. Войска подавили мятеж, а тела главарей, Марино Бокконио и десяти его сторонников, вздернули на виселицах, возведенных на площади Святого Марка, для устрашения непокорных.

Со временем Венеция отчасти восстановила экономическую стабильность и разжилась на несчастьях соперников. Талантливые ткачи из Лукки сменили беспокойную родину на многообещающую Венецию и быстро нашли место для своих станков по соседству с Риальто. В результате Венеция прославилась шелками и бархатом богатой текстуры и ярких цветов: гильдии зорко следили за качеством, и некачественные товары предавались публичному сожжению.

Продолжала развиваться и деловая жизнь Венеции, издавна бывшая самой энергичной и прогрессивной в Евро-

пе. На протяжении веков купцы, подобные Поло, ограничивались бартерными сделками, выменивая драгоценные камни и ткани на товар. Но за время своего беспокойного правления (1280–1289) дож Джованни Дандоло ввел в Венеции денежную единицу, ставшую известной всему миру: золотой дукат. Дукаты имели хождение и до того, однако Дандоло установил новый стандарт качества, объявив: «Он должен изготавливаться с величайшей возможной точностью, как флорин, только лучше». Флорин был коммерческим символом конкурирующей Флоренции, но венецианские дукаты скоро затмили его. Название венецианского монетного двора, Цекка, где производились дукаты, произведено от арабского «Сикка», обозначающего штамп или печать, поэтому дукаты часто называли «цеккини» (отсюда слово «цехин»). Дукаты были красивыми, тяжелыми и блестящими. На аверсе изображался дож, преклоняющий колени перед святым Марком, а на реверсе Иисус. С тех пор купцы считали состояние не в драгоценных камнях, а в дукатах.

Хотя Марко Поло в конечном счете смирился с жизнью и обычаями Венеции, напрашивается мысль, что он так и не излечился от одержимости Азией. Он повсюду носил с собой рукописную копию с описанием странствий. Он постоянно говорил о своих приключениях и временами изготавливал копии записок для знатных аристократов, которые, как он надеялся, сохранят рукопись в своей библиотеке. Заинтересованность богатых покровителей была для него единственным способом (кроме сохранения копий в монастырях) позаботиться о том, чтобы история пережила его самого. Посвящение на одной из самых ранних рукописей указывает, что он представил ее «монсеньору Тьесболту, кавалеру, сеньору де Сепой» в августе 1307 года. Если судить по надписи, этот рыцарь, представлявший в Венеции короля Арагона Карла Валуа, попросил у автора рукопись, и легко представить, с какой радостью согласился Марко удовлетворить его просьбу.

Между тем затянувшаяся вражда Республики с церковью подтачивала хрупкую структуру экономической жизни. 27 марта 1309 года церковь издала еще одну грозную папскую буллу, еще более серьезную, чем прежняя. Желая раз и навсегда проучить непокорный город, церковь отлучила Республику и ее граждан. Все договоры с венецианцами были объявлены недействительными — удар, грозивший катастрофой всем торговым отношениям. Имущество Венеции за пределами лагуны подлежало конфискации церковью. Всем христианам запрещалось торговать с венецианцами. Банки, корабли, фабрики, склады и торговые предприятия венецианцев за границей, согласно отчетам, были сожжены.

Поначалу венецианцы готовы были держаться до последнего, но когда их армию стали поражать болезни, враги Республики вдесятеро сократили ее флот. Казалось, долгому царствованию Светлейшей приходит конец. Рухнула даже самоуверенность купеческой аристократии, и дож Пьетро Градениго смиренно отправился вымаливать прощение у папы Климента Пятого, находившегося тогда в Авиньоне. Прощение было даровано и отлучение снято. Тем не менее граждане Венеции были весьма недовольны своим дожем.

В воздухе снова запахло восстанием, знатные заговорщики задумали свергнуть Градениго. Они составили дерзкий план: утром 15 июня 1310 года ворваться на площадь Святого Марка, убить дожа, а потом перебить его приближенных. К счастью для стабильности республики, погода им не благоприятствовала: задул свирепый ветер, над лагуной разразилась гроза с ливнем, словно предупреждая о готовящемся злодеянии. Уличный сброд, затянувший «*Morte al doge Gradenigo*», не слышал собственных голосов и разбежался, спасаясь от непогоды. В неразберихе охрана дожа узнала о восстании, атаковала и разогнала по меньшей мере одну группу мятежников.

Еще одна катастрофа оказалась совершенно неожиданной для мятежников. Один из главных заговорщиков,

Баймонте Тьеполо, вел разъяренную толпу к Риальто, когда рассерженная поднятым шумом хозяйка одного из домов швырнула в него цветочный горшок, стоявший на окне. Снаряд нашел цель; Тьеполо уцелел, зато его знаменосец пал на мокрую мостовую с раздробленным черепом. Сброд, который вел за собой Тьеполо, запаниковал, когда горожанки стали швырять им в головы тяжелые предметы. Мятежники разбежались, и Тьеполо ничего не оставалось, как сдаться, в надежде выторговать себе жизнь. Ему повезло: он отделался четырехлетней ссылкой в Далмацию, а другие поплатились за восстание жизнями.

Жюстина Россо, бросившая роковой цветочный горшок, получила сердечную благодарность дожа. На вопрос, какой награды она желает, женщина скромно ответила, что хотела бы каждый год в память этого события 15 июня вывешивать знамя Святого Марка, покровителя Венеции. И еще одна просьба — чтобы годовая рента для нее никогда не превышала пятнадцати дукатов.

Так прихотливо определялась судьба Венеции.

Марко предпочитал не участвовать в крупных конфликтах своего времени, заботясь больше о сохранении своего имущества. Всего один раз он бросил вызов установленному порядку, когда выступал в суде в защиту пользовавшегося дурной славой контрабандиста Боноччио из Местра. Сценарий позволяет предположить, что нарушитель закона работал на Марко.

6 февраля 1310 года дядя Марко, Маттео, почувствовал приближение смерти. Он составил завещание и вскоре после того умер. Маттео был женат, но детей не оставил, и большая часть его немалого состояния перешла к племянникам, в том числе к Марко. Вскоре скончался сводный брат Марко, Маттео. Он тоже не оставил наследников мужского пола, и его имущество тоже досталось в основном Марко. Таким образом, в руках Марко сосредоточилась львиная доля всего семейного предприятия Поло.

Обретенное богатство не принесло ему покоя и не сделало щедрее. В сообщения о его вдохновенной деятельности рассказчика вплетаются сведения, что под конец жизни он стал мелочным и скаредным. Он все больше гнался за богатством ради богатства и прославился задиристостью и раздражительностью. Такое поведение, столь не схожее с его образом в молодые годы, выдает склонность к депрессии. Величайший в мире путешественник больше не путешествовал. Он не пополнял кладовых опыта, предпочитая копить богатства. Документы доказывают, что Марко умел, когда ему это было выгодно, проявлять жадность, словно в уверенности, что чем больше его состояние, тем больше его права на новые приобретения. Случалось, что он одалживал деньги нуждавшимся родственникам, но всегда под проценты: если они не в состоянии были расплатиться, он не списывал и не прощал долгов, а требовал их через суд, не стесняясь у всех на глазах выколачивать деньги из родичей.

В 1319 году Марко предъявил иск своему кузену Марколино, требуя выплаты денег, взятых в долг в 1306 году отцом Марколино. Суд вынес решение в пользу истца, позволив ему отнять имущество ответчика на сумму долга плюс пени, вдвое превышавшие эту сумму, а также двадцать процентов, накопившихся за прошедшие тринадцать лет. Общая сумма сильно превышала стоимость движимого имущества бедняги Марколино, и 10 сентября он вынужден был передать Марко права на владения двумя домами в районе Сан-Джованни Кризостомо — по соседству с Марко, ставшим теперь богаче прежнего. Марко не стеснялся предъявлять не только крупные, но и мелкие иски. Он вызвал в суд другого венецианца, Паоло Жирардо, чтобы тот отчитался за невыплаченную комиссию от продажи полутора фунтов мускуса. Дело осложнялось тем, что Жирардо несколько раз продавал мелкие партии товара, а затем вернул остаток Марко, который, взвесив его, обнаружил недостачу одной шестой унции. Вознегодовав, он отправился в суд. Марко Поло, называемый в документах

«благородным мужем», одержал славную победу, заставив Жирардо вторично выплатить мелкую сумму, чтобы не попасть в тюрьму.

Несмотря на подобные эпизоды в жизни Марко Поло, его слава не убывала.

К нему обратился Пьетро д'Абано, профессор медицины и философии. Они несколько раз встречались, обсуждая путешествие Марко, и д'Абано всякий раз восхищался обширностью познаний Поло, его цепкой памятью и проявившейся на каждой странице «Путешествий» острой наблюдательностью. Вернувшись в Падую, д'Абано составил трактат, в котором осыпал комплиментами «Марко из Венеции», как «человека, объявшего в своих странствиях большую часть мира, чем кто-либо, кого я знаю, и весьма усердного исследователя», и далее пересказывал их беседы об астрономии вообще и в особенности — об одной «звезде», видимой из Занзибара, который Марко якобы посетил под конец своих странствий. «Он видел эту самую звезду под антарктическим полюсом, и она имела большой хвост, который он зарисовал».

Марко вел речь, как ненасытно любознательный путешественник, каковым и был, словно обрел нового Рустичелло, готового увековечить его деяния. «Он сообщил мне также, — писал д'Абано, — что оттуда доставляют к нам камфару, алоэ и цезальпiniю. Он уведомил меня, что зной там силен, а население немногочисленно. Все это он воистину видел на одном из островов, куда прибыл морем. Он говорил также, что люди там гигантского роста и что у них есть большие бараны, с шерстью грубой и жесткой, как щетина наших свиней».

Д'Абано расспрашивал Марко, правда ли, что люди, обитающие в тех знойных странах, робки, а те, что живут в холодных краях, мужественны, как утверждал Аристотель. Марко пытался примирить Аристотеля с собственным опытом. «Я слышал от Марко из Венеции, путешествовавшего за экватор, что он нашел там людей, телами

крупнее, чем здесь, и что это потому, что в тех местах тело не мерзнет и не истощается от холода». Судя по отчету д'Абано, Марко разоблачал классические теории бегло и вскользь, основываясь на собственном опыте, однако это не помешало профессору все так же высоко ценить его. Перестав быть путешественником, Марко мог по крайней мере, утешаться ролью венецианского мудреца.

К 1318 году, когда Марко исполнилось шестьдесят четыре, он мог с удовлетворением озирать свою разросшуюся семью. Старшая из трех дочерей, Фантина, вышла замуж за Марко Брагадина, и богатый отец обеспечил ей роскошное приданое. Ее младшая сестра Беллела последовала примеру старшей, выйдя за Бертуччио Кверини из старинного венецианского рода; от их союза родилось двое детей. О Морете, третьей дочери Марко, известно меньше, сведений о ней не сохранилось, и по всей вероятности, она до смерти отца оставалась незамужней.

Новые зятя Марко стали его союзниками в непрерывных склоках с остальными членами семейства Поло. Презирая кровных родственников, имевших, пожалуй, больше прав на его доверие и благосклонность, он сотрудничал с мужем Фантины, Марко Брагадином; они стали настолько близки, что молодая пара, их четыре сына и две дочери счастливо проживали в Ка Поло вместе с патриархом семьи.

На седьмом десятке лет мудрец из Ка Поло утратил симпатии венецианцев. Монгольская империя клонилась к упадку, Шелковый путь стал непроходимым, историческая эпоха, к которой принадлежал Марко, уходила в прошлое, а его «Путешествия» и выводы из них еще ожидали полного понимания и заслуженной оценки.

Когда он ковылял по улицам Венеции, дети бежали за ним с криком: «Мессер Поло, соври нам еще что-нибудь!» Так гласит одна из легенд. Согласно другому преданию, на венецианском маскараде появился актер, одетый как Марко Поло, забавлявший гостей нелепыми выдумками, притворяясь, будто принимает их за чистую правду.

К 1323 году Марко заболел и уже не вставал с постели. К тому времени его «Путешествия» привлекли внимание доминиканского монаха Джакопо д'Аккуи, который, как было тогда принято, ввел фрагменты повествования в собственный труд, «Imago mundi», где воображение читателя неизменно захватывает следующий эпизод: «Поскольку в книге можно было найти прекрасные рассказы, истории огромной важности, а также самые невероятные домыслы, его (то есть Марко) друзья уговаривали, когда он был на краю смерти, исправить эту книгу и вычеркнуть то, что он написал сверх и за пределами истины. На что он ответил: “Друзья, я не описал и половины того, что видел”».

Что пропустил Марко в своих «Путешествиях»? Возможно, сплетни, ходившие при монгольском дворе, да собственные грешки, неизбежные для молодого человека, оказавшегося вдали от дома. Однако он имел в виду нечто иное. Скорее, он подразумевал, что, хотя и закончил свою книгу, она еще не разделалась с ним. Описанное на ее страницах не покидало его. Он щедро делился воспоминаниями со времени своего возвращения, но не находил облегчения, переносил их на бумагу, поскольку описания лишь усиливали его одержимость. Если д'Аккуи точно передал его слова, поразительное утверждение Марко говорит о том, что бесконечно воскресавшие приключения на Шелковом пути были для него и счастьем, и обузой; он так и не сумел оставить их позади. Хотя он заключил свое повествование освобождением от службы у Хубилай-хана и возвращением в Венецию, его история не имеет ни формы, ни границ. Азия оказалась так велика и разнообразна, так богата природными ресурсами, обычаями, политикой, войнами и мудростью, что все это никак не умещалось в одну книгу. Он сделал все, что мог: намекнул тем, кто был заперт в Европе каждодневной борьбой за существование, о великолепии Азии. Его повесть и его пример вели Запад в будущее.

Здоровье Марко так ухудшилось, что к нему пригласили лекаря: это было равнозначно приглашению священника

для последнего причастия. Венецианские врачи пользовались уважением в обществе, но их профессиональное искусство было довольно ограничено. Закон требовал, чтобы они советовали тяжело больному пациенту составить или пересмотреть завещание и просить об отпущении грехов.

8 января 1324 года Марко умирал, несмотря на заботы известного врача. День был короток; бледное солнце отбрасывало мрачные длинные тени. Родные послали за священником Сан-Проколо, Джованни Джустиниани, который, весьма кстати, был еще и нотариусом, то есть мог составить завещание умирающего и заверить его. Для Марко это была последняя сделка, контракт с вечностью, и он подошел к нему с искусством опытного купца. Пользуясь точными заметками Марко, отец Джустиниани, писавший на вульгарной латыни позднего Средневековья, составил документ, сложный по форме, но простой по сути.

Марко назначил свою жену Донату и трех дочерей соисполнителями его завещания, как гласил язык официального документа. Он отписал церкви десятую часть своего состояния, как того требовал закон, а далее распорядился о выплате дополнительных сумм монастырю Сан-Лоренцо, «где я желаю быть погребенным». Кроме того, он составил список завещательных даров слугам, церковным учреждениям и «каждой гильдии и братству, к которому я принадлежал».

На смертном одре Марко объявил: «Я прощаю долг в триста лир моей невестке». Так же он простил долги монастыря Сан-Джованни, ордена проповедников Сан-Паоло и клирика по имени Фра Бенвенуто. В то же время он предусмотрел выплату 200 сольди нотариусу «за его труд над этим завещанием, и чтобы он принес за меня молитвы Господу».

В отношении Петра, монгола, служившего ему во время долгого пути домой и тридцать два года в Венеции, Марко проявил неожиданное великодушие: «Я освобождаю Пьетро, моего слугу татарской расы, от всех обязательств службы, как (молю) Бога отпустить моей душе все вины и грехи,

и также отдаю ему все, что он заслужил своим трудом в его собственном доме, и сверх того завещаю ему сто лир венецианских денариев». Только после этого Марко переходит к наследству, завещанному его семье. Донате причитался ежегодный доход в заранее условленном размере и обстановка дома, в том числе три кровати со всеми принадлежностями. Дочерям он велел разделить все оставшееся в равных долях, с одним существенным исключением. Морете, пока еще незамужней, причиталась «сумма, равная той, что дана каждой из других моих дочерей, на приданое и обзаведение».

Марко заканчивает суровым предостережением: «Если кто-либо решится нарушить или опровергнуть это завещание, да навлечет он на себя проклятие всемогущего Бога, и да будет на нем анафема трехсот восемнадцати предков, и сверх того, он должен будет выплатить моим вышеупомянутым душеприказчикам пять фунтов золотом, и пусть этот документ, мое завещание, останется в силе». В конце документа значилось: «Подписано мессером Марко Поло, по чьей воле составлено».

На самом деле он не подписал завещания, хранящегося теперь в Национальной Библиотеке Марчиано в Венеции, что наводит на подозрения, что он был слишком слаб даже для столь простого действия. Так или иначе, в его подписи не было необходимости. Джованни Джустиниани, священник и нотариус, подписал и заверил последнюю волю Марко, как требовал венецианский закон. Чтобы предотвратить возможность подделки, он приложил к *buone tabellionato*, личную печать.

Завещание Марко обнаруживает, что он скопил значительное состояние, включавшее предметы торговли, например ткани, и ценную недвижимость, в том числе Ка Поло. Все это могло принадлежать любому богатому венецианскому купцу, за исключением нескольких вещей, свидетельствовавших о его необычном прошлом. Каждая из них для знатока хранила в себе целую историю.

Первая была «золотая табличка с приказом», врученная ему Хубилай-ханом при выезде из Камбулака и дававшая ему высочайший ранг при монгольском дворе, от которого мало что осталось ко времени смерти Марко. Табличка говорила о глубине отношений между великим ханом и много лет служившим ему венецианцем.

Вторыми были «буддийские четки», сделанные, согласно описи вещей Марко, из самшита, «наподобие наших четок» — тщательно выверенная формулировка должна отграничить эти четки от их христианского аналога. Этот предмет говорит о том, с каким жаром искал Марко духовного просвещения в Азии и в Индии.

Третьим был «бокта» — монгольский шлем или головной убор, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. Возможно, этот необычный головной убор носила когда-то юная принцесса Кокачин, которую Марко сопровождал из Китая. Жаловать верных слуг царственными одежаниями было в обычае, и для нее было вполне естественно отблагодарить венецианца, который благополучно доставил ее через всю Азию к новому дому. Марко писал, что она лила слезы при их расставании и, возможно, в ту же печальную минуту и наградила его.

Само по себе накопленное Марко богатство не позволяет причислить его к финансовой элите Венеции, но, возможно, нам известно не все. Значительную, если не большую часть его достояния могли составлять драгоценные камни, привезенные из Азии. Рубины и сапфиры легко было утаить от соперников по торговле, сборщиков налогов и даже от родственников. Марко с отцом и дядей много лет жили среди монголов, пряча драгоценности в швах одежды. Рассказ о том, в какое отчаяние пришел Маттео, узнав, что жена отдала его неприятельскую на вид одежду бродяге, позволяет оценить, насколько существенной была эта часть имущества. При обычном порядке вещей для Марко естественно было поддерживать этот освященный временем обычай и после возвращения в Венецию.

В этом случае истинный размер его богатства остался неизвестен местным властям и, вероятно, навсегда останется тайной.

Медленно тянулись часы, и смерть Марко приближалась. По венецианскому обычаю, закат отмечал конец дня, и скоро должно было наступить 9 января. Нотариус датировал завещание Марко 8 января, а это значит, что его жизнь оборвалась между закатом 8 и 9 января 1324 года.

Самый знаменитый в мире путешественник большую часть своей жизни провел пленником. Сначала десятилетия роскошного «заточения» в границах Китая, затем плен в генуэзской тюрьме. Удивительно, что лучшее время его жизни пришлось на эти годы, когда он вдоль и поперек изъездил Азию, служба Хубилай-хану, а потом диктовал мемуары. Он обладал бесконечным терпением перед лицом тяжелых испытаний. Оно и позволило ему вернуться домой из дальних странствий, а потом завершить свою повесть при самых неблагоприятных обстоятельствах, во вражеском плену. Его беспокойный дух сделал «Путешествия» и исторической хроникой, и произведением искусства, сохранил исчезнувший мир в форме не тускнеющего со временем приключения.

Похороны в Венеции того времени были пышной церемонией, на которой сказалось влияние Византии. Покойного поднимали со смертного ложа и укладывали на пол или на носилки, усыпанные пеплом. Затем звонил траурный колокол, священники затягивали латинскую молитву. Вдове полагалось публично проявлять свое горе, плакать, рыдать и рвать на себе волосы. Когда помощники гробовщика заворачивали тело в саван и выносили к месту последнего покоя, ей полагалось преградить им дорогу и зарыдать с новой силой. Траурная процессия сопровождала тело в церковь, члены семьи следовали за носилками, шум-

но оплакивая свою утрату. То же театральное действие повторилось у могилы. Бедные венецианцы на несколько дней выставляли тела умерших родных на улицу, чтобы собрать милостыню у прохожих, но богатая семья Поло быстро организовала достойные похороны. Марко похоронили на кладбище при церкви Сан-Лоренцо, рядом с его отцом Никколо, вместе с которым он объездил свет. Несколько лет спустя, в 1348 году, его младшая дочь Морета завещала похоронить ее там же, «в склепе родителей».

Предание гласит, что место упокоения Марко было отмечено гробницей его отца, то есть самый знаменитый гражданин Венеции не удостоился собственного памятника, не считая, конечно, его «Путешествий».

Большинство современников Марко Поло относились к его свершениям равнодушно или пренебрежительно, но история его не забыла.

Эпилог

РАССКАЗЧИК

Хотя «Путешествия» были достаточно точны, прозвище «Миллион» осталось за Марко Поло и после смерти. Поначалу в нем видели скорее создателя увлекательных легенд, чем историка. Например, флорентинец Амалио Бонагуиси, переводивший книгу Марко, писал в 1392 году, что венецианец взялся за этот труд, «чтобы провести время и развеять меланхолию». Он предупреждал читателей своего перевода «Путешествий»: «Содержание представляется мне неправдоподобным, но если все это правда, придется поверить в чудеса».

Реакцию Бонагуиси можно понять. Соавтор Марко, Рустичелло, вольно вводил в повествование христианские чудеса, полагая, что без них история окажется недостаточно увлекательной; столь явные литературные вставки, хотя и немногочисленные, заставляли сомневаться в реальности приключений Марко Поло. «Возможно, все, что он рассказывает, и правда, — заключает переводчик, — но я этому не верю, хотя по всему миру в разных странах можно найти много различий... я переводил для своего удовольствия... не ожидая веры или доверия».

Подобное положение вещей не столь невероятно, как представляется, потому что единственная книга, хотя бы отчасти сравнимая с трудом Марко Поло, действительно была сборником выдумок и обольстительных мифов, вы-

даваемых за факты. Сэр Джон Мандевиль, чьи «Путешествия» впервые вышли во французском издании в 1356 году, мог бы называться английским Марко Поло, если бы не то обстоятельство, что сэр Джон, по всей вероятности, никогда не выбирался за пределы обширной аристократической библиотеки, в которой он искусно складывал мозаику из захватывающих рассказов об Индии и Азии, прибегая к известным и неизвестным античным авторам. Таинственный Мандевиль, о котором известно только, что он был английским рыцарем из Хертфордшира, писал, что покинул дом в 1322 — по другим версиям, в 1332 году — и отправился в Святую Землю, а оттуда в Индию, Персию и даже в Китай, откуда вернулся домой в 1356 (или 1366). Он объявил, что показывал записки о своем путешествии папе, который объявил их истиной. В действительности это была искусная компиляция из исторических и иных трудов — в том числе из Плиния, Геродота и таинственного пресвитера Иоанна, увлечения которым не избежал и Марко, а также из различных романов об Александре Великом. Мандевиль использовал и работы менее известных авторов, таких как Альберт из Айкса, Вильям Триполийский, Одорик Порденонский и Винсент из Бове, которые в свою очередь много заимствовали у античных авторов. Понятно, что опус Мандевиля в дальнейшем использовали другие сказочники. Воображаемые «Путешествия» Мандевиля приобрели популярность в Англии времен Средневековья и Ренессанса. В XV веке Мандевиля переиздавали в пять раз чаще, чем Поло. На протяжении двух столетий обе книги воспринимались как увлекательные фантастические описания вымышленных странствий. В начале XVIII века труд Мандевиля оценили по-новому, как «описание волшебных и сказочных стран».

В отличие от Мандевиля, который сознательно вводил читателей в заблуждение, Марко верил каждому продиктованному им слову, однако для него истина была не в буквальном смысле передаче фактов. Она включала субъективные взгляды, плоды воображения и даже элементы мифа, кото-

рые помогали создать более широкую и убедительную картину реальности. Если бы Марко верил только фактам, его повесть вышла бы столь же сухой, как отчеты, оставленные его предшественниками из духовного сословия. Но его рассказ, хоть и полный преувеличений, не был выдуманным, и он ожидал — даже требовал — чтобы читатели верили каждому слову. Такой подход мог оказаться чрезвычайно обременительным, поскольку вынуждал засвидетельствовать истинность всех описаний, но в пересказе ноша возлагалась уже на читателя, которому Марко зачастую с вызовом предлагал принять на веру все, сказанное им.

За два десятилетия странствий Марко понял, что факты бывают фантастичнее вымысла, но ему трудно было убедить в этом других. Кому из авторов, обладавших подобным опытом, приходилось так же бахвалиться или умолять читателей верить ему? Все же за Марко оставалась уникальная особенность, помогавшая убедить скептиков: его личные наблюдения и исторические сведения о величайшем правителе мира, Хубилай-хане. Если изъять из повествования эту исполинскую фигуру, оно превратится в один из многих красочных рассказов о Шелковом пути. Опыт долгой службы у Хубилай-хана поднял его книгу на совершенно иной уровень: Марко Поло был не просто путешественником, он буквально балансировал на стыке двух цивилизаций, выступал посредником между ними и, главное, дожил до возможности изложить свою историю.

Но и у Марко были свои слабости. Когда жизнь Хубилай-хана начала клониться к закату, у венецианца не хватило слов для описания упадка своего героя. В других случаях он поддавался вспышкам энтузиазма — относительно женщин, искусства и даже религий, — и так же быстро остывал, словно купец на базаре ощупывал, обсуждал и наконец отвергал разложенный перед ним товар. К тому же, вопреки всем притязаниям на ученость, Марко слабо владел историей. Он знал понемногу о многом, но оставался всего лишь блестящим дилетантом.

Через три столетия после смерти Марко Поло путеводитель Сансовино в разделе о церкви Сан-Лоренцо в Венеции вспоминает венецианского путешественника заодно с Колумбом, генуэзским мореплавателем и первопроходцем. «Под портиком похоронен Марко Поло по прозвищу Миллион, описавший путешествие в новый мир и первый до Христофора Колумба открывший новые страны». Будь Марко еще жив, он с готовностью принял бы этот похвальный отзыв, хотя мог бы отметить, что не считал себя открывателем новых земель, а был всего лишь на редкость много путешествовавшим купцом, двигавшимся по давно известным дорогам и наблюдавшим древние миры Азии и Индии. Земли и народы, описанные им, были новостью только для европейцев.

По-видимому, к 1685 году репутация Марко Поло в Венеции наконец укрепилась. В своей энциклопедии церковной истории Томазо Фугаццони, описывая починку церкви Сан-Лоренцо, отмечает: «В центре портика было захоронение знаменитейшего Марко Поло, благородного венецианца» — это описание удовлетворило бы даже тщеславного Марко.

Однако могила не сохранилась. В 1827 году Эммануэль Антонио Чиконья, составляя полный каталог венецианских надгробных надписей, упоминает утраченный памятник семьи Поло. На самом деле, вся церковь Сан-Лоренцо превратилась в развалины. Впоследствии ее восстановили, и позднейшие исследователи предполагали, что кости Поло и других венецианцев, похороненных в ее стенах, были собраны в общую могилу, а позже, может быть, использованы под засыпку новых полов. Как бы то ни было, саркофаг и другие предметы, отмечавшие место упокоения Марко, его родителей и дяди, его жены и детей, пропали.

Если о ком-то из членов семьи Поло можно сказать, что он продолжил семейные традиции, то лишь о Фантине, старшей дочери Марко. Правда, ее не интересовали путешествия, зато она стала опытной истицей. Судя по отчетам, она не раз побывала в суде, отстаивая доставшееся ей от отца наследство; 4 августа 1362 года она утверждала,

что ее покойный супруг обманом присвоил ее наследство, прежде чем скончался в колонии на Крите. Еще несколько десятков лет Поло ссорились из-за фамильного имущества — золота, пряностей, тканей и земельных участков. Складывается впечатление, что никто из них не проявлял интереса к величайшему наследству Марко Поло — к хронике его путешествий. Эта миссия выпала другим, странствующим рукописные копии книги по всей Европе. «Путешествия» обрели собственную жизнь и вышли далеко за пределы Венеции.

Совместное творение Марко Поло и Рустичелло Пизанского создало целую индустрию копирования, и каждый переписчик действовал независимо и самостоятельно. Первыми читателями и заказчиками «Путешествий» были ученые, монахи и любознательные аристократы. Менее образованные и привилегированные венецианцы и европейцы, если и знали о фантастической повести Марко Поло, то лишь понаслышке.

Сохранилось сто девятнадцать ранних рукописных копий книги Марко Поло. Все они различаются. Первые версии на тосканском диалекте, возможно, были сделаны еще при жизни Марко. Вскоре «Путешествия» появляются и на других европейских языках: венецианском, немецком, английском, каталонском, арагонском, гэльском и, разумеется, на латыни. Еще до изобретения печати «Путешествия» широко распространились, хотя и уступали другим книгам в популярности. В Европе ходило не менее 275 рукописей вымышленных приключений Джона Мандевилля, а в XIV и XV веках читающей публике было доступно не менее 500 рукописных экземпляров «Божественной Комедии» Данте.

Скептицизм венецианцев превратил Марко в одного из тех пророков, которых не почитают в отечестве своем. Данте, его современник, о нем ни разу не упомянул. (Правда, некоторые исследователи полагают, что отыскивали зашифрованное упоминание о путешественнике.) Из всех

первых рукописей в родном городе Марко ходили всего две, и те датируются 1445 и 1446 годами, то есть спустя почти полтора века после заключения Марко и Рустичелло в Генуе. Немногочисленные счастливики, возможно, могли заглянуть в общедоступную версию книги — не дошедшую до нас, — якобы прикованную цепью на мосту Риальто, в сердце торгового района Венеции. Увлеченные читатели, не замечая толкавшихся вокруг купцов и разносчиков, переносились в иной мир, где жил Хубилай-хан, его соблазнительные наложницы и его бессчетная армия, — мир, ставший доступным благодаря странствиям Марко Поло и игре его воображения.

При переписке большие фрагменты рукописи Марко оказались искажены, а их порядок нарушен. Например, он обещает описать свое чреватое опасностями возвращение по морю, однако упоминает его лишь вскользь, что вызывает подозрение, не хранится ли в каком-нибудь монастыре или библиотеке выпущенный отрывок. Кроме явных пропусков, нарушен порядок разделов. Некоторые важные события, такие как провалившееся восстание Ахмада против Хубилай-хана, перенесены в ранние разделы книги, совершенно вне контекста. Даже внутри разделов порядок абзацев и предложений нарушен, и гладкость повествования пропадает.

Сенсационная, хотя и разрозненная рукопись Марко Поло со временем стала общеизвестной. Утверждение Рамузио, что «книга разошлась по всей Италии в несколько месяцев», выглядит благонамеренным преувеличением. В действительности книга расходилась медленно, по одной рукописной копии за раз, и потребовалось больше века, чтобы она заняла постоянное место в историческом и литературном сознании европейцев. Марко Поло со временем приобрел статус посредника по обмену культурными ценностями, став одной из редких личностей, чей обширный опыт позволяет воплотить и передать дух эпохи последующим поколениям. Его культура была культурой путешественника и торговца и включала в себя множество

субкультур: монгольскую, китайскую, культуру Индии и племен Азии. Его взгляд простирался от Армении до Занзибара. Его восприятие этих культур, в особенности китайской, оставалось главным источником сведений о них для европейцев вплоть до XIX века. Марко представил Европе описание не мира, как обещало первоначальное название книги, а его недостающей половины. Таким образом он спас от полного забвения многие важные события и народы.

Издатели и ученые пытались свести воедино разрозненные рукописи, удостоверить или подвергнуть сомнению отдельные подробности, помочь читателю найти путь через отдаленные и порой невообразимые просторы Азии и Индии. Наиболее преуспел в этом один монах, который без особого удовольствия вынужден был переводить объемный и беспорядочный манускрипт на латынь. «Я, брат Франческо Пипино из Болоньи, из ордена братьев проповедников, — начинает он, — принужден волей многих отцов и господ свести истинный и верный перевод с вульгарного языка — возможно, с тосканского или венецианского диалекта — на латынь». Он закончил работу между 1310 и 1314 годом, в последние годы жизни Марко Поло. Манускрипт Пипино был близок к оригиналу, но, кажется, Марко до конца жизни дополнял свою повесть. Поэтому Пипино опасался, что его ученый перевод окажется не последним словом, и более того, что ему недостает грубой страстности «вульгарного языка».

Несмотря на все трудности, Пипино внес в свой труд отчетливую религиозную идею. Его латинский перевод предназначался для того, чтобы подготовить монахов его ордена к основанию миссий на далеком Востоке. Он редактировал текст, руководствуясь представлениями о приличиях и религиозной доктриной, выпускал слишком откровенные сексуальные отрывки и многие из вставленных Марко двусмысленностей. Там, где считал это необходимым, Пипино дополнял рукопись от себя. Он выражал надежду, что его благочестивый читатель, «видя языческие народы в

такой тьме и слепоте, и в такой нечистоте, возблагодарит Бога, просветившего верных светом истины и милосердно призвавшего их из опасной тьмы к чудесному свету».

Восприятие религий, описанное в повествовании Марко, конечно, намного более тонко и парадоксально, чем взгляды фра Пипино. Например, хотя Марко так и не постиг тонкости, силы и сложности ислама и исламской культуры, Пипино усиливает его неодобрительное отношение, вставляя слово «ненавистный» и тому подобные прилагательные везде, где венецианец упоминает о мусульманах или неверных; в результате равнодушие Марко к исламу превращается в открытую враждебность — но она исходит от восприятия Пипино, а не Марко. Тем не менее правка Пипино сохраняется и в некоторых современных версиях «Путешествий».

Первое печатное издание «Путешествий» вышло в Нюрнберге в 1477 году, примерно через 175 лет после того, как Рустичелло закончил свою рукопись. На фронтисписе книги в полный рост изображался идеализированный портрет молодого путешественника. Спрос на книгу Марко Поло привел к переизданию ее в Германии, на этот раз в Аугсбурге, четырем годами позже. Примеру Германии последовали издатели других стран. Французский перевод, вышедший в виде книги в 1556 году, основывался на версии Пипино (его не следует путать с оригинальной версией на французском диалекте, на котором, вероятно, писал Рустичелло).

В Италии много лет основным считалось издание Рамузио. Оно несколько раз переиздавалось, а окончательная версия вышла в 1557 году, через два года после того, как Рамузио скончался в Падуе (и через два века с лишним после смерти Марко Поло). Рамузио с бесконечным энтузиазмом собирал все сплетни о Марко, вдохнул новую жизнь в историю венецианского путешественника и в полной мере осознал вклад, внесенный им в понимание мира. «Видя, сколь многие факты и подробности о той части мира, о ко-

торой... писал Марко, подтверждаются или в новом свете открываются в наши дни. — замечает Рамузио, — я рассудил, что разумно выпустить эту книгу на основании различных копий, написанных более двухсот лет назад (сколько я могу судить), совершенно верных и гораздо более точных, чем читанные до сих пор; чтобы мир не лишился плодов столь великого усердия и трудов в столь благородной науке».

Рамузио считал Марко Поло величайшим из путешественников, как современных ему, так и древних, и ставил его даже выше Колумба. «Я не раз обдумывал про себя вопрос, какое странствие чудеснее, — писал он, — совершенное по суше этим нашим благородным венецианцем или предпринятое... доном Христофором». Рамузио признавал, что судит пристрастно, поскольку Колумб был уроженцем главной соперницы Венеции, Генуи, и плывал под флагом враждебной Испании. Все же, писал он, «мне представляется, что (путешествие) по суше должно расцениваться выше, чем по морю», учитывая «огромное величие души, необходимое для исполнения такого предприятия и завершения столь долгого и трудного пути», не говоря уже о «нехватке съестных припасов — в течение не дней, но месяцев».

Существовали и другие важные различия. В отличие от Колумба, Марко Поло не предъявлял права на новые земли, не заключал договоры, не переименовывал города и селения и почти не принимал участия в военных действиях. Если бы не его неповторимая повесть, его странствие затерялось бы в пучине истории.

Колумб во время своих четырех плаваний в Новый Свет делал примечания к запискам Марко Поло — ведь генуэзский мореплаватель тщетно пытался отыскать сказочный Китай. (Можно сказать, что Марко ввел его в заблуждение, убедив, что Китай расположен где-то в районе Карибского моря.) В своей личной копии итальянского перевода «Путешествий» Колумб сделал многочисленные заметки на

полях, показывающие, что он обращал особое внимание на ценные товары, упомянутые Марко: перец, корицу, гвоздику, благовония, рубины и золото. Колумб мечтал ввозить все это в Европу с огромной прибылью. К тому же он намеревался продолжить дело Марко Поло, встретившись с «великим ханом» и представив ему письма своих августейших покровителей, короля Фердинанда и королевы Изабеллы, а также просветить его по части западных обычаев, преподать основы христианского вероучения — не понимая, что Монгольская Империя осталась в далеком прошлом.

«Путешествия» вдохновили еще одного восприимчивого мореплавателя, молодого дипломата Антонио Пигафетту, который вел официальную хронику кругосветного плавания Фердинанда Магеллана, начавшегося в 1519 году. Пигафетта, один из оставшихся в живых восемнадцати участников этой злосчастной экспедиции, вел путевые записки, подражая своему кумиру и соотечественнику, Марко Поло.

При всей неполноте и непоследовательности, «Путешествия» остались незаконченным шедевром, вызывающим к новым поколениям странников и мечтателей.

Однажды, летним днем 1797 года, как рассказывает Сэмюэль Тейлор Кольридж, «автор, будучи тогда нездоров, отдыхал на одинокой ферме между Порлоком и Линтоном, на эксмурских границах Сомерсета и Девоншира». Кольриджу было двадцать пять лет, он был младшим из четырнадцати детей сельского священника. Он недавно покинул Колледж Иисуса в Кембридже, так и не получив степени, и решительно встал на путь поэта и мечтателя-радикала. Страдая неустойчивым темпераментом и приступами меланхолии, он искал облегчения в лаудануме, препарате опиума.

«Вследствие легкого недомогания, — продолжает он, — было прописано болеутоляющее, под действием которого он уснул в кресле за чтением следующей фразы в “Палом-

ничестве Перчаса": (Хроника, опубликованная Сэмюэлем Перчасом, включала обширные заимствования из книги Марко Поло.) «В Ксанату Хубилай-хан построил величественный дворец», — написал Перчас, не подозревая, что эта фраза вызовет к жизни одно из самых знаменитых стихотворений в английской поэзии. «Десять миль земли обнесены стеною. За стеной имеются фонтаны и реки проточной воды, и очень красивые лужайки и рощи... Великий хан держит там все виды животных. Посреди парка, где расположена прекраснейшая роща, великий хан устроил себе для жилья дворец и при нем сад. И стена окружает десять миль плодородной земли».

Прочитав эти слова, Кольридж три часа провел «в глубоком сне, по крайней мере, внешних чувств». Ему казалось, что, пока он спал, его внутренний разум сложил «две или три сотни строк стихотворения... без всякого ощущения или осознания усилия». Очнувшись от наркотического сна, он «немедля и поспешно» попытался записать все, что мог вспомнить из приснившегося стихотворения. По видимому, неуловимые стихи относились к Хубилай-хану, о котором читал Кольридж, прежде чем задремал.

В эту самую минуту не ко времени явился «по делу человек из Порлока» и отвлек молодого поэта от работы. «Вернувшись в комнату, он, к немалому удивлению и огорчению обнаружил, что еще сохранил смутные воспоминания об общем смысле видения, однако за исключением восьми или десяти строк и образов, остальные ускользнули, как образы на поверхности реки от брошенного камня, но — увы! — уже не сложились заново».

С трудом складывая полузабытые строки, Кольридж написал первую строфу «Кубла-хана»:

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла-хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.

В том же эйфорическом состоянии Кольридж дописал поэму до конца, заключив ее предостережением об опасностях безудержного восторга. Он видит себя чужими глазами или воображает родственную душу, восклицая:

И крик пронесся б как гроза:
Скорей, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!
Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем, что он был вскормлен медом
И млекою рая напоен.

Это гармоническое видение силы и пространства так далеко опережало время, что прошло почти двадцать лет, прежде чем Кольридж решился опубликовать поэму о «Кубла-хане» — труд, который обеспечил монгольскому правителю постоянное место в творческом воображении писателей Запада.

Несмотря на различия в темпераменте странствующего купца Марко Поло и неврастеничного поэта Кольриджа, величие монгольской империи захватило обоих. Кольриджу не чужды были галлюцинации: они питали его поэтические видения. Не сознавая истинного источника вдохновения, он поддался очарованию гипнотизирующих описаний венецианца в пересказе Сэмюэля Перчса. С другой стороны, и Марко мог быть знаком с действием опиума, которым лечился от загадочной болезни в Афганистане. Возможно, оба употребляли наркотики, которые обострили их восприимчивость и сообщили неестественную яркость их литературным трудам. Если Марко пристрастился к опиуму, это вполне могло изменить и отточить его восприятие — и сказаться в его «Путешествиях». В этом случае точнее было бы сказать, что он не преувеличивал, а воспринимал все в искаженном масштабе, что он был слишком подвержен внушению. Это объяснило бы, почему его отчет,

местами совершенно точный и подробный, в других частях становится фантастическим. Если, вернувшись в Венецию, Марко прекратил принимать опиум, отказ от наркотика мог объяснить его преобразование из восторженного путешественника по чужеземным державам в мелочного купца-сутягу.

Марко Поло был почти забыт, но его книга, воспринимавшаяся как нераздельный сплав фактов и вымысла, продолжала жить. Такое положение дел начало меняться в XIX столетии, когда ученые попытались навести порядок в хаотических сведениях, представленных Марко, и создать окончательную версию его повествования. В авангарде этого движения находились французы, которых Марко Поло привлекал как воплощение «ориентализма» — увлечения азиатским искусством и мировоззрением. В 1824 году Парижское Географическое общество выпустило тщательно комментированное издание «Путешествий», компилированное из многих версий. Дальнейшие события изменили характер дискуссии. Ученых больше не занимали вымыслы; их интересовало, сколько истины содержится в повествовании Марко. Несмотря на риторические излишества, большая часть его описаний выдерживала проверку. «Путешествия» стали рассматривать как надежный в целом источник информации о недоступном континенте, и это привлекло новых почитателей. То, что прежде считали игрой воображения, теперь рассматривали как документ.

Четыре десятилетия спустя французский лингвист М. Г. Потье сравнил рассказ Поло в издании 1824 года с монгольскими и китайскими хрониками и нашел, что это не видения, навеянные наркотиками или чем-то иным, а поразительно точный отчет. Летописи подтверждали, что Марко прилежно регистрировал коммерческую активность, придворные церемонии, экзотические религиозные, погребальные и брачные обычаи.

Научный труд Потье был дополнен и усовершенствован двумя последующими комментаторами, Генри Юлом и

Анри Кордые, которые восстановили репутацию Марко Поло в англоязычном мире. Для этих двух исследователей главное «очарование» повести Марко крылось не в содержании, не в удивительной истории создания, а в «сложных вопросах». Юл и Кордые горячо заявляли: «Это великая книга загадок, но наша уверенность в правдивости автора такова, что мы не сомневаемся: каждая загадка имеет решение». С пылом и уверенностью, свойственной их времени, они взялись за поиск ответов. Прибегая к помощи всемирной сети корреспондентов, они неутомимо устанавливали, какие азиатские народы и местности имел в виду Марко, и доказывали, что он описывал только то, чему сам был свидетелем. Юл и Кордые считали, что отдают заслуженную дань своему странствующему герою, однако их усердная сверка фактов отчасти затемнила игру воображения Марко. Маловероятно, что его труд пользовался бы такой популярностью и влиянием, если бы он просто написал энциклопедию Азии.

Перегруженное комментариями издание Юла и Кордые в четыре раза превосходит объемом оригинал Марко Поло и изображает его предвестником Эпохи Открытий — еще более успешным, чем Магеллан и Христофор Колумб, которые в известной степени вдохновлялись трудами Марко. В отличие от них, Марко не носил меча, не вел войн, не захватывал рабов, не убивал врагов. Его путешествие, единственное из путешествий европейских первооткрывателей, остается литературным трудом, влияние которого ощущается и по сей день.

«Он был первым путешественником, преодолевшим дороги по всей протяженности Азии, — напыщенно заявляют Юл и Кордые, — называя и описывая царство за царством, представавшие его глазам: пустыни Персии, цветущие плато и дикие ущелья Бадахшана, изобилующие нефритом долины рек Хотана, монгольские степи, колыбель силы, недавно угрожавшей поглотить христианский мир, новый блестящий двор, возникший в Камбулаке. Первый путешественник, изобразивший Китай во всем его бо-

гатстве и величии, с могучими реками, огромными городами, богатой промышленностью, обильным населением, неимоверно огромным флотом, бороздившим его моря и внутренние воды; рассказавший нам о народах у его границ, со всеми их причудливыми обычаями и верованиями; о Тибете с его отвратительными культами; о Бирме с ее золотыми пагодами, увенчанными бубенцами...»

При всей пышности красноречия, это точная оценка достижений Марко Поло. Марко Поло, подобно Алексису де Токвиллю, был из тех редких странников, которые видят чужие страны отчетливее, чем их жители.

Однако, как признают даже самые пылкие почитатели, полет фантазии Рустичелло дал повод к множеству недоразумений и вопросов о том, имеет ли ценность труд Марко Поло. Марко порой был невнимателен к датам и проявлял досадную склонность смешивать исторические события. Кроме того, в отдельных случаях он выдвигает свою семью в центр событий, как в случае с осадой Саньян-фу. Усердные ученые XIX века подчеркивали эти промахи, вместо того чтобы исправить их.

В Италии научное исследование «Путешествий» достигло зенита после выхода в свет роскошного издания, составленного Луиджи Фосколо Бенедетто. Изданная во Флоренции в 1928 году, эта работа сводила воедино все рукописные версии. Казалось, Бенедетто сказал последнее слово в изучении труда Марко Поло, однако в 1932 году обнаружилась замечательная рукопись, содержащая более подробные эпизоды и новый материал. Сэр Персиваль Дэвид, обнаруживший эту рукопись, был лондонским коллекционером и ученым, специалистом по китайской керамике. Ненасытное любопытство и интерес к китайским путешествиям Марко Поло привели его в Толедо, в библиотеку кардинала Франциско Хавьера де Целада (1717–1801), где хранился латинский перевод рукописи Марко Поло, который был в полтора раза больше других версий. Ученые пришли к выводу, что он был написан или переведен в Италии в

XV веке, в то время, когда другие версии отчета Марко Поло превращали из рукописей в печатные книги. Рукопись стала известна как текст Целада, или Толедская рукопись.

Чтобы донести до широкой аудитории самую полную версию книги Марко Поло, двое ученых, профессор из Кембриджа А. С. Моул и француз Поль Пельо, дерзнули составить «Сводный перевод», в котором «попытались свести воедино все или почти все сохранившиеся слова Марко Поло и указать источник, из которого исходит каждое слово». Результат их труда, включавший в себя текст Целада, был издан в Англии и во Франции в 1938 году, и за ним последовали два тома примечаний. Книга получилась не только самой полной, но и самой живой, поскольку Моул и Пельо сумели отчасти передать воодушевленный и непринужденный стиль Марко Поло. Это смешение разговорной и ученой речи лучше передает непостоянный дух Марко, чем прежние, более сдержанные и торжественные переводы.

Марко Поло был не просто путешественником: он принимал участие в истории своего времени. Из наивного семнадцатилетнего юнца, терявшегося в тени отца и дяди, вырос искусный и уверенный в себе посланник самого могущественного в мире правителя. Его книга, помимо всего прочего, — описание событий, которым он был свидетелем и на ход которых в известной степени влиял. Возможно, исполнить все литературные и исторические задачи, которые он себе поставил, ему одному было не по силам; такой объем знаний, такие расстояния оказывались попросту неохватными для человека конца XIII — начала XIV века. Но благодаря своей целеустремленности он превзошел пределы человеческих познаний, опыта и воображения.

Полное значение «Путешествий» продолжает ускользать от внимательного читателя, дразня его и доводя до изнеможения. Что это: путеводитель по реальному миру, как в описаниях, относящихся к Хубилай-хану, с которым Марко встречался после исполнения его поручений, или

нечто более субъективное и глубокомысленное? Или это страна грез, плоды воспаленного опиумом воображения?

Необычайная восприимчивость Марко развилась в годы, проведенные им среди монголов. Взрослея среди них, он стал и себя относить к их числу, видел мир их глазами. В результате возникло изображение Азии, отчасти западное, описательное и реалистическое, отчасти монгольское, с широким видением анимистического мира, с ощущением, что человеческими делами управляют сверхъестественные силы. Как ни старается Марко выглядеть добрым христианином, это впечатление создано усилиями Рустичелло и подкреплено столь же благочестивыми переводчиками, подобными Пипино и Рамузио, стремившимися вернуть его в лоно церкви. Между тем в действительности его подход к вопросам религии был столь же эклектичным, как у его наставника Хубилай-хана, и он так же легко впитывал и воспринимал чужие веры, как монголы.

Марко, воспринявший монгольский образ мыслей до такой степени, что он стал для него второй натурой, на взгляд западных скептиков безоглядно смешивал фантазии и реальность. Столь странная смесь, далеко выходящая за рамки истории, интриговала европейцев, но и внушала им подозрение. Для того, кто готов принять его взгляд на мир, повествование Марко Поло представляет калейдоскоп восточных и западных культур и открывает читателю, снисходительному к его слабостям, скрытые грани.

Все же Марко не был исследователем в современном, научном смысле слова. Он двигался по течению, повинувшись капризам фортуны. Он с готовностью воспринимал самые разнообразные впечатления, постоянно приспособлялся к тем или иным народам, местам и событиям. Отсутствие цели сделало его самым дружелюбным и мирным из путешественников. Он, в начале и под конец жизни причислявший себя к христианам, сосуществовал с мусульманами, иудеями, буддистами и прочими религиозными

группами. На их примере он узнал, что возможности самоопределения безграничны. В его сознании вымысел свободно смешивался с действительностью: то в гармонии, то в противопоставлении.

Гибкость убеждений и отсутствие четкой цели резко отличали его от других путешественников. Он жил в волшебном мире, где деревья и камни были одушевленными, где земли населяли амазонки и драконы, духи и демоны. Власть христианства в этом мире была весьма ограничена, а чтобы выжить, приходилось вести постоянную войну с вездесущей тьмой, в которой пребывали народы, ведомые чуждыми богами. В этом мире магия и логика сосуществовали, хотя редко совпадали.

Мир, который исследовал Марко Поло, давно ушел в прошлое, но некоторые его черты поразительно современны. Будучи купцом, Поло сознавал, что коммерция — суть международных отношений, что она затмевает политические и религиозные различия, каковые, по мнению Марко, вполне преодолимы. В мире Марко Поло люди подчинялись политическим и духовным догмам, но он понял, что в мятущейся, переменчивой жизни абсолютна лишь сила веры.

Книга Марко нашла еще одно неожиданное применение: в картографии. По всей видимости, он не задумывал «Путешествия» как практический путеводитель по Азии; это был сборник сведений и анекдотов, историй и мифов. Карты, если и существовали когда-нибудь, не сохранились. Если даже он их чертил или прилагал к своей книге карты, составленные другими, его видение мира было слишком условным — Иерусалим наверху, три континента, никакого представления о том, что позднее стало называться Новым Светом, — чтобы следующие по его маршруту могли бы ими руководствоваться. Основная единица расстояния, которую он использовал, была слишком растяжимой: «дневной переход», а его представление о направлении было скорее субъективным, нежели научным. Тем не менее каталонские евреи, трудившиеся на Майор-

ке над составлением карт и атласов для навигаторов, в конце XIV века серьезно изучали книгу Марко Поло в поисках деталей, не упомянутых другими авторами и историками, и вводили их в свои карты. Их примеру следовали и другие европейские картографы, считавшие его сведения вполне надежными. — такими они и были в сравнении с фантастическими описаниями мира у греческих и римских авторов. Возможно, высочайшую оценку географических достижений Марко дал фра Мауро, чья прославленная карта мира, датированная 1459 годом, до сих пор хранится в национальной библиотеке Марчиана в Венеции и включает пункты, упомянутые в «Путешествиях» Марко.

Еще две карты, относящиеся примерно к тому же времени: карта Джованни Контарини, изданная в Венеции, и Йоханна Руйша, выпущенная в Риме, также включают данные, почерпнутые со страниц «Путешествий». Руйш отмечает, что изображает внутренние области Восточной Азии, «основываясь уже не на Маринусе из Тира и не на Птолемея... а на более современных сообщениях, в особенности сделанных Марко Поло».

Добросовестные картографы эпохи Ренессанса полагали, что при помощи их карт по следам Марко Поло по Шелковому пути в Камбулак двинутся легионы новых купцов. Однако после смерти Хубилай-хана монгольская империя быстро распалась. Мелкие ханы областей западнее Китая уже не признавали власти династии Юань, а принимали ислам. К 1368 году потомки Хубилай-хана вынуждены были покинуть свою столицу, Камбулак. Конец монгольской династии, а с ней и «монгольского мира», означал, что Шелковый путь уже не был столь безопасным, как в дни, когда по нему прошли Поло. Нарождающаяся династия Мин в Китае, как и ханы-мусульмане, не разделяла интереса Хубилай-хана к торговле с европейцами. Торговля с Западом пошла на убыль, и Китай вновь закрылся от внешнего мира. Монгольской империи, описанной Марко, больше не существовало; с кончиной Хубилай-хана не ста-

ло и купцов, ученых и интеллектуалов, которых он привлекал. Монголы, и прежде немногочисленные, вернулись в свои исконные земли: в засушливую северную степь. Их воинственная и славная империя осталась лишь памятью в монгольских и китайских летописях и в «Тайной истории монголов». Марко застал ее в зените и сохранил в своих «Путешествиях», словно мух в янтаре, ее свирепых вождей, обольстительных женщин, военные походы и экзотические обычаи.

Избранный Хубилай-ханом преемник, его внук Темур, умер молодым, в 1307 году. После его смерти начался упадок династии Юань.

В следующие полвека воспрянули китайцы, никогда не сомневавшиеся, что дождутся возвышения. Начиная с 1368 года первый император династии Мин, Чу-Юаньчан, отеснил монголов за прежнюю северную границу. В то же время распалась непрочная конфедерация контролировавшихся монголами азиатских государств, что позволило исламу распространиться по всей Персии. В отсутствие монгольских войск, обеспечивавших безопасность, северная часть Шелкового пути пришла в запустение. Если бы Марко возвратился в Азию под конец жизни, он поразился бы, узнав, что пайцза, врученная ему как защитный талисман Хубилай-ханом, стала пережитком прошлого. Еще больше удивился бы он, узнав, что его «Путешествия» на века пережили казавшуюся несокрушимой монгольскую империю. И в наши дни мир еще поддается обаянию Марко Поло.

Когда казалось, что подлинность отчета Марко Поло давно установлена, его репутацию вновь стали подтачивать вопросы — одни вполне объяснимые, другие — вызванные упрямым чувством противоречия. В 1995 году Френсис Вуд в книге «Бывал ли Марко Поло в Китае» с вызовом утверждал, что Марко добрался не дальше Констан-

тинополя и что свои «Путешествия» он составил, пользуясь персидскими путеводителями.

Эту гипотезу годами ранее, скорее в шутку, чем всерьез, уже рассматривал немецкий ученый Герберт Франк. К тому времени как Вуд, работавший в библиотеке Британского Музея, воскресил сомнения в правдивости Марко, негодующие ученые уже готовы были принять вызов. Они указали, что никаких «персидских путеводителей» не существовало. А когда Вуд задался вопросом, почему ни один из китайских источников не упоминает о Марко Поло, они напомнили, что современный китайский ученый Янг Чи-чиу обнаружил упоминание о миссии Поло в Персию для сопровождения монгольской принцессы Кокачин.

Еще более провокационно звучало утверждение Вуда, что, если бы Марко добрался до Китая, он бы, конечно, рассказал о Великой Стене, однако в «Путешествиях» о ней не упоминается. Как, кстати говоря, и в других записях эпохи Марко. Для такого упущения есть вполне основательная причина: Великая Стена еще не была построена.

Артур Н. Уолдрон в «Гарвардских Ведомостях Исследований Азии» доказал, что Великую Стену возвели при династии Мин (1368–1644) много позже времен Марко Поло. «Отнесемся с осторожностью к мифу о Великой Стене, — заключает он. — Этот миф... возник на Западе почти четыре столетия назад. Хотя это богатая тема для исследователей фольклора и мифологии, но историка она может лишь ввести в заблуждение». Игор де Рачевилц из Австралийского Национального университета также отмечает, что китайские картографы не упоминают о Великой Стене до 1579 года. «Это значит, что до 1579 года сами китайские картографы игнорировали существование Стены. Неудивительно, что ее не заметил Марко Поло!»

Де Рачевилц скрупулезно доказывает, что все недоразумения, связанные с «Путешествиями», возникли не в результате подделки, но от повреждения текста и ошибок перевода. И что Марко не заимствовал из посторонних

источников даже ради связности своего повествования. Де Рачевилц писал: «Самое предположение, что можно было собрать такое количество подробной и разнообразной информации об Азии XIII века, не побывав там, кажется мне еще более невероятным, чем возможность составить подлинный, основанный на наблюдениях отчет такой величины, как "Описание мира"».

Даже Герберт Франк, впервые высказавший гипотезу, что Марко мог не покидать дома, отказался от этой идеи, увидев, что сделал из нее Вуд. Правда, Марко — и его соавтор Рустичелло — иногда искажали или выпускали подробности, которые некоторым хотелось бы видеть в их повести, однако венецианец создал в целом правдивый отчет — особенно по растяжимым стандартам своего времени.

Самый интересный и существенный вопрос состоит не в том, бывал ли Марко в Китае — свидетельства уверенно доказывают, что был, — а в том, почему в этом столь упорно сомневаются. Причина может скрываться в особенностях его взгляда на мир. Он отправился на Восток семнадцатилетним юношей и достиг зрелости в монгольской империи, говоря на языках, изученных в пути, существуя в пестром и многоликом мире, составленном из монголов, китайцев, буддистов, несториан, индийцев, — и все это расширило его словарь и его кругозор. В его повествовании отражается влияние монголов, и потому многим оно кажется столь странным и удивительным, а некоторым — столь подозрительным.

Современный путешественник, вздумай он пройти по следам Марко Поло, обнаружит, что многое на этом пути не изменилось с XIII века. В Венеции сохранилась в первоизданном виде базилика Святого Марка и ее колокольня. Гости города найдут здесь небольшую площадь — Корте секонда дель Миллион. Участок, на котором проживали поколения семьи Поло, занят новыми зданиями, но некоторые элементы Ка Поло и соседних строений сохранились и по сей день. Уцелела декоративная византийская арка, под

которой некогда проходил Марко, — произведение далекой эпохи, когда Венеция правила морями и торговала со всем миром.

Афганистан остался столь же диким, прекрасным и опасным, как в те дни, когда караван Поло шел через горы к Балху, от которого начинался Шелковый путь, и там по-прежнему цветет опиумный мак. Плоскогорья Памира все еще так же далеки и оторваны от мира, как в XIII веке, их тишину редко нарушает шум машин, а основным транспортным средством являются ослики. И пустыня Гоби доступна только самым решительным путешественникам, и поющие пески все так же вводят в заблуждение неосторожных путников, хотя в наше время система GPS помогает странникам найти дорогу и в самых удаленных краях планеты. Современные монголы так же открыты чужим влияниям, как во времена, когда с ними познакомился Марко Поло. Они все еще кочевники, хозяева степи, живут в юртах среди своих стад, как в царствование Хубилай-хана, только теперь рядом с их жилищами установлены спутниковые антенны. В связи с ослаблением влияния СССР и выводом советских войск, с 1989 года Монголия обрела большую самостоятельность и пытается адаптировать свое кочевое прошлое к запросам современности.

От древней столицы Каракорум, основанной Чингисханом как символ национального единства, остались руины, слабое воспоминание о былом величии. Среди немногочисленных памятников, сохранившихся от времен расцвета монгольской империи, — гранитная скала в виде большой черепахи. Она одиноко стоит в степи, ожидая более достойного пристанища.

О великолепном Ксанаду Хубилай-хана напоминают лишь несколько курганов, поднимающихся над травянистой равниной, да ветер доносит шепот о былом величии.

Благодарности

Во время моих странствий в поисках Марко Поло мне в создании этой книги помогали многие выдающиеся личности.

В институте Альфреда А. Кнопфа я пользовался любезной поддержкой Сонни Мета, Ашбеля Грина и Кэрола Джаневея, и все они помогали мне в работе своим энтузиазмом и великодушной и мудрой редактурой: я благодарен этим легендарным людям за их помощь. Кроме того, я хотел бы выразить свое восхищение Саре Шербилл и Катерине Хуриган.

Сьюзен Глюк, мой литературный агент в издательстве «Вильям Моррис» вдохновляла и поддерживала меня с момента замысла книги: ее пронизательные замечания всегда доставляли мне удовольствие. Так же я в долгу у ее способных сотрудников, в том числе Кристины Прайс, Эрин Мэлоун и Джорджии Кул.

В Нью-йоркской общественной библиотеке я хотел бы поблагодарить Марка Пила за его помощь в работе над этой и предыдущими книгами, и Ареви́г Капрелиан, из отдела Редкой Книги. Я также благодарен библиотеке Картера Брауна в Провиденсе, Род-Айленд, и особенно библиотекарю Ричарду Рингу за его помощь; и библиотеке Томаса Дж. Уотсона при музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке. Я хотел бы высказать восхищение библиотекам Колумбийского университета, в том числе библиотеке Бат-

лера, библиотеке Барнард-колледжа и Восточно-азиатской библиотеке С. В. Старра, к собранию которой я часто обращался за материалами для этой книги. Патрик Райн, с которым я дружу более тридцати лет, великодушно согласился просмотреть рукопись, особенно в частях, относящихся к истории церкви, и я благодарен за его ученые разъяснения.

Кроме того, я хотел бы выразить признательность Людвигу В. Адамеку за его консультации по Афганистану, Кэролайн Александер, Сюэзен Бенингсон, Шейле Каллахан, Кимбелл Чен, Кристине Кордеро, помогавшей с переводами, Даниелю Долджину, для которого не хватит никаких благодарностей, однако невозможно не поблагодарить его за его вдохновение и интеллект, доктору Джеймсу Б. Карвину, главному научному сотруднику NASA, консультировавшему меня относительно геологических особенностей Памира, по которому пролегал маршрут Марко Поло, Тоби Гринберг, чьи познания в истории искусства и острый взгляд неизмеримо помогли в отборе иллюстраций для этой книги, Лиле Хабер, за помощь на начальной стадии работы, Фрицу Джакоби, Теду Каплану за сведения о Шелковом пути, выдающемуся специалисту по Средневековью из университета Брауна Джеймсу Милдуну, Лауре Копп за изящный перевод, Джеку Хидари, Роберту Б. Окснаму, почетному президенту Азиатского Общества США и президенту Нидхемского исследовательского института США, Алис Пельо, моему парижскому научному сотруднику и переводчице, и неизменно вдохновлявшему меня Петеру Поунси из Колумбийского университета, Игорю де Рачевилцу из Австралийского национального университета, Моррису Россابي из Колумбийского университета, автору выдающейся биографии Хубилай-хана и щедрому источнику сведений о монголах, Джеймсу Д. Райану из университета Нью-Йорка, Дениз Ситнклер, члену совета Нидхемского исследовательского института США, за важные сведения о китайской науке и Джозефе Нидхеме, Джонатану Спенсу из Йельского университета и Джозефу Танхаузе-

ру III, который вместе с шайкой Бирнамского Леса весело отвлекал меня от работы.

Моя дочь Сара любезно стала моей неофициальной советчицей по вопросам буддизма, а мой сын Ник дополнял книгу широкой исторической перспективой.

В Англии я особенно многим обязан следующим людям и учреждениям, великодушно помогавшим мне в исследованиях: покойному Дэвиду Паттерсону, СВЕ, почетному президенту Оксфордского Центра исследований иудаизма и еврейства; Кристоферу Каллену, Сьюзен Дж. Барнетт и Джону П. С. Моффету из Нидхемовского исследовательского института Кэмбриджского университета. В библиотеке Треста Древней Индии и Ирана в Кэмбридже мне помогли Веслав Микал и Джеймс Кормик. А в Лондоне я пользовался обширным собранием работ о Марко Поло Британского музея, возможно, самым большим в мире.

Во Франции Национальная Библиотека предоставила мне дополнительные сведения о Марко Поло и о Китае.

И наконец в Вашингтоне библиотека Конгресса предоставила мне доступ ко всем библиотекам мира.

Мне посчастливилось воспользоваться достойной помощи исследователей Марко Поло Восточной и Центральной Азии. Моя многосторонняя итальянская переводчица Анна Басоли, проводя несколько месяцев в Афганистане по своим журналистским делам, и даже без особой просьбы, отыскала документы, относящиеся к годичной задержке Марко Поло в этой стране. Мало того, ее муж Шоайб Харрис привлек мое внимание к документам и историям о Шелковом пути, до сих пор неизвестным на Западе, и умело перевел их для этой книги, в особенности комментарии персидского историка Вассафа, современника Марко Поло. Также мои благодарности за помощь профессору Мир Ахмад Джоенда, главе Афганистанского исследовательского и оценочного центра.

В Венеции я вел исследования в Национальной библиотеке Марсиана, архивисты которой оказали мне большую помощь в лабиринте записей для отыскания важных доку-

ментов, а также в Государственном архиве, в Венецианском Институте науки, литературы и искусства и в Венецианском Архиве.

Благодарю также генуэзское Общество Изучения Истории Родины за сведения, относящиеся к заключению Марко Поло в этом городе.

В 2005 году я посетил Китай, где увлеченный историей Марко Поло исследователь Бохай Дан из Пекинского университета предоставил мне данные по китайским трудам о Марко Поло и помог в изучении многих китайских источников, как своих, так и других авторов.

В путешествии 2006 года по Монголии мне посчастливилось познакомиться с Номин Лхагвасурен, которая стала моим гидом и переводчиком в разъездах по всей стране. Кажется, не было ничего, чего бы она не знала. Временами вступала и ее способная сестра Кука, которой помогал наш переводчик Батулун Балданордж и наш водитель и механик Дугери, который однажды ночью сумел наладить неисправную печь в моей дымной юрте. Я благодарен им всем, и особенно Дану Долджину и Лорейн Гарднер, которые стали моими спутниками и помогали так во многом, даже во вдохновенном горловом пении.

Я благодарю также Монгольский музей национальной истории, где я получил возможность познакомиться с доспехами и оружием времен династии Юань, современными неудачному вторжению в Японию в XIII веке. Ламы Гандана, Эржен Зуу и Чоджина оказывали мне гостеприимный прием. Кроме того я хочу выразить свое восхищение Музеем изящных искусств Монголии и его великолепной коллекцией изделий той эпохи.

Мне хочется выразить благодарность монгольским ученым, которые щедро уделяли мне время и делились со мной знаниями при личных беседах в Улан-Баторе: доктору Х. Дхагвасурену, президенту Монгольской Археологической Федерации, профессору Шагдарину Бира, генеральному секретарю международной ассоциации исследований Монголии, профессору О. Сухбатару, вице-директору универси-

тета Чингисхана и профессору С. Тсолмону из Монольской Академии Наук.

Наконец, во время пребывания в Тайване я пользовался поддержкой Харви Чана, хранителя Национального Дворцового музея, и ученым обществом профессора Сяо Чи-чина из Национального Университета Цин Хуа.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ

«Путешествия» Марко Поло, при всем их богатстве, представляют для современного читателя некоторые затруднения. Первое касается отсутствия окончательной версии его повести. Существуют десятки ранних рукописей Марко, и многие из них резко расходятся между собой. Часть версий основана на одном тексте, в других смешаны несколько разных, в некоторых наличествуют сокращения, как очевидные, так и незаметные. В некоторых, например во французском издании Потье и в английском — Юла и Кордье, содержатся важные примечания. Однако в этих версиях обычно не хватает энергии и обаяния оригинала, поскольку они сглаживают разнообразие интонаций рассказчика. В результате получается нечто, напоминающее шедевр художника, покрытый слоями скопившейся за века грязи. А вот в английском переводе латинской рукописи, обнаруженной в библиотеке толедского собора, сделанном А. С. Моулом и Полом Пелье, воспроизведены дух и суть оригинала — во всяком случае, так показалось мне после сравнения с другими переводами. Опубликованный в 1838 году и основанный на самой объемной из известных версий повествования Марко, этот перевод на 50 процентов длиннее других. Цитируя его, наряду с другими версиями, я, ради вразумительности и гладкости синтаксиса, допускал некоторые изменения. Там, где Моул и Пелье оставались в недоумении и приводили отрывки изуродованного текста без пояснений, я прибегал к освященному временем переводу 1818 года, сделанному Уильямом Марседеном с итальянского перевода Джованни Батиста Рамузио, использовавшего также различные версии на старом французском и другие переводы для лучшей передачи смысла.

Еще одна серьезная трудность с книгой Марко касается порядка событий — немалая проблема для труда такой широты. В прологе Марко обещает описать события, до которых так и не добирается в основном тексте. А порой он описывает в начале отчета события, которые произошли под конец его странствий. Подозреваю, что часть этих нестыковок возникла из-за обстоятельств, при которых создавался отчет (Марко Поло в тюрьме, описывает свои приключения незнакомому прежде соавтору), а часть от ошибок многочисленных переписчиков догуттенберговской эры. Иногда в «Путешествиях» нарушен даже порядок абзацев или предложений. Мне все это напоминало рукопись, брошенную в лестничный пролет, когда листки собирают, не думая об их порядке. Чтобы свести недоразумения к минимуму, я пересказывал основные события в хронологическом порядке, иначе говоря, нарушив порядок эпизодов в оригинальном тексте.

Я многим обязан трудам нескольких французских ученых, в том числе Жака Герне, А. С. Моула, М. Г. Потье и Поля Пелье, за их разъяснения некоторых сторон текста. Ценным пособием оказалось и широкоохватная «Азия Марко Поло» Леонарда Ольшки, несмотря на склонность Ольшки слишком уверенно утверждать, что «всегда» делали и чего «никогда» не делали Марко или монголы. В действительности же «Путешествия» — одно из самых многомерных повествований, и в нем, в разное время или при различных обстоятельствах, оказывается истинным почти любое утверждение, как и обратное ему.

Вторая группа затруднений относится к тому, что для понимания монголов, преобладающих в отчете Марко Поло, необходимо знание множества языков. Дэвид Морган в 1990 году писал в своей книге «Монголы»: «Историком доступны источники на монгольском, китайском, персидском, арабском, турецком, японском, русском, армянском, грузинском, латинском и других языках. Никто не может прочитать их все в оригинале». К счастью, я имел возможность пользоваться разумными советами профессора Морриса Россابي из Колумбийского университета. Он автор выдающейся биографии Хубилай-хана и исследователь Монголии и ее истории. Он помог мне пробраться сквозь эти лингвистические дебри. Кроме того, я пользовался трудами трех персидских летописцев XIII века: Вассафа аль-Хазората, Джувайни и Рашид ад-Дина, — рассматривавших деяния монголов более или менее как

современное им явление. Все они были придворными историками. Рашид ад-Дин был великим визирем в Ильханате. Конечно, они выражали мнение своих покровителей, зато привилегированное положение позволяло им пользоваться многими источниками, которые в ином случае были бы утрачены. Я старался по возможности предоставлять слово им самим.

Эпиграфы к главам книги взяты из стихотворения Сэмюэля Тейлора Кольриджа «Кубла-хан, или Видение во сне».

Пролог. Капитан

Рассуждая об участии Марко в битве при Курзоле, некоторые комментаторы предполагали, что Марко вступил в сражение, командуя купеческим, а не военным кораблем. Другие настаивают, что он вовсе не участвовал в битве и был захвачен в более поздней морской стычке. Генри А. Харт в короткой, но содержательной книге «Марко Поло, венецианский авантюрист» на стр. 207 приводит речь Дандоло, произнесенную в разгаре сражения, однако Харт относится к тем, кто считает, что Марко был взят в плен при другом столкновении между венецианцами и генуэзцами. Хотя и Венеция, и Генуя славились агрессивной морской торговлей, эти города-государства сильно разнились между собой. Генуэзцы были заядлыми индивидуалистами. Их торговые предприятия финансировались частными лицами, а чувство гражданского долга у них было крайне слабо. Венецианцы, напротив, были известны коллективизмом и приверженностью своему кругу. Их суда были общественной собственностью, их морякам запрещалось служить другим правительствам.

Генри Юл и Анри Кордье приводят другое сообщение об обстоятельствах пленения и заключения Марко. Они цитируют труд доминиканского монаха Джакопо д'Аккуи «Imago Mundi». Многие подробности повторяются, однако Джакопо утверждает, что Марко попал в плен в другом сражении. Нет причин считать его более точным, чем другие источники, однако он был современником Марко Поло и писал по следам событий. Впрочем, и в его отчете имеются явные ошибки. Еще один вариант содержится в эссе Мариа Бусagli «Marco Polo: Venezia e l'Oriente», изданном Альвизе Дзорци. Согласно этой версии, Марко Поло возвращался в Трабзон в надежде вернуть ценное имущество, конфискован-

ное у него несколькими годами ранее. Я пользовался также «Annali genovesi dopo Caffara e suoi continuatori».

Все отчеты сходятся в датировке сражения при Курзоле в 1298 году. Исключение составляет «Венецианская Республика» В. Карева Хазлитта. Условия заключения в гемуэзской тюрьме подробно описаны в «La Prigioni della Malapaga» Леонидии Балистриери.

Глава 1. Венецианский купец

Живое описание Венеции времен Марко Поло дано в полной нового материала книге Джанет Абу Лугход «До европейской гегемонии; система мира в 1250–1350 годах» и в книге Барбары Тухман «Далекое зеркало; беспокойный XIV век». Лучшая современная история Венеции — это «История Венеции» Джона Юлиуса Норвича. Свое обаяние есть и в книге миссис Олифант «Выдающиеся венецианцы: дожи, завоеватели и грамотеи».

На удивление сложный мир коммерческих контрактов и торговли в Венеции и в Италии подробно описан в «Средневековой торговле Средиземноморского мира» Роберта С. Лопеса и Ирвинга В. Раймонда. Дополнительные сведения можно найти в книге Бенджамина З. Кедара «Кризис купечества; гемуэзские и венецианские деловые люди и депрессия XIV века». Сведения о диалекте «венето» почерпнуты из «Мира Венеции» Жана Морриса в издании Харкута Брэйса.

Часть сведений, сохранившихся о детстве Марко Поло, можно найти в «Марко Поло» Харта, в котором, правда, больше обрисован исторический фон, нежели даны биографические подробности.

Родольфо Галло говорит о Ка Поло в «Nuovi documenti riguardanti marco Polo e la sua famiglia».

Гэрри Виллс в книге «Венеция, город льва» анализирует источники силы Республики. Майкл Джамичита описывает церемонию венчания с морем в «Марко Поло, путешествие фотографа». Альвизе Дзорци в «Vita di Marco Polo Veneziano» дает полезные сведения для введения Марко в обстановку Венеции.

Глава 2. Золотой пропуск

Обсуждая вопрос об иностранцах, нашедших себе место при монгольском дворе, Юл и Кордые упоминают устную традицию о

присутствии евреев в Китае начиная с I века. Сообщения о синагогах и евреях-путешественниках попадают в китайских документах начиная с XII века, хотя термины, которые традиционно относят к евреям, могут подразумевать другие группы населения. Другие сведения о долгой, но малоизвестной истории евреев в Китае можно найти у Юла Кордые в томе 1, стр. 347.

Саундерс в своей обширной «Истории монгольских завоеваний» описывает монголо-китайскую сегрегацию, как и Харт в «Марко Поло».

Игор де Рачевилл в книге «Марко Поло идет в Китай» выдвигает предположение, что под «латинянами» Марко (или его переводчики) подразумевали итальянцев, и таким образом братья Поло оказываются первыми венецианцами, с которыми встретился Хубилай-хан. Если это так, Марко в данном случае не преувеличивает. Харт в «Марко Поло» прослеживает извилистый маршрут Поло и приводит описание Акры Лудольфом фон Сухемом. В другом пересказе его можно найти в иллюстрированной книге Ричарда Хамбла «Марко Поло».

Глава 3. Ученик

Остается неясным, что именно Марко подразумевал под «муслином». Обычно так называется белая или небеленая хлопчатая ткань, но муслин у Марко Поло был золотым и серебряным, так что он мог иметь в виду другую ткань; возможно, он говорил о муслине с каймой из золотых и серебряных нитей.

Замечание Гиббона взято из «Заката и падения Римской Империи». Другие сведения о халифе и Хулагу можно найти у Дзорци.

Юл и Кордые обсуждают табу монголов на пролитие крови. Разностороннее знакомство с монгольской культурой дает Ян Фрезер в «Invaders». Слова Куо Пу приводятся в «Истории Шелкового пути» Ирен М. Франк и Дэвида Браунстоуна. Возможные толкование культа Сухого Дерева см. у Юла и Кордые. Точность сообщения Марко об ассасинах возбуждает споры: часть комментаторов полагает, что их связь с гашишем может быть вымыслом и что Старец не одурманивал своих последователей наркотиками. Подробнее об этом у Леонардо Ольшки в «Азии Марко Поло», а современные представления об ассасинах — у Бернарда Льюиса в «Ассасины; радикальная секта Ислама» и у Фархада Дафтари: «Легенда об ассасинах; миф измаилитов».

Описание Балха Нэнси Хатч Дюпри можно найти в «Дороге к Балху» на стр. 1. В той же книге приводятся слова Джувайни. Об уничтожении Балха монголами см. «Исторический путеводитель по Афганистану» Дюпри.

Глава 4. Опиум

Мануэль Комрофф включил отчет Бенджамина из Туделы в книгу «Современники Марко Поло». Дополнительный контекст дан в «Марко Поло и открытие мира» Джона Ларнера, там же приводятся замечания Пильома де Рубрука о нищете монголов. Сообщение Карпини цитируется в книге «Монгольская миссия» Кристофера Доусона и в ценной работе Маргарет Т. Ходжен «Ранняя антропология в XVI и XVII веках».

«Проповедь христианства вдоль Шелкового пути: миссии в "Срединной империи" татар в XIV веке» Джеймса Д. Райна содержит много полезных фактов о проблемах первых миссионеров в Азии.

Впечатления путешественника, побывавшего в Бадахшане в 1914 году, можно найти в «Историческом и политическом справочнике по Афганистану» Людвиг В. Адамека. Историю о коне Чингисхана рассказывает Майк Эдвардс в исследовании «Чингиз, повелитель монголов». Наблюдения Джувайни заимствованы из книги «Хубилай-хан, его жизнь и время» Морриса Россаби.

Интересное, хотя и сухое обсуждение происхождения и эволюции Шелкового пути см. в «Науке и культуре Китая» Джозефа Нидхема. Это лишь краткий образчик объемного, многотомного обзора китайской науки, составленный удивительно одаренным и проницательным исследователем Китая.

Др. Сара Шлезингер из университета Рокфеллера любезно предоставила мне сведения о распространенности туберкулеза во времена Марко и о проявлениях этого заболевания, какие он мог испытать в Афганистане.

Глава 5. Высокогорье

Сведения об асбесте см. в работе «Наука и культура Китая» Джозефа Нидхема. Как показывает Нидхем, асбест был известен в Китае уже несколько веков, и китайцы называли этот материал «каменными жилами».

Др. Джеймс Б. Гарвин, научный сотрудник NASA и геолог по образованию, говорит о Памире: «Благодаря сухому климату, отсутствию человеческого влияния на ландшафт, очевидным следам недавних землетрясений и процесса горообразования, этот район является естественной лабораторией для изучения... важных геологических проблем».

Глава 6. Тайная история монголов

Рассказ Карпини о жизни среди монголов взят из «Миссии к монголам» Кристофера Дэвидсона. Замечания Вассафа можно найти в «Истории Вассафа», датированной 1302 годом. Перевод Шоайба Харриса.

Многочисленные английские переводы «Тайной истории монголов» серьезно различаются между собой. Тем, кто хочет больше узнать об этом замечательном документе, стоит сравнить их все. Наиболее значительны из них переводы Френсиса Вудмана Кливса, стихотворный пересказ Пола Хана и великолепный подробный пересказ Игора де Рачевилца. Я в основном пользовался англоязычной версией Ургунджа Онона, изданной в Монголии в 2005 году, каковая представляется верной букве и духу оригинала. Благодарю Номин Лагвасурен, которая познакомила меня с ней.

Николас Вэйд из «Нью-Йорк Таймс» цитирует слова Джувайни о Чингисхане; см. статью «Плодовитый Чингисхан, кажется, помог населить землю» от 11 февраля 2003 года. О многочисленных потомках Чингисхана говорится в «Генетическом наследии монголов» Криса Тайлер-Смита.

Познавательное описание монгольской концепции души взято из комментариев Моула и Пельо к «Описанию мира» Марко Поло. Цитаты из Дэвида Моргана и из Джувайни взяты из «Монголов» Моргана. Подробное рассмотрение организации монгольской и китайской армий см. Чи-Чин Чао, «Военная организация династии Юань».

Приведенные здесь рецепты монгольской кухни можно найти (наряду с другими) в книге Пола Буэлла «Как угодить вкусу хана». Однако о монгольской кухне и ее влиянии на судьбы династии можно добавить следующее: в «Упадке диеты и династическом упадке монгольской империи» Джон Мэссон Смит мл. предлагает совсем другую оценку полезности монгольской кухни для здоровья. «Большинство монгольских правителей жили недолго, —

утверждает он. — В Средней Азии они умирали в среднем в 38 лет. Хубилай, проживший 78 (sic) лет, был исключением. Чингисхан дожил до седьмого десятка, из прочих мало кто прожил более 50». Смит винит в этом монгольскую кухню, включавшую слишком много баранины, кобылье молоко и алкоголя и слишком мало других продуктов. Он приводит статистику Марко Поло, доказывающая склонность монголов к излишествам. Короче говоря, они объедались и упивались до смерти.

Глава 7. Правитель вселенной

Похвалы Гербеса Соркактани можно найти в «Кембриджской истории Китая». Благодарю профессора С. Томсона из Монгольской Академии Наук за описание четырех основных групп населения. «Хубилай-хан» Морриса Россابي предлагает лучшее из современных описаний пути Хубилая к власти. Интриги Ариг-Буги описаны по примечанию Потье к «Le Livre de Varco Polo».

Техническое сопоставление китайской и монгольской валюты имеется у Юла и Кордые. В «Азии Марко Поло» Ольшки разбирает причины напряженности в отношениях между монголами и мусульманами и приводит причины, по которым ислам не завладел монгольской империей.

Считается, что Хубилай-хан ввел алфавит Пагс-па эдиктом, который, в частности, гласил: «По нашему мнению, письменность используется для передачи слов, а слова для передачи событий. Так было от древних времен до наших дней. Наш народ зародился на севере, и в те времена наш обычай был старинным и простым, и у нас не было времени создать (собственную письменность). Когда нам нужно было что-то записать, мы пользовались китайскими и уйгурскими знаками для передачи языков этого двора. Однако если взглянуть... на отдаленные страны, все они имеют свое письмо. Ныне, когда власть меча сменилась властью пера, нам недостает средства письма, что мешает правлению династии... отныне официальные документы и императорские указы будут записываться новым монгольским письмом и дополняться версиями, написанными местным письмом».

Россابي в «Хубилай-хане» занимательно рассказывает историю Пагс-па и его письменности. См. также «Чингисхан и создание мира монголов» Джека Везерфорда. В «Юань ши сан лун» Циджу Яня приводится интересное рассуждение о языках, каки-

ми мог владеть или пользоваться Марко Поло, со ссылкой на соображения М. Г. Потье по этому поводу. Ольшки в «Азии Марко Поло» также касается письменности Пагс-па и приводит рассуждение о влиянии монголов на китайскую культуру.

Согласно некоторым ранним сообщениям, у Хубилай-хана было не четыре, а пять или семь жен: см. Юл и Кордые. Там же объяснение порядка престолонаследия у монголов.

Глава 8. На службе у хана

Точность описания Камбулака, данного Марко, можно оценить, сравнив с описанием его ученого современника Рашида ад-Дина:

«Стена, окружающая город Ханбалык, имеет 17 башен; между каждыми двумя (башнями) расстояние в фарсанг. Дайду (Тату или Камбулак) так многолюден, что даже за линией тех башен большие дома и улицы; в садах множество различных плодовых деревьев, доставленных отовсюду. В центре этого города Хубилай-хан установил одну из своих «орду» (монгольское слово, как и китайское «Кун», означало «жилище императора»), очень большой дворец, называемый «Карси» (по-китайски «т'ен», группа павильонов, использовавшихся императором для различных целей).

Колонны и полы этого дворца все из резного камня или мрамора и большой красоты; он окружен и укреплен четырьмя стенами. Между одной из этих стен и следующей находится пространство, на полет стрелы наполненное войсками. Внешний двор для дворцовой стражи; следующий для принцев («омера», эмиров), которые собираются там каждое утро; третий двор занят великими военачальниками, а четвертый приближенными принца.

В Ханбалыке и в Дайду протекают две большие реки. Они текут с севера, где проходит дорога к летнему дворцу хана. В ущелье Джемджал (укрепленное ущелье Кююн) на границе они впадают в другую реку. Внутри города немалое озеро, напоминающее море; чтобы выпускать лодки, сделана плотина. Воды протекающей реки образуют канал и впадают в залив, который от океана протянулся к окрестностям Ханбалыка». (Из издания Потье «Путешествия» Марко Поло, «Le Livre de Marco Polo»).

Дополнительные сведения по сложному вопросу китайского календаря см. Юл и Кордые, «Наука и культура Китая» Нидхема и

«Гений Китая» Роберта Темпла. Иллюстрированная книга Темпла может считаться упрощенным введением в порой труднодоступный труд Нидхема.

Дж. Д. Лангуа в заметной работе «Китай под властью монголов» подробно говорит об исторических и идейных корнях династии Юань и о роли императора на примере Хубилай-хана.

Подробное описание потрясающего гардероба Хубилай-хана взято из «Le Livre de Marco Polo» Потье, по нему же описан главный церемониал. Ритуал празднования дня рождения был чрезвычайно сложен. Потье приводит описание утомительного приветственного ритуала:

«Первый глашатай говорит звучным голосом: “Склонитесь! — Поднимитесь!” Он подходит к выкрашенному киноварью вестибюлю (императорскому) и кланяется креслу или императорскому трону. Первый распорядитель объявляет, что все в порядке и хорошо исполнено. Тогда главный церемониймейстер восклицает громким и звучным голосом: “Падите ниц! — Поднимитесь! — Снова падите ниц! — Поднимитесь!” Когда все это последовательно и тщательно проделано, главный церемониймейстер объявляет: “Приближается особа императора в сопровождении десяти тысяч благословений!” Тогда помощник церемониймейстера восклицает: “Займите свои места! — Падите ниц! — Поднимитесь! — Снова падите ниц! — Поднимитесь! Склонитесь! — Верните на пояса таблички из слоновой кости! — Трижды топните ногой! — Преклоните левое колено! — Трижды коснитесь лбом земли!”»

Потье отмечает: «Эта тот самый знаменитый обряд приветствия императора, включавший три падения ниц, три коленопреклонения и троекратное битье челом, которому отказывались подчиняться многие европейские послы...» А ведь это была лишь вводная церемония, за которой следовали продолжительные молитвы к небесам, столь же тщательно отрепетированные, новые поклоны и, наконец, шествие, которым заканчивалось официальное празднование дня рождения.

Марко Поло у Харта говорит о каменном угле на стр. 121.

О масштабе монгольской благотворительности Потье пишет: «Можно видеть, что здесь Марко Поло не преувеличивает масштаб благодеяний, приписываемых им Хубилай-хану. Так, в 1260 году, когда не хватало продовольствия, были собраны деньги для распределения среди нуждающихся. В 1261 году правительство отменило дополнительные подати или налоги с трех секторов сто-

лицы. За все время правления Хубилай-хана не было года, когда бы хроники не сообщали о снижении налогов, о выплатах населению столицы или летней резиденции императора, различных провинций и частей империи, о распределении вспомоществований во времена голода или бедствий». Он заключает: «Считаем возможным сказать, что ни один из правителей или династий Европы не проявляли столь обширной благотворительности и щедрости».

Глава 9. Борьба за выживание

Дополнительные сведения о монгольских пайцзах см. Юл и Кордые.

Описание моста, данное Марко, попало под огонь критики за предполагаемую неточность. Так, он не упомянул о скульптурах львов или похожих на львов существ, размещенных по всей его длине. Возможно, он пренебрег ими или они появились на мосту позже его времени. Также в некоторых манускриптах он утверждает, что мост имел двадцать четыре арки, в то время как по другим сообщениям их было тринадцать или одиннадцать. И эти разногласия могут объясняться тем, что описания моста были составлены в разное время. Подробнее об истории этого легендарного моста у Юла и Кордые.

Относительно способов получения соли Юл и Кордые сообщают, что даже в их дни — то есть в 1913 г. — соль еще использовалась для оплаты покупок на рынках. Мир Марко Поло в широком и узком смысле, в деталях и идеях, сохранился до наших дней.

В издании «Путешествий», сделанном «Penguin», отмечается несоответствие дат военных действий Хубилая против династии Сун.

Описание монгольских доспехов и оружия основано на представленных в собрании монгольского Музея естественной истории в Улан-Баторе, куда меня любезно допустили.

Глава 10. Генерал и королева

Психологические аспекты беременности обсуждаются в статье в «Scientific American» за октябрь 2004 года «Почему у некоторых отцов в период ожидания ребенка проявляются симптомы беременности?»

Подробнее о карьере Баяна см. Юл и Кордые. Подробности жизни Баяна взяты из книги «На службе у хана. Видные деятели монгольского периода Юань» под редакцией Игора де Рачевилца.

Глава 11. Небесный Город

Глава о Кинсае — самая длинная в повествовании Марко, что подчеркивает ее важность. Тем не менее к ней имеются интригующие вопросы. В своей книге «Кинсай; с другими замечаниями о Марко Поло» Моул отмечает, что термин «Небесный город», использованный Марко, не появляется в китайских летописях. Откуда взял Марко это выражение и использовали ли его жители Кинсае, остается неясным. Моул объясняет точность описания Кинсае «официальным сообщением, которое было послано монгольскому военачальнику Баяну (Байану), при его подходе к городу». В результате «эта часть рассказа превосходит все прочие части книги количеством и точностью топографических и других подробностей».

Главным из неразрешенных вопросов остается вопрос о действительной роли Марко в Кинсае. Подробнее об этом см. в серьезной работе Ольшки «Азия Марко Поло». Возможно, идея, что Марко был назначен губернатором Кинсае самим Хубилай-ханом, введена Дж. Рамузио заметно позже.

Противоречивость описания количества мостов в Кинсае разобрана Моулом в работе «Кинсай». Между прочим, Марко говорит также, что в Кинсае двенадцать тысяч домов, хотя в действительности их было во много раз больше. «Двенадцать тысяч» было условностью, означающей *неисчислимое* количество. Вопреки утверждению Моула, представляется, что Марко просто прибегнул к той же фигуре речи, говоря о количестве мостов.

Ву Цу-му, о котором мало известно, оставил впечатляющее описание Кинсае в период расцвета в работе «Описание горестной грезы» (1274), в которой крестьянин грезит о роскоши, пока готовит свой простой ужин, — иными словами, бедняк мечтает об изобилии, которое символизирует Кинсай. «В любом квартале, на любой улице, на мосту, у ворот, в каждом уголке повсюду можно видеть разносчиков, лавки и прилавки, где ведется торговля», — пишет он. «Причина в том, что люди ежедневно нуждаются в потребном для жизни, таких простых вещах, как дрова, рис, соль, соевый соус, уксус и чай, и в некотором количестве предметов

роскоши, между тем как без риса и соуса обойтись не могут даже самые бедные. Сказать по правде, жители Кинся избалованны, и трудно им угодить».

Он описывает великолепные чайные дома города, угождающие требовательной клиентуре. «Они украшены цветами во всякое время года, картины знаменитых художников украшают стены, и там круглый год торгуют необычными чаями и диковинными супами. В зимние месяцы там продают также тонко растертый чай, оладьи, луковый чай и суп из соленых бобов. В жаркое время года предлагают вино из цветов сливы с мороженым, настои для сокращения желчного пузыря и травы от горячки». Подобно Марко Поло, он не упускает случая заглянуть в городские бордели: «Давайте посетим одно из модных заведений, со столь завлекательными названиями, как “Счастливая встреча”, “Соблазн” или “Радости новизны”... Десятки проституток, пышно наряженных и густо покрашенных, собираются у входа в главную галерею, ожидая приказа посетителей, и проявляют возвышенную грацию».

Воспоминания о Небесном Городе, оставленные Одориком из Порденона и Ибн Баттутой можно найти в примечаниях к изданным Потье «Путешествиям» Марко Поло. В великолепной книге «Обыденная жизнь Китая накануне монгольского вторжения» Жаке Генета обсуждаются меры защиты от пожаров.

Сексуальные обычаи Китая подробно разобраны в работе «Сексуальная жизнь древнего Китая» Р. Х. ван Глюка. Научное освещение того же вопроса можно найти в «Науке и культуре Китая» Нидхема. Нидхем подчеркивает философскую подоплеку сексуальных обычаев, в особенности даосизм, и социальные и психологические выгоды от этих обычаев.

Тао Цунг-И, ученый и писатель поздней династии Юань, пишет о евнухах в традиционной форме диалога между Желтым Императором и одним из его подданных — Чи По, легендарным персонажем, считавшимся родоначальником профессии целителя. «Желтый Император сказал: “Есть люди, которые из-за повреждения их гениталий утратили сексуальное желание, их член не поднимается и стал бесполезным. Однако бороды и усы у них не исчезают. Почему только у евнухов нет бород и усов? Я хочу услышать объяснение тому”. Чи По ответил: “В случае с евнухами их гениталии ампутированы, потому и семенной канал у них отрезан, и они не могут изливать семя... Поэтому губы и рты у них вы-

сыхают, и оттого не растут бороды и усы". Желтый Император спросил: "Но бывают природные евнухи, которые, хотя не перенесли такого увечья, не имеют бород и усов. Почему так?" Чи По ответил: "Это потому, что Небо не дало им достаточного сексуального желания. Потому их семенные каналы не развиты, как и гиталии. У них есть чи (эссенция), но нет семени)".

Образцы поэзии Китая можно найти в «Обыденной жизни Китая» Гернета. В той же работе описываются другие обычаи Небесного Города.

«Затерянные христиане» Марко Поло могли относиться к малоизвестной секте армянских христиан, отличавшихся от несториан. Армянские христиане были монофизитами, веровали в единую, божественную природу Христа, в которую включалась и его человеческая сущность. Если это были армянские христиане, они могли скрывать свою веру из опасения перед превосходящими их числом несторианами.

Глава 12. Божественный ветер

В своем издании «Путешествий» Марко Поло — «Le Livte de Marco Polo» — Потье приводит подробности, относящиеся к монгольскому флоту. См. также Юл и Кордые, том 2, примечания.

Марко Поло который раз дает повод длящимся веками спорам, приводя дату сдачи монголов японцам (См. Поло, «Описание мира» в издании Моула и Потье). Это очередная ошибка в расчетах, сделанная Марко или его переводчиками, не справившимися с переводом монгольского лунного календаря в европейский. Юл и Кордые исправляют дату на 1279, однако, поскольку Хубилай-хан неоднократно атаковал Японию в период с 1274 по 1283 год, трудно сказать, когда был заключен договор и когда имела место предшествовавшая ему осада. Сомнительной остается также история о тридцати тысячах выброшенных на берег бурей монголах, которые, прибегнув к уловке с переодеванием, захватили японскую столицу. Невозможно определить, истинное это происшествие или небылица, перед изяществом которой не устоял Марко. В отличие от практически всех остальных фактов, относящихся к неудачной войне Хубилай-хана с Японией, этот эпизод не подтверждается другими источниками. Однако сообщение Марко подробно и правдоподобно и вполне согласуется с известными фактами, поэтому вероятно, что оно основано на дей-

ствительном факте или на утерянных источниках и, возможно, приукрашено пылким рассказчиком.

Моррис Россаби приводит анализ монгольской системы правления в своем «Хубилай-хане». Тот же автор оценивает роль мусульман в династии Юань в работе «Мусульмане в ранней династии Юань» и в книге «Китай под властью монголов». Россаби пишет: «Мусульмане, служившие промежуточным звеном между монголами и их китайскими подданными, были весьма полезны, но в то же время возбуждали гнев и завоевателей, и завоеванных». Он также предполагает, что «монголы, сознательно или бессознательно, использовали мусульман в качестве козлов отпущения, отвлекая от себя ненависть китайцев».

Дело Ахмада не раз вызывало недоразумения в литературе о Марко Поло. Некоторые источники говорят о министре по имени По-Ло, вовлеченном в скандал. Например, Юл и Кордые пишут: «Приятно видеть, что присутствие мессера Марко и его похвальное поведение в этом случае не забыто в китайских хрониках». «Император... пожелал, чтобы Поло, консультант при тайном совете, объяснил причины, приведшие Ванчу к совершению убийства. Поло смело говорил о преступлениях и гнете Ахмада, вызвавших ненависть к нему по всей империи. Глаза императора открылись, и он восхвалил отвагу Ванчу». Однако Моул (в «Кинсае») показывает, что чиновник по имени По-ло был не нашим Марко, а скорее, китайцем. Нам неизвестно, как называли Марко Поло при монгольском дворе, в Китае и в монгольских хрониках. Отсутствуют сообщения, что он предупреждал Хубилай-хана о предательстве Ахмада или играл активную роль в падении министра, хотя его отчет о событиях и точен.

В книге «На службе у Хубилай-хана» под ред. Игора де Рачевилца приводится лучшее из описаний возвышения и падения Ахмада на английском языке. Х. Франк в своей статье основывается на китайских источниках, а также на сведениях персидского историка Рашид ад-Дина. Еще один рассказ о возвышении и падении Ахмада присутствует в «Путешествии Марко Поло в Ксанаду с Хубилай-ханом» Р. П. Листера. В «Монголах», по слухам, относившихся к любимым книгам Теодора Рузвельта, Иеремия Куртин пересказывает эпизод с Ахмадом и Санга.

Марко относит заговор Наяна и Кайду к 1286 году, но здесь он, как видно, опять затрудняется с переводом китайского или монгольского лунного календаря в юлианский календарь. Описание

мятежа приводится в примечаниях к изданию Потье. Судьба монгольских сил вторжения описана Россабви в «Хубилай-хане».

Глава 13. Искатель

Относительно вопроса, что подразумевалось под «Индией», см. Юли и Кордые. Дополнительные комментарии о финальной стадии путешествия Марко можно найти в книге Харта «Марко Поло». Подробную и спорную дискуссию о духовных исканиях Марко и эволюции его верований см. у Марио Буссали в «La Grande Asia di Marco Polo» и в «Marco Polo, Venezia e l'Oriente» Дзорци.

Марко связывает Святого Фому с «людьми, называемыми гави», у которых в обычае сидеть на коврах. «Когда спрашивают, почему они так делают, — сообщает Марко, — они отвечают: потому что... мы происходим из земли и в землю должны вернуться». Несмотря на пассивность этого народа, Марко утверждает, что гави «давным-давно убили апостола мастера Святого Фому». За это деяние «никто не может войти в место, где находится тело мастера Святого Фомы, в маленьком селении в провинции Маабар». Марко замечает: «Двадцать и более человек не смогут затащить одного гави в место, где похоронено тело мастера Святого Фомы, потому что это место, благостью святого тела, не принимает их». Понимая, что это утверждение нуждается в пояснении, Марко добавляет: «Они говорят, что пробовали, и что одного из названных гави много людей тащили к месту, где похоронено тело Святого Фомы, и никакой силой не могли его сдвинуть. И это особое чудо Господа нашего показывает почтение к святейшему апостолу».

Желающие узнать о современных исследованиях могут прибегнуть к книге Элейн Раджел «Вне веры. Тайная часовня Фомы». Влияние буддизма на монголов объясняется в книге Джанроберто Скарция «I Mongoli e l'Iran» и в «Venizia e l'Oriente» Дзорци. А комментарии по поводу отношения Марко Поло к буддизму можно найти в издании Потье и в «Азии Марко Поло» Ольшки.

Мне хочется поблагодарить Патрика Райана за пояснения относительно религиозной истории и традиций Занзибара.

Харт в примечаниях к «Марко Поло» приводит общепринятое объяснение значения имени Кокачин. Моя версия основывается на убедительном анализе профессора С. Цолмона из Улан-Батора, сделанном 15 июня 2005 года, поскольку он больше опирает-

ся на монгольский язык и обычаи. Фрэнсис Вудмен Кливе приводит исчерпывающий список источников по путешествию Кокачин в «Китайских источниках, относящихся к отъезду Марко Поло из Китая, и персидских источниках, относящихся к его прибытию в Персию». Последняя стадия путешествия Марко красочно описана Майком Эдвардсом в «Национальной географии» за июль 2001.

Глава 15. Блудный сын

Лучшим, если и не вполне надежным источником сведений о жизни Марко Поло после возвращения из Китая являются труды видного венецианского чиновника и географа Джамбаттисты Рамузио. Рамузио назвал свою трехтомную компиляцию работ известных путешественников «*Navigazioni e viaggi*» (Странствия по суше и по морю). В первую очередь он пользовался сообщениями Марко Поло, таким образом канонизировав их. Хорошо осведомленный Рамузио писал, что, по его мнению, первая копия рукописи Марко была составлена на латыни. Свой перевод Рамузио основывал на этой копии, используя и несколько других.

Хотя труд Рамузио выглядит вполне научным, он, вместо того чтобы основываться исключительно на фактах, взалхлеб повторяет и приукрашивает предания о Марко Поло. Рамузио поясняет: «Поскольку, непрестанно повторяя истории об изобильной жизни великого хана, он утверждал, что его доход составляет от десяти до пятнадцати миллионов золотом, а описывая богатства других стран, всегда исчислял их миллионами, ему дали прозвище мессер Марко Миллиони, и такое именование я видел в официальных книгах Республики, и его дом с тех пор все называли Корте дель Миллиони». Так он зовется и по сей день.

История возвращения Марко пересказана в книге Харта «Марко Поло». Замечания Рамузио об «очаровательном и щедром» Марко Поло приводятся в той же книге.

Лучшая из англоязычных работ об испытаниях, перенесенных Республикой, — «История Венеции» Джона Юлиуса Норвича. «За прошедшие двадцать лет им, казалось, ничто не удавалось, — пишет он. — Они терпели поражения в сражениях на море и на суше, несли серьезные потери. Они вынуждены были бессильно наблюдать, как враги вторгаются даже в пределы лагуны. Их соседи, от которых зависела их торговля, были в большей или мень-

шей степени враждебны им. На Крите, главной их колонии, вновь начался мятеж. Они впали в уныние, что чрезвычайно опасно для души, пережив отлучение от церкви, ужасы землетрясения и наводнения».

Самый полный отчет о жизни Рустичелло из Пизы дал Джорджо дель Гуерра в «*Rustichello da Pisa*». Подробнее об успехах Рустичелло в жанре рыцарских романов см. Фабрицио Синье «*Il romanzo arturiano di Rustichello da Pisa*». Джон Ларнер в книге «Марко Поло и открытие мира» дает точный анализ сильных и слабых сторон Рустичелло.

Издавна предполагалось, что Рустичелло и Марко составляли оригинал своего произведения на латыни или, возможно, на итальянском диалекте, но теперь ученые согласились, что языком оригинала был французский. В подтверждение они цитируют замечание бенедиктинца, известного как Джон Лонг из Ипра; в 1350 году тот писал, что книга Марко изначально составлена «на французском просторечье». Юл и Кордые невысоко оценивают лингвистические способности Рустичелло. «Автор не в ладах с правилами французской грамматики, путает субъект и объект, числа, склонения и времена, — жалуются они. — Он постоянно вставляет итальянские слова, иногда неуклюже офранцузженные». Эти грамматические и лингвистические особенности согласуются с представлением о венецианском путешественнике, диктующем свои впечатления тосканскому романисту, который записывает их на французском: «на языке, чужом для обоих».

Для иллюстрации заимствований в повествовании Марко стоит привести вводное обращение из прежнего труда Рустичелло, «Мелиадус»: «Господа, императоры и принцы, герцоги и графы, бароны и рыцари и вассоры (феодалный титул, считавшийся ниже баронского), жители городов и все люди мира, привыкшие находить удовольствие в романах, если вы возьмете эту книгу и прочитаете от начала до конца, вы узнаете все великие приключения, что случились со странствующим рыцарем времен короля Утера Пендрагона...»

Больше о долгой и изменчивой судьбе посмертной репутации Марко см. Юл и Кордые. Гарри Харт в своем труде «Марко Поло» прослеживает сообщения Рамузио о второй семье отца Марко, но оценивает их скептически. Рамузио был подвержен неточностям и мог принять за отпрысков Никколо Поло других родственников. Возможно, Никколо больше не вступал в брак.

Подробности о возвращении Марко взяты из книги «Марко Поло» Харта, а новый дом Марко описан Ларнером в работе «Марко Поло и открытие мира».

В своем повествовании Марко Поло мало говорит о прежнем знакомстве своего отца с монголами и в конце концов на несколько лет теряет его из вида. Его, кажется, отнюдь не интересует, где и как живет его отец, да и дядя тоже. Не приводит он и подробностей их торговой деятельности. Марко занят собственными переживаниями: представляется, что отец и дядя нужны были только, чтобы доставить его в Китай и представить Хубилай-хану, после чего они перестают играть активную роль в его жизни.

Сообщение Рамузио о предсмертном великодушии Марко приводится по книге «Марко Поло» Харта. Он же описывает венецианский монетный двор.

Относительно копии, предназначавшейся синьору Тьебальту, Харт предполагает, что лестные слова, относящиеся к Карлу Валуа, вставленные в посвящение, делают подлинность документа сомнительной. Тем не менее посвящение доказывает, что труд Марко Поло высоко ценился важными особами.

Джузеппе Кастеллани обращает внимание, что завещание Марко предполагает два рода денег: венецианские денарии и денарии grossi. Более подробное обсуждение венецианских монет см. в «I valori delle monette espresso nel testamento di Marco Polo, *Rivista Mensile delle Citta di Venezia* 3 № 9» (сентябрь 1924). Попытки перевести стоимость этих монет в современную валюту безнадежны.

Оригинальный латинский текст завещания можно найти в «Путешествиях Марко Поло, полное издание Юла-Кордье». Относительно женского головного убора, найденного в вещах Марко, см. работу Ольшки «Азия Марко Поло». Харт также говорит о смерти Марко.

Более подробные сведения об имуществе Марко и юридических операциях его наследников см. «Nuovi documenti riguardanti Marco Polo e la sua Famiglia» Рольфо Галло. Это полезный обзор, однако детали этих давних операций могут быть неточны или искажены при переводе. Галло подразумевает, что после возвращения из Китая Марко, его отец и дядя использовали свои богатства для улучшения дома или для покупки нового. Завещание Мореты цитирует Харт в книге «Марко Поло».

Эпилог. Рассказчик

Харт цитирует Бонагуизи в книге «Марко Поло» и упоминает там о юридических операциях Фангины.

Моул и Пельо обсуждают распространение повести Марко в «Описании мира». Интересный анализ его недостатков и противоречий см. у Джона Критчли в «Книге Марко Поло». Критчли, возможно, слишком строг к недочетам, но он удивительно зорко вылавливает противоречия и логические несоответствия. О сравнении различных ранних рукописей см. Моула и Пельо. «Описание мира». Полный список ранних книг и рукописей Марко Поло приводится там же, а также в издании Юла и Кордье.

«Il Milione veneto» (Миллионы венецианцев) под редакцией Альваро Барбиери и Альвисе Андриосе с предисловием Лоренцо Ренци (который также говорит о правдоподобности существования рукописи, прикованной цепью на мосту Риальто) содержит подробный отчет о происхождении и взаимосвязи различных манускриптов. Ренци отдает должное Луиджи Фосколо, который «распутал клубок манускриптов... и представил первый систематический обзор множества свидетельств» в 1928 году. На основании работы Бенедетто Ренци подводит промежуточный итог: «До нас дошли более 130 различных списков труда Марко Поло, которые можно разделить на две группы: А и В, прототипы которых основаны на частично испорченной неизвестной версии (01), утраченного оригинала (0). Из двух различающихся копий 01, различие между которыми состоит только в степени ошибок и сокращений, прототип группы В ближе к образцу. Группа А далее подразделяется на F, единственное полное свидетельство в оригинальной лингвистической форме, и три подгруппы, исходящие из трех утерянных франко-итальянских экземпляров (F1, F2, F3), сходных с F. Первая из них, составленная на хорошем французском, приписывается Грегуару. Вторая происходит от наиболее древнего из урезанных тосканских вариантов, третья от версии на венецианском диалекте. Группа В представляет, в разной степени и на разных уровнях, фазу до F, то есть более раннюю стадию распространения книги Марко. В нее включается богатая латинская версия, довольно грубый перевод на венецианский, латинская сокращенная версия и очень вольный венецианский пересказ, полный вставок и ошибок. Эти тексты предполагают влияние

утраченной франко-итальянской рукописи, которая, вероятно, была очень близка к F по форме и теме, но точнее в толкованиях и более полна в некоторых отрывках».

Некоторые ученые предполагают, что Колумб сделал свои примечания в 1497 или 1498 году. Широкую дискуссию по этому вопросу см. у Ларнео, «Марко Поло и открытие мира» и «El libro de Marco Polo anotado por Cristobal Colon» под редакцией Хуана Гила. Фелипе Фернандес-Арместо в книге «Колумб», в отличие от Ларнера, утверждает, что великий мореплавателю обращался к «Путешествиям» Марко до своего первого плавания в Новый Свет.

Харт приводит цитату Сэмюэля Перчаса в книге «Марко Поло». Джон Ливингстон Ловес в работе «Дорога на Ксанаду, опыт странствий воображения» высказывает мнение, что Кольридж ошибся в воспоминаниях и что в действительности знаменитое видение явилось ему в 1796 году. Работа Каролайн Александер «Путь в Ксанаду» содержит интересные сведения о Кольридже и Марко Поло.

В «Средневековой экспансии Европы» Дж. Р. С. Филлипс говорит о МанDEVиле и Поло. Много сведений дает предисловие Мосли к «Путешествиям сэра Джона МанDEVиля».

Юл и Кордые в своем издании «Путешествий» дают оценку Марко Поло. Несмотря на приверженность к мелочам и очаровательную переписку джентльменов-путешественников викторианской эпохи по поводу Марко Поло, их работа содержит особенности, о которых следует уведомить современного читателя. Наткнувшись на слишком откровенный пассаж или на непонятное место, они попросту пропускают этот отрывок. Более существенно, что они выпустили целый раздел о финальной стадии путешествия, объявив ее не относящейся к делу или, как они выражаются, «пустословием и повторением повествовательных штампов, не имеющих никакой ценности». Весьма спорная оценка, не согласующаяся с их в целом достойным научным подходом.

Вопрос о картах является самым спорным для всех исследователей Поло. Возможно, Марко намеревался включить в свое повествование маршруты, предназначенные для купцов, но они были утеряны, или Рустичелло, будучи скорее романистом, чем географом, решил исключить их. Порой всплывали карты, якобы составленные Марко Поло, однако их подлинность сомнительна. Обзор этой темы см. у Лео Багроу в труде «Карты из домашнего архива потомков друга Марко Поло». Следует отметить, что кар-

ты, о которых говорит Багроу, это современные копии более старых карт. Возможно, что карты, приписываемые Марко Поло, — изощренный научный розыгрыш.

Иоганна Руиша цитирует Харт в книге «Марко Поло». См. также «Открытие морей» Дж. Н. Парри в первом калифорнийском издании.

Лучшее на английском языке обсуждение вопроса о Великой Стене в связи с отчетом Марко Поло можно найти у Артура Н. Уолдрона в «Проблеме Великой Китайской Стены».

Краткое обсуждение дискуссии о подлинности путешествий Марко, начатой Френсисом Вудом, см. в «Шелковом пути» Люка Боулнойса. Игор де Рачевилц дает убедительную и подробную критику книги Вуда в своей работе «Бывал ли Марко Поло в Китае» Ф. Вуда». Я благодарю профессора де Рачевилца за приложение с дополнениями и поправками к его книге, где он приводит замечания о китайских картографах.

Тонкую научную дискуссию по поводу того, каким образом сообщение Марко, что он сопровождал в Персию монгольскую принцессу Кокачин, доказывает, что он бывал в Китае и служил Хубилай-хану, см. в работе «Китайские источники, относящиеся к отъезду Марко Поло из Китая, и персидские источники относительно его прибытия в Персию» Френсиса Вудмана Кливса.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abu-Lughod Janet. *Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press, 1989.

Adamec Ludwig W., ed. *Historical and Political Gazetteer of Afghanistan*. Vol. I. *Badakhshan Province and Northeastern Afghanistan*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1972.

Alexander Caroline. *The Way to Xanadu*. New York: Alfred A. Knopf, 1994.

Allen Mark. *Falconry in Arabia*. London: Orbis, 1980.

Allulli Ranieri. *Marco Polo*. Turin: Paravia, 1924.

Annali genovesi dopo Caffaro e suoi continuatori. Genoa: Municipio di Genova, 1941.

Ariz Ghulum Jilani. *Shah Rabai Afghanistan* [King's Roads of Afghanistan]. Peshawar: Afghanistan Resource and Information Centre (ARIC), 2000.

Avon Caffi Giuseppe. «L'Arte cinese a Venezia». *L'Italia the scrive*, anno 37, no. 10 (October 1954).

Bagrow Leo. «The Maps from the Home Archives of the Descendants of a Friend of Marco Polo». *Imago Mundi* 5 (1948): 3–13.

Balestrieri Leonida. «Le Prigioni della Malapaga». In *Cassa di Risparmio di Genova*. Genoa: Marzo-Giugno, 1960.

Balazs Etienne. *Chinese Civilization and Bureaucracy: Variations on a Theme*. Translated by H. M. Wright. Edited by Arthur E. Wright. New Haven: Yale University Press, 1964.

Bar Hebraeus. *The Chronology of Gregory Abu'l Faraj*. Translated by E. A. Wallis Budge. London: Oxford University Press, 1932.

Barraclough Geoffrey. *The Medieval Papacy*. London: Thames & Hudson, 1968.

Barrett T. H. «Marco Polo Did Go to China, So There». *London Review of Books*, November 30, 1995. P. 28.

Bertúccioli Umberto. «Il ritorno via mare di Marco Polo». *Giornale economico della Camera di Commercio di Venezia*, March 1954. Venezia: Officine Grafiche F. Garzia, 1954.

—. «Marco Polo: Uomo di mare». *Ateneo Veneto*, anno 146, vol. 139, no. I (January—June, 1955): 1–15.

Bira Sh. *Studies in Mongolian History, Culture, and Historiography*. Edited by Ts. Ishdorj and Kh. Purevtogtokh. Ulaanbaatar: International Association for Mongol Studies, 2001.

Boorstin Daniel. *The Discoverers*. New York: Random House, 1983.

Boulnois Luce. *The Silk Road*. Translated by Helen Loveday. Hong Kong: Odyssey Books, 2004.

Boyle, John Andrew. «Marco Polo and His Description of the World». *History Today* 21, no. II (London, 1971): 759–769.

Braunstein E. and R. Delort. *Venise; portrait historique d'une cité*. Paris: Éditions du seuil, 1971.

Bratianu G. I. *Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIII siècle*. Paris: P. Geuther, 1929.

Brice Catherine. *Histoire de l'Italie*. Paris: Hatier, 1992.

Brown Lloyd A. *The Story of Maps*. 1949. Reprint, New York: Dover, 1977.

Brunetti Mario. «Venezia al tempo di Marco Polo». *L'Italia che scrive*, anno 37, no. 10 (October 1954).

Buell Paul. «Pleasing the Palate of the Qan». *Mongolian Studies* 13 (1990): 57–81.

Cable Mildred, French Francesca. *The Gobi Desert*. New York: Macmillan, 1944.

Calvino Italo. *Invisible Cities*. Translated by William Weaver. New York: Harcourt, 1974.

The Cambridge History of China. Vol. 6. *Alien Regimes and Border States*. Edited by Herbert Franke and Denis Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

Capusso M. G. *La lingua del «Devisament dou monde» di Marco Polo*. Pisa: Pacini, 1980.

Carter Thomas Francis. *The Invention of Printing in China and Its Spread Westward*. New York: Columbia University Press, 1925.

Cary George. *The Medieval Alexander*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

Castellani Giuseppi. «I valori delle monete espresse nel testamento di Marco Polo». *Rivista mensile della Città di Venezia* 3, no. 9 (September 1924): 257–258.

- Chamerlat Christian Antoine de. *La fauconnerie et l'art*. Courbevoie, 1986.
- Cigni Fabrizio. *Il romanzo arturiano de Rustchello da Pisa*. Pisa: Edizioni Cesso di Risparmio di Pisa, 1994.
- Cleaves Francis Woodman. «A Chinese Source Bearing on Marco Polo's Departure from China and a Persian Source on His Arrival in Persia». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 36 (1976): 181–203.
- . «An Early Mongolian Version of the Alexander Romance». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 22 (December 1959): 1–99.
- Collis Maurice. *Marco Polo*. London: Faber & Faber, 1950.
- Colón Fernando. *The Life of the Admiral Christopher Columbus by His Son, Ferdinand*. Translated and annotated by Benjamin Keen. New Brunswick: Rutgers University Press, 1959.
- Cordier Henri. *Histoire Générale de la Chine*. Vol. 2. Paris: Librairie Paul Geuthner, 1920.
- Crane Nicholas. *Mercator*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2002.
- Crawford F. Marion. *Venice, the Place and the People: Salve Venetia; Gleanings from Venetian History*. New York: Macmillan, 1909.
- Critchley John. *Marco Polo's Book*. Brookfield, Vermont: Variorum, 1992.
- Crouzet-Pavan Elisabeth. *Enfers et Paradis: L'Italie de Dante et de Giotto*. Paris: Albin Michel, 2001.
- . «*Sopra le acque salse*»: *Espaces, pouvoir et société à Venise à la fin du Moyen Âge*. Rome: École Française de Rome, 1992.
- . *Venise triomphante: Les horizons d'un mythe*. Paris: Albin Michel, 1999.
- Curtin Jeremiah. *The Mongols: A History*. New York: Da Capo, 2003. First published by Little, Brown in 1908.
- Daftary Farhad. *The Assassin Legends: Myths of the Isma'ilis*. London: Tauris, 1994.
- Dang Baohai. «Cheetah and Cheetah-Hunting in the Mongol Empire» [in Chinese]. *Nationalities Studies* 4 (2002).
- Dawson Christopher, ed. *The Mongol Mission*. New York: Sheed & Ward, 1955.
- Del Guerra Giorgio. *Rustichello da Pisa*. Pisa: Nistri-Lischi, 1955.
- Delumeau Jean-Pierre, Heullant-Donat Isabelle. *L'Italie au Moyen Âge*. Paris: Hachette, 2000.
- «Did Marco Polo Come to China?» [in Chinese] *Science World*, vol. 8, November 11, 2003.
- Dizionario delle strade di Genova*. 3rd ed. Vol. I. Genoa: Edizioni Culturali Internazionali Genova, 1985.

Dotson John E. «Foundations of Venetian Naval Strategy from Pietro II Orseolo to the Battle of Zonchio, 1000–1500». *Viator: Medieval and Renaissance Studies* 32 (2001).

Dunn Ross E. *The Adventures of Ibn Battuta, a Muslim Traveler of the Fourteenth Century*. Berkeley: University of California Press, 1986.

Dupree Nancy Hatch. *An Historical Guide to Afghanistan*. 2nd ed. Kabul Afghan Air Authority, Afghan Tourist Organization, 1977.

—. *The Road to Balkh*. Kabul: Afghan Tourist Organization, 1967.

—. *The Valley of Bamiyan*. 3rd ed. Peshawar: Abdul Hafiz Ashna, 2002.

Edwards Mike. «The Adventures of Marco Polo: Part 1». *National Geographic Magazine*, May 2001.

—. «The Adventures of Marco Polo: Part 2». *National Geographic Magazine*, June 2001.

—. «The Adventures of Marco Polo: Part 3». *National Geographic Magazine*, July 2001.

—. «Genghis, Lord of the Mongols». *National Geographic Magazine*, December 1996.

—. «Sons of Genghis: The Great Khans». *National Geographic Magazine*, February 1997.

Fernández-Armesto, Felipe. *Columbus*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

—. *Millennium: A History of the Last Thousand Years*. New York: Scribner, 1995.

Foglietta Uberto. *Uberti Folietae clarorum Ligurum elogia*. Rome: Apud Josephum De Angelis, 1573.

Foltz Richard C. *Religions of the Silk Road*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Fong, Wen C. and James C. Y. Watt. *Possessing the Past: Treasures from the National Palace Museum, Taipei*. New York: Metropolitan Museum of Art, dist. by Abrams, 1996.

Forman Werner, Burland Cottie A. *The Travels of Marco Polo*. New York: McGraw-Hill, 1970.

Franck Irene M., Brownstone David. *The Silk Road: A History*. New York: Facts on File, 1986.

Franke H[erbert]. «Sino-Western Contacts Under the Mongol Empire». *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society* 6 (1966).

Frazier Ian. «Invaders». *New Yorker*, April 25, 2005.

Frederick II, Holy Roman Emperor, 1194–1250. *The Art of Falconry: Being the «De arte venandi cum avibus» of Frederick II of Hohen-*

- stauffen. Translated by Casey A. Wood and E Marjorie Fyfe. Stanford: Stanford University Press, 1943.
- . *De arte venandi cum avibus*. Translated (into French) by Anne Paulus and Baudoin Van den Abeele. Nogent-le-Roi: J. Laget, 2000.
- Friedman John B., Figg Kristen Mossler, eds. *Trade, Travel, and Exploration in the Middle Ages: An Encyclopedia*. New York: Garland Publishing, 2000.
- Friedman, Thomas L. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 2005.
- Frimmer Steven. *Neverland: Fabled Places and Fabulous Voyages of History and Legend*. New York: Viking, 1976.
- Gallo Rodolfo. «Marco Polo; la sua famiglia e il suo libro». In *Nel settimo centenario della nascita di Marco Polo*. Venice: Archivio di Stato di Venezia, 1954.
- . «Nuovi documenti riguardanti Marco Polo e la sua famiglia». *Atti dell' Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti*, 1957–1958, tomo 116, 309–325.
- Gaudio Attilio. *Sur les traces de Marco Polo*. Paris: R. Julliard, 1955.
- Gernet Jacques. *Daily Life in China on the Eve of the Mongol Invasion, 1250–1276*. Translated by H. M. Wright. Stanford: Stanford University Press, 1962.
- Gibbon Edward. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. Edited by J. B. Bury. 3 vols. New York: Modern Library, 1995.
- Gil Juan, comp. *En demanda del Gran Khan*. Madrid: Alianza, 1993.
- Green Peter. *Alexander of Macedon, 356–323 B. C.: A Historical Biography*. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Grossi Bianchi Luciano, Poggi Ennio. *Una città portuale del Medioevo, Genova nei secoli X–XVI*. Genoa: Sagep, 1979.
- Gulik R. H. van. *Sexual Life in Ancient China*. Leiden: Brill, 2003.
- Hart Henry H. *Marco Polo, Venetian Adventurer*. Norman: University of Oklahoma Press, 1967.
- Harley J. B., Woodward David, eds. *The History of Cartography*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Hazlitt W. Carew. *The Venetian Republic: Its Rise, Its Growth, and Its Fall*. Vol. 1. London: Adam & Charles Black, 1900.
- Haeger John W. «Marco Polo in China: Problems with Internal Evidence». *Bulletin of Sung and Yüan Studies*. 14(1978): 22–30.
- Heers Jacques. «De Marco Polo a Christophe Colombe: Comment lire de *Deviselement du monde?*», *Journal of Medieval History*. 10 (1984): 125–143.

—, *Marco Polo*. Paris: Fayard, 1983.

Hedin Sven. *Across the Gobi Desert*. Translated by H. J. Cant. New York: Dutton, 1932.

—, *Overland to India*. London: Macmillan, 1910.

—, *Riddles of the Gobi Desert*. Translated by Elizabeth Sprigg and Claude Napier. New York: Dutton, 1933.

Heissig Walther. *A Lost Civilization: The Mongols Rediscovered*. Translated by D. J. S. Thomson. New York: Basic Books, 1966.

Herodotus. *The Histories*. Translated by Robin Waterfield. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*. 2 vols. Edited by Furcy Reynaud, 1885–1886. Reprint, Amsterdam: A. M. Hakkert, 1967.

Hildebrand J. J. «The World's Greatest Overland Explorer». *National Geographic Magazine*, November 1928.

Hodgen Margaret T. *Early Anthropology in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1964.

Hourani George Fadlo. *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times*. Princeton: Princeton University Press, 1951.

Howard Deborah. *Venice and the East: The Impact of the Islamic World on Venetian Architecture*. New Haven: Yale University Press, 2000.

Hsiao Ch'i-ch'ing. *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*. Cambridge, Massachusetts: Council on East Asian Studies, dist. by Harvard University Press, 1978.

Humble Richard. *Marco Polo*. New York: Putnam, 1975.

Ibn Battuta. *Travels in Asia and Africa, 1325–1354*. Translated by H. A. R. Gibb. 1929. Reprint, New Delhi: Asian Educational Services, 1992.

«I valori delle monete espresse nel testimonio di Marco Polo». *Rivista mensile della Città di Venezia*, anno 3, no. 1 (January, 1924): 257–258. Venice: Poligrafica Italiana, 1924.

Il romanzo arturiano di Rustichello da Pisa. Translated by Fabrizio Cigni. Pisa: Cassa di Risparmio di Pisa, 1994.

Iwamura Shinobu. *Manuscripts and Printed Editions of Marco Polo's «Travels»*. Tokyo: National Diet Library, 1949.

Jennings Gary. *The Journeyer*. New York: Atheneum, 1984.

Kahn Paul. *The Secret History of the Mongols: The Origin of Chinghis Khan; An Adaptation of the «Yuan Ch'ao pi shih», Based Primarily*

- on the English Translation by Francis Woodman Cleaves. San Francisco: North Point Press, 1984.
- Kedar Benjamin Z. *Merchants in Crisis: Genoese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth-century Depression*. New Haven: Yale University Press, 1976.
- Kimble George H. T. *Geography in the Middle Ages*. London: Methuen, 1938.
- Komroff Manuel, ed. *Contemporaries of Marco Polo*. New York: Boni & Liveright, 1928.
- Labande Edmond-René. *L'Italie de la Renaissance: Duecento, Trecento, Quattrocento*. Paris: Payot, 1954.
- Lach Donald F. *Asia in the Making of Europe*. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Lane Fox Robin. *Alexander the Great*. New York: Penguin Books, 1986.
- Langlois J. D., Jr., ed. *China Under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Larner John. *Marco Polo and the Discovery of the World*. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Lee Sherman E. and Wai-Kam Ho. *Chinese Art Under the Mongols: The Yuan Dynasty, 1279–1368*. Cleveland: Cleveland Museum of Art, dist. by Press of Case Western Reserve University, 1968.
- Lewis Beniard. *The Assassins: A Radical Sect in Islam*. New York: Basic Books, 2003. First published 1968.
- Li Chih-ch'ang. *The Travels of an Alchemist*. Translated by Arthur Waley. London: Routledge, 1931.
- Lister R. P. *Marco Polo's Travels in Xanadu with Kublai Khan*. London: Gordon & Cremonesi, 1976.
- Liu Guojun and Zheng Rusi. *L'histoire du livre en Chine*. Translated (into French) by Ann-Muriel Harvey and Olivier Pasteur. Beijing, 1989.
- Liu Xinru. *Silk and Religion: An Exploration of Material Life and the Thought of People, A. D. 600–1200*. Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Lopez, Donald S., Jr. *The Story of Buddhism: A Concise Guide to Its History and Teachings*. San Francisco, 2001.
- Lopez Robert S. *The Commercial Revolution of the Middle Ages: 950–1350*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- , and Irving W. Raymond. *Medieval Trade in the Mediterranean World*. New York: Columbia University Press, 1955.
- Lowes John Livingston. *The Road to Xanadu: A Study in the Ways of the Imagination*. Princeton: Princeton University Press, 1986. First published in 1927 by Houghton Mifflin.

- Man John. *The dustjacket says «The Mongol King who Remade China»*. Bantam Press, 2006.
- Mandeville John, Sir. *The Travels of Sir John Mandeville*. Translated by C.W. R. D. Moseley. Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books, 1983.
- Marshall Robert. *Storm from the East: From Genghis Khan to Kublai Khan*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Martin Hervé. *Mentalités médiévales*. 2 vols. Paris: Presses universitaires de France, 1998.
- McNeill William H. *Plagues and Peoples*. Garden City, New York: Anchor Press, 1976.
- Meibiao Cai. «Marco Polo in China», translated by Wang Yintong, *Social Sciences in China* 14, no. 2 (1993): 171–179.
- Ménard, Philippe. «Le probleme de la version originale du *Devisement du Monde* de Marco Polo». In *De Marco Polo á Savinio: Écrivains italiens en langue française*. Paris, 2003.
- Miao Wang, Shi Baoxiu. *Tracing Marco Polo's Northern Route*. Beijing: China Intercontinental Press, 2004.
- Miles Keith, David Butler. *Marco Polo*. New York: Dell, 1982.
- Mingzhao Cheng. *On the Shore of West Lake*. Translated by Tang Bowen. Beijing: Foreign Languages Press, 2001.
- Mollat Michel. *Les explorateurs du XIII au XVI siècle*. Paris, 1984.
- The Monks of Kublai Khan, Emperor of China*. Translated by E. A. Wallace Budge. London: Religious Tract Society, 1928.
- Morgan David. *The Mongols*. Cambridge, Massachusetts: Blackwell, 1990. First published in the United States in 1986.
- Morgan D. O. «Marco Polo in China—or Not». *Journal of the Royal Asiatic Society*, series 3, 6, 2 (1996): 221–225.
- Morison Samuel Eliot. *The European Discovery of America*. Vol. 2, *The Southern Voyages: A. D. 1492–1616*. New York: Oxford University Press, 1974.
- Morris Jan. *The World of Venice*. Rev. ed. San Diego: Harcourt Brace, 1993.
- Moule A. C. *Quinsai: with Other Notes on Marco Polo*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.
- Mozai Torao. «The Lost Fleet of Kublai Khan». *Natural Geographic Magazine*, November 1982.
- Muldoon James. *Popes, Lawyers, and Infidels: The Church of the Non-Christian World, 1250–1350*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.

- , ed. *Varieties of Religious Conversion in the Middle Ages*. Gainesville: University Press of Florida, 1997.
- Needham Joseph. *Heavenly Clockwork: The Great Astronomical Clocks of Medieval China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- . *Science and Civilisation in China*. Vols. 1–3. Cambridge: Cambridge University Press, 1954–1959.
- , and Robin D. S. Yates. *Science and Civilisation in China*. Vol. 5 pt. 6. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- , et al. *Science and Civilisation in China*. Vol. 5, pt. 7. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Nel VII centenario della nascita di Marco Polo*. Venice: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 1955.
- Norwich John Julius. *A History of Venice*. New York: Alfred A. Knopf, 19 Vintage Books, 1989.
- Oliphant, Mrs. [Margaret]. *The Makers of Venice: Doges, Conquerors, and Men of Letters*. London: Macmillan, 1887.
- Olschki Leonardo. *Marco Polo's Asia*. Translated by John A. Scott. Revised by author. Berkeley: University of California Press, 1960.
- Oriente poliano: Studi e conferenze tenute all'Is. M. E. O. in occasione del VII centenario della nascita di Marco Polo, 1254–1954*. Rome: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1957.
- Parry J. H. *The Discovering of the Sea*. Berkeley: University of California Press, 1981.
- Pelliot Paul. *Notes on Marco Polo*. Vols. 1 and 2. Paris: Imprimerie Nationale, Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959–1963.
- Phillips E. D. *The Mongols*. New York: Praeger, 1969.
- Phillips J. R. S. *The Medieval Expansion of Europe*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Pliny, the Elder. *Natural History: A Selection*. Translated by John E. Healy. New York: Penguin Books, 1991.
- Plutarch. *The Age of Alexander: Nine Greek Lives*. Translated by Ian Scott-Kilvert. Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books, 1973.
- Polo Marco. *La Description du monde*. Edited by Louis Hambis. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1955.
- . *The Description of the World — Marco Polo*. Translated and annotated by A.C. Moule and Paul Pelliot. 2 vols. 1938. Reprint, New York, 1976.
- . *Le Devisement du monde*. Edited by Philippe Ménard et al. 2 vols. Geneva: Droz, 2001.

- , *El libro de Marco Polo — anotado por Cristóbal Colón*. Edited by Juan Gil. Madrid: Alianza, 1987.
- , *Le Livre de Marco Polo*. Translated into modern French and annotated by A. J. H. Charignon. 3 vols. Beijing: A. Nachbauer, 1924–1928.
- , *Le Livre de Marco Polo*. Edited by M. G. Pauthier. Geneva: Slatkine Reprints, 1978.
- , *Il Milione, prima edizione integrale, a cura di Luigi Foscolo Benedetto, sotto il patronato della città di Venezia*. Florence: Comitato Geografico Nazionale Italiano, 1928.
- , *Il «Milione» veneto*. Edited by Alvaro Barbieri and Alvisè Andreose. Introduction by Lorenzo Renzi. Venice: Marsilio, 1999.
- , *The Travels of Marco Polo*. New York: Orion Press, 1958.
- , *The Travels of Marco Polo*. Translated by Ronald Latham. Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books, 1958.
- , *The Travels of Marco Polo*. Translated by Aldo Ricci. New York: Viking Press, 1931.
- , *The Travels of Marco Polo*. Edited by Milton Rugoff. New York: New American Library, 1961.
- , *The Travels of Marco Polo*. The Complete Yule-Cordier Edition. 2 vols. New York: Dover, 1993.
- , *The Travels of Marco Polo, the Venetian*. Translated by William Marsden. Revised by Thomas Wright. Introduction by John Masefield. London: J. M. Dent, 1908.
- Power Eileen. *Medieval People*. Boston: Houghton Mifflin, 1924.
- Prawdin Michael [Michael Charol]. *The Mongol Empire, Its Rise and Legacy*. Translated by Eden and Cedar Paul, New York: Macmillan, 1940.
- Prestwich Michael. *Edward I*. London: Methuen, 1988.
- Procacci Giuliano. *Histoire d'Italie*. Paris: Fayard, 1968.
- Rashid al-Din. *The Successors of Genghis Khan*. Translated by John Andrew Boyle. New York: Columbia University Press, 1971.
- Rachwiltz, Igor de. «F. Wood's *Did Marco Polo Go to China?*» <http://rspas.anu.edu.au/eah/Marcopolo.html>
- , «Marco Polo Went to China». *Zentralasiatische Studien* 27 (1997) 34–92.
- , *Papal Envoys to the Great Khans*. Stanford, California: Stanford University Press, 1971.
- , et al., eds. *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993.

Read Bernard E. *Chinese Materia Medica: Insect Drugs*. Peiping, China: Peking Natural History Bulletin, 1941. Reprint, Taipei: Southern Materials Center, 1982.

Renouard Yves. *Les Hommes d'affaires italiens du Moyen Âge*. Paris: A. Colin, 1968.

Rosengarten Frederic, Jr. *The Book of Spices*. New York: Pyramid Books, 1973.

Rossabi Morris. *Khubilai Khan: His Life and Times*. Berkeley: University of California Press, 1988.

—. *Voyager from Xanadu: Rabban Sauma and the First Journey from China to the West*. Tokyo: Kodansha International, 1992.

Rossini C. Conti. «Marco Polo e l'Etiopia». *Atti del Reale Istituto Veneto di Scienze, Lettere et Arti*, 1939–1940, tomo 99, pt. 2, 1021–1039.

Runciman Steven. *A History of the Crusades*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

Ryan James D. «Christian Wives of Mongol Khans: Tartar Queens and Missionary Expectations in Asia». *Journal of the Royal Asiatic Society*, November 1998.

—. «Preaching Christianity Along the Silk Route: Missionary Outposts in the Tartar “Middle Kingdom” in the Fourteenth Century». *Journal of Early Modern History*, November 1998.

Saunders J. J. *The History of the Mongol Conquests*. London: Routledge & Kegan Paul, 1971.

The Secret History of the Mongols. Translated by Francis Woodman Cleaves. Vol. 1. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1982.

The Secret History of the Mongols. Translated by Urgunge Onon. Ulaanbaatar: Bolor Sudar, 2005.

The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Translated, with commentary, by Igor de Rachewiltz. 2 vols. Boston: Brill, 2004.

Severin Timothy. *Tracking Marco Polo*. 1st American ed. New York: Peter Bedrick Books, 1986.

Shor Jean Bowie. *After You, Marco Polo*. New York: McGraw-Hill, 1955.

Silverberg Robert. *The Realm of Prester John*. 2nd paperback ed. Garden City, New York: Doubleday, 1972. Athens: Ohio University Press, 1996.

Smith John Masson Jr. «Dietary Decadence and Dynastic Decline in the Mongol Empires». *Journal of Asian History* 34 (2004), 35–52.

- Spence Jonathan D. *The Chan's Great Continent: China in Western Minds*. New York: W. W. Norton, 1998.
- . «Marco Polo: Fact or Fiction?» *Far Eastern Economic Review*, August 22, 1996.
- . *The Memory Palace of Matteo Ricci*. New York: Viking Penguin, 1984.
- Spuler Bertold. *History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Translated by Helga and Stuart Drummond. Berkeley: University of California Press, 1972.
- Staley Edgcumbe. *The Dogaressas of Venice*. New York: C. Scribner's Sons, 1910.
- Steens Eulalie. *Dictionnaire de la civilisation chinoise: Du Néolithique au début de la dynastie Qing*. Paris, 1996.
- Stein Aurel. *Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su, and Eastern Iran*. 4 vols. Oxford: Clarendon Press, 1928.
- Sze Mai-Mai. *The Way of Chinese Painting, Its Ideas and Technique*. New York: Vintage Books, 1959.
- Temple Robert G. K. *The Genius of China: 3000 Years of Science, Discovery, and Invention*. Paperback ed. London: Prion Books, 1998.
- Thiriet Freddy. *La Romanie vénitienne au Moyen Âge*. Paris, 1975.
- Tuchman Barbara W. *A Distant Mirror: The Calamitous Fourteenth Century*. New York: Alfred A. Knopf, 1978.
- Tyler-Smith Chris. «The Genetic Legacy of the Mongols». *American Journal of Human Genetics* 72 (2003): 717–721.
- Vassaf al-Hazrat. *History of Vassaf [in Persian]*. Vol. 2. Edited by Abdul Hameed Ayati. Cultural Foundation of Iran, Iran: 1346 Hijri Shamsi (1959).
- Waldron Arthur N. «The Problem of the Great Wall of China». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 43, no. 2 (December 1983): 643–663.
- Waley Arthur. *The Secret History of the Mongols: And Other Pieces*. London, 1963.
- Watanabe Hiroshi. *Marco Polo Bibliography: 1477–1983*. Tokyo: Tokyo Bunko, 1986.
- Weatherford Jack. *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York, 2004.
- Whitfield Susan, ed., with Ursula Sims-Williams. *The Silk Road: Trade, Travel, War, and Faith*. London, 2004.
- «Why do Some Expectant Fathers Experience Pregnancy Symptoms?» *Scientific American*, October 2004.

Wiet Gaston. *Baghdad: Metropolis of the Abbasid Caliphate*. Translated by Seymour Feiler. Norman: University of Oklahoma Press, 1971.

Wilford John Noble. *The Mapmakers*. Rev. ed. New York: Alfred A. Knopf, 2000.

Wills Garry. *Venice: Lion City; The Religion of Empire*. New York: Simon & Schuster, 2001.

Wood Frances. *Did Marco Polo Go to China?* London, 1995; Boulder, Colorado, 1996.

—. *The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of China*. Berkeley: University of California Press, 2002.

Wylie A. *Chinese Researches*. 1897. Taipei: Ch'eng Wen Publishing Company, 1966.

Yang Zhijiu. «The Great Kublai Khan in Marco Polo's Eyes». *Historical Monthly* (Taiwan), November 2000.

—. *Makeboluo zai Zhongguo* [Marco Polo in China]. Tianjin shi: Nan kai da xue chu ban she, 1999.

—. *Yan shi san lun* [Three Articles Concerning the Yüan Dynasty]. Peking: Ren min chu ban she: Xin hua shu dian fa xing, 1985.

Yamashita Michael. *Marco Polo: A Photographer's Journey*. New York, 2002.

Yü Chün-fang. *Encountering the Dharma*. New York: Global Scholarly Publications, 2003.

Yule Henry, Sir, tr. and ed., and Henri Cordier, rev. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Reprint of 1913 ed. 4 vols. in 2. Taipei: Ch'eng-Wen Publishing Company, 1966.

Zorzi Alvise, ed. *Marco Polo, Venezia e l'Oriente: Arte, commercio, civiltà al tempo di Marco Polo*. Milan: Electa, 1981.

—. *Vita di Marco Polo veneziano*. Milan: Rusconi, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

Персонажи	7
Пролог. Капитан	8

Книга первая ЕВРОПА

Глава 1. Венецианские купцы	15
Глава 2. Золотой пропуск	40
Глава 3. Ученик	54
Глава 4. Опиум	73
Глава 5. Плоскогорья	92
Глава 6. Тайная история монголов	113

Книга вторая АЗИЯ

Глава 7. Повелитель вселенной	147
Глава 8. На службе у хана	170
Глава 9. Борьба за выживание	202
Глава 10. Генерал и королева	227
Глава 11. Небесный город	248
Глава 12. Божественный ветер	281

Книга третья
ИНДИЯ

Глава 13. Искатель	317
Глава 14. Монгольская принцесса	356
Глава 15. Блудный сын	379
Эпилог. Рассказчик	413
Благодарности	436
Замечания об источниках	441
Библиография	463

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АС**

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 16.3, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.7б, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т.(495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шаришино», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

**Бергрин Лоуренс
Марко Поло
От Венеции до Ксанаду**

Ответственный редактор О.Ю. Клокова
Редактор И.А. Слободянюк
Выпускающий редактор О.К. Юрьева
Технический редактор Л.Л. Подъячева
Корректор О.В. Гриднева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Шелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Историк Лоуренс Бергрин создал не просто увлекательную биографию знаменитого путешественника, но и проследил, как рождалась из воспоминаний книга самого Марко Поло, книга, прославившая его на весь мир.

Современным путешественникам и не снились опасности и чудеса, с которыми сталкивались купцы XIII века на Великом Шелковом пути. Марко Поло исполнилось семнадцать лет, когда он покинул свой дом в Венеции и с отцом и дядей отправился в невообразимо сложный путь ко двору Хубилай-хана в Монголию. Они вернулись через двадцать четыре года, когда уже никто не верил, что они еще живы. Позже странствия Марко Поло были описаны в «Книге о разнообразии мира».

«Он прославился как рассказчик поразительных историй о путешествии в Азию».

www.ast.ru

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-072204-4

9 785170 722044